

ПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ

Под редакцией В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер

Издательство Московского университета 1984

Издательство Московского университета, 1984

Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 288 с.

В сборнике текстов воспроизводятся фрагменты работ, знакомящих с основными направлениями изучения эмоций в отечественной и зарубежной психологии. Наряду с обобщающими работами в пособие включены материалы, анализирующие отдельные эмоциональные состояния и индивидуальные особенности эмоциональной сферы человека.

Предназначен для студентов, аспирантов и специалистов, интересующихся историей и современным состоянием психологии эмоций:

В. К. Вилюнас

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

Рецензенты:

кандидат психологических наук *А. Е. Олышанникова*, кандидат психологических наук *О. В. Овчинникова*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

Настоящая книга продолжает серию изданий*, знакомящих с классическими, а также наиболее ценными реферативными работами общей психологии. Широта и разветвленность проблемы эмоций, которой посвящен данный выпуск, не позволили в его пределах равномерно отразить все множество исторических и современных направлений, сложившихся в изучении этой проблемы. В связи с тем, что результаты экспериментального исследования эмоций в литературе на русском языке сравнительно полно освещены (Вудвортс, 1950, гл. XX—XXII; Линдслей, 1960; Фресс, 1975; Рейковский, 1979; Изард, 1980), предпочтение было отдано обобщающим теоретическим работам; именно они составляют основное содержание настоящего издания. Наряду с ними в книгу включен ряд работ, описывающих и анализирующих отдельные эмоциональные состояния, в частности, патологические, а также индивидуальные особенности эмоциональной сферы человека. Кроме того интереса, который вызывает такого рода феноменологический материал сам по себе, он полезен еще и тем, что оттеняет односторонность и пристрастность примеров, приводимых в теоретических работах; проверяя на нем положения этих работ, читатель сможет убедиться в мере их универсальности и объяснительной ценности. А поскольку подобного испытания фактами современная теория эмоций часто не выдерживает, феноменологический материал важен еще и тем, что намечает актуальные задачи ее завтрашнего дня.

Значение проблемы эмоций едва ли нуждается в обосновании. Какие условия и детерминанты ни определяли бы жизнь и деятельность человека — внутренне, психологически действенными они становятся лишь в том случае, если им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней. Конституируя в человеке пристрастность, без которой не-

¹ Проблемы и методы психофизики. М., 1974; Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975; Хрестоматия по вниманию. М., 1976; Хрестоматия по общей психологии. Психология

памяти. М., 1979; Хрестоматия по истории психологии. М., 1980; Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981; Психология личности. Тексты. М., 1982; Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982. Все книги опубликованы издательством Московского университета.

мыслим ни один активный его шаг, эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека.

Такая универсальная значимость-эмоций должна являться, казалось бы, надежным залогом как повышенного интереса к ним, так и сравнительно высокой степени их изученности. И действительно, на протяжении многовековой истории исследования эмоций они пользовались самым пристальным вниманием, им отводилась одна из центральных ролей среди сил, определяющих внутреннюю жизнь и поступки человека. Однако в современной позитивистски настроенной психологии отношение к проблеме эмоций совершенно иное. Интерес к ним стал гаснуть по мере того, как стали накапливаться неудачи в попытках отыскать достаточно тонкие и надежные средства для объективного (в позитивистском смысле слова) их изучения. Внимание исследователей постепенно стало ограничиваться сравнительно узким кругом проблем, таких как выражение эмоций, влияние отдельных эмоциональных состояний на деятельность, допускающих разработку при помощи эксперимента. Соответственно сузились и концепции эмоций², уступив в психологической теории бывшее место и значение нововведенным проблемам мотивации, стресса, фрустрации.

Необходимость и оправданность происшедшего смещения интересов и базовых понятий надлежит оценить будущим историкам науки. Сегодня же достаточно подчеркнуть, что к концепциям эмоций, созданным в более или менее отдаленном прошлом, никак нельзя относиться со снисходительной легкостью, которая может породиться установкой «современное — значит лучшее», сложившейся в других областях познания. Исключения из этого закона встречаются не только в искусстве, и психология эмоций — наглядное тому подтверждение. Иначе разве можно было бы, например, утверждать, что «Спиноза поэтому самым тесным образом связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций», что «проблемы Спинозы в нерешенном виде ждут своего решения» (Выготский, 1970, с. 130).

Отсутствие преемственности между теориями, созданными в различные исторические эпохи, не может не осложнять задачу ознакомления с психологией эмоций, объединения в единую обобщенную картину всего, что установлено или утверждается в отдельных концепциях и школах. Читатель, желающий составить такую картину по материалам данной книги, столкнется еще и с дополнительными затруднениями, связанными с тем, что многие концепции воспроизводятся в ней со значительными сокращениями. Впрочем, затруднения легче преодолевать, если они известны и когда есть возможность к ним подготовиться. Мы надеемся, что излагаемые ниже замечания и уточнения смогут быть использованы, в частности, и для этой цели.

Следует отметить, что традиционные ссылки на неразработанность проблемы эмоций, противоречивость существующих концепций, авторы которых, по словам Э. Кляпередс³, «не находят согласия ни в фактах, ни в словах», хотя и не лишены оснований, являются несколько преувеличенными. Такое впечатление создают формальные особенности концепций, их внешний вид, различия в словаре, формулировках, решаемых проблемах и т. п. Но хотя с разных сторон, на основе разной терминологии и традиций эти концепции анализируют тем не менее одно и то же явление действительности — эмоции; уже одного этого достаточно для того, чтобы формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказывались больше взаимодополняющими, чем противоречащими. Не-

обходимо выработать лишь привычку видеть сквозь внешнее оформление положений их внутреннее содержание, отделять его от случайных сопутствующих деталей.

Большую путаницу в психологию эмоций вносят терминологические расхождения. В какой-то мере они заложены уже в повседневном языке, позволяющем нам называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость. Но это свидетельствует о том, что феноменологический материал, объяснить который призвана теория эмоций, не обладает отчетливо различимыми признаками, которые могли бы обеспечить некоторую единую изначальную его группировку и упорядочивание. При решении этой задачи в психологической теории влияние неизбежно оказывают концептуальные традиции и представления, которые в силу своих различий закрепляют за неопределенными житейскими понятиями различное содержание. На запутанность реального соотношения того, что в разных концепциях обсуждается под одними и теми же названиями эмоций, страстен или чувств, оказало влияние еще и то обстоятельство, что они создавались на разных языках и в разные эпохи, имеющие свои традиции в употреблении таких понятий.

Из-за существующей терминологической неоднозначности в психологии эмоций очень важно учитывать условность названий и решать вопрос об их соотношении не по внешнему звучанию, а на основе тщательной проверки того, что именно они обозначают. Однако выявление реального содержания базовых понятий важно не только для того, чтобы получить возможность сопоставлять отдельные теории. Круг психических явлений, относимых той или иной теорией к классу эмоциональных, представляет собой не что иное, как объект этой теории, от которого в значительной мере зависят многие ее особенности. Очевидно, что теории, наделяющие аффективностью всякий психический процесс (*В. Вундт, Н. Грот, С. Л. Рубинштейн*), и теории, для которых аффективное состоя-

Об этом свидетельствуют и их названия: «периферическая», «активационная», «конфликтная», «информационная» и т. п.

³ Набранная курсивом фамилия автора означает ссылку на текст, помещенный в данной книге.

ние — особое событие, означающее, что в нормальном протекании психического процесса произошло некоторое отклонение (*Ж.-П. Сартр, П. В. Симонов*), различаются не только решением вопроса о том, что следует относить к эмоциям. Это решение предопределяет масштабность этих теорий, характер и уровень общности рассматриваемых в них проблем, от него зависит, будет ли в теории анализироваться процесс, выполняющий в психическом универсальную роль, или же она будет посвящена одному из частных механизмов, предназначенных для специфических условий и только в них проявляющихся. Поэтому решение вопроса об объеме класса эмоциональных явлений представляет собой как бы визитную карточку каждой теории, важнейшую исходную ее характеристику, которую следует прежде всего учитывать при определении к ней требований и ожиданий.

Как всякое сложное и многогранное явление, эмоциональная сфера отражения может изучаться в различных аспектах, и от теории мы вправе ожидать равномерного освещения всевозможных ее сторон, последовательного раскрытия ее структуры, генезиса, функций и т. п. К сожалению, многое из того, что в учении об эмоциях по традиции называется многообещающим словом «теория», по существу представляет собой скорее отдельные фрагменты, лишь в совокупности приближающиеся к такой идеально исчерпывающей теории. Умение не видеть сразу много проблем иногда является условием продвижения в одной из них, поэтому отдельные работы могут быть интересными, проницательными, тонкими, могут знакомить нас с очень важными особенностями эмоциональной жизни, но в то же время оставлять нерешенными и даже необозначенными многие не менее интересные и важные вопросы.

Полнота и специфический характер рассматриваемых вопросов является другой важнейшей характеристикой существующих теорий, отражающей их внутреннее строение и как бы локализирующей их в общей панораме проблем, решаемых психологией эмоций. Однако для выявления этой характеристики необходимо иметь хотя бы предварительное представление о том, каков, так сказать, сводный вид всей проблематики эмоций, какие вообще вопросы решаются в ее пределах. Ниже мы попытаемся наметить перечень основных проблем, в том или ином сочетании рассматриваемых в работах по психологии эмоций.

Условия возникновения эмоций. Затруднения, возникающие при попытке провести непосредственно различаемую грань между эмоциональными и неэмоциональными явлениями, вынуждают искать отличительные признаки эмоций в более широком контексте их проявления, в частности во внешних и внутренних условиях их возникновения. Существующие концепции различаются по тому, какое значение в них придается этому вопросу: если для некоторых из них он является одним из многих, то для других — одним из центральных (как правило, наряду с вопросом о функциях эмоций) рассматриваемых вопросов. К последним относятся, например, теории *У. Джемса, Ж.-П. Сартра, П. К. Анохина, П. В. Симонова*,

группа так называемых «конфликтных» теорий, не представленных в данной книге (*Pieron, 1928; Hodge, 1935; Andreani, 1968; и др.*), теоретическая схема *П. Фресса (1975)* и др.

В ответах на рассматриваемый вопрос обычно признается, что эмоции возникают в случаях, когда происходит нечто значимое для индивида. Расхождения начинаются при попытке уточнить характер и меру значимости события, способного возбудить эмоцию. Если для *В. Вундта* или *Н. Грота* любое воспринимаемое событие является значимым, т. е. эмоциональным уже в силу того, что в момент восприятия оно является частью жизни индивида, не знающей беспристрастного состояния и во всем способной найти хотя бы незначительный оттенок интересного, неожиданного, неприятного и т. п., то, согласно *Р. С. Лазарусу (Lazarus, 1968)*, эмоции возникают в тех исключительных случаях, когда на основе когнитивных процессов производится заключение о наличии, с одной стороны, некоторой угрозы, с другой — невозможности ее избежать. Однако эти внешне столь различные точки

зрения не- являются взаимоисключающими, просто речь в них идет о разном. В работе Лазаруса дана схема возникновения лишь тех «очевидных»⁴ эмоциональных состояний, которые в терминологии, принятой в советской психологии, скорее следовало бы отнести к аффектам. Весьма сходным образом представляет возникновение эмоций-аффектов Э. *Кланаред*, однако в его концепции утверждается, что предварительную оценку угрозы производят не интеллектуальные процессы, как считает Лазарус, а особый класс эмоциональных явлений — чувства.

Таким образом, решение вопроса об условиях возникновения эмоций определяется прежде всего тем, какой именно класс (или классы) эмоциональных явлений обсуждается в той или иной работе. При широкой трактовке эмоций их возникновение связывается с устойчивыми, обычными условиями существования, такими как отражение воздействия или предмета (эмоции выражают субъективное их значение), обострение потребностей (эмоции сигнализируют об этом субъекту) и т. п. При узком понимании эмоций они рассматриваются как реакция на более специфические условия, такие как фрустрация потребности, невозможность адекватного поведения, конфликтность ситуации, непредвиденное развитие событий и др. Убедительность примеров и экспериментальных данных, приводимых в подтверждение этих различных точек зрения, свидетельствует о дифференцированности эмоций в отношении условий их возникновения и, следовательно, о неминуемой ограниченности попыток охватить эти условия в некотором обобщенном принципе или положении. Эти попытки способны вооружить нас знаниями такими же отвлеченными, как и понятие «эмоция вообще», и доведенные до полного охвата в них всего разнообразия эмоциональных явлений смогут констатировать лишь (как это показывает обобщение

⁴ См. работу *Р. У. Лунера*, в которой обсуждаются причины такого ограниченного понимания эмоций.

существующих точек зрения) двойную обусловленность эмоций: с одной стороны, потребностями (мотивацией), с другой — особенностями воздействий (ситуации).

О сложности пути, который необходимо пройти, желая отразить в теории реальную сложность эмоциональной жизни, можно составить представление по непревзойденному анализу условий возникновения эмоций в учении *Б. Спинозы*. Оно показывает, что на возникновение эмоций наряду с такими анализируемыми в современных теориях условиями, как фрустрация, нарушение жизненных констант («изменение способности тела и души к действию») или отражение возможности достижения целей («сомнения в исходе вещи»), влияет множество других факторов: ассоциации по сходству и времени, отражение причинных связей, «судьба» предметов наших чувств, сопереживание, представление о справедливости происходящего и др. Разумеется, этот материал нуждается в адаптации к современным представлениям и терминологии, но, с другой стороны, он обнаруживает многие аспекты проблемы, которых в этих представлениях явно недостает.

Эмоции и процессы познания. Данный вопрос важен тем, что отражает представления о положении эмоций в системе психического, главной особенностью и основой которого всегда рассматривались процессы познания.

В истории психологии доминировала традиция обособления эмоциональных процессов в отдельную сферу, противопоставляемую сфере познания в принципиальном различии, например, разума и сердца, чувств и познания, интеллекта и аффекта. Достаточно выраженной является также тенденция признавать при сопоставлении этих сфер первичность и преимущество процессов познания. Крайняя в этом отношении позиция получила название интеллектуализма, различные направления которого рассматривали эмоции как свойство или разновидность ощущений, как результат взаимодействия представлений или особый вид познания (см.:

Грот, 1879—1880, ч. I; Вундт, т. 2, гл. 11.5). Интеллектуалистическая трактовка эмоций занимает прочные позиции и в современной зарубежной психологии. Так, в работах *Р. У. Липера* развитие аргументов в пользу мотивирующей функции эмоций несколько неожиданно завершается утверждением, что эмоции — суть восприятие.

Очевидно, что взгляды, сводящие эмоции к процессам познания, и, с другой стороны — признающие в том или ином виде лишь вторичность эмоций, их зависимость от познавательного отражения — различаются принципиально. Существуют различия и в степени обоснованности этих двух точек зрения: первая базируется главным образом на теоретических представлениях, тогда как вторая подтверждается еще и отчетливыми феноменологическими данными, констатируемыми в утверждениях, что эмоции сопровождают, «окрашивают» познавательно отражаемое содержание, оценивают и выражают субъективное его значение. Действительно, мы восторгаемся или возмущаемся, опечалены или гордимся обязательно

кем-то или чем-то, приятными или тягостными бывают наши ощущения, мысли, состояния, приключения и т. п. Можно думать, что именно из-за своей очевидности предметность эмоций признается в ряде теорий без особого акцентирования. Между тем есть основания утверждать, что именно эта их особенность является центральной для характеристики отношения эмоций к процессам познания.

Предметность эмоций исключает трактовку, рядополагающую их процессам познания, и требует представления об эмоциональной сфере как об отдельном пласте психического, как бы надстраиваемом над познавательным образом и занимающем положение между ним и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т. п.). При такой «локализации» эмоции легко вписываются в строение образа как носитель субъективного отношения к тому, что в нем отражается (данная характеристика эмоций встречается весьма

часто). Облегчается также понимание как упомянутой двойной обусловленности эмоций (потребностями и ситуацией), так и их сложных взаимоотношений с процессами познания. Согласно ряду концепций, некоторое непосредственно эмоциогенное событие может вызвать формирование новых эмоциональных отношений к различным обстоятельствам, связанным с этим событием, причем основой для такого развития эмоционального процесса служит именно познавательный образ. Так, сильные эмоции способны придать эмоциональную окраску практически всему, что так или иначе связано с ситуацией их возникновения (*А. Р. Лурия, Я. М. Калашиник*). В более обычных случаях предмет новых эмоциональных отношений служат условия и сигналы непосредственно эмоциогенных воздействий. Согласно одному из центральных определений *Б. Спинозы*, предметом любви-ненависти становится все, что познается субъектом как причина удовольствия-неудовольствия. Во всех такого рода случаях эмоциональный процесс как бы идет по путям, проложенным процессами познания, подчиняясь в своем развитии тем связям, которые усматриваются субъектом в объективной действительности. Однако важно подчеркнуть, что процессы познания здесь управляют лишь развитием эмоционального процесса, в изначальном порождении которого решающее значение имеет уже не само по себе познание, а соответствие того, что познается, потребностям индивида.

Но в отношении к познавательным процессам эмоции выступают не только в пассивной роли «ведомого» процесса. Существуют убедительные данные, свидетельствующие о том, что эмоции, в свою очередь, являются важнейшим фактором регуляции процессов познания. Так, эмоциональная окрашенность является одним из условий, определяющих произвольное внимание и запоминание, этот же фактор способен существенно облегчить или затруднить произвольную регуляцию этих процессов; хорошо известно влияние эмоций на процессы воображения и фантазии; при неопределенном стимульном материале или при выраженной интенсивности эмоции могут исказить даже процессы восприятия; от эмоций зависит целый

ряд характеристик речи, накапливаются данные о тонком регулирующем их влиянии на мыслительные процессы. Следует отметить, что эти разнообразные и очень важные проявления эмоций изучаются, главным образом, в экспериментальной психологии (см.: Рейковский, 1979, гл. IV, Васильев и др., 1980), в теоретических же работах на них обращается меньшее внимание.

Таким образом, направляя эмоции на причины, сигналы и т. д. значимых событий, процессы познания тем самым определяют и свою судьбу, впоследствии сами направляясь эмоциями на эти причины и т. д. для лучшего ознакомления с ними и выяснения оптимального способа поведения. Только таким взаимодополняющим влиянием сфер интеллекта и аффекта, отвечающих соответственно за отражение объективных условий деятельности и субъективной значимости этих условий, обеспечивается достижение конечной цели деятельности — удовлетворение потребностей.

Эмоции и процессы мотивации. Этот вопрос как бы продолжает предыдущий по линии локализации эмоций в системе психического, однако им освещаются уже не топологические, а функциональные характеристики эмоциональной сферы, иначе говоря, он рассматривает локализацию эмоций не столько в системе психологических образований, сколько в системе сил, приводящих эти образования в движение. Сразу можно сказать, что решение этого вопроса самым прямым образом связано с исходным постулатом об объеме класса явлений, относимых к эмоциональным, и зависит от того, присоединяются ли к нему специфические переживания, имеющие побуждающий характер — желания, влечения, стремления и т. п.

Очевидно, что проблема природы процессов, побуждающих к деятельности, не является просто одной из внутренних проблем психологии эмоций. Из ее решения следуют далеко идущие концептуальные выводы, касающиеся принципиального понимания психического. Так, именно данная проблема является ключевой для различения в истории психологии дихотомных (интеллект — аффект) и трихотомных (познание — чувство — воля) схем психического. В современной психологии она столь остро не стоит, однако ее значение продолжает отстаиваться так называемыми мотивационными теориями эмоций.

Нельзя забывать, что проблема детерминации поведения всегда привлекала внимание исследователей, хотя раздел мотивации, в пределах которого эта проблема изучается в настоящее время, является для психологии сравнительно новым. Если преодолеть барьер, созданный введением в психологию новой терминологии, история развития представлений об отношении эмоций и мотивации окажется весьма продолжительной и богатой. К мотивационным (в современном смысле) теориям, например, несомненно относится учение *Б. Спinoзы*. В концепциях *В. Вундта* и *Н. Грота*, отделяющих Побуждающие переживания от эмоциональных, последние тем не менее остаются неминуемым звеном развития процессов мотивации.

ю

Обособление в психологии раздела мотивации связано с перемещением интересов исследователей с ближайших, непосредственных причин поведения (которыми и являлись субъективные побуждения, желания) на все более отдаленные и опосредствованные. Действительно, для полного объяснения некоторого поступка явно недостаточно утверждения, что он был совершен из-за возникшего желания. Конкретное действие всегда отвечает некоторому более общему жизненному отношению, определяемому потребностями и ценностями субъекта, его привычками, прошлым опытом и т. п., которые в свою очередь определяются еще более общими закономерностями биологического и социального развития, и только в этом контексте оно может получить свое подлинное причинное объяснение. Проблема мотивации в том широком смысле, как она стоит в психологической науке в целом, предполагает выяснение всех факторов и детерминант, побуждающих, направляющих и поддерживающих поведение живого существа.

Однако ориентирующий и действующий субъект всю сложную совокупность факторов, детерминирующих его поведение, непосредственно не отражает. Только человек имеет возможность познавать подлинные причины своего поведения, но ошибки, которые он при этом обычно делает, свидетельствуют о том, что это познание основывается на опосредованном отражении и догадках. С другой стороны, субъектом отчетливо переживаются возникающие у него эмоциональные побуждения, причем именно ими он реально руководствуется в жизни, если только этому не препятствуют другие побуждения (например, желание не причинять зла другим, быть верным чувству долга и т. п.). Этот простой факт и лежит в основе концепций, утверждающих, что эмоции (включая в них и желания) мотивируют поведение.

Естественно, что данное положение совершенно неприемлемо для авторов, которые между эмоциями и побуждающими переживаниями усматривают принципиальное отличие, относя последние к воле или мотивации, или вообще их игнорируя (что очень характерно для современной психологии). Парадигма таких концепций следующая: поведение детерминируется потребностями и мотивами; эмоции возникают в специфических ситуациях (например, фрустрации, конфликта, успеха-неуспеха) и выполняют в них свои специфические функции (например, активации, мобилизации, закрепления).

В период становления психологии как самостоятельной науки на рубеже XX века эта вторая точка зрения практически вытеснила традицию единой интерпретации эмоциональных и мотивационных процессов, характерную для всего предшествовавшего периода развития представлений об эмоциях⁵, и современная академическая схема изложения психологии трактует мотивацию и эмоции как две сравнительно обособленные проблемы, связи между которыми сопоставимы, например, со связями между восприятием и внима-

⁵ Этот вопрос более развернуто обсуждается нами в другой работе (1976, гл. 3.2) **11**

нием, или памятью и мышлением. Однако, как это часто бывает, укрепление позиций одной из противоборствующих сторон активизирует действия другой. Представляется, что именно этот механизм привел к появлению в психологии эмоций целого ряда работ, отстаивающих функциональное единство эмоциональных и потребностно-мотивационных процессов. Наиболее энергично старые идеи стали защищать в русской литературе — Л. И. Петражицкий (1908), в зарубежной, несколько десятилетий спустя — Р. У. Липер (см. также Arnold, Gasson, 1954, гл. 10; Young, 1961; Bindra, 1969; Tomkins, 1970 и др.).

Подводя итог обсуждению мотивирующей функции эмоций в зарубежной психологической литературе, М. Арнольд утверждает:

«Отношение между эмоциями и мотивацией, изображаемое в теоретической литературе, остается совершенно неясным. Хотя снова и снова утверждается, что эмоции мотивируют, едва ли кто-либо смог выступить и недвусмысленно объяснить, как именно это происходит» (Arnold, 1969, с. 1041). В этих словах преувеличения нет. Так, Э. Даффи, отстаивая в одной из своих работ необходимость единой интерпретации мотивационных и эмоциональных процессов, вместе с тем утверждает, что оба термина — мотивация и эмоция — просто излишни в психологическом словаре (Duffy, 1948).

Неутешительность существующей картины не должна вызывать удивления по крайней мере по двум причинам. Во-первых, позиции параллелизма и позитивизма, в пределах которых формулируются современные мотивационные теории эмоций, не допускают выделения мира субъективных переживаний в качестве отдельного звена процессов регуляции, тогда как именно это условие позволяет не только формально объединить, но и различить мотивационные и эмоциональные процессы в единой интерпретации. Во-вторых, призывая фактически к возвращению к старым забытым идеям, мотивационные теории не используют опыта, накопленного в их развитии в прошлом. Между тем этот опыт достаточно богат, и обвинения в несостоятельности дать объяснение тому, «как именно эмоции мотивируют», были бы по отношению к нему несправедливыми.

Подлинную функциональную интерпретацию эмоции могут получить лишь в контексте отстаиваемого советской психологией положения о необходимом и активном участии субъективных переживаний в регуляции деятельности. Решение, которое в этих условиях получает вопрос об отношении эмоции к мотивации, в наиболее концентрированном виде передает формулировка С. Л. Рубинштейна, утверждающая, что эмоции являются субъективной формой существования потребностей (мотивации). Это значит, что мотивация открывается субъекту в виде эмоциональных явлений, которые сигнализируют ему о потребностной значимости объектов и побуждают направить на них деятельность. Эмоции и мотивационные процессы при этом не отождествляются:

являясь субъективной формой существования мотивации, эмоцио-

12

нальные переживания представляют собой лишь итоговую, результативную форму ее существования, не отражающую всех тех процессов, которые подготавливают и определяют появление эмоциональных оценок и побуждений.

Как и многие другие, вопрос об универсальности мотивационной интерпретации эмоций зависит от постулируемого объема явлений, относимых к эмоциональным. Так, согласно теории Р. У. Липера, эмоции представляют собой только одну из форм мотивации, отвечающую за побуждение поведения наряду с такими «физиологически обусловленными» мотивами, как голод или физическая боль. Очевидно, если даже переживания голода и боли не считать эмоциональными, это не препятствует признанию, что именно они презентируют субъекту потребности (пищевую и самосохранения), представляя собой конкретно-субъективную форму их существования. Поэтому решение вопроса о том, вся ли мотивация

открывается субъекту в виде эмоций, зависит исключительно от того, как будет проложена граница, разделяющая переживания эмоциональной и неэмоциональной природы.

Функции эмоций. Задачу изучения функционального значения эмоций отчетливо поставил Э. Клапаред (с. 94), показавший в результате ее реализации односторонность как классической, так и «периферической» интерпретации условий возникновения эмоционального процесса и предложивший примиряющую их схему. Однако внимание, уделяемое вопросу о функциях эмоций в более ранних концепциях, свидетельствует о том, что Клапаред зафиксировал и в виде методологического принципа тенденцию, проявляющуюся в психологии эмоций фактически с момента ее зарождения.

Вопрос о функциях является ключевым и пронизывающим всю психологию эмоций, поэтому основные и самые общие функциональные характеристики эмоций не могли не выявиться при обсуждении предыдущих вопросов. В пределах данного раздела эти общие функции эмоций мы обозначим с небольшими дополнительными комментариями, сосредотачивая основное внимание на более специфических проявлениях эмоций.

Скрупулезный анализ взглядов на природу эмоций, проведенный Н. Гротом в исторической части его работы (1879—1880), равно как и положения современных концепций позволяют заключить, что эмоции достаточно единодушно признаются выполняющими функцию оценки. Однако, принимая данное положение в качестве обобщенной точки зрения, нельзя упускать из виду, что при его конкретизации — при уточнении того, что именно, как именно, на какой основе и т. д. оценивают эмоции — высказываются различные мнения. Следует отметить, что способность эмоций производить оценку хорошо согласуется с их характеристиками, обсуждавшимися выше: их возникновении в значимых ситуациях, предметности, зависимости от потребностей и др. Основной вывод, следующий из объединенного анализа всех этих характеристик, заключается в том, что эмоции не являются опосредствованным

продуктом мотивационной значимости отражаемых предметов (каким являются, например, развивающиеся по отношению к им ориентировочно-исследовательские процессы), ими эта значимость непосредственно оценивается и выражается, они сигнализируют о ней субъекту. Иначе говоря, эмоции являются тем языком, той системой сигналов, посредством которой субъект узнает о потребностной значимости происходящего.

Продолжительные и продолжающиеся споры вокруг вопроса о мотивирующей роли эмоций—о выполняемой ими функции побуждения — выше обсуждались отдельно. К тому, что было сказано, добавим, что полное отстранение эмоций от функции побуждения в значительной мере обесмысливает и производимую ими функцию оценки. Разве из оценки происходящего может следовать, с биологической точки зрения, что-либо более целесообразное, чем немедленное побуждение присвоить, овладеть полезным и избавиться от вредного? Поэтому существует принципиальное различие между отрицанием эмоциональной природы побуждающих переживаний и отказом признать какое бы то ни было участие эмоций в развитии этих переживаний. Последнее означает признание в природе психического значительного и едва ли чем-либо объяснимого несовершенства.

О способности эмоций побуждать действия говорят другие, более специфические их функции. Так, в критических условиях, при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, травмирующих, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций, развивается особый вид эмоциональных процессов — так называемые аффекты (см. работу Я. М. Калашиника). Одно из функциональных проявлений аффекта заключается в том, что он навязывает субъекту стереотипные действия, представляющие собой определенный закрепившийся в эволюции способ «аварийного» разрешения ситуаций: бегство, оцепенение, агрессию и т. п. (Леонтьев, Судаков, 1978). Известно, что и другие ситуативные эмоции, такие как возмущение, гордость, обида, ревность, тоже способны «навязать» человеку определенные поступки, причем даже когда они для него нежелательны. Это позволяет утверждать, что к эмоциональному разрешению ситуаций приводят не только аффекты и что данная функция свойственна более широкому классу эмоциональных явлений (Виллюнас, 1976, с. 124). Наглядный пример такого проявления эмоций предоставляет исследование Т. Дембо (Dembo, 1931; см. также работу Ж.-П. Сартра).

Однако одни и те же стереотипные действия не могут быть одинаково пригодными для всех ситуаций, поэтому аффективные реакции, сложившиеся в эволюции для разрешения наиболее часто встречающихся затруднений, оправдывают себя лишь в типичных биологических условиях. Именно этим объясняется часто наблюдаемая бессмысленность или даже вредность действий, управляемых аффектом. Так, бессмысленными являются усилия птицы, бьющейся в помещении об оконное стекло, но в естественных условиях именно свет означал бы для нее свободу. Подобно этому,, и оператор,

14

покидающий во время аварии ничем ему не угрожающий пульт управления (Гуревич, 1965), мог, очевидно, избрать более правильный^ путь действий, если охвативший его аффект не вынудил бы его\ поступить по сложившемуся на протяжении миллионов лет правилу: немедленно удалиться от того, что вызывает страх.

Способность эмоций нарушать целенаправленную деятельность легла в основу теорий, подчеркивающих дезорганизационную функцию эмоций (Э. Кланаред; Piéron, 1928 и др.). Однако данная характеристика эмоций может быть принята лишь с определенными оговорками. Как показывают приведенные примеры, эмоции прежде всего организуют некоторую деятельность, отвлекая на нее силы и внимание, что, естественно, может мешать нормальному протеканию проводимой в тот же момент другой деятельности. Сама по себе эмоция дезорганизующей функции не несет, все зависит от условий, в которых она проявляется. Даже такая грубая биологическая реакция, как аффект, обычно

дезорганизующая деятельность человека, при определенных условиях может оказаться полезной, например, когда от серьезной опасности ему приходится спастись, полагаясь исключительно на физическую силу и выносливость. Это значит, что нарушение деятельности является не прямым, а побочным проявлением эмоций, иначе говоря, что в положении о дезорганизующей функции эмоций столько же правды, сколько, например, в утверждении, что праздничная демонстрация выполняет функцию задержки автотранспорта. На этом же основании не может быть оправдано и зародившееся еще в дискуссиях стоиков и эпикурейцев альтернативное противопоставление полезности и вредности эмоций, воспроизводимое в современной психологии противопоставлением «мотивационных» и «дезорганизационных» теорий (см. Leeper, 1948; Arnold, 1970),

Выше, при обсуждении отношений эмоций к процессам познания, мы познакомились с общим регулирующим влиянием эмоций, заключающимся в сосредоточении этих процессов на предметном содержании, имеющем эмоциональную окраску. В литературе особо выделяются две взаимодополняющие функции, выполняемые эмоциями по отношению к определенным психическим процессам, т. е. представляющие собой частные случаи общего регулирующего их влияния. Речь идет о влиянии эмоций на накопление и актуализацию индивидуального опыта. Первая функция, обсуждаемая под разными названиями: закрепления — торможения (*П. К. Анохин*) .слеодообразования (*Л. Н. Леонтьев*}, подкрепления (*П. В. Симонов*), указывает на способность эмоций оставлять следы в опыте индивида, закрепляя в нем те. воздействия и удавшиеся-неудавшиеся действия, которые их возбудили. Особенно ярко слеодообразующая функция проявляется в случаях экстремальных эмоциональных состояний (см. работы *Я. М. Калашника* и *Л. Р. Лурия*).

Но сам по себе след не имел бы смысла, если не было бы возможности использовать его в будущем. В актуализации закрепленного опыта эмоции тоже играют значительную роль, и это

is

подчеркивает вторая из выделяемых функций. Поскольку актуализация следов обычно опережает развитие событий и возникающие при этом эмоции сигнализируют о возможном приятном или неприятном их исходе, выделяют предвосхищающую функцию эмоций (Запорожец, Неверович, 1974). Поскольку предвосхищение событий существенно сокращает поиск правильного выхода из ситуации, выделяют эвристическую функцию (Тихомиров, Виноградов, 1969). В отношении этих функций эмоций, впрочем, как и в отношении других, важно подчеркнуть, что, констатируя определенное проявление эмоций, они остро ставят задачу выяснения того, как именно эмоции это делают, выяснения психологического механизма, лежащего в основе этих проявлений.

Большой теоретический интерес представляет функция эмоций, отчетливо намеченная в работах *В. Вундта* и выявляющая роль эмоциональных переживаний в становлении и организации субъективного образа. Согласно Вундту, эмоциональный тон ощущений (или более сложных «единиц» отражения), воспринимаемых одновременно или непосредственно друг за другом, сливается по определенным законам во все более и более общие равнодействующие переживания, соответственно организуя в восприятии и сами эти «единицы» (ощущения, представления и т. п.). Только в силу такого слияния чувств мы воспринимаем не набор пятен или звуков, а пейзаж и мелодию, не множество интроцептивных впечатлений, а свое тело. Таким образом, эмоциональные переживания выступают синтезирующей основой образа, обеспечивающей возможность целостного и структурированного отражения мозаичного разнообразия фактически действующих раздражений.

Целостность представляет собой не только явно обнаруживающуюся, но и одну из таинственных особенностей психического. Многие авторы, пытавшиеся осмыслить ее, останавливались, не найдя возможности избавиться от навязчивого образа гомункулуса. Даже гештальтпсихология, видевшая в этой особенности центральную проблему психологии и давшая тончайшее ее феноменологическое описание, для ее объяснения вынуждена была обратиться к спекулятивным построениям, ссылаясь, в частности, на взаимодействие электрополей. Поэтому учение Вундта о слиянии чувств, лежащем в основе познавательных синтезов, представляет интерес как одна из немногочисленных попыток вскрыть психологический механизм структурированности и целостности отражения.

Ярким примером эмоциональных синтезов, проявляющихся на уровне более сложных когнитивных образований, служат так называемые аффективные комплексы, экспериментальное исследование которых, начатое *К. Г. Юнгом*, в советской психологии было развито *А. Р. Лурия*. Эти исследования показали, что совокупность образов, прямо или случайно связанных с ситуацией, породившей сильное эмоциональное переживание, образует в памяти прочный комплекс, актуализация одного из элементов которого влечет, даже против воли субъекта, немедленное «введение» в сознание других его элементов. Нельзя отказать в убедительности и тем многим

примерам, которые приводит Вундт. Существуют также и определенные теоретические выводы, позволяющие говорить об оправданности поисков синтезирующей основы образа именно в сфере эмоционального.

Современная психология рассматривает чувственную ткань отражения как образование прежде всего когнитивной природы. Это вызывает существенные затруднения при попытке понять слияние в психическом образе воздействий разных модальностей. Представление же о синтезирующей роли эмоций позволяет оснастить образ как бы общим фундаментом, на который могут проецироваться и вступать во взаимодействие познавательные образования разных уровней и модальностей. Однако, говоря о преимуществах учения об эмоциональном «фундаменте» образа, следует отметить, что оно требует допущения, большинством современных авторов не принимаемого, а именно—принятия принципа панэмоцио-

нальности, согласно которому целостный акт отражения, по словам С. Л. Рубинштейна, «...всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и «аффективного», ...из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» (1957,

с. 264).

Учению Вундта об эмоциональной «ткани» психического созвучны представления Ф. Крюгера, в работе которого тоже отстаивается прямая связь между эмоциями и целостностью отражения. Однако, будучи принципиальным противником свойственного Вундту «атомизма», стремящегося во что бы то ни стало сложить всевозможные психические образования из элементарных единиц, этот автор развивает свою теорию в направлении, противоположном вундтовскому — от целого к части. Согласно Крюгеру, эмоциональные переживания являются изначальным и единственным носителем целостности, сохраняющим за собой эту особенность и при выделении из тотальной целостности опыта диффузных комплексов и более строго организованных гешталтов. Именно эмоции, как бы репрезентирующие в этих обособляющихся образованиях целостность и являющиеся мерой этой целостности, препятствуют их изоляции и позволяют им оставаться частями единого мироощущения индивида.

Таким образом, отстаивая ту же идею об эмоциональной основе целостности отражения, синтезу Вундта Крюгер противопоставляет дифференциацию как основной принцип развития эмоциональных процессов. Однако и в данном случае обе точки зрения не являются альтернативными. Есть основания утверждать, что представления Крюгера более отвечают генетическому (в развитии ребенка многие новообразования формируются именно путем выделения из более общих и диффузных элементов опыта), тогда как Вундта — функциональному аспекту взаимоотношения эмоциональных и познавательных процессов. К сожалению, усвоение интересных и перспективных идей Крюгера затрудняет крайне сложный и трудный для восприятия язык их изложения.

16

17

Эмоции являются событием не только психологическим, и их функциональное назначение не исчерпывается разносторонними влияниями на уровне субъективного отражения. Как утверждал Р. Декарт, «главное действие всех людских страстей заключается в том, что они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти готовят его тело» (1950, с. 615). Поскольку эмоции сигнализируют о значимости происходящего, подготовка в эмоциональном состоянии тела к лучшему восприятию и возможным действиям настолько целесообразно, что было бы удивительно, если она не закрепились в эволюции и не стала одной из характерных особенностей эмоциональных процессов. Разностороннее влияние эмоций на тело тоже получило отражение в выделении ряда их функциональных характеристик.

Многими авторами подчеркивается происходящая в эмоциональном состоянии активация нервных центров, а в конечном итоге — и всего организма, осуществляемая неспецифическими структурами ствола мозга и передаваемая неспецифическими путями возбуждения (Линдслей, 1960; Prince, 1928; Arnold, 1967;

и др.). Согласно «активационным» теориям эмоции обеспечивают оптимальный уровень возбуждения центральной нервной системы и отдельных ее подструктур (и, соответственно, уровень бодрствования системы психического отражения), который может колебаться от коматозного состояния и глубокого сна до предельного напряжения в состоянии экстаза.

Активация нервной системы и прежде всего вегетативного ее отдела, приводит к многочисленным изменениям в состоянии внутренних органов и организма в целом. Характер этих изменений показывает, что эмоциональные состояния вызывают либо мобилизацию органов действия, энергетических ресурсов и защитных процессов организма, либо, в благоприятных ситуациях, его д е -мобилизацию, настройку на внутренние процессы и накопление энергии (Кэннон, 1927). Очевидно, что функции активации и мобилизации-демообилизации тесно связаны и последнюю можно рассматривать как одно из результативных проявлений первой (наряду, например, с изменениями времени реакции или чувствительности анализаторов).

Наряду с общей подготовкой организма к действию отдельные эмоциональные состояния сопровождаются специфическими изменениями в пантомимике, мимике, звуковыми реакциями. Каково бы ни было изначальное происхождение и назначение этих реакций (см. Дарвин, 1953), в эволюции они развивались и закреплялись и как средства оповещения об эмоциональном состоянии индивида во внутривидовом и межвидовом общении. С повышением роли общения у высших животных выразительные движения становятся тонко дифференцированным языком, с помощью которого индивиды обмениваются информацией как о своем состоянии, так и о том, что происходит в среде (сигналы опасности, пищи и т. п.). Экспрессивная функция эмоций не потеряла своего значения и после того, как в историческом развитии человека сформировалась

более совершенная форма обмена информацией — членораздельная речь. Сама усовершенствовавшись благодаря тому, что грубые врожденные формы выражения стали дополняться более тонкими конвенциональными нормами, усваиваемыми в онтогенезе, эмоциональная экспрессия осталась одним из главных факторов, обеспечивающих так называемую невербальную коммуникацию.

Для более полного ознакомления с функциональным назначением эмоций следовало бы наряду со сравнительно общими их проявлениями познакомиться еще со специфическими функциональными характеристиками отдельных эмоциональных состояний. Однако это значительно расширило бы наше обсуждение этой проблемы. Специфические особенности таких эмоциональных состояний, как смех, страх действия, печаль, горе, освещены в работах Л. Бергсона, П. Жане, З. Фрейда, Э. Линдемманна. Кстати, работы 2-х последних авторов, а также работа Ж.-П. Сартра, вскрывают еще одну общую характеристику эмоций,

определенный аспект которой был обозначен *А. Н. Леонтьевым* как способность эмоций «ставить задачу на смысл». Эмоции, особенно когда они сигнализируют о чем-то исключительном, не могут оставить личность равнодушной, вызывая порой сложную и развернутую «работу сознания» по ее объяснению, одобрению, примирению с нею или осуждению и даже вытеснению. Однако ставить данное проявление эмоций рядом с другими не позволяет то обстоятельство, что они в нем выступают не как непосредственно действующая сила, а как повод, в связи с которым приходит в движение вся сложная система сил личности и сознания.

Классификация эмоций. Существование принципиально различных классов эмоциональных явлений отчетливо демонстрируется сопоставлением, например, таких переживаний, как физическая боль и чувство гордости, панический страх и эстетическое наслаждение. Поэтому не является признаком исторического прогресса то обстоятельство, что многие современные концепции считают достаточным обсуждение некой эмоции вообще (*Ж.-П. Сартр, Р. У. Липер, П. К. Анохин*, и др.). Обсуждение предыдущих вопросов должно было убедить нас, что при таком ограничении можно рассчитывать лишь на самый первый шаг в выяснении того, когда, как и зачем возникают эмоции, и что вопрос о классификации является важнейшим составным компонентом психологической теории эмоций, разработанность которого в некоторой концепции можно считать показателем и общей ее разработанности.

Многогранность эмоций, их проявление на различных уровнях отражения и деятельности, сложные отношения с предметным содержанием, способность к слиянию и образованию сочетаний исключают возможность простой линейной их классификации. Во всяком случае сегодня психология располагает целым рядом независимых или частично перекрывающихся признаков и оснований для деления эмоциональных явлений, а существующие классификационные схемы либо акцентируют одно или другое из этих делений, либо вводят их шаг за шагом в том или ином сочетании и последователь-

ности. Даже перечень наиболее известных оснований выглядит внушительно. Эмоции различаются по модальности (качеству), в частности— знаку, по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, генетическому происхождению, сложности, условиям возникновения, выполняемым функциям, воздействию на организм (стенические-астенические), форме своего развития, по уровням проявления в строении психического (высшие-низшие), по психическим процессам, с которыми они связаны, потребностям (инстинктам), по предметному содержанию и направленности, например, на себя и других, на прошлое, настоящее и будущее, по особенностям их выражения, нервному субстрату и др. Очевидно, что этот пестрый перечень, не раскрывающий ни существенности используемых признаков и оснований, ни эвристичности проводимых делений, может служить лишь для самого общего ознакомления с положением, существующим в проблеме классификации эмоций. Ниже мы попытаемся наметить отдельные тенденции и затруднения, характерные для этой проблемы.

Существующие классификационные схемы различаются соотношением своей теоретической и эмпирической обоснованности, и от этого прежде всего зависит возможность их принятия и оценки. Так, не разделяя представлений К. Бюлера (1924, § 36) о трех стадиях генетического развития психики, мы можем скептически отнестись и к его попытке связать с ними три разных отношения удовольствия-неудовольствия к деятельности. Но в обосновании того, что эмоции могут вызываться итоговыми результатами деятельности, сопровождать сам процесс деятельности или предшествовать ей, предвосхищая ее результаты, Бюлер приводит также фактический материал и соображения о целесообразности таких отношений. Эти аргументы позволяют принять его классификационную схему, но только как эмпирическую и нуждающуюся в теоретическом обосновании.

Эмпирические классификационные схемы иногда не имеют единого основания, заменяя его перечислением специфических отличий выделяемых классов или состояний. Такие схемы являются скорее попытками систематического описания, чем собственно классификацией эмоций. Так, Л. И. Петражицкий называл распространенное «академическое» различие собственно эмоций, аффектов, настроений, чувств, страстей уродливой классификацией, сравнивая ее с рядом: «1) вода просто, 2) внезапный и сильный напор воды, 3) слабое и спокойное течение воды, 4) сильное и постоянное течение воды по одному глубокому руслу» (1908, с. 134). Разумеется, это справедливое сравнение не отвергает целесообразности выделения тех или иных подклассов эмоциональных явлений и направлена исключительно против попыток рассматривать их как классификацию в строгом смысле слова.

Отдельно можно выделить классификационные схемы, опирающиеся на представления о генетическом развитии и взаимодействии эмоций (*Б. Спиноза, В. Вундт, Н. Грот*). Таким схемам

20

свойственно стремление выделить некоторое число базовых, исходных эмоций и далее проследивать одно за другим условия и закономерности, по которым развиваются те или иные их сочетания и разновидности. Хотя такие «повествовательные» классификационные схемы с формальной точки зрения обычно не являются строгими, несомненное их преимущество заключается в том, что наряду с различием они несут еще большую нагрузку объяснения, так как происхождение вещи вносит, пожалуй, наибольший вклад в то ее видение, которое мы называем пониманием. Кстати, в генетических классификациях содержится и некоторое объяснение их логической нестрогости. Речь идет о признаваемой в них способности эмоций к слиянию и образованию сочетаний, разнообразие которых, по словам Спинозы, «невозможно определить никаким числом».

Поэтапное введение оснований для различения эмоций, свойственное генетическим классификациям, позволяет избежать смешения классификации эмоций по их внутренним

признакам (модальности, форме) и классификаций по сферам их проявления, предметному содержанию и другим внешним признакам. Представляется очевидным, что в обоих случаях классифицируются разные явления:

в первом — собственно эмоциональные переживания, рассматриваемые безотносительно к тому, на что они направлены, во втором — целостные эмоциональные явления, в которые входят эмоциональные переживания вместе с «окрашиваемым» ими предметным содержанием. Радость как эмоциональное переживание всегда тождественна сама себе и может быть противопоставлена грусти, гневу, боязни и т. п., но рассматриваемая вместе с предметным содержанием она может объединяться с грустью в разряд, например, этических эмоций и противопоставляться радости как эстетической или родительской эмоции.

С недостаточно четким различием «внутренних» и «внешних» оснований для классификации эмоций связано, пожалуй, больше всего затруднений и недоразумений в истории этой проблемы. Частично это объясняется тем, что, за исключением очевидного различия эмоциональных переживаний по знаку (хотя еще Платон писал о смешении удовольствия и страдания в сложных переживаниях), модальность эмоций, рассматриваемая сама по себе, не обнаруживает других столь же явных признаков упорядоченности. Оригинальное объяснение этому факту было дано *В. Вундтом*, предложившим рассматривать модальность как градиентное составное свойство, определяющееся соотношением трех его двухполюсных компонентов: удовольствия-неудовольствия, возбуждения-успокоения и напряжения-разрешения. Однако хотя «факторная» интерпретация *В. Вундтом* модальности эмоций впоследствии получила серьезную поддержку в экспериментальном исследовании экспрессии и семантики эмоций (Рейковский, 1979, гл. 3;

Архипкина, 1981; в советской психологии идею Вундта поддерживал *[С. Л. Рубинштейн]*, заметного распространения в психологии она не получила.

Не имея возможности опираться на внутренние признаки, большинство авторов при систематическом описании модальности эмоций используют внешние по отношению к ней основания. Упомянувшиеся выше базовые модальности вводятся постулативно или обосновываются сложным контекстом теоретических представлений (например, в работе *Н. Грота*)⁶. Примером эмпирической классификации может служить различие десяти «фундаментальных» эмоций, выделенных на основе комплексного критерия, охватывающего их нервный субстрат, экспрессию и субъективное качество (Изард, 1980, с. 83). Несмотря на объективную обоснованность, эмпирические классификации не дают ответа на вопрос, почему в развитии психического сложились и закрепились именно выделяемые в них модальности. Осветить этот вопрос могли бы попытки связать модальность эмоций с потребностями (например, Додонов, 1975) или, в более старой терминологии, инстинктами (Макдауголл, 1916, гл. 3), однако эти попытки оставляют без объяснения эмоции, определяющиеся условиями деятельности независимо от того, каким потребностям она отвечает.

Одной из попыток разрешить указанные затруднения является объединение потребностей и условий деятельности в общее основание для классификации эмоций (Симонов, 1966, с. 53—59; Plutchik, 1968). Второй, менее искусственный способ, предложенный *У. Макдауголлом*, заключается в принципиальном различии эмоций, отвечающих потребностям (инстинктам, устремлениям), и чувств, зависящих от условий деятельности. Сходное различие тех же, только взаимозаменяемых, терминов предложил *Э. Клапаг ред*; согласно этому автору, от чувств, выражающих приспособительные установки индивида, следует отличать эмоции, развивающиеся в условиях, затрудняющих приспособление. Эту же идею можно усмотреть в различии *М. Арнольд и Дж. Гассона* импульсивных и «преодолевающих» (contending) эмоций, возникающих соответственно при отсутствии и наличии препятствий на пути к достижению цели (Arnold, Gasson, 1954, гл. 10), в различии *П. В. Симоновым* (1966, с. 23—40) эмоционального тона ощущений и собственно эмоций, *Б. И. Додоновым* (1975, с. 25) — специфических и неспецифических эмоций.

Уже сам факт использования сходной, причем отнюдь не очевидной идеи в различных концепциях, не имевших влияния друг на друга, свидетельствует о том, что она отвечает некоторой актуальной нужде психологии эмоций. И действительно, в обобщенном виде эти различия указывают на своеобразное строение эмоциональной сферы отражения, в которой выделяется система эмоций, презентующих субъекту потребности и направленных на их предметы, и другая система, общая для всех потребностей, помогающая субъекту в достижении этих предметов. Естественно, что эти эмоции должны существенно различаться своими особенностями (генетя-

⁶ В советской психологии идея о существовании базовых модальностей отстаивается в работах *А. Е. Ольшанниковой* и ее сотрудников (1978).

22

ческим развитием, условиями возникновения и т. д.), поэтому можно согласиться с *У. Макдауголлом*, утверждавшим, что, если мы Берестанем смешивать эти классы эмоций, «научные исследования станут значительно более ясными и точными». Основания и теоретические последствия данного классификационного деления эмоций ^мы попытались обобщить и развить в предложении различать ведущие и производные (ситуативные) эмоциональные явления (Вилюнас, 1976, гл. 4.3).

Динамика эмоций. В данном подразделе речь будет идти о представлениях, касающихся внутренних закономерностей протекания и развития эмоционального процесса. Этот аспект проблемы эмоций практически не освещается в современных концепциях, склонных рассматривать эмоциональную сферу как систему независимых реакций на определенные условия и ситуации. В концепциях прошлого, подчеркивавших взаимодействие и

взаимообусловленность эмоциональных переживаний в генетическом и ситуативном их развитии, вопрос о динамике эмоций занимает, как правило, весьма важное место. Можно выделить несколько тенденций, характерных для изображения динамики эмоций в психологической теории.

Даже если рассматривать эмоции как изолированные реакции на определенные воздействия, естественно встает вопрос о том, обнаруживают ли эти реакции некоторое временное развитие, или же остаются без изменения. Этот вопрос рассматривался *В. Вундтом*, однако только в отношении специфического класса эмоций, получивших в его концепции название аффектов (так как только они являются реакциями, имеющими независимое, самостоятельное развитие). Вундт считает, что это развитие заключается как в количественном, так и в качественном изменении эмоционального переживания и что специфический характер, «форма» этого изменения собственно и отличает один аффект от другого. Достигнув стадии аффекта, эмоциональный процесс подчиняется уже не внешним воздействиям, а именно «форме» этого аффекта, которую он должен пройти, постепенно угасая или приводя к формированию волевого побуждения.

Подавляющее большинство обычных, «умеренных» эмоциональных переживаний не являются, согласно Вундту, автономными, так как с момента своего возникновения они вливаются в общий поток других переживаний, вступая с ними во взаимодействие и видоизменяясь. Таким образом, в учении Вундта отчетливо обозначено еще одно положение, касающееся динамики эмоций — положение о соединении, слиянии, суммации отдельных эмоций в более сложные эмоциональные образования. О значении этой особенности эмоций мы говорили, обсуждая их проявление в качестве синтезирующей основы образа. Важно подчеркнуть, что именно представления о трехкомпонентном составе любой эмоции, служащем как бы общей основой для их слияния, позволили Вундту ставить вопрос об универсальных принципах этого процесса. В частности, было показано существование как пространственного взаимо-

действия и суммации эмоциональных впечатлений, переживаемых одновременно (например, при восприятии пейзажа, архитектурного ансамбля), так и временной суммации переживаний, следующих друг за другом (например, при восприятии музыкального произведения).

Для многих теорий возможность соединения эмоций служит важнейшим принципом, объясняющим возникновение сложных эмоций из более простых. Согласно Х. Вольфу, одно из определений эмоций («номинальное») и заключается в раскрытии составляющих ее элементов. Так, сострадание Р. Декарт (1950) объясняет соединением печали и любви, ревность, согласно Б. Спинозе -*, сложный аффект, состоящий одновременно из любви и ненависти к любимому лицу и зависти к тому, кого он любит.

В комплексе эмоциональных переживаний, соединяющихся в более сложные образования, иногда можно найти элементы, связанные причинно-следственными отношениями. Такая способность эмоций порождать и обуславливать друг друга является еще одним а, пожалуй, самым интересным моментом, характеризующим их динамику;*

В выявлении и описании конкретных закономерностей порождения одних эмоций другими больше всего было сделано Б. Спинозой. Приводимый им материал показывает, что эмоциональные отношения, развивающиеся при различных обстоятельствах из некоторой исходной эмоции, в отдельных случаях могут быть весьма сложны и разнообразны. Так, субъект, охваченный любовью, сопереживает аффекты того, кого он любит. Вследствие такого сопереживания любовь может распространиться на другое лицо: того, кто причиняет предмету нашей любви удовольствие, мы будем тоже любить а того, кто причиняет ему неудовольствие, мы будем ненавидеть;

Одно из последствий любви заключается в том, что она порождает, дает желание взаимности, которое, будучи неудовлетворенным, вызывает;

неудовольствие. Если человек при этом считает, что его не любят по его же вине, он будет охвачен аффектом приниженности, если же он так не думает, он будет испытывать ненависть к тому, кого он полагает причиной получаемого от неразделенной любви неудовольствия. Такой причиной может быть сам предмет любви или, например, тот, кого он любит. В последнем случае возникает особый вид ненависти — ревность.

Независимо от того, полностью ли мы согласимся с утверждениями, содержащимися в этом примере (он мог бы быть продолжен), или будем считать, что в него нужно внести некоторые поправки,— он свидетельствует о том, что изучение отдельных эмоциональных реакций не может привести к пониманию эмоционального поведения, важнейшей детерминантой которого является взаимосвязанность этих реакций, их способность изменяться и порождать друг друга, по мере того как этого требуют изменяющиеся условия. Иначе говоря, в полном своем виде эмоциональная реакция является как бы разветвленной и каждая из таких ветвей означает потенциальную возможность ее дальнейшего развития, отвечающего то-;

24

му или иному варианту изменения ситуации. Понятно, что такая организация эмоциональных реакций является важным эволюционным приобретением, существенно повысившим возможность гибкого адаптивного поведения.

| В представлениях об обусловленности эмоций друг другом особое место занимает положение о взаимопорождении оценивающих (удовольствие-неудовольствие и их производные) и побуждающих (желания, влечения) переживаний. Значение этих простых естественных положений (неприятное порождает желание от него избавиться, неудовлетворенное желание вызывает неудовольствие и т. д.) заключается в том, что их принятием или отвержением решается, как мы уже говорили, вопрос об отношении эмоций и мотивации, в конечном счете — о «выходе» эмоций в действие.

Физиологические механизмы эмоций. Наряду с работами, для которых вопрос о физиологических механизмах эмоций является естественным продолжением вопроса об условиях их возникновения, приводящих эти механизмы в движение (в этом отношении характерна теория *П. К. Анохина*, имеющая структуру условия — механизмы—функции эмоций), существует целый ряд теорий, для которых этот вопрос является главным, а порой и единственным. Важную роль в появлении этих теорий сыграла «периферическая» теория *У. Джемса* и *К. Г. Ланге* (1890), впервые сформулировавшая объяснение природы эмоций ссылкой на определенный физиологический процесс. Вызвав оживленную и продолжительную дискуссию (см., например, *Schachter, 1970*), «периферическая» теория стала своего рода образцом для большого числа альтернативных теорий, отличающихся лишь тем, какой именно физиологический процесс рассматривался главной детерминантой возникновения эмоций вместо предложенного Джемсом — Ланге нервного возбуждения, исходящего из висцеральных органов: таламический (*Cannon, 1927; Bard, 1934*), лимбический (*Гельгорн, Луфборроу, 1966; Papez, 1937*), диффузно-активационный (*Линдслей, 1960; Pieron, 1928; Prince, 1928; Arnold, 1967*) и др. (см. обсуждение этих теорий в работах *Ж. -П. Сартра, Р. У. Липера*).

Не вникая в содержание этих работ, внесших большой вклад в выяснение физиологической основы эмоциональных процессов, в качестве общего их недостатка отметим характерное для них недифференцированное отношение к эмоциям. Как показал *Э. Кла-паред*, только из-за предвзятой и ничем не оправданной унифицированной интерпретации эмоций кажутся непримиримыми классические и «периферическая» теории эмоций. Достаточно отказаться от отношения к эмоциям как к процессам, протекающим по некоторому единому образцу, и мы получаем возможность провести элементарное классификационное их деление, позволяющее объяснить один класс эмоций согласно классическим представлениям, Другой — согласно «периферической» теории. В советской психологии идею о том, что органические изменения играют роль в развитии определенных эмоциональных состояний, защищал *С. Л. Рубинштейн* (1946, с. 481).

Вопрос о физиологических механизмах эмоций имеет непосредственное отношение к проблеме выражения эмоций в мимике, пан-томимике, вегетативных функциях организма и т. п. Эта проблема, интенсивно изучаемая экспериментально, является предметом развернутого обсуждения также и в отдельных теоретических работах. Исключительно ей посвящен, например, большой труд Ч. Дарвина (1953). Нельзя не видеть некоторой симптоматичности в том, что выходом в свет именно этой работы, столь же односторонней, как и «периферическая» теория, обычно датируется начало современного этапа в исследовании эмоций. Среди современных авторов сравнительно большое внимание вопросу о выражении эмоций уделяет К. Изард (1980).

Завершая обзор основных проблем психологии эмоций, подчеркнем, что в нем были затронуты лишь традиционные вопросы, обсуждаемые в классических и современных концепциях. Это значит, что представленный перечень вопросов знакомит с тем, как эмоции изучаются, но не как должны или могли бы изучаться в психологии. Не является тайной, что в области эмоций существует еще очень много тончайшего фактического материала, который психологическая теория не способна систематически осмыслить и объяснить. Бросается в глаза, например, тот факт, что в теориях эмоций хронически обходится вопрос об их онтогенетическом развитии. Конечно, неосвещенность такого рода вопросов не может быть случайной. Некоторое объяснение этому дают данные, тоже теоретически недостаточно осмысленные, о патологических изменениях и индивидуальных различиях в эмоциональной жизни (с этими данными знакомят работы П. Б. Ганнушкина, К. Г. Юнга; см. также Додонов, 1978), в частности данные о возможном резком изменении основных характеристик эмоциональной жизни (например, внезапное возникновение тревожности, жизнерадостности) под влиянием патогенного фактора. Действительно, как изобразить продуктом продолжительного развития то, что способно в самые сжатые сроки исчезнуть, уступив место другому, новому, совсем непохожему и даже противоречащему тому, что исчезло? Не может быть сомнений, что за этим кроется одна из многочисленных тайн, столь характерных для психологии эмоций.

Можно выразить надежду, что данная книга будет способствовать как ознакомлению с тайнами эмоций, так и увеличению числа заинтересованных в их разгадке. Ее редакторы-составители благодарны А. А. Пузырею, составившему биографические справки об авторах, Е. Ю. Патяевой, А. А. Пузырею, Е. Е. Насиновской, Ф. Е. Василюку, О. С. Копиной, подготовившим ряд переводных текстов, а также многим сотрудникам ф-та психологии МГУ и друзьям, помогавшим при подготовке этой книги к изданию.

26

ЛИТЕРАТУРА

- Архипкина О. С. Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния. — Вести. Моск. ун-та. Сер. Психология. 1981, № 2.
- Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.
- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М., 1980.
- Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976. Вудвортс Р. Экспериментальная психология. М., 1950. В у и д т В. Основы физиологической психологии, т. 2. Б. м. и г. Выготский Л. С. Спиноза и его учение об эмоциях в свете современной психоневрологии. — Вопросы философии, 1970, № 6. Гельгорн Э., Лифборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. М., 1966.
- Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. Спб., 1879—1880.
- Гуревич К. М. Психологические вопросы изучения профессиональной пригодности работников энергосистемы. — В кн.: Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., 1965.

Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека.—Соч., т. 5. М., 1953. Декарт Р. Страсти души. — Избранные произведения. М., 1950. Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности. — Вопросы психологии, 1975, № 6. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978. Запорожец А. В., Неверович Я. З. О генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка. — Вопросы психологии, 1974, № 6. Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980. Кеннон В. Физиология эмоций. Л., 1927. Ланге К. Г. Аффекты. СПб., 1890.

Леонтьев А. Н., Судаков К. В. Эмоции. — БСЭ, т. 30. М., 1978. Линдслей Д. Б. Эмоции.—В кн.: Экспериментальная психология, т. 1. М., 1960. Макдауголл У. Основные проблемы социальной психологии. М., 1916. Ольшанникова А. Е. К психологической диагностике эмоциональности.—

В кн.: Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы

эмоциональной психологии. СПб., 1908. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. Симонов П. В. Что такое эмоция? М., 1966. Тихомиров О. К., Виноградов Ю. Е. Эмоции в функции эвристик.—В кн.:

Психологические исследования. М., 1969.

Фресс П. Эмоции. — В кн.: Экспериментальная психология, вып. 5. М., 1975. A p d g e a n i T. Les conduites emotives. Paris, 1968. Arnold M. B. An excitatory theory of emotion.—In: Reymert M. L. (ed.).

Feelings and emotions. N. Y., 1967. Arnold M. B. Emotion, motivation and the limbic system.—Ann. N. Y. Acad.

Sci., 1969, v. 159, N 3. Arnold M. B. Perennial problems in the field of emotion. — In: Arnold M. B.

(ed.). Feelings and emotions. N. Y., 1970. Arnold M. B., Gasson J. A. The human person. N. Y., 1954.

Bard P. On emotional expression after decortication with some remarks on certain theoretical views, p. I, p. II. — Psychol. Rev., 1934, v. 41, N 4, N 5. "indra D. A unified interpretation of emotion and motivation. — Ann. N. Y.

Acad. Sci., 1969, v. 159, N 3. Cannon W. B. The James—Lange theory of emotion: a critical examination

and an alternative theory. — Amer. J. Psychol., 1927, v. 39, N 1—4. "embo T. Der Arger als dynamisches Problem. — Psychol. Forsch., 1931, Bd. 15. "" f f y E. Leeper's «Motivational theory of emotion». — Psychol. Rev., 1948,

v, 55, N 6. •lodge F. A. The emotions in a new role. — Psychol. Rev., 1935, v. 42, N 6.

Lazarus R. S. Emotion as coping process.—In: Arnold M. B. (ed.). The nature of emotion. Baltimore. 1968.

Leeper R. W. A motivational theory of emotion to replace «emotion as disorganized response».—Psychol. Rev., 1948, v. 55, N 1. Papez I. W. A proposed mechanism of emotion.—Arch. Neurol. Psychiat., 1937.

v. 38, N 4. Pieron H. Emotions in animals and man.—In: Reymert M. L. (ed.). Feelings and emotions. Worcester, 1928. Plutchik R. The evolutionary basis of emotional behavior.—In: Arnold M. B.

(ed.). The nature of emotion. Baltimore, 1968. Prince M. Can emotion be regarded as energy?—In: Reymert M. L. (ed.)

Feelings and emotions. Worcester, 1928. Schachter S. The assumption of identity and peripheralist-centralist controversies

in motivation and emotion.—In: Arnold M. B. (ed.). Feelings and emotions.

N. Y., 1970. Tomkins S. S. Affect as the primary motivational system.—In: Arnold M. B.

(ed.). Feelings and emotions. N. Y., 1970. Young P. T. Motivation and emotion. N. Y., 1961.

Спиноза (Spinoza) **Бенедикт** (24 ноября 1632 — 21 февраля 1677) — нидерландский философ. За свои взгляды, а также научные и дружеские связи подвергся руководителями еврейской общины Амстердама, к которой первоначально принадлежал, так называемому «великому отлучению». Спасаясь от преследований, поселился в деревне, где зарабатывал себе на жизнь шлифовкой оптических стекол, а затем в предместье Гааги — Рейнсбурге; в то время были написаны основные его философские работы. Решающим в формировании Спинозы как философа оказалось знакомство с сочинениями Р. Декарта. Однако Спиноза дал свое, часто резко отличающееся от картезианского, решение основных проблем философии. В центре философии Спинозы стоит призванное преодолеть картезианский дуализм мышления и протяжения учение о субстанции, понимаемой как единственное, вечное и бесконечное начало, как «[порождающая природа], исчерпывающая все сущее и являющаяся <причиной самой себя>». Бесконечное же разнообразие отдельных вещей рассматривается Спинозой как совокупность модусов, или частных и единичных проявлений этой единой и единственно существующей субстанции. При этом Спиноза выступал радикальным сторонником детерминизма и противником телеологии, что нашло выражение и в его антропологии, в частности в учении о страстях. Эта сторона учения Спинозы особенно отмечалась Л. С. Выготским в его поисках исходной точки для преодоления кризисного положения в понимании высших, собственно человеческих эмоций, сложившегося в современной ему психологии (см. большую оставшуюся незавершенной работу Л. С. Выготского «Проблема эмоций»). Сочинения: Избранные произведения, т. 1—2. М., 1957. Литература: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 139—142, 144—146, 154; т. 20, с. 350; т. 29, с. 457;

Ленин В. И. Философские тетради. — Поли. собр. соч., т. 38; Фишер К. История новой философии, т. 2. Спб., 1906.

Б. Спиноза **о ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРИРОДЕ АФФЕКТОВ'**

Большинство тех, которые писали об *аффектах* и *образе жизни людей*, говорят как будто не об естественных вещах, следующих общим законам природы, но о вещах, лежащих за пределами природы. Мало того, они, по-видимому, представляют человека в природе как бы государством в государстве: они верят, что человек скорее нарушает порядок природы, чем ему следует, что он имеет абсолютную власть над своими действиями и определяется не иначе, как самим собою. Далее, причину человеческого

"Спиноза Б. Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 454—506; 521;

"29—542; 556—569; 581—604; 617—618. Пропущенный материал многоточиями не обозначен, за исключением пропусков внутри воспроизводимых структурных единиц ^кта — теорем, примечаний и др.

бессилия и непостоянства они приписывают не общему могуществу природы, а какому-то недостатку природы человеческой, которую они вследствие этого оплакивают, осмеивают, презирают или, как это всего чаще случается, ею гнушаются, того же, кто умеет красноречивее или остроумнее поносить бессилие человеческой души, считают как бы божественным. (...)

Им, без сомнения, покажется удивительным, что я собираюсь исследовать человеческие пороки и глупости геометрическим путем и хочу ввести строгие доказательства в область таких вещей, которые они провозглашают противоразумными, пустыми, нелепыми и ужасными. Но мой принцип таков: в природе нет ничего, что можно было бы приписать ее недостатку, ибо природа всегда и везде остается одной и той же; ее сила и могущество действия, т. е. законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а следовательно, и способ познания природы вещей, каковы бы они ни были, должен быть один и тот же, а именно — это должно быть познанием из универсальных законов и правил природы. Таким образом, аффекты ненависти, гнева, зависти и т. д., рассматриваемые сами в себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи, и, следовательно, они имеют известные причины, через которые они могут быть поняты, и известные свойства, настолько же достойные нашего познания, как и свойства всякой другой вещи, в простом рассмотрении которой мы находим удовольствие. (...)

Под *аффектами* я разумею состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний. (...)

Теоремы

2. Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа **не** может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому (если только есть что-нибудь такое).

Схолия². Это яснее можно понять... из того, что душа и тело составляют одну и ту же вещь, в одном случае представляемую под атрибутом мышления, в другом — под атрибутом протяжения. Отсюда и происходит то, что порядок или связь вещей одни и те же, будет ли природа представляться под вторым атрибутом или под первым, а следовательно, что порядок активных и пассивных состояний нашего тела по своей природе совместен с порядком активных и пассивных состояний души. (...)

² Схолия — греческое слово, означающее «примечание, пояснение к тексту».

6. Всякая вещь, насколько от нее зависит, стремится пребывать в своем существовании (бытии).

7. Стремление вещи пребывать в своем существовании есть **не** что иное, как действительная (актуальная) сущность самой вещи.

9. Душа, имеет ли она идеи ясные и отчетливые или смутные, стремится пребывать в своем существовании в продолжение неопределенного времени и сознает это свое стремление.

Схолия. Это стремление, когда оно относится к одной только душе, называется *волей*; когда же оно относится вместе и к душе и к телу, оно называется *влечением*, которое поэтому есть не что иное, как самая сущность человека, из природы которого необходимо вытекает то, что служит к его сохранению, и, таким образом, человек является определенным к действию в этом направлении. Далее, между влечением и *желанием* существует только то различие, что слово *желание* большей частью относится к людям тогда, когда они сознают свое влечение, поэтому можно дать такое определение: *желание есть влечение с сознанием его*. Итак, из всего сказанного ясно, что мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а, наоборот, мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его.

П. Идея всего того, что увеличивает или уменьшает способность нашего тела к действию, благоприятствует ей или ограничивает ее, — увеличивает или уменьшает способность нашей души к мышлению, благоприятствует ей или ограничивает ее.

Схолия. Итак, мы видим, что душа может претерпевать большие изменения и переходить то к большему совершенству, то к меньшему, и эти пассивные состояния объясняют нам, что такое аффекты удовольствия и неудовольствия. Под *удовольствием* (радостью), следовательно, я буду разумеать в дальнейшем *такое пассивное состояние, через которое душа переходит к. большему совершенству*, под *неудовольствием* (печалью) *же такое, через которое она переходит к меньшему совершенству*. Далее, *аффект удовольствия, относящийся -вместе и к душе и к телу*, я называю *приятностью или веселостью*; *такой же аффект неудовольствия — болью или меланхолией*. Но должно заметить, что приятность и боль относятся к человеку тогда, когда аффекту подвергается одна его часть преимущественно перед другими; веселость же и меланхолия — тогда, когда подвергаются аффекту все части одинаково. Далее, что такое *желание*, я объяснил в сх. т. 9 этой части, и кроме этих трех я не признаю никаких других основных аффектов и покажу далее, что остальные аффекты берут свое начало от этих трех. (...)

12. Душа, насколько возможно, стремится воображать то, что увеличивает способность тела к действию или благоприятствует ей.

13. Когда душа воображает что-либо такое, что уменьшает способность тела к действию или ограничивает ее, она стремится,

з<

насколько возможно, вспоминать о вещах, исключаящих существование этого.

Схолия. Из этого мы ясно можем понять, что такое любовь и что такое ненависть. А именно *любовь* есть не что иное, как *удовольствие (радость), сопровождаемое идеей внешней причины*, а *ненависть* — не что иное, как *неудовольствие (печаль), сопровождаемое идеей внешней причины*. Далее, мы видим, что тот, кто любит, необходимо стремится иметь любимый предмет налицо и сохранять его; наоборот — тот, кто ненавидит, стремится удалить и уничтожить предмет своей ненависти. Но обо всем этом подробнее будет сказано впоследствии.

14. Если душа подверглась когда-нибудь сразу двум аффектам, то впоследствии, подвергаясь какому-либо одному из них, она будет подвергаться также и другому.

15. Всякая вещь может быть косвенной причиной удовольствия, неудовольствия или желания.

Королларий³. Вследствие одного того, что мы видели какую-либо вещь в аффекте удовольствия или неудовольствия, производящей причины которого она вовсе и не составляет, мы можем ее любить или ненавидеть.

Схолия. Отсюда мы видим, каким образом происходит то, что мы любим или ненавидим что-либо без всякой известной нам причины, единственно, как говорится, из симпатии или антипатии. (...)

16. Вследствие одного того, что мы воображаем, что какая-либо вещь имеет что-либо сходное с таким объектом, который обыкновенно причиняет нашей душе удовольствие или неудовольствие, мы будем любить или ненавидеть эту вещь, хотя бы то, в чем она сходна с тем объектом, и не было производящей причиной этих аффектов.

17. Если мы воображаем, что вещь, которая обыкновенно причиняет нам неудовольствие, имеет что-либо сходное с другой вещью, обыкновенно причиняющей нам столь же большое удовольствие, то мы будем в одно и то же время и ненавидеть и любить ее.

18. Образ вещи прошедшей или будущей причиняет человеку такой же аффект удовольствия или неудовольствия, как и образ вещи настоящей.

Схолия 1. (...) Так как люди, много испытавшие, большею частью колеблются всякий раз, как смотрят на вещь как на будущую или прошедшую и крайне сомневаются в исходе такой вещи..., то отсюда происходит то, что аффекты, возникающие из подобных образов вещей, не так постоянны и весьма часто нарушаются образами других вещей, пока людям не станет известен исход дела.

Схолия 2. Из только что сказанного для нас становится понятно, что такое *надежда, страх, уверенность, отчаяние, веселость и подавленность*. А именно: *надежда* есть не что иное, как *непостоянное*

³ Королларий — латинское слово, означающее «добавление, следствие, вывод»

удовольствие, возникшее из образа будущей или прошедшей вещи, в исходе которой мы, сомневаемся; страх, наоборот, есть непостоянное неудовольствие, также возникшее из образа сомнительной вещи. Далее, если сомнение в этих аффектах уничтожается, то надежда переходит в уверенность, страх — в отчаяние, т. е. в удовольствие или неудовольствие, возникшее из образа вещи, которой мы боялись или на которую возлагали надежды. Далее, наслаждение есть удовольствие, возникшее из образа прошедшей вещи, в исходе которой мы усомнились. Наконец, подавленность есть неудовольствие, противоположное радости.

19. Кто воображает, что то, что он любит, уничтожается, будет чувствовать неудовольствие, если же оно сохраняется, — будет чувствовать удовольствие.

20. Кто воображает, что то, что он ненавидит, уничтожается, будет чувствовать удовольствие.

21. Кто воображает, что предмет его любви получил удовольствие или неудовольствие, тот и сам также будет чувствовать удовольствие или неудовольствие, и каждый из этих аффектов будет в любящем тем больше или меньше, чем больше или меньше он в любимом предмете.

22. Если мы воображаем, что кто-либо причиняет любимому нами предмету удовольствие, мы будем чувствовать к нему любовь. Наоборот, если воображаем, что он причиняет ему неудовольствие, будем чувствовать к нему ненависть.

Схолия. Теорема 21 объясняет нам, что такое *сострадание*, которое мы можем определить как *неудовольствие, возникшее вследствие вреда, полученного другим*. Какое должно дать название удовольствию, возникшему вследствие добра, полученного другим, я не знаю. Далее, *любовь к тому, кто сделал добро другому*, мы будем называть *благорасположением*, наоборот, *ненависть к тому, кто сделал зло другому*, — *негодованием*. Наконец, должно заметить, что мы чувствуем сострадание не только к такому предмету, который мы любим (как мы показали это в т. 21), но также и к такому, к которому мы до того времени не питали никакого аффекта, лишь бы мы считали его себе подобным (как я покажу это ниже); следовательно, благорасположение мы можем чувствовать также и к тому, кто сделал добро подобному нам, и наоборот — негодовать на того, кто нанес ему вред.

23. Кто воображает, что предмет его ненависти получил неудовольствие, будет чувствовать удовольствие; наоборот, если он воображает его получившим удовольствие, будет чувствовать неудовольствие; и каждый из этих аффектов будет тем больше или меньше, чем больше противоположный ему аффект в том, что он ненавидит.

Схолия. Такое удовольствие едва ли может быть прочно и свободно от некоторого душевного противодействия. Ибо (как я сейчас покажу это в т. 27) поскольку кто-либо воображает, что подобный ему предмет подвергается аффекту неудовольствия, постольку он и сам должен чувствовать неудовольствие; и обратно —

32

3 — Зак. 1355

33

если он воображает, что он получает удовольствие. Но здесь мы обращаем внимание на одну только ненависть.

24. Если мы воображаем, что кто-либо причиняет удовольствие предмету, который мы ненавидим, то мы будем и его ненавидеть. Наоборот, если мы воображаем, что он причиняет этому предмету неудовольствие, мы будем любить его.

Схолия. Эти и другие подобные аффекты ненависти относятся к *зависти*, которая поэтому есть не что иное, как сама *ненависть*. *поскольку она рассматривается располагающей человека таким образом, что чужое несчастье причиняет ему удовольствие* и, наоборот, чужое счастье причиняет ему неудовольствие.

25. Мы стремимся утверждать о себе и любимом нами предмете все, что, по нашему воображению, причиняет удовольствие нам или ему; и наоборот, отрицать все то, что, по нашему воображению, причиняет нам или любимому нами предмету неудовольствие.

26. Мы стремимся утверждать о ненавидимом нами предмете все то, что, по нашему воображению, причиняет ему неудовольствие, и, наоборот, отрицать все то, что, по нашему воображению, причиняет ему удовольствие,

Схолия. Отсюда мы видим, что легко может случиться, что человек будет ставить себя и любимый предмет выше, чем следует, и наоборот — то, что ненавидит, ниже, чем следует. Такое воображение, когда оно относится к самому человеку, имеющему о себе преувеличенное мнение, называется *самоуверчением* и составляет род бреда, так как человек с открытыми глазами бредит, будто бы он может все то, что ему представляется в одном только воображении и на что вследствие этого он смотрит, как на реальное, и кичится им все время, пока он не в состоянии вообразить чего-либо, исключая существование этого и ограничивающего его способность к действию. Итак, *самоуверчение* есть *удовольствие*. *возникшее вследствие того, что человек ставит себя выше, чем следует*. Далее, *удовольствие*, *происходящее вследствие того, что человек ставит другого выше, чем следует*, называется *превознесением*, и наконец, *то, которое происходит вследствие того, что он ставит другого ниже, чем следует*, — *презрением*.

27. Воображая, что подобный нам предмет, к которому мы не питали никакого аффекта, подвергается какому-либо аффекту, мы тем самым подвергаемся подобному же аффекту.

Схолия 1. Такое подражание аффектов, когда оно относится к неудовольствию, называется *состраданием* (о котором см. сх. т. 22), когда же относится к желанию, называется *соревнованием*, которое поэтому есть не что иное, как *желание чего-либо, зарождающееся в нас вследствие того, что мы воображаем, что другие, подобные нам, желают этого*.

Королларий 1. Если мы воображаем, что кто-либо, к кому мы не питали никакого аффекта, причиняет удовольствие предмету, нам подобному, то мы будем чувствовать к нему любовь. Наоборот, если воображаем, что он причиняет ему неудовольствие, будем его ненавидеть,

34

Королларий 2. Предмет, который нам жалко, мы не можем ненавидеть по той причине, что его несчастье причиняет нам неудовольствие.

Королларий 3. Предмет, который нам жалко, мы будем стремиться, насколько возможно, освободить его от несчастья.

Схолия 2. Такое желание или влечение к благодеянию, возникающее вследствие того, что нам жалко предмет, которому мы хотим оказать благодеяние, называется *благоволением*, которое, следовательно, есть не что иное, как *желание, возникшее из сострадания*. Впрочем, о любви и ненависти к делающему добро или зло предмету, который мы воображаем себе подобным, см. сх. т. 22.

28. Мы стремимся способствовать совершению всего того, что, по нашему воображению, ведет к удовольствию, и удалять или уничтожать все то, что, по нашему воображению, ему препятствует или ведет к неудовольствию.

29. Мы будем также стремиться делать все то, на что люди⁴, по нашему воображению, смотрят с удовольствием, и наоборот — будем избегать делать то, от чего, по нашему воображению, люди отвращаются.

Схолия. Такое стремление делать что-либо или не делать ради того только, чтобы понравиться другим людям, называется *честолюбием*, особенно в том случае, когда мы до того сильно стремимся понравиться толпе, что делаем что-либо или не делаем с ущербом для себя или для других; в иных случаях такое старание обыкновенно называется *любезностью*. Далее, удовольствие, с которым мы воображаем действие другого, которым он старался понравиться нам, я называю *похвалою*; неудовольствие же, с которым мы отвращаемся от его действия, я называю *порицанием*.

30. Если кто сделал что-нибудь такое, что, по его воображению, доставляет другим удовольствие, тот будет чувствовать удовольствие, сопровождаемое идеей о самом себе как причиной этого удовольствия, иными словами — будет смотреть на самого себя с удовольствием. Наоборот, если он сделал что-либо такое, что, по его воображению, причиняет другим неудовольствие, то он будет смотреть на самого себя с неудовольствием.

Схолия. Так как любовь (по сх. т. 13) есть удовольствие, сопровождаемое идеей внешней причины, а ненависть — неудовольствие, также сопровождаемое идеей внешней причины, то вышеозначенные удовольствие и неудовольствие будут видами любви и ненависти. Но так как любовь и ненависть относятся к внешним объектам, то эти аффекты мы обозначим другими названиями, именно: удовольствие, сопровождаемое идеей внешней причины, мы будем называть *гордостью*, а противоположное ему неудовольствие — *стыдом*; при этом должно подразумевать тот случай, когда удовольствие или неудовольствие возникает вследствие того, что человек уверен, что его хвалят или порицают. В иных случаях я буду

⁴ В этой и последующих теоремах должно подразумевать таких людей, к которым мы не питаем никакого аффекта

называть удовольствие, сопровождаемое идеей внешней причины, *самодовольством*, а противоположное ему неудовольствие — *раскаянием*. Далее, так как... может случиться, что удовольствие, которое кто-либо, по его воображению, причиняет другим, будет лишь воображаемым, и так как (по т. 25) каждый старается воображать о себе все то, что, по его воображению, доставляет ему удовольствие, то легко может случиться, что гордец будет объят самомнением и станет воображать, что он всем приятен, между тем как он всем в тягость.

31. Если мы воображаем, что кто-либо любит, желает или ненавидит что-либо такое, что мы сами любим, желаем или ненавидим, то тем постояннее мы будем это любить и т. д. Если же воображаем, что он отвращается от того, что мы любим, или наоборот, то будем испытывать душевное колебание.

Королларий. Отсюда и из т. 28 этой части следует, что всякий стремится, насколько возможно, к тому, чтобы каждый любил то, что он сам любит, и ненавидел, что он ненавидит. (...)

Схолия. Такое стремление к тому, чтобы каждый одобрял то, что мы любим или ненавидим, есть в действительности *честолюбие* (см. сх. т. 29). Отсюда мы видим, что каждый из нас от природы желает, чтобы другие жили по-нашему. А так как все одинаково желают того же, то все одинаково служат друг другу препятствием и, желая того, чтобы все их хвалили или любили, становятся друг для друга предметом ненависти.

32. Если мы воображаем, что кто-либо получает удовольствие от чего-либо, владеть чем может только он один, то мы будем стремиться сделать так, чтобы он не владел этим.

Схолия. Итак, мы видим, что природа людей по большей части такова, что к тем, кому худо, они чувствуют сострадание, а кому хорошо, тому завидуют и (по пред. т.) тем с большею ненавистью, чем больше они любят что-либо, что воображают во владении другого. Далее, мы видим, что из того же самого свойства человеческой природы, по которому люди являются сострадательными, вытекает также и то, что они завистливы и честолюбивы. Если мы захотим, наконец, обратиться к опыту, то найдем, что и он учит тому же самому, особенно, если мы обратим внимание на первые годы нашей жизни. Мы найдем, что дети, тело которых постоянно находится как бы в равновесии, смеются или плачут потому только, что видят, что другие смеются или плачут; далее, как только они видят, что другие что-либо делают, тотчас же желают и сами подражать этому и, наконец, желают себе всего, в чем, по их воображению, находят удовольствие другие. (...)

33. Если мы любим какой-то подобный нам предмет, то мы стремимся, насколько возможно, сделать так, чтобы и он нас любил.

34. Чем более аффект, который, по нашему воображению, питает к нам любимый нами предмет, тем более мы будем гордиться.

35. Если кто воображает, что любимый им предмет находится с кем-либо другим в такой же или еще более тесной связи дружбы,

36

чем та, благодаря которой он владел им один, то им овладеет ненависть к любимому им предмету и зависть к этому другому.

Схолия. Такая ненависть к любимому предмету, соединенная с завистью, называется *ревностью*, которая, следовательно, есть не что иное, как колебание души, возникшее вместе и из любви и ненависти, сопровождаемое идеей другого, кому завидуют. Эта ненависть к любимому предмету будет тем больше, чем больше было то удовольствие, которое ревнивец обыкновенно получал от взаимной любви любимого им предмета, а также чем сильнее был тот аффект, который он питал к тому, кто, по его воображению, вступает в связь с любимым предметом. Если он его ненавидел, то он будет ненавидеть и любимый предмет (по т. 24), так как он будет воображать, что он доставляет удовольствие тому, кого он ненавидит; а также

(по кор. т. 15) и потому, что он будет принужден соединять образ любимого им предмета с образом того, кого он ненавидит, что большей частью имеет место в любви к женщине. (...)

36. Кто вспоминает о предмете, от которого он когда-либо получил удовольствие, тот желает владеть им при той же обстановке, как было тогда, когда он наслаждался им в первый раз.

Королларий. Если, таким образом, любящий найдет, что чего-либо из этой обстановки недостает, то он почувствует неудовольствие.

Схолия. Такое неудовольствие, относящееся к отсутствию того, что мы любим, называется *тоской*.

37. Желание, возникающее вследствие неудовольствия или удовольствия, ненависти или любви, тем сильнее, чем больше эти аффекты.

38. Если кто начал любимый им предмет ненавидеть, так что любовь совершенно уничтожается, то вследствие одинаковой причины он будет питать к нему большую ненависть, чем если бы никогда не любил его, и тем большую, чем больше была его прежняя любовь.

39. Если кто кого-либо ненавидит, тот будет стремиться причинить предмету своей ненависти зло. если только не боится, что из этого не возникнет для него самого еще большее зло, и наоборот, если кто кого любит, тот будет стремиться по тому же закону сделать ему добро.

Схолия. Под *добром* я раз\мею здесь всякий род удовольствия и затем все, что ведет к нем\, в особенности же то, что утоляет тоску, какова бы она ни была; под *злом* же я разумею всякий род неудовольствия и в особенности то, что препятствует утолению тоски. (...) Тот аффект, который располагает человека таким образом, что он не хочет того, чего хочет, или хочет того, чего не хочет, называется *трусостью*, которая поэтому есть не что иное, как *страх*, поскольку он располагает человека избегать предстоящего зла при помощи зла меньшего (см. т. 28). Если же зло, которого он боится, есть стыд, тогда страх называется *стыдливостью*. Наконец, если стремление избежать будущего зла- ограничивается

- Зак. 1355

боязнью какого-либо другого зла, так что человек не знает, которое из них предпочесть, то страх называется *оцепенением*, особенно когда оба зла, которых он боится, принадлежат к числу весьма больших.

40. Если кто воображает, что его кто-либо ненавидит, и при этом не думает, что сам подал ему какой-либо повод к ненависти, то он в свою очередь будет его ненавидеть.

Схолия 1. Если кто воображает, что он подал справедливый повод к ненависти, то (по т. 30 и ее сх.) он будет чувствовать стыд. Но это (по т. 25) редко случается. Кроме того, такая взаимная ненависть может возникнуть также из того, что за ненавистью (по т. 39) следует стремление нанести зло тому, кто служит предметом ненависти. Поэтому, если кто воображает, что его кто-либо ненавидит, то он будет воображать его причиной какого-либо зла или неудовольствия; и, следовательно, подвергнется неудовольствию или страху, сопровождаемому идеей о том, кто его ненавидит, как причиной этого страха, т. е. как и выше, будет и сам ненавидеть его.

Королларий 1. Если кто воображает, что тот, кого он любит, питает к нему ненависть, тот будет в одно и то же время и ненавидеть и любить его. Ибо, воображая, что он составляет для него предмет ненависти, он (по пред. т.) в свою очередь определяется к ненависти к нему. Но (по предположению) он тем не менее любит его. Следовательно, он в одно и то же время будет и ненавидеть и любить его.

Королларий 2. Если кто воображает, что ему по ненависти причинил какое-нибудь зло кто-либо, к кому он до того времени не питал никакого чувства, то он тотчас же будет стремиться и ему причинить такое же зло.

Схолия 2. Стремление причинить зло тому, кого мы ненавидим, называется *гневом*; стремление же отплатить за полученное нами зло — *мстью*.

41. Если кто воображает, что его кто-либо любит, и при этом не думает, что сам подал к этому какой-либо повод (что может случиться по кор. т. 15 и по т. 16), то и он со своей стороны будет любить его.

Схолия 1. Если он будет думать, что подал справедливый повод для любви, то будет гордиться (по т. 30 с ее сх.), и это (по т. 25) случается чаще; противоположное этому бывает, как мы сказали, тогда, когда кто-либо воображает, что он составляет для кого-нибудь предмет ненависти (см. сх. пред. т.). Далее, такая взаимная любовь и, следовательно (по т. 39), стремление сделать добро тому, кто нас любит и (по той же т. 39) стремится делать нам добро, называется *признательностью* или *благодарностью*. Отсюда ясно также, что люди гораздо более расположены к мести, чем к воздаянию добром.

Королларий. Если кто воображает, что тот, кого он ненавидит, любит его, тот будет в одно и то же время волноваться и ненавистью и любовью. (...)

Схолия 2. Если одержит верх ненависть, то он будет стремиться причинить зло тому, кто его любит, и такой аффект называется *жестокостью*, в особенности, если мы уверены, что тот, кто нас любит, не подал вообще никакого обычного повода для ненависти.

42. Если кто сделал другому добро, движимый любовью или надеждой на удовлетворение своей гордости, тот будет чувствовать неудовольствие, если увидит, что его благодеяние принимается без благодарности.

43. Ненависть увеличивается вследствие взаимной ненависти и, наоборот, может быть уничтожена любовью.

44. Ненависть, совершенно побеждаемая любовью, переходит в любовь, и эта любовь будет вследствие этого сильнее, чем если бы ненависть ей вовсе не предшествовала.

45. Если кто воображает, что кто-либо, подобный ему, питает ненависть к другому, подобному ему, предмету, который он любит, то он будет его ненавидеть.

46. Кто получил удовольствие или неудовольствие от кого-нибудь, принадлежащего к другому сословию или другой народности, сопровождаемое идеей о нем как причиной этого

неудовольствия, под общим именем сословия или народности, тот будет любить или ненавидеть не только его, но и всех принадлежащих к тому же сословию или народности.

47. Удовольствие, возникающее вследствие того, что мы воображаем, что предмет нашей ненависти разрушается или подвергается злу, возникает не без некоторого душевного неудовольствия.

48. Любовь или ненависть, например к Петру, исчезает, если удовольствие, которое заключает в себе первая, или неудовольствие, которое заключает в себе последняя, соединяется с идеей о другой причине их; то и другое уменьшается, поскольку мы воображаем, что не один только Петр был их причиной.

49. Любовь или ненависть к вещи, которую мы воображаем свободной, должна быть при равной причине больше, чем к вещи необходимой.

Схолия. Отсюда следует, что люди, так как они считают себя свободными, питают друг к другу большую любовь и ненависть, чем к вещам; к этому присоединяется еще подражание аффектов, о котором см. т. 27, 34, 40 и 43 этой части.

52. Объект, который мы раньше видели вместе с другими или который, по нашему воображению, имеет в себе только то, что обще нескольким вещам, мы будем созерцать не так долго, как тот, который, по нашему воображению, имеет в себе что-либо индивидуальное.

Схолия. Такое состояние души, т. е. воображение единичной вещи, поскольку оно одно только находится в душе, называется *поглощением внимания*; если оно возбуждается объектом, которого мы боимся, оно называется *оцепенением*, так как поглощение внимания каким-либо злом так приковывает человека к созерцанию одного только этого зла, что он не в состоянии думать о чем-либо другом, посредством чего он мог бы избежать его. Если же пред-

метом нашего внимания является мудрость какого-либо человека, его трудолюбие или что-либо другое в этом роде, то такое поглощение внимания называется *почтением*, так как тем самым мы видим, что этот человек далеко нас превосходит. В других случаях оно называется *ужасом* — если наше внимание поглощается гневом какого-либо человека, завистью и т. д. Если, далее, наше внимание приковывается мудростью, трудолюбием и т. д. человека, которого мы любим, то любовь наша к нему станет вследствие этого еще больше (по т. 12), и такую любовь, соединенную с поглощением внимания или почтением, мы называем *преданностью*. Точно таким же образом мы можем представить себе в связи с поглощением внимания ненависть, надежду, беззаботность и другие аффекты и вывести, таким образом, аффектов более, чем существует слов для обозначения их. Отсюда ясно, что названия аффектов возникли скорее из обыкновенного словоупотребления, чем из точного их познания. (...)

53. Созерцая себя самое и свою способность к действию, душа чувствует удовольствие, и тем большее, чем отчетливее воображает она себя и свою способность к действию.

55. Если душа воображает свою неспособность, она тем самым подвергается неудовольствию.

Схолия. Такое неудовольствие, сопровождаемое идеей о нашем бессилии, называется *приниженностью*; удовольствие же, происходящее из созерцания самих себя, называется *самолюбием* или *самоудовлетворенностью*. (...)

56. Существует столько же видов удовольствия, неудовольствия и желания, а следовательно и всех аффектов, слагающихся из них (каково душевное колебание) или от них производных (каковы любовь, надежда, страх и т. д.), сколько существует видов тех объектов, со стороны которых мы подвергаемся аффектам.

Схолия. Между видами аффектов, которые (по пред. т.) должны быть весьма многочисленны, замечательны *чревоугодие, пьянство, разврат, скупость и честолюбие*, составляющие не что иное, как частные понятия любви или желания, выражающие природу обоих этих аффектов по тем объектам, к которым они относятся. Ибо под чревоугодием, пьянством, развратом, скупостью и честолюбием мы понимаем не что иное, как неумеренную любовь или стремление к пиршествам, питью, половым сношениям, богатству и славе. (...)

59. Между всеми аффектами, относящимися к душе, поскольку она активна, нет никаких, кроме относящихся к удовольствию и желанию.

Схолия. Все активные состояния, вытекающие из аффектов, относящихся к душе, поскольку она познает, я отношу к *твердости духа*, которую подразделяю на *мужество* и *великодушие*. Под *мужеством* я разумею *то желание, в силу которого кто-либо стремится сохранять свое существование по одному только предписанию разума*. Под *великодушием* же я разумею *то желание, в силу которого кто-либо стремится помочь другим людям и привязывать их к себе дружбой по одному только предписанию разума*. Итак,

40

те действия, которые имеют в виду одну только пользу действующего, я отношу к мужеству, а те, которые имеют в виду также и пользу другого, я отношу к великодушию. Следовательно, умеренность, трезвость, присутствие духа в опасностях и т. д. суть виды мужества; скромность, милосердие и т. д. — виды великодушия.

Думаю, что я изъяснил, таким образом, главнейшие аффекты и душевные колебания, происходящие из сложения трех первоначальных аффектов, именно желания, удовольствия (радости) и неудовольствия (печали), и показал их первые причины. Из сказанного ясно, что мы различным образом возбуждаемся внешними причинами и волнуемся, как волны моря, гонимые противоположными ветрами, не зная о нашем исходе и судьбе.

Я указал, как уже было сказано, только главнейшие возбуждения души, а не все, какие только могут быть. Идя тем же путем, как выше, мы легко могли бы показать, например, что любовь

соединяется с раскаянием, неуважением, стыдом и т. д. Мало того, надеюсь, каждому очевидно из сказанного, что аффекты могут слагаться друг с другом столькими способами, и отсюда может возникнуть столько новых видоизменений, что их невозможно определить никаким числом. Но для моей цели достаточно перечислить только главнейшие; ибо остальные, опущенные мною, более удовлетворяли бы любопытство, чем приносили пользу. (...)

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАБСТВЕ ИЛИ О СИЛАХ АФФЕКТОВ

Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю *рабством*. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему. Я намерен показать в этой части причину этого и раскрыть, кроме того, что имеют в себе аффекты хорошего и дурного. (...)

Теоремы

6. Сила какого-либо пассивного состояния или аффекта может превосходить другие действия человека, иными словами, его способность, так что этот аффект будет упорно преследовать его.

7. Аффект может быть ограничен или уничтожен только противоположным и более сильным аффектом, чем аффект, подлежащий укрощению.

9. Аффект, причина которого, по нашему воображению, находится перед нами в наличности, сильнее, чем если бы мы воображали ее не находящейся перед нами.

10. К будущей вещи, которая, по нашему воображению, скоро случится, мы питаем более сильный аффект, чем если бы мы

воображали, что время ее существования отстоит от настоящего на более далекое время: точно так же и наша память о вещи, которая, по нашему воображению, произошла недавно, действует на нас сильнее, чем если бы мы воображали, что она произошла давно.

11. Аффект к вещи, которую мы воображаем необходимой, при прочих условиях равных, сильнее, чем к вещи возможной или случайной, другими словами, — к вещи не необходимой.

12. Аффект к вещи, которая, как мы знаем, не существует в настоящее время, но которую мы воображаем возможной, при прочих условиях равных, сильнее, чем к вещи случайной.

13. Аффект к вещи случайной, которая, как мы знаем, в настоящее время не существует, при прочих условиях равных, слабее, чем аффект к вещи прошедшей.

15. Желание, возникающее из истинного познания добра и зла, может быть подавлено или ограничено многими другими желаниями, возникающими из волнующих нас аффектов.

18. Желание, возникающее из удовольствия, при прочих условиях равных, сильнее, чем желание, возникающее из неудовольствия.

Схолия. В этих немногих словах я объяснил причины человеческой неспособности и непостоянства и того, почему люди не соблюдают предписаний разума. Теперь остается показать, в чем состоят эти предписания разума и какие именно аффекты согласны с правилами человеческого разума и какие противны им. Но, прежде чем начать доказывать это по нашему обыкновению в подробном геометрическом порядке, я хочу сначала показать здесь вкратце самые *предписания разума*, для того чтобы каждый легче мог усвоить то, что я думаю.

Так как разум не требует ничего противного природе, то он требует, следовательно, чтобы каждый любил самого себя, искал для себя полезного, что действительно полезно, и стремился ко всему тому, что действительно ведет человека к большему совершенству, и вообще чтобы каждый, насколько это для него возможно, стремился сохранять свое существование. Это так же необходимо истинно, как то, что целое больше своей части. (...)

Если мы обратим внимание на нашу душу, то найдем, конечно, что наш разум был бы менее совершенен, если бы душа оставалась одинокой и не познавала ничего, кроме самой себя. Таким образом, вне нас существует многое, что для нас полезно и к чему вследствие этого должно стремиться. Из числа этого ничего нельзя придумать лучше того, что совершенно согласно с нашей природой. В самом деле, если, например, два индивидуума совершенно одной и той же природы соединяются друг с другом, то они составляют индивидуум вдвое сильнейший, чем каждый из них в отдельности. Поэтому для человека нет ничего полезнее человека; люди, говорю я, не могут желать для сохранения своего существования ничего лучшего, как того, чтобы все, таким образом, во всем согласовались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились

42

сохранять свое существование и все вместе искали бы общепользнего для всех. Отсюда следует, что люди, управляемые разумом, т. е. люди, ищущие собственной пользы по руководству разума, не чувствуют влечения ни к чему, чего не желали бы другим людям, а потому они справедливы, верны и честны.

Вот те предписания разума, которые я предположил указать здесь в кратких словах, прежде чем начать доказывать их более пространном образом. (...)

24. Действовать абсолютно по добродетели есть для нас не что иное, как действовать, жить, сохранять свое существование (эти три выражения обозначают одно и то же) по руководству разума на основании стремления к собственной пользе.

26. Все, к чему мы стремимся вследствие разума, есть не что иное, как познание; и душа, поскольку она руководствуется разумом, считает полезным для себя только то, что ведет к познанию.

59. Ко всем действиям, к которым мы определяемся каким-либо аффектом, составляющим состояние пассивное, независимо от него мы можем определяться также и разумом.

Прибавление

Гл. III. Наши действия, т. е. те желания, которые определяются способностью или разумом человека, всегда хороши; остальные желания могут быть как хорошими, так и дурными.

Гл. IV. Таким образом, самое полезное в жизни — совершенствовать свое познание или разум, и в этом одном состоит высшее счастье или блаженство человека; ибо *блаженство* есть не что иное, как душевное удовлетворение, возникающее вследствие созерцательного (интуитивного) познания бога⁵. Совершенствовать же свое познание — значит не что иное, как познавать бога, его атрибуты и действия, вытекающие из необходимости его природы. Поэтому последняя цель человека, руководствующегося разумом, т. е. высшее его желание, которым он старается умерить все остальные, есть то, которое ведет его к адекватному постижению себя самого и всех вещей, подлежащих его познанию.

Гл. IX. Ничто не может быть так сходно с природой какой-либо вещи, как другие индивидуумы того же вида; и следовательно..., человеку для его самосохранения и наслаждения разумной жизнью нет ничего полезнее, как *человек, руководствующийся разумом*. Далее, так как между единичными вещами мы не знаем ничего, что было бы выше человека, руководствующегося разумом, то никто, следовательно, не может лучше показать силу своего искусства и дарования, как воспитывая людей таким образом, чтобы они жили, наконец, исключительно под властью разума.

Гл. X. Поскольку люди питают друг к другу зависть или какой-либо другой аффект ненависти, они противны друг другу, и, следо-

⁵ В монистическом учении Спинозы бог отождествляется с бесконечной и вечной субстанцией-природой. — *Прим. ред.*

вательно, их должно бояться тем больше, чем они могущественно других индивидуумов природы.

Гл. XI. Однако души побеждаются не оружием, *а любовью и великодушием.*

Гл. XII. Всего полезнее для людей соединиться друг с другом в своем *образе жизни* и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы.

О МОГУЩЕСТВЕ РАЗУМА ИЛИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Перехожу, наконец, к другой части этики, предмет которой составляет *способ или путь, ведущий к свободе.* Таким образом, я буду говорить в ней о *могуществе разума* и покажу, какова его сила над аффектами и затем — в чем состоит *свобода* или *блаженство души*; мы увидим из этого, насколько мудрый могущественнее невежды. (...)

Теоремы

1. Телесные состояния или образы вещей располагаются в теле точно в таком же порядке и связи, в каком в душе располагаются представления и идеи вещей.
2. Если мы отделим душевное движение, т. е. аффект, от представления внешней причины и соединим его с другими представлениями, то любовь или ненависть к этой внешней причине, равно как и душевные волнения, возникающие из этих аффектов, уничтожатся.
3. Аффект, составляющий пассивное состояние, перестает быть им, как скоро мы образуем ясную и отчетливую идею его.
4. Нет ни одного телесного состояния, о котором мы не могли бы составить ясного и отчетливого представления.
5. Аффект к вещи, которую мы воображаем просто и не как необходимую, возможную или случайную, при прочих условиях равных, бывает самым сильным из всех аффектов.
6. Поскольку душа познает вещи как необходимые, она имеет тем большую власть над аффектами, иными словами, тем менее страдает от них.
7. Аффекты, возникающие или возбуждающиеся из разума, если обращать внимание на время, сильнее, чем те, которые относятся к единичным вещам, по нашему воображению не существующим в наличности.
8. Чем большим стечением причин возбуждается какой-либо аффект, тем он сильнее.
9. Аффект, относящийся ко многим различным причинам, созерцаемым душой вместе с этим аффектом, менее вреден, и мы менее страдаем от него и питаем меньший аффект к каждой отдельной из его причин, чем в случае какого-либо другого аффекта, одинакового с ним по величине, но относящегося только к одной причине или меньшему числу их.
10. Пока мы не волнуемся аффектами, противными нашей природе, до тех пор мы сохраняем способность приводить состояния тела в порядок и связь сообразно с порядком разума.

Схоллия. Благодаря этой способности приводить состояния тела в правильный порядок и связь мы можем достигнуть того, что нелегко будем поддаваться дурным аффектам. Ибо (по т. 7) для того, чтобы воспрепятствовать аффектам, приведенным в порядок и связь сообразно с порядком разума, требуется большая сила, чем для аффектов неопределенных и беспорядочных. Таким образом, самое лучшее, что мы можем сделать, пока еще не имеем совершенного познания наших аффектов, это принять правильный образ жизни или твердые начала для нее, всегда помнить о них и постоянно применять их в единичных случаях, часто встречающихся в жизни, дабы таким образом они широко действовали на наше воображение и всегда были у нас наготове. Так, например, в числе правил жизни мы поставили... побеждать ненависть любовью и великодушием, а не оплачивать за нее взаимной ненавистью. Однако для того, чтобы это предписание разума всегда иметь перед собой, где только оно потребуется, должно часто думать и размышлять об обыкновенных обидах людей и о

том, каким образом и каким путем всего лучше можно отвратить их от себя посредством великодушия. Таким путем образ обиды мы соединим с воображением такого правила, и... оно будет восставать перед нами всегда, как только нам будет нанесена обида. (...)

11. Чем большему числу вещей относится какой-либо образ, тем он постоянное, иными словами — тем чаще он возникает и тем более владеет душой.

12. Образы вещей легче соединяются с образами, относящимися к таким вещам, которые мы познаем ясно и отчетливо, чем с какими-либо другими.

13. Чем с большим числом других образов соединен какой-либо образ, тем чаще он возникает.

14. Душа может достигнуть того, что все состояния тела или образы вещей будут относиться к идее бога.

15. Познающий себя самого и свои аффекты ясно и отчетливо любит бога, и тем больше, чем больше он познает себя и свои аффекты.

20. Эта любовь к богу не может быть осквернена ни аффектом зависти, ни аффектом ревности, наоборот, она становится тем горячее, чем больше других людей, по нашему воображению соединено с богом тем же союзом любви.

Схолия. (...) В сказанном мною я изложил все средства против аффектов, иными словами — все, к чему душа является способной против аффектов, будучи рассматриваема сама по себе. Отсюда ясно, что способность души к укрощению аффектов состоит:

1) в самом познании аффектов...; 2) в отделении аффекта от представления внешней причины, смутно воображаемой нами (см. т. 2 и т. 4); 3) в том, что аффекты, относящиеся к вещам, которые мы познаем, превосходят по времени те аффекты, которые относятся к вещам, воспринимаемым нами смутно или искаженно (см. т. 7);

4) в количестве причин, благоприятствующих аффектам, относящимся к общим свойствам вещей или к богу (см. т. 9 и 11);

5) наконец, в порядке и связи, в которые душа может привести свои аффекты (см. сх. т. 10 и т. 12, 13 и 14). (...)

Таким образом, из сказанного мы легко можем себе представить, какую силу имеет над аффектом ясное и отчетливое познание. (...)

42. Блаженство не есть награда за добродетель, но сама добродетель; и мы наслаждаемся им не потому, что обуздываем свои страсти, но, наоборот, вследствие того, что мы наслаждаемся им, мы в состоянии обуздывать свои страсти.

Схолия. Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый как таковой едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением. Если же путь, который, как я показал, ведет к этому, и кажется весьма трудным, однако все же его можно найти. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особенного труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко.

Вундт (Wundt) **Вильгельм** (16 августа 1832 — 31 августа 1920) — немецкий философ и психолог, один из основателей экспериментальной психологии. С 1875 г. — профессор философии в Лейпциге, где в 1879 г. организовал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии. Как считал Вундт, реализация основных требований ко всякому научному исследованию в психологии предполагает прежде всего смену самого объекта изучения. Если со времен Д. Локка в качестве такого объекта признавался исключительно мир «внутреннего опыта» человека (так называемой рефлексии), то Вундт предложил обратиться к анализу всей сферы переживаний, всего «непосредственного» опыта, безразлично внутреннего или внешнего, противопоставляя его опыту «опосредствованному» — миру предметов и идеальных значений, который хотя и открывается человеку «посредством» переживаний, но сам уже является объектом изучения не психологии, а других наук (физики, химии, биологии и т. д.). Доступ к сфере непосредственного опыта должно давать, по Вундту, «правильно поставленное» самонаблюдение, которое становится научным,

только будучи включено в эксперимент. Поскольку интроспективный эксперимент осуществим лишь в отношении «низших» психологических процессов, Вундт вынужден был признать наряду с экспериментальной (и физиологической) психологией низших психических процессов необходимость существования и совсем иной, описательной и исторической, психологии высших психических процессов и образований (так называемой «психологии народов»), методом которой является анализ проявлений человеческого духа в формах культуры (в языке, обычаях, мифах и т. д.).

Сочинения: Лекции о душе человека и животных, 1865—1866, 1894; Этика тт. 1—2, 1887--1888; Система философии, 1902; Введение в философию. М., 1902; Введение в психологию. М., 1912;

Естествознание и психология. Спб., 1914; Мировая катастрофа и немецкая философия. Спб., 1922; Logik. В., 1880—1883; Volkerpsychologie, Bd. 1—10. L., 1900—1920.

Литература: Ждан А. Н. Вильгельм Вундт. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология, 1979, № 3.

[ПСИХОЛОГИЯ ВОЛНЕНИЙ]

ДУШЕВНЫХ

Главные формы и общие свойства психических элементов

Как как всякое содержание психического опыта бывает сложно по своей природе, то *психические элементы* в смысле безуслов-

'Текст составлен из фрагментов двух работ В. Вундта:

психологии, т. 2, гл. XI. с. 351—358, 376—401, 409—413, с. 125—144, 246—260. Спб., б. г.;

Очерки психологии. М., 145—146, 155—162.

Основы физиологической 419—431; т. 3, гл. XVI, 1912, с. 25—31, 69—70,

но простых и неразложимых составных частей психического ряда/ явлений представляют собой порождение анализа и отвлечения[^]. Подобное отвлечение возможно только благодаря тому, что элементы связываются друг с другом в действительности различным образом. Если элемент *a* связывается в первом случае с *B*, *c*, *d*..., во втором с *f*", *c'*, *d'*... и т. д., то именно потому, что *ни один* из элементов *B*>, &', *c*, *c'*... не связан постоянно с *a*, мы можем отвлекаться от всех них. (...)

Непосредственный опыт состоит из *двух* факторов, объективного содержания опыта и испытующего субъекта, и в соответствии с этим мы имеем *два рода психических элементов*, получаемых в результате психологического анализа. Элементы объективного содержания опыта мы называем *элементами ощущения*, или просто *ощущениями*, например, тон, известное ощущение тепла, холода, света и т. д. ... Субъективные элементы мы называем *элементами чувства*, или *простыми чувствами*. Примером таковых могут служить: чувство, сопровождающее какое-нибудь ощущение звука, вкуса, света, обоняния, тепла, холода, боли, или чувства, испытываемые нами: при виде предметов, которые нам нравятся или не нравятся, чувства при внимании, в момент волевого акта и т. д. (...)

В ощущениях и простых чувствах мы находим и некоторые общие свойства, и некоторые характерные различия. К общим свойствам относится, например, то, что каждому элементу присущи *два определения: качество и интенсивность*. Всякое простое ощущение, всякое простое чувство имеют определенное *качество*, но оно всегда дано бывает в *различной силе* (интенсивности). В названиях психических элементов мы руководствуемся исключительно их качествами; так, среди ощущений мы различаем голубой, желтый цвет, тепло, холод и т. п., среди чувств — серьезные, веселые, печальные, мрачные чувства и т. д. Напротив, различия интенсивности элементов обозначаются нами во всех случаях одинаковыми обозначениями величины, как-то: слабый, сильный, средней силы, очень сильный. (...)

Ощущения и чувства... отличаются друг от друга в некоторых существенных свойствах, которые связаны с тем, что наши (...) чувства имеют отношение к единому субъекту, а ощущения — к многообразным объектам. (...)

Все многообразие чистых ощущений распадается на несколько отделенных друг от друга систем, между элементами которых нет никаких отношений по качеству. Поэтому ощущения, принадлежащие к различным системам, называются *диспаратными*. В этом смысле диспаратны тон и цвет, но также и ощущения тепла и давления. (...) Напротив, все простые чувства образуют одно целое связанное многообразие, так как нет ни одного чувства, отправляясь от которого нельзя было бы через ряд промежуточных ступеней и полосу безразличия дойти до всякого другого чувства. (...)

Качественное многообразие простых чувств необозримо велико, по-видимому; во всяком случае оно более значительно, чем многообразие ощущений. (...)

\ Тем не менее в пределах этого многообразия можно различать несколько *главных направлений*, простирающихся между контрастами чувства доминирующего характера. Такие главные направления могут быть поэтому передаваемы каждое с помощью *двух* обозначений, отмечающих эти контрасты. Но при этом каждое такое обозначение следует рассматривать лишь как собирательное выражение, обнимающее множество индивидуально изменчивых чувств.

Основные формы чувств

(...) Не может быть и сомнения, что если мы обратимся за данными к непосредственному опыту, то перед нами выделятся в качестве двух отчетливо различных форм чувства удовольствия и неудовольствия. (...) Но пусть наблюдатель... попытается распространить субъективный анализ чувств на более широкую область наблюдения...; тогда неминуемо выделится перед ним множество душевных состояний, которым необходимо приписать

характер чувства, но в то же время подогнать под шаблонную схему удовольствия-неудовольствия невозможно. (...)

Если я буду смотреть в темном пространстве сперва на блистающий спектрально-чистый красный цвет, а потом на такой же самый голубой цвет, то и тот, и другой охарактеризую, конечно, как в высшей степени радостные впечатления, т. е. возбуждающие удовольствия. И несмотря на это, чувства, пробуждаемые во мне ими обоими, будут совершенно различны. (...) Наиболее подходящими названиями для них могут служить выражения: *возбуждение и успокоение*; для высших же степеней последнего можно выбрать название *подавленность* (депрессия). Эти же чувства, очевидно, обуславливают отчасти и противоположный эмоциональный характер, свойственный высоким и низким тонам, резким и мягким тембрам. (...)

Будем, например, умеренно напрягая внимание, прислушиваться к ударам медленно отбивающего такт метронома. Тогда в промежутке от одного удара до другого появится и будет становиться все сильнее и сильнее особое состояние, которое мы можем назвать *чувством напряжения* (соответственно причине, чаще всего вызывающей это чувство). Как только ожидаемый удар маятника прозвучал, чувство это разрешается в некоторое противоположное эмоциональное состояние. Будем называть последнее *чувством разрешения*. Конечно, и то, и другое может соединяться с чувствами удовольствия-неудовольствия, равно как и с чувствами возбуждения и успокоения; но могут они проявляться и без всякой субъективно заметной примеси. (...)

Однако найти еще какие-нибудь другие эмоциональные элементы, специфически отличающиеся от трех выше различенных пар противоположностей, по-видимому, уже нельзя. (...) Таким образом, всю систему чувств можно определить как *многообразие трех измерений*, в котором каждое измерение имеет два противоположных

направления, исключая друг друга. Наоборот, каждое из шести основных направлений, получающихся таким образом, может сосуществовать с чувствами тех двух измерений, к которым само **оно** не принадлежит. Направления же одного и того же измерения, разумеется, в каждом данном мгновенном эмоциональном состоянии исключают друг друга. Таким образом, многообразие чувств можно символически изобразить посредством геометрического построения, данного на рис. 1. (...) В промежутке *anc* размещены по порядку чувства, разложимые на удовольствия и возбуждения, в *and* чувства, разложимые на удовольствие и успокоение и т. д. В пространстве, ограниченном линиями *na*, *nc* и *ne*, будут распределены те чувства, которые содержат одновременно удовольствие, возбуждение и напряжение и т. д. (...)

Рис. 1

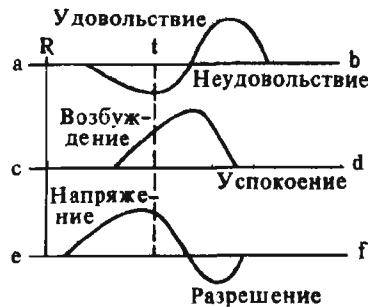

Рис. 2 Символическое изображение течения чувства

Каждое единичное чувство в непрерывности, изображенной на рис. 1, представлено отдельной точкой. Пойдем теперь дальше. Обратим внимание на то обстоятельство, что каждая такая точка изображает лишь одно *мгновенное* состояние чувства и что это состояние никогда или почти никогда не держится долее. Напротив того, каждое реальное чувство всегда входит в состав какого-нибудь *течения чувства*, в продолжение которого отдельные компоненты могут претерпевать частью непрерывные, частью внезапные изменения. Изобразим наглядно ход изменения чувства в таком течении. Для этого можно представить каждое отдельное измерение эмоциональной непрерывности особо, разведя символически изображающие их линии. Изменениям в области каждого отдельного измерения будет тогда соответствовать своя особая кривая. Линия абсцисс при ней будет выражать временные величины, а восхождение кривой над линией абсцисс и падение ниже ее будет соответствовать противоположным фазам чувства в пределах одного и того же данного измерения (рис. 2). (...)

Свойстве простых чувств

Простыми чувствами следует называть такие самостоятельные существующие чувства, которые хотя и могут вступать в соединение с другими элементами сознания, но сами уже на самостоятельные более простые чувства неразложимы. (...)

Если при анализе чувств мы найдем такую составную часть, которая возможна только как отдельное определение, как один из признаков чувства, а в качестве реального существующего чувства встретиться не может, то значит здесь дело идет уже не о чувстве, а о свойстве чувств, вроде того как бывает в области ощущений:

интенсивность и качество ощущения не есть ощущение, а только его свойство. Оба эти свойства — интенсивность и качество — суть нераздельно друг с другом связанные определения всех простых психических содержаний. Присущи они в действительности и чувству. (...)

Качественная особенность, свойственная всякому чувству и отличающая его от всех прочих чувств, характеризуется тем, что всегда принадлежит к основным эмоциональным формам —

к удовольствию или неудовольствию, возбуждению или угнетению, напряжению или разрешению (рис. 1). Она может входить или в одно из этих измерений, или в два, или во все три. Таким образом, если мы назовем качество и интенсивность основными свойствами чувства, то первое из этих основных свойств, качество, может быть определено более подробно, потому что всегда занимает известный пункт в каком-нибудь месте эмоциональной непрерывности, построенной по трем измерениям общих основных эмоциональных форм.

Будем, в отличие от основных свойств, называть такие определения чувства (по главным его направлениям) *компонентами эмоционального качества*. (...)

Понятие «чувственный тон» представляет в общем краткое обозначение тех простых чувств, которые мы более или менее регулярно встречаем в связи с определенными простыми ощущениями. Если мы придадим слову «чувственный тон» такой суженный и потому ясный и однозначный смысл, то получим возможность представить проблему изменений интенсивности простых чувств в виде вопроса:

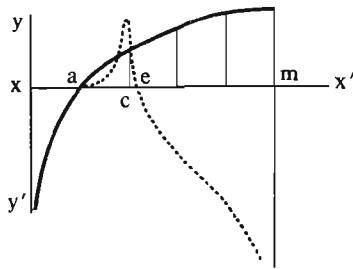
как изменяется чувственный тон ощущения при переменах в интенсивности последнего?

Об общем ответе даже на этот простой вопрос нечего и думать — так невероятно сложны и запутаны условия эмоциональной жизни. Но при одном из вышеразличенных измерений чувства все-таки наблюдателю бросается в глаза сильная связь между интенсивностью ощущений и чувственным тоном, хотя в отдельных случаях эта связь и подвержена значительным колебаниям. Я имею здесь в виду *чувства удовольствия и неудовольствия*. (...)

Можно наглядно изобразить общую зависимость чувственного тона от интенсивности ощущения следующим образом (рис. 3). (•-) Абсциссы... будут обозначать величины раздражения или соответствующие им абсолютные величины ощущения. (...)

so

я

Рис. 3

Условимся, что положительные ординаты над линией абсцисс означают величины удовольствия, идущие же вниз, отрицательные выражают величины неудовольствия. Тогда кривая удовольствия начнется у порога ощущения *a* бесконечно малыми величинами удовольствия и подымется затем до максимума, достигаемого при определенной средней силе ощущения. От максимума она опять

постепенно понижается и в пункте *e* достигает нулевой точки. При дальнейшем же усилении ощущений эта кривая переходит на отрицательную сторону, что указывает на постепенное возрастание величины неудовольствия. (...)

От качества *ощущений* всегда зависит и особое специфическое для каждого ощущения качество сопровождающего *чувственного тона*. (...) Особенно, по-видимому, это надо иметь в виду по отношению к чувствам *возбуждения и успокоения*. (...) Так, красный цвет — цвет энергической силы. При значительной силе света ему свойственно возбуждающее чувство больше, чем всякому другому цвету. Как известно, кроваво-красный цвет приводит в раздражение животных и дикарей. При слабой силе света чувственный тон красного ослабляется до степени серьезного настроения и чувства достоинства; еще совершеннее и полнее обнаруживается этот оттенок чувства в пурпурном цвете, где красный переходит в цвета, сопровождающиеся спокойным настроением, в фиолетовый или голубой. Наконец, фиолетовый цвет принимает характер мрачной серьезности и беспокойного страстно-жаждущего настроения, соответственно своему родству одновременно с голубым и с красным. Эти же черты отчасти свойственны уже индиго-синему цвету. (...)

Непосредственная зависимость между качеством ощущения и... компонентами возбуждения и успокоения выст...ает особенно ярко и отчетливо при звуковых и световых впечатлениях. Это и понятно. Свойства чувств выражены в этом случае резко и вместе с тем оттенки их разнообразны. Но исходя из этого наблюдения нельзя не заметить, что зависимость эта существует и в остальных областях ощущений. (...) Например, довольно отчетливо выделяется возбуждающее настроение при впечатлении теплоты и угнетающее — при чувстве холода. На это указывают и метафорические определения цветов — «теплый» цвет, «холодный» цвет, — о которых мы говорили раньше. (...) Можно высказать такой эмпирический закон: если дана какая-нибудь система ощущений и в ней, как и в системе тонов и цветов, наибольшие качественные различия являются крайними членами постепенного ряда чистых качеств ощущений, то различия эти обыкновенно соединяются с противоположностью чувственных тонов, последние же представляют собой какие-нибудь модификации основных форм возбуждения и успокоения. Вероятно даже, что самый характер противоположности, приобретаемый в таких случаях различающимися ощущениями, обусловлен исключительно противоположностью сопровождающих их чувств. Если бы холодное и теплое, высокое и глубокое, белое и черное или даже голубое и желтое даны были нам лишь как чистые ощущения и совершенно лишены эмоциональных элементов, то нельзя было бы, собственно говоря, понять, почему именно должны мы их воспринимать как противоположности. Конечно, они и тогда означали бы различия, иногда

даже и наибольшие. Но противоположностями их делают только сильные связанные с ними эмоциональные противоположности, противоположность чувств. (...)

Совершенно иное положение занимает третье измерение чувств — *напряжения и разрешения*. Конечно, качества ощущений имеют существенное значение и для их возникновения — точно так же, как для возникновения удовольствия и неудовольствия. (...)

Но при этих компонентах чувства определяющую роль играет... *их временное течение*. (...)

Это стоит, очевидно, в связи со специфической природой чувства напряжения и разрешения. (...) *Чувства* напряжения являются для нас первичными субъективными симптомами тех состояний сознания, которые мы (имея в виду именно эту их субъективную сторону) называем «состояниями внимания»; психическим же следствием их является апперцепция, т. е. ...«выяснение» какого-нибудь одного содержания сознания при одновременном подавлении прочих. (...)

Чувства напряжения и разрешения занимают постольку отличное от прочих компонентов место, поскольку связаны с более центральной частью тех простых процессов сознания, субъективными дополнениями которых являются простые чувства. Прочие компоненты связаны с интенсивностью и качеством содержаний сознания, поэтому и изменяются преимущественно и прежде всего вместе с этими признаками содержаний сознания. Чувства же напряжения и разрешения — составные части апперцепции этих содержаний, они — части того фактора внимания, который необходимо должен привходить в содержание сознания, чтобы оно было замечено. (...) Но апперцепция и внимание суть процессы, развивающиеся во времени, они вместе с тем и изменяются в определенной временной последовательности, так как каждое чувство разрешения необходимо предполагает предшествовавшее напряжение, а новое напряжение возникает только на основе предшествовавших разрешений. Поэтому данные компоненты чувства тесней связаны с временным течением процессов сознания, чем прочие. (...)

Соединение простых чувств

(...) *Все имеющиеся в любой данный момент в сознании элементы чувств объединяются в одну единую равнодействующую чувства*. Правда, и одновременные ощущения в пределах известной

области чувств тоже обыкновенно более или менее тесно объединяются в одно целое. Так, одновременные звуки объединяются в созвучие, одновременные световые впечатления — или в одно предметное представление, или же по крайней мере в известное число пространственно связанных друг с другом представлений объектов. Но осязательное и зрительное впечатление, видимый предмет и услышанный звук все-таки могут существовать в нашем сознании сравнительно самостоятельно друг от друга. (...) Они связываются в конце концов друг с другом в единое целое только потому, что каждое из них обыкновенно сопровождается чувственным тоном известной степени: это подчиняет их вышеуказанному принципу соединения эмоциональных элементов.

Мы будем называть этот принцип *принципом единства* эмоционального состояния. Согласно с ним нет в сознании двух одновременных представлений, хотя самых диспаратных и независимых друг от друга, эмоциональные элементы которых не объединялись бы в одно равнодействующее чувство. Нетрудно видеть, что этот принцип единства эмоционального состояния непосредственным образом связан с одним основным свойством чувств, — с тем именно, что все чувства, каково бы ни было их происхождение, в каком бы отношении ни стояли связанные с ними представления, всегда принадлежат к одной и той же эмоциональной непрерывности (...)

Далее, психологическое наблюдение показывает нам, что все простые чувства, объединяющиеся согласно принципу единства, взаимно модифицируют друг друга и что все они модифицируются общей равнодействующей: при этом самым характерным является то обстоятельство, что отдельные простые чувства в общем или совсем перестают различаться как отдельные составные части сознания и только вносят свою долю в своеобразную эмоциональную окраску последнего, или по крайней мере отступают на задний план по сравнению с совокупным впечатлением. (...)

Назовем единую равнодействующую всех имеющихся в данный момент эмоциональных действий *цельным чувством*, а отдельные чувства, входящие в состав его как части, — *частичными чувствами*. Пользуясь этими терминами, можно определить особенности структуры чувства так: простые чувства, являющиеся всегда конечными элементами подобных соединений, не объединяются в последние непосредственно; некоторое число простых чувств соединяется прежде всего в ближайшее частичное чувство, на которое по отношению к составляющим его чувствам можно смотреть как на относительно цельное чувство; только это последнее уже является в свою очередь одним из компонентов окончательного, настоящего цельного чувства. Общее понятие слияния чувств основано, следовательно, на том факте, что простые чувства образуют известную упорядоченную *градацию* соединений: сначала они соединяются в *частичные чувства первого порядка*, эти, в свою очередь, в чувства *второго порядка* и в случае очень развитой сложности состава чувства, например, при высших эстетических чувствах, сюда может примыкать еще

S4

неопределенный ряд дальнейших порядков. (...) Ближайшими частичными чувствами при аккорде *seg* являются чувства, сопровождающие созвучия *se*, *eg* и *cg*, а в эти последние входят в свою очередь три чувства, сопровождающие звуки *c*, *e* и *g* — уже чувства простые. (...)

Если мы будем наблюдать эти изменения цельных чувств при помощи вариации входящих в них частичных чувств различного порядка, то обнаружатся прежде всего два принципа эмоциональных слияний. (...) *Принцип градации элементов* состоит в том, что каждое сложное цельное чувство содержит в себе одно какое-нибудь господствующее частичное чувство, придающее ему основной его характер; остальные частичные чувства только более или менее видоизменяют последний. *Принцип ценности целого* заключается в том, что цельное никогда не является только суммой частичных чувств, на которые его можно

разложить. В нем всегда прибавляется еще особая, специфическая, хотя по своим качествам и обусловленная в существенном частичными чувствами, эмоциональная ценность. Последняя и является собственно тем, что придает самому цельному чувству его своеобразность. Вместе с тем только из этого принципа эмоциональных равнодействующих и объясняется то мощное повышение чувств, которое может проявиться при их сложении. Поэтому его можно назвать также и *принципом усиления ценности чувств при их сложении*. (...)

Каждое отдельное простое чувство обладает еще ассоциативными связями, и последние во многих отношениях определяют общую связь эмоциональной жизни. В общей совокупности душевной жизни играют значительную роль главным образом два вида таких эмоциональных ассоциаций. Ассоциации одного вида сводятся к соединению единичного чувства с репродуктивными элементами, связанными с какими-нибудь сложными представлениями, в ассоциациях второго вида соединяются сами по себе диспаратные ощущения благодаря родственности их чувственных тонов. (...)

Благодаря ассоциации, например, зеленый цвет напоминает о зелени леса и луга, звон колокола или звук органа веет представлением о выходе в церковь и о богослужении. Благодаря этим ассоциациям к чистому ощущению как бы пристаёт что-то из чувственного тона, сопровождающего соответственные сложные представления. (...)

Далее, во многих отношениях важное ассоциативное усиление чувств может возникать и благодаря непосредственному родству самих чувственных тонов различных ощущений. (...)

Например, нам кажется, что низкие тона соответствуют темным цветам и черному, высокие тона — светлым цветам и белому. Резкий звук, например, звук трубы и цвета из возбуждающего ряда — желтый и светло-красный — соответствуют друг другу, точно так же, как глухой тембр соответствует спокойному синему цвету. Подобные же сравнения между низшими и высшими внешними чувствами Делаем мы и тогда, когда различаем *теплый и холодный цвет*, или говорим: «*резкий звук*» и «*насыщенный цвет*» и т. д. Все

SS

подобные аналоги, вероятно, основываются исключительно на родстве простых чувств, лежащих в основе их. Если рассматривать низкий тон как чистое ощущение, вряд ли он имеет какую-нибудь связь с темным цветом, но обоим им присущ одинаковый серьезный чувственный тон; это сходство мы переносим и на самые ощущения, которые представляются нам тоже родственными друг с другом. (...)

Общие свойства связанных с представлениями чувств

Подобно тому как ощущения никогда не могут возникать в нашем сознании без сопровождения разнообразнейших по содержанию представлений, так же точно и связанный всегда с ощущениями *субъективный* элемент душевной жизни — чувство, свойствен нам, говоря вообще, исключительно в форме сложных образований более или менее запутанного состава. При этом он проявляется или в виде непосредственных соединений между одновременно возникающими простыми чувствами, и тогда мы обозначаем его именем *сложных чувств*; или же для своего проявления он требует известного, более или менее длительного *промежутка времени*, и тогда в зависимости от тех или иных условий его течения во времени будет называться или *аффектами*, или *волевыми актами*. (...)

Ощущения и простые чувства представляют собой объективные и субъективные элементы одного и того же естества сознания, в действительности оказывающегося всюду нераздельно единым;

исходя из этого мы должны признать взаимную связь также и между представлениями и относящимися к ним чувствами, тем более, что последние всегда являются *суммированными чувствами* в вышеустановленном нами смысле, аналогично тому, как представления оказываются продуктом слияния ощущений, на которые они и могут быть разложены. (...)

При этом особое значение имеет одна особенность этих слияний чувств: вероятно, под влиянием принципа единства душевного состояния *варьирующие* эмоциональные элементы могут подавлять прочие составные части того же суммированного чувства и таким образом оказывать господствующее влияние на все состояние чувства, если этому благоприятствуют также еще и условия, лежащие вне самого представления. Этими соотношениями объясняется факт, который имеет величайшее значение для всей жизни чувства с ее проявлениями в форме аффектов и волевых процессов;

кратко мы можем его обозначить как *несоответствие между представлением и связанным с ним чувством*. Это несовпадение резче всего проявляется в том, что при некоторых обстоятельствах связанное с представлением чувство может достигнуть такой интенсивности, которая не стоит ни в каком отношении к интенсивности элементов ощущения и апперцепции или к ясности представления. Обратную сторону этого несоответствия в положительном смысле представляют те явления, которые соответствуют приближению

56

чувств к точке безразличия постоянной их величины. ... Это двоякая форма разлада между представлением и чувством может, кроме того, проявляться еще и таким образом, что они *достигают восприятия не одновременно, а во временной последовательности*; при этом или чувство предшествует объективному представлению, с которым оно связано, или же наоборот. (...) Появление предшествующего во времени чувственного тона очень часто связывается с перевесом эмоциональных элементов в комплексе представлений;

между тем предшествование объективного содержания представления во всех случаях наблюдается тогда, когда чувственный тон представления оказывается слабым, приближающимся к порогу безразличия. (...)

Подтверждение этому находим в том важном различии, которое наблюдается между *чувственными представлениями*, возникающими под влиянием внешних раздражений, и между *представлениями, воспроизведенными памятью*. (...) При непосредственных чувственных представлениях входящие в них элементы чувства обыкновенно *следуют* за

объективными впечатлениями, между тем как при воспроизведенных представлениях наоборот — они со столь же правильной закономерностью *идут впереди*. И в действительности при вызванных внешними раздражителями чувственных восприятиях последовательность «представление — чувство» оказывается настолько постоянной, что она бесконечное число раз могла быть подтверждена простым самонаблюдением. Не менее наглядно обнаруживается эта последовательность при так называемых «опытах с ассоциациями». (...) При этом в огромном большинстве случаев в результате оказывается, что сперва воспринимается представление в смысле его объективного содержания и только вслед за ним, нередко по истечении вполне заметного промежутка времени, выступает в сознании чувственный тон его. Особенно постоянно это имеет место тогда, когда чувственный тон представления оказывается слабым, причем непосредственно граничит с этим тот случай, когда чувственный тон вообще делается равным нулю. (...) Вместе с тем и именно при очень слабых чувственных раздражениях наблюдали иногда противоположные факты, которые можно объяснить исключительно лишь апперцепцией чувственного тона данного представления, идущей впереди апперцепции самого представления. В этом можно убедиться при помощи тех впечатлений, особенно из области чувства осязания, обоняния и вкуса, которые при сильной интенсивности способны вызвать ясное чувство неудовольствия; если взять их в слабой степени, то в этом случае они возбудят все же общее неприятное настроение, несмотря на то что объективное содержание их представлений совершенно не достигнет апперцепции вследствие сосредоточения внимания на других впечатлениях. (...)

Если при впечатлениях, вызванных внешними раздражениями, последовательность «представление — чувство» может, несмотря на Упомянутые исключения, быть рассматриваема как норма в том смысле, что при возбуждениях ощущений и чувств умеренной силы

она наступает с известной регулярностью, то при *воспроизведенных представлениях*, наоборот, противоположный порядок: «чувство — представление» оказывается преобладающим. Также и здесь целый ряд неопровержимых доказательств мы можем почерпнуть опять-таки из опытов с ассоциациями. (...) Так было, например, в том случае, когда у одного из наблюдателей при слове «суждение» сначала появлялось неопределенное, но живое радостное чувство и лишь затем вслед за ним выступало общее представление известной логической теории суждения, одобряемой наблюдателем, которое и являлось для этого чувства мотивирующим содержанием представления. Или в другом случае наблюдатель при слове «бездна» ясно замечал у себя прежде всего чувство эстетического неудовольствия, а вслед за этим у него возникло как образ воспоминания представление недавно виденной неудачной картины, на которой была изображена бездна, и т. д. (...)

Выше было показано, что вообще *чувство есть реакция центральных функций сознания, т. е. апперцепции, на отдельные переживания в сфере сознания*. (...) При некоторой средней величине возбудимости чувств мы можем в общем допустить, что субъективная реакция следует за апперцепцией представления настолько близко, что оба акта во времени сливаются для нас в один. Но известно, что, прежде чем получить возможность быть апперцепированным всякое объективное содержание представления, будет ли последне-зависеть от внешних впечатлений или слагаться главным образом из воспроизведенных элементов, всегда должно быть сперва перцепировано, т. е. вообще вступить в сознание, вследствие же этого при представлениях, сравнительно сильно окрашенных, или при необычной возбудимости чувств, легко может случиться, что объективные элементы комплекса еще не успеют апперцепироваться, в то время как апперцептивная реакция на него уже произойдет совершенно явственно; вслед за этим могут явиться задерживающие моменты, которые мимолетно или длительно помешают апперцепции самого представления, и тогда в результате этого возникнут те многообразные явления, которые мы видим при некоторых, по видимому, беспричинных настроениях, при неопределенных воспоминаниях, при припоминании ускользающего из памяти и т. п. (...)

Аффекты

Аффекты занимают среднее место: с одной стороны, они состоят из чувств, а с другой, при известных условиях, перходят в волевые процессы. От обыкновенных чувств аффекты отличаются, впрочем, не только тем, что соединяют сменяющиеся:

чувства в одно, но обыкновенно еще и большей силой чувств) Кроме того, сильные чувства и аффекты так тесно связаны между собой, что каждое значительное усиление чувства ведет к аффекту. Может случиться, что аффект, вызванный интенсивным возбуждением чувств, переходит в более слабые чувства. Подобные аффекты отличающиеся сравнительно небольшой силой составляющих и чувств, обыкновенно называют *настроениями*. (...)

S8

Аффектам можно дать следующее определение: это формы течения чувств, которые связаны с изменениями в течении и соединениях представлений, причем эти изменения благодаря связанным с ними чувствам, в свою очередь усиливают аффекты. Каждое более сильное чувство ведет к аффекту, причем первоначальное чувство переходит в другое; и течение этих чувств, благодаря тесной связи между субъективным и объективным содержанием нашего сознания, связано с соответствующим течением представлений.

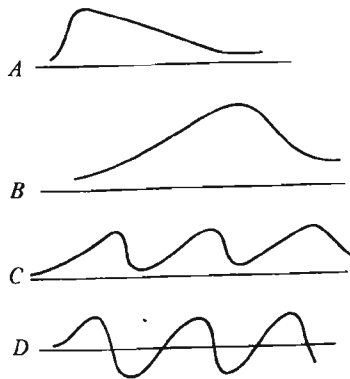
Эти качества аффекта в сущности неизменны, какое бы ни было их содержание. Следовательно, аффект не имеет собственной качественной окраски, последняя всецело принадлежит чувствам, которые составляют содержание аффекта. Этим объясняется, что сильные аффекты, в особенности в начальной стадии, субъективно очень похожи между собой. Испуг, удивление, сильная радость, гнев сходны в том, что все представления исчезают, кроме того одного, которое является носителем чувства и совершенно заполняет

всю душу. Только при дальнейшем развитии отдельные составные части выступают яснее. И тогда, после первой задержки, происходит наплыв множества представлений, которые находятся в связи с впечатлением, вызывавшим аффект, или же в сознании могут утвердиться те представления, которые с самого начала вызвали аффект. Аффекты, сопровождающиеся наплывом представлений, обыкновенно встречаются при радостном возбуждении сознания. (...)

В нашей речи имеются различные словесные обозначения аффектов. Однако эти наименования, подобно названиям чувств, обозначают не какие-либо индивидуальные процессы, а имеют смысл родовых понятий, каждое из которых обнимает значительное число отдельных душевных волнений, отмеченных известными общими признаками. Такие аффекты, как радость, надежда, печаль, гнев и т. д., не только сопровождаются в каждом отдельном случае своеобразными представлениями, но и состав чувств, и даже характер течения чувств могут в каждом отдельном случае принимать самые различные формы. (...) Следовательно, общие словесные наименования аффектов могут иметь в лучшем случае то значение, что они обнимают известные *типичные формы течения чувств родственного содержания*. (...)

Если... за основание для различения форм течения аффектов принять прилив и отлив чувств, то получаются две противоположные основные формы аффектов, аффекты «возбуждающие» и «угнетающие». (...) Если на оси абсцисс откладывать время, а на оси ординат — интенсивность чувств, то одна из основных форм, а именно возбуждающая или стеническая, могла бы быть изображена положительной кривой, т. е. кривой, проходящей *над* абсциссой, а другая, угнетающая или астеническая форма — отрицательной кривой, т. е. кривой, проходящей *под* абсциссой.

При таком предположении каждая из двух противоположных основных форм будет иметь два существенно различных типа форм течения: *тип быстро возрастающего и медленно спадающего и тип медленно возрастающего и сравнительно быстро спадающего аф-*

фекта. Рис. 4, Л и и изображают два типа стенической формы:

типы астенической формы были бы совершенно подобны, с той только разницей, что кривая находилась бы ниже абсциссы. Тип *A*, а также и подобный ему отрицательный тип соответствует всем аффектам, которые происходят от внезапного восприятия извне: это, следовательно, самая обыкновенная форма аффекта, особенно аффектов восприятия, которые возникают, например, при виде какого-нибудь предмета или при получении известия. Сюда же следует отнести и гнев и испуг, причем первый возбуждающего, а второй угнетающего характера. Тип *B* соответствует аффектам, похожим на настроения, которые вырастают понемногу из внутренних мотивов, особенно из размышлений с сопровождающими их чувствами. Эти аффекты — удовольствие, надежда или при отрицательной кривой — забота, горе, печаль. Если аффект длится более продолжительное время, то эти простые формы течения осложняются, так что получается не одно связанное движение вверх и вниз, а возобновляющееся несколько раз или даже перемещающееся движение аффекта, а в некоторых случаях даже движение, колеблющееся между двумя противоположными настроениями. Возобновляющийся тип изображен при помощи кривой *C*. (...) Колеблющиеся аффекты, переходящие от возбуждения к угнетению и обратно, принадлежащие к типу *D*, бывают основаны или на причинах, специально вызывающих аффекты, или

Рис. 4

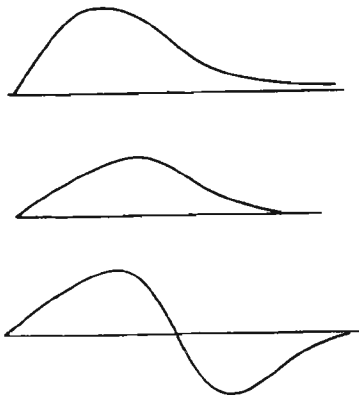

Рис. 5. Схематическое течение аффекта удовольствия: «радость»

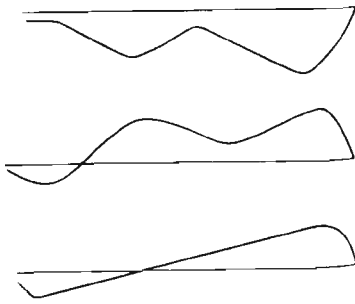

Рис. 6. Схематическое течение аффекта недовольства:

«гнев»

60

же на особенном расположении души. Если аффект вызывается восприятием извне, то колеблющаяся форма может быть вызвана впечатлениями, которые сначала производят сравнительно безразличные аффекты, которые, однако, легко могут развиваться и в одну и в другую сторону. Это наблюдается, например, при переходе ожидания в надежду, страх или заботу. (...)

Задача точного психологического анализа аффектов состояла бы в том, чтобы в смысле схемы, изображенной на рис. 2, разобрать типическое течение определенной формы аффекта, разложив его по трем главным факторам чувства. (...) Понятно, что в настоящее время, когда только лишь приступили к анализу чувств, не только о полном, но даже и о приблизительном исполнении этой задачи не может быть и речи. В виде схематических примеров добытого самонаблюдением анализа аффекта приводим чертежи, изображающие течение двух аффектов: одного — удовольствия, а другого — недовольства. Выбираем особенно типический случай аффекта «радости», вызванного внезапными, но не длительными впечатлениями, и параллельно течение аффекта «гнева», вызванного также внезапным впечатлением (рис. 5 и 6). Значение кривых, после того что сказано раньше (см. рис. 2), не требует дальнейшего разъяснения. (...)

Волевые процессы

Каждый аффект представляет собой связанное преемство чувств, отмеченное характером цельности. Такой процесс может иметь двойкий исход. Или аффект уступает место обычному, более или менее изменчивому и сравнительно лишенному аффективной окраски течению чувств — такие душевные волнения, замирающие без какого-нибудь окончательного результата, образуют класс *подлинных аффектов*... Или же аффект завершается тем, что состав представления и чувства внезапно изменяется, и это ведет к непосредственному прекращению аффекта. Такие изменения общего состояния представлений и чувств, подготавливаемые каким-нибудь аффектом и мгновенно прекращающие его, мы называем *волевыми действиями*. Аффект сам по себе вместе с этим проистекающим из него конечным действием есть *волевой процесс*.

Волевой процесс примыкает, следовательно, к аффекту, подобно тому как аффект к чувству: как процесс, стоящий на более высокой ступени. Волевое действие представляет собой лишь одну определенную часть этого процесса, именно ту стадию, которая составляет характерное отличие его от аффекта. (...)

Примитивные волевые процессы возникают, по всем вероятностям, всегда под влиянием чувств недовольства, вызывающих различные внешние двигательные реакции, в результате которых появляются контрастирующие чувства удовольствия, как их следствие. Схватывание пищи для утоления голода, борьба с врагом для Удовлетворения чувства мести — таковы первичные волевые процессы подобного рода. Аффекты, возникающие из физических чувств,

а также и более распространенные социальные аффекты, ^пример любовь, ненависть, гнев, месть, являются таким образом

первичными источниками воли, общими человеку с животными. Волевой процесс отличается здесь от аффекта тем, что к аффекту непосредственно примыкает известное внешнее действие, вызывающее своими результатами чувства, которые благодаря контрасту по отношению к чувствам, входящим в состав аффекта, приостанавливают самый аффект. (...) Нет такого чувства и такого аффекта, которые не подготовляли бы так или иначе какое-нибудь волевое действие или по крайней мере не могли бы принимать участия в таком подготовлении их. Всякие, даже сравнительно безразличные, чувства содержат в себе в некоторой степени стремление или противодействие, направленное иногда лишь на поддержание или устранение душевного состояния данного момента. Если поэтому волевой процесс представляет собой наиболее слбжную форму душевных волнений, которая предполагает в качестве своих элементов наличность чувств и аффектов, то, с другой стороны, не следует также упускать из вида, что, хотя в отдельных случаях и встречаются чувства, которые не объединяются в какие-либо аффекты, и аффекты, которые не заканчиваются какими-нибудь волевыми действиями, однако в общей связи психических процессов эти три ступени взаимно обуславливают друг друга, образуя взаимно связанные члены одного и того же процесса, который достигает высшей ступени своего развития в форме волевого процесса. В этом смысле чувство может быть рассматриваемо как начало волевого действия с тем же правом, как и, наоборот, воля может рассматриваться как сложный процесс чувства, а аффект — как переходная ступень между тем и другим.

В аффекте, завершающемся каким-нибудь волевым действием, отдельные чувства, входящие в состав его, имеют обыкновенно различное значение и смысл; некоторые из этих чувств вмесю со связанными с ними представлениями выделяются из числа прочих как те, которые *предпочтительно* готовят волевой акт. Эти связи представления и чувства, непосредственно подготовляющие по нашему субъективному восприятию какое-нибудь действие, назы ваются обыкновенно *волевыми мотивами*. Но всякий мотив расчленяется, в свою очередь, на элемент представления и элемент чувств,!, из которых первый можно назвать *основанием*, а второй — *побудительной причиной воли*. Когда хищное животное схватывает свою добычу, то основанием служит вид добычи, а побудительной причиной может быть неприятное чувство голода или родовая ненависть, вызываемая видом добычи. Основанием преступного убийства могут быть присвоение чужих денег, устранение врат и т. п., а побудительными причинами — чувство недостатка, нен;г висть, месть, зависть и т. п. (...) *Простейший* случай волевого процесса мы имеем тогда, КОПУ в каком-нибудь аффекте подходящего строения отдельное чув ство с сопровождающим его представлением получает значение мотива и завершает процесс соответствующим ему внешним двн жением. Такие волевые процессы, определяемые *одним* мотивом можно назвать *простыми волевыми процессами*. Движения, которыми они заканчиваются, называются также *импульсивными действиями*. (...)

Если в каком-нибудь аффекте несколько чувств и представлений стремятся вызвать внешнее действие и если эти элементы аффекта, получившие значение мотивов, влекут одновременно к различным внешним окончательным действиям, отчасти родственным друг другу, отчасти противоположным, из простого волевого действия получается *сложное*. В отличие от простых волевых действий или импульсивных мы будем называть этот сложный волевой акт *произвольным действием*. (...)

Произвольные действия отличаются тем, что здесь... решающий **мотив** постепенно выделяется из нескольких мотивов, различных и противодействующих друг другу, существующих наряду друг с другом. Когда борьба таких противодействующих мотивов предшествует действию и отчетливо воспринимается нами, мы называем произвольное действие специально *актом выбора*, а предваряющий его процесс—*процессом выбора*. (...)

Если *начальная стадия волевого процесса* не отличается определенным образом от обычного течения аффекта, то эти *конечные стадии* отличаются от аффекта вполне характерными свойствами. Эти стадии отмечены сопутствующими *чувствами*, встречающимися только в волевых процессах и поэтому справедливо причисляемыми к специфически своеобразным элементам воли. К таким чувствам относятся прежде всего чувства простого и обдуманного решения, причем последнее отличается от первого лишь своей большей интенсивностью. Они относятся к разряду чувств возбуждения и разрешения и сочетаются в зависимости от тех или иных обстоятельств с удовольствием или неудовольствием. Сравнительно большая сила чувства обдуманного решения объясняется, вероятно, его контрастом по отношению к предшествующему чувству *сомнения*, сопровождающему колебание между различными мотивами. (...)

Переход простых волевых действий в сложные сопровождается целым рядом дальнейших изменений, имеющих большое значение для развития воли. Первое из этих изменений состоит в том, что *аффекты*, которыми вводятся волевые процессы, все более и более слабеют в своей интенсивности вследствие противодействия различных чувств, взаимно задерживающих друг друга; в конце концов волевые действия проистекают как будто из такого чувства, которое, по-видимому, совершенно лишено каких-либо элементов аффекта. Конечно, при этом никогда не может быть речи о безусловном отсутствии аффекта. Для того чтобы тот или иной мотив, выступающий в процессе обычного течения чувства, мог вызвать простое или обдуманное решение, он должен быть всегда связан до известной степени с каким-нибудь аффективным возбуждением. Но это возбуждение может быть фактически настолько слабо и преходяще, что оно ускользает от нашего внимания... Это ослабление аффектов вызывается главным образом теми связями психических процессов, которые мы относим к области *интеллектуального* развития.

Грот Николай Яковлевич (30 апреля 1852—4 июня 1899) — русский философ-идеалист и психолог. Профессор Московского университета (с 1886) председатель основанного М. М. Троицким в 1885 г. Московского психологического общества, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии» (с 1889).

И. Я. Грот прошел сложный путь эволюции от позитивистского отрицания философии через занятия психологией и этикой к попытке построения собственной спиритуалистической метафизики, в основе которой лежала особая форма дуализма. В рамках этой философии Н. Я. Грот пытался в противовес господствовавшей в его время в России метафизической психологии обосновать возможность новой, опытной психологии (см.: Жизненные задачи психологии. — Вопросы философии и психологии, 1890, кн. 4; Основания экспериментальной психологии. М., 1896).

В качестве основной единицы анали душевной жизни Н. Я. Грот рассматривал так называемый «психический оборот», который складывается из четырех основных моментов: ощущения, чувствования, умственной переработки и окончательного решения, переходящего в действие. Чувствования, по Н. Я. Гроту, представляют собой результат субъективной оценки ощущений и соответствуют в определенном моменту «оборота». Сочинения: Сновидения как предмет научного анализа. Киев, 1878; Отношение философии к науке и искусству. Киев, 1883; К вопросу о реформе логики Лейпциг, 1882; Основные моменты развития новой философии. М., 1891; Джордано Бруно и пантеизм. — Одесса, 1895; Очерк философии Платона. М., 1896; Философия и ее основы. СПб., 1904.

Литература: Николай Яковлевич Грот... СПб., 1911.

Н. Грот

ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВОВАНИЙ

Значение чувствований в ряду психических явлений

Термин *чувствований*, по нашему мнению, должен обнимать собою *только*, но зато и *всю* совокупность явлений удовольствия и страдания, т. е. все те пассивные психические состояния, которые можно рассматривать как продукт *субъективной оценки* действующих на нервную систему раздражений, какой бы источник они ни имели — внешний или внутренний.

Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб. 1879—1880, с. 418—464, 481—497. Воспроизводимый здесь текст знакомит, при этом со значительными сокращениями, лишь с программной частью фундаментально; исследования Н. Грота и не охватывает разделов, в которых сформулированы в ней общие принципы и законы «осложнения» чувствований используются для объяснения конкретных эмоциональных явлений.

64

Хотя многие из современных психологов, как мы видели, дают именно такой объем разбираемому термину, но мотивировать свое определение одними обычаями предшественников мы конечно не вправе, ибо мы могли также убедиться, что некоторые другие психологи и в настоящее время дают тому же термину иное значение, — то более широкое, то более узкое. Стало быть, мы обязаны *сами* доказать, что данное нами определение наиболее правильно. (...)

Главная особенность психологической терминологии сравнительно с терминологиями других наук заключается в том, что она должна *предшествовать* всякому описанию и анализу частных явлений. (...) Здесь нет средств применить наглядный или демонстративный метод, ибо никакой фигурой нельзя изобразить тех процессов, которые совершаются в сознании, а тем менее возможно непосредственно демонстрировать эти последние. (...)

Но в таком случае неизбежно также признание, что единственным прямым источником для установления этой терминологии может быть только внутренний опыт, представляющий,

однако, слишком шаткие основания для научного решения задачи. В этих двух положениях, очевидно, заключается противоречие, которое не представляет, по-видимому, никаких выходов для психолога:

«для научного описания и анализа психических явлений нужна прочно установленная психологическая терминология, но такая *прочная* терминология не может быть заимствована из единственно остающегося (сверх описания и анализа) прямого источника различения психических явлений, т. е. из внутреннего наблюдения, самосознания».- Остается, по-видимому, сложить оружие и признать себя побежденным. Но такой исход был бы слишком печален, да и невероятен — пришлось бы предположить, что область психических явлений должна быть навсегда исключена из сферы научного исследования, а с этим выводом ум человеческий едва ли может смириться. Поэтому постараемся найти какой-нибудь новый выход из указанного нами противоречия.

Наука учит нас, что если нельзя прямым путем решить какую-нибудь задачу, то надо употреблять пути *косвенные*. Кроме того, она же научает нас, что выводы одной науки часто добываются при содействии другой. (...) В общих различениях своих психология Должна опираться не на физиологию, а на биологию, т. е. на общую науку о *жизни и ее развития*, так как психическая жизнь несомненно составляет только частную область целой жизни организма. (...) Для нас, впрочем, помощь биологии необходима лишь в весьма скромных размерах. Достаточно будет заимствовать из нее *общее определение жизни*, чтобы затем из этого определения вывести определение психической жизни и ее элементов. (...)

Однако, приступая к выполнению подобной задачи, мы прежде всего должны изменить постановку вопроса. Первоначальной целью Нашей было определить, какое значение всего правильное давать ^рмину «чувствований». Прямо ответить на этот вопрос биология, конечно, не в состоянии, ибо своим общим учением о жизни она

может выяснить характер составных элементов психической жизни только в отношении их к целому и в связи друг с другом, а не порознь. Вследствие этого терминология вообще отступает на второй план и на первый план выступает *классификация* — наименование должно подчиниться распределению. (...) Следовательно если мы, пользуясь обобщениями биологии, сделаем *естественное распределение элементов* психической деятельности и основания для установления смысла важнейших терминов заимствуем из этого, естественного распределения, то мы выполним по отношению к психологии такую задачу, решение которой составляет главный залог успешного развития каждой науки. (...)

Теперь остается решить еще один вопрос: можно ли рассматривать психические явления как ряд отдельных и самостоятельных процессов в организме или нет? Без сомнения, психические явления в отдельных органах, хотя бы одного и того же вида, представляют ряд самостоятельных процессов. (...) Если сравнить психические явления в одном и том же организме и в один и тот же период деятельности, но все-таки значительно отдаленные по времени, то можно, если не всегда, то часто рассматривать их тоже как самостоятельные друг от друга процессы. Но если речь идет о *смежных* во времени явлениях, то тут уже трудно один процесс отделить от другого: два психических процесса не могут происходить одновременно или последовательно, не входя в непосредственное соприкосновение друг с другом и не связываясь в *один*, более или менее *цельный* процесс. (...) Но в таком случае приходится рассматривать элементы психической деятельности только как фазисы одного непрерывного психического процесса, и именно эти фазисы — моменты и необходимо определить прежде всего для выяснения механизма психической деятельности. Однако несомненно все-таки психический процесс имеет начало и конец, помимо тех, которые определяются утренним пробуждением организма от сна и вечерним погружением его в сон. Обыкновенно такое начало усматривают в ощущениях органов чувств, конец — в отдельных действиях или движениях организма по поводу ощущений. Правильно ли или нет такое воззрение, мы увидим впоследствии; но так или иначе общий оборот психической деятельности; и в течение дня складывается из целого ряда переходящих друг в друга частных оборотов с самостоятельными началами и концами. Элементы этих частных оборотов и совпадают, очевидно, с упомянутыми выше элементарными фазисами или *моментами* психического процесса. Стало бы вопрос, поставленный нами выше, окончательно решен. Нам надо определить, *сколько отдельных моментов и какие именно* имеет каждый правильный оборот психической деятельности и входящий в состав общего психического процесса, непрерывно протекающего в течение известного периода сознания? Определение этих моментов и будет решением главного вопроса об элементах психической деятельности.

Определения жизни, даваемые биологами, не всегда совпадают между собою. Этот факт естественно объясняется возможностью

в этом деле весьма разнообразных точек зрения. Для нас, очевидно, наилучшую службу может сослужить такое определение, которое бы выходило из самой широкой точки зрения и совмещало бы в себе до некоторой степени все другие определения. Такую широкую точку зрения мы находим в гипотезе современных «эволюционистов», выходящих из принципа постепенного развития жизни из самых простейших форм в наиболее сложные. С этой точки зрения жизнь, как ее определяет Герберт Спенсер, есть «беспрерывное приспособление внутренних отношений к внешним». (...) Однако мы полагаем, что определение Спенсера сделается еще более точным, если к нему прибавить несколько слов. Дело в том, что в приведенном определении вполне ясно выражены, так сказать, *результаты* жизни и тем самым *задачи* ее, но не обозначен *путь* достижения этих результатов. Если мы скажем, что жизнь есть «взаимодействие организма с окружающей средой, имеющее результатом приспособление внутренних отношений к внешним», то общий смысл определения Спенсера,

очевидно, не изменится — оно только выиграет в точности и полноте. Теперь предстоит из этого общего определения жизни извлечь специальное определение психической жизни. Психическая жизнь есть, без сомнения, один из видов взаимодействия организма с окружающей средой с целью приспособления внутренних отношений к внешним. Таких видов вообще, как тоже учит нас биология, два: одно взаимодействие имеет задачей приспособление отношений материи или вещества организма к материи или веществу окружающей среды, другое — имеет в виду приспособление отношений сил и движений организма к силам и движениям вокруг него. (...)

Во всяком взаимодействии одного предмета с другим, даже если оба принадлежат к неорганической природе, надо различать момент действия *на* предмет, т. е. претерпевания им на себе действия Другого предмета, от момента *собственного* действия его, т. е. противодействия или ответного действия. Затем надо различать *внешний* и *внутренний* момент каждого взаимодействия одного предмета с другим. Внешний момент есть, иначе сказать, момент *непосредственного* взаимодействия предмета с другим предметом, внутренний момент есть момент *посредственного* взаимодействия между частями данного предмета, имеющий задачей переработать сообщенный предмету внешний импульс сообразно с внутренними УСЛОВИЯМИ, ему присущими. (...) Несомненно, что прежде всего «приспособление внутренних отношений к внешним» состоит в переработке впечатлений извне в такое внутреннее *впечатление же*, которое бы соответствовало наличным внутренним условиям существования организма. Без этого превращения впечатление не может сделаться мотивом для одного ответа организма предпости-тельно перед каким-нибудь другим. Затем, точно так же несомненно и то, что внутреннее впечатление, прежде чем превратиться в "эружное движение или действие, должно вызвать ряд внутренних •ажений, которые бы послужили импульсом для внешних. Таким

образом, каждый полный оборот психического процесса должен заключать в себе четыре момента или фазиса:

- 1) Внешнее впечатление на психический организм.
- 2) Переработка этого внешнего впечатления во внутреннее.
- 3) Вызванное этим внутренним впечатлением такое же внутреннее движение.
- 4) Внешнее движение организма на встречу предмета. Необходимо теперь придумать более точные наименования или «технические термины» для обозначения этих моментов. Наименований таких можно придумать много, и мы только укажем на самые подходящие: контраст моментов действия и противодействия, по нашему мнению, всего удобнее выразить терминами *восприимчивости* и *деятельности*. ибо вся пассивная жизнь организма подходит к типу того, что принято называть «восприятием», вся активная жизнь наоборот подходит к типу так называемых «действий». Контраст внешних и внутренних моментов развития психического процесса удобнее все о выразить обычными терминами: *объективный* и *субъективный*, ибо в моментах внешнего взаимодействия главная роль принадлежит «объектам», в моментах внутреннего взаимодействия выражается, напротив, самобытная природа «субъекта». (...)

Эти наименования, однако, еще слишком отвлеченного характер! Они выражают общий характер явлений, относящихся к тому и. in другому моменту в том или другом обороте психической деятельности, но они не удобны для обозначения самих этих *явлений*. (.)

Поэтому, параллельно приведенным обозначениям моментов психического процесса мы предложим другие названия для самих «явлений», им соответствующих, и для этого обратимся к обычной психологической терминологии. Ввиду контраста первоначальных и осложненных явлений, необходимо будет создать *два ряда* наименований, соответствующих двум типам психических оборотов. Мы полагаем, что следующие две группы терминов будут в состоянии всего лучше удовлетворить этой цели:

Психическая деятельность

<i>Ее моменты:</i>	<i>Первоначальные психические явления:</i>	<i>Осложненные психические явления:</i>
1. Объективная восприимчивость	ощущения	представления и понятия (идеи
2. Субъективная восприимчивость	удовольствия или страдания	вообще) чувства и волнения
3. Субъективная деятельность	стремления	желания и хотения
4. Объективная деятельность	движения	действия и поступки

...Заметим еще, что не дурно было бы иметь и ряд таких терминов, которые бы объединяли собою первоначальные и осложненные явления, соответствующие каждому моменту психического оборота, в одну область. Этой цели могли бы удовлетворять, по-видимому, обычные термины:

68

- 1) Ума или познания.
- 2) Чувствительности.
- 3) Воли.
- 4) Деятельности (в тесном значении слова).

(...) Особенности нашей классификации сравнительно с наиболее распространенным в наше время делением душевной деятельности на три области (мышления, чувства и воли, см. Бэна) суть следующие:

- 1) В классификации своей мы руководимся не субъективными данными самонаблюдения, а объективными критериями: направления взаимодействия и большей или меньшей непосредственности его;
- 2) В основу различения явлений на классы мы прежде всего ставим противоположность простых и сложных психических образований и вследствие этого изменяем отчасти термины при распределении первоначальных классов духовных явлений;
- 3) Мы вводим в число основных психологических понятий новое понятие «деятельности» в тесном значении слова, т. е. проводим еще не признанное в наше время противоположение воли (стремлений, желаний) и деятельности (движений, действий) и тем самым на место обычной трихотомии предлагаем тетрахотомию психических явлений, деление их на *четыре* раздельные класса. ...Насколько теория четырех моментов каждого психического оборота, т. е. закон указанного нами преемства психических явлений, может допускать отклонения на практике? (...)

Бывают... такие отклонения от правильной схемы развития процесса, которые могут быть истолкованы только действительным или кажущимся *выпадением* отдельных моментов из данных психических преемств. Это выпадение моментов может быть сведено к следующим шести главным случаям:

- 1) Выпадают оба средних звена процесса.
- 2) Выпадает одно из средних звеньев.
- 3) Отсутствует первое звено процесса.
- 4) Отсутствуют два первых звена.
- 5) Отсутствует последнее звено оборота.
- 6) Отсутствуют оба последних звена.

Все эти случаи, как мы сейчас увидим, возможны и объясняются различными феноменами в развитии психического организма.

Оба средних звена чаще всего выпадают, так как многочисленные *рефлекторные* движения и действия человека именно представляют большую частью прямое следование движения за ощущением, действия или поступка за идеей. Объясняется такое нарушение в преемстве психических явлений или большою *интенсивностью* развития процесса, когда между ощущением и действием не успевает наступить оценка, или же частым *повторением*, тех ^ке преемств и превращением движения, служащего ответом на ощущение, в автоматическое. Очевидно, однако, что в обоих случаях

выпадение только кажущееся: в первом случае оценка обыкновенно происходит лишь так быстро, что субъект не успевает себе отдать отчета в ней, не успевает, так сказать, сознать ее, ибо в следующую затем минуту обыкновенно обнаруживаются все-таки все явления такую оценку сопровождающие. Так, например, если, видя падающую на голову штукатурку дома, мы быстро отскакиваем в сторону, то по миновании опасности являются все последствия страха, которого мы, по-видимому, не ощущали в себе как мотива для сделанного нами скачка, т. е. сильное биение сердца, бледного лица, иногда даже трясение членов и т. д. (...) Во втором случ^а, выпадение потому только кажущееся, что первоначально связью между ощущениями и движениями в рефlekсах все-таки служила какая-нибудь субъективная оценка. (...)

Выпадение *одного* из средних звеньев объясняется тоже привычкою, а именно ассоциацией, т. е. слиянием двух средних моментов в один: поглощением одного другим. Отсюда понятие *инстинктов*, т. е. таких психических преемств, в которых момент чувства, т. е. субъективного восприятия, вполне поглощается моментом стремления — субъективного движения. Отсюда также, обратно, возмож^{ность} прямой последовательности между чувствованием и движением. Чувствование боли, например, часто прямо вызывает движение с целью удалить ее причину: такой факт объясняется тем, что последовательность боли, стремления прекратить ее и движения в виду этой цели так часто повторялась, что наконец чувствование совершенно поглотило стремление и прямо связалось с движением. (...)

Третий случай — отсутствие *первого* момента — чаще всего объясняется подобным же поглощением ощущения чувствованием. Впрочем, некоторые сочетания ощущений и чувствований с несомненным преобладанием последних по-видимому неизбежно вытекают уже из первоначальной организации субъекта. Так, например, в тех оборотах, импульсом для которых служат не внешняя среда, а ткани самого организма, играющие тоже роль особого рода «внешней» среды в отношении к сознанию, — ощущение часто поглощается чувством и притом, по-видимому, в силу самой организации. Например, так называемые чувствования голода и жажды, несомненно, содержат в себе объективный элемент ощущения, т. е. смутного знания о том, что происходит в заинтересованных тканях, но этот объективный элемент почти совершенно поглощен субъективным (...) Бывает, однако, и так, что ощущение, по-видимому, отсутствует потому, что внимание наше в данный момент было поглощено другими ощущениями. Тогда новый оборот тоже часто начинается прямо с чувства; например, если мы сильно увлечены разговором, то можем и не заметить, как на нашу щеку села муха, и замечаем прямо лишь ту боль, которую вызвало ее укушение. (...)

Отсутствие *двух первых* звеньев цепи встречается очень редко, ибо редко бывает, чтобы стремление не имело источником либо сознательного ощущения, либо чувствования. Но, однако, неко-1

70

торые инстинктивные стремления вызываются «бессознательными» ощущениями и чувствованиями, как, например, стремление любить при наступлении зрелости человека. (...) Впрочем, и в этом четвертом случае бессознательность первых двух моментов может зависеть не от условий организации, а от отвлечения внимания в другую сторону: иногда, не отдавая себе отчета в наших ощущениях и чувствованиях, ибо наше сознание занято другим делом, мы вдруг замечаем в себе желание переменить положение тела или перейти в другую комнату и тут только уже начинаем сознавать, что мы неловко сидели или что в означенной комнате был спертый воздух. Однако стремление, как мы видели, всегда имеет, если не сознательный, то бессознательный источник в каких-нибудь ощущениях или чувствах.

Пятый и шестой из отмеченных случаев основаны на возможности перерыва в развитии психического процесса. Бывает иногда, что новые впечатления с силою врываются в сферу сознания, когда развитие старого оборота еще не пришло к концу. Если эти новые

впечатления очень сильны, то внимание отвлекается от прежних впечатлений, и таким образом последний или два последних момента оборота остаются недовершенными (...)

Из всех этих фактов мы можем заключить, что если в правильном преемстве психических явлений и бывают отклонения, то последние имеют более *видимый*, чем действительный, характер:

одни моменты могут быть слабее других и могут поглощаться этими последними; иные моменты надо искать в области бессознательных психических отправлениях, между тем как другие принадлежат сознанию; наконец, дополнительных звеньев преемства надо иногда искать, в прошедших или будущих психических оборотах. Все это дает нам право признать общую основу смены психических явлений закон, что *ни одно чувство не может возникнуть без участия ощущения, как ни одно стремление без участия чувствования, ни одно движение без участия стремления*. Тот же закон применим и к смене сложных психических явлений, и поэтому его можно формулировать так: *ни одно психическое явление, простое или сложное, не может возникнуть без настоящего или хоть прошедшего участия явления, соответствующего предыдущему моменту в правильном типе психического оборота*.

...Приведенный закон можно дополнить обратным положением, что *ни одно психическое явление, простое или сложное, не может не вызвать за собою в настоящем или хоть в будущем того явления, которое соответствует последующему моменту в правильном типе психического преемства*.

Условия образования первоначальных чувствований

Мы пришли к заключению, что чувствованиями всего правильнее называть те состояния сознания, которые вытекают из субъективной оценки ощущений. Такая оценка выражается в против-

б.

”

положных состояниях удовольствия и страдания, которые служат! первоначально *единственными* источниками для образования стремлений и движений, т. е. для ответной реакции организма в направ. лении к внешнему миру. (...)

Мы сделали в свое время замечание, что явления удовольствия и страдания по тем признакам, которые лежат уже в самих поня. тиях, могут быть определяемы как *явления сознания, вытекающие из субъективной оценки гармонии или дисгармонии каких-то отношений*... Но далее поднимаются вопросы: какого характера эта оценка, сознательная или бессознательная? Каков т.-е критерий, абсолютный или релятивный? Наконец, какого рода те отношения, гармония или дисгармония которых служит материалом для означенной оценки? Длинный анализ мнений множества психологов по этим вопросам привел к выводу, что решения их были самые разносторонние и противоречивые. Но в то же время анализ показал, чт<з большинство *современных* психологов склоняется к объяснению всех чувствований из *бессознательной и релятивной оценки степени гармонии внутренних отношений*. Прежде всего мы должны убедиться, что этот вывод действительно единственно правильный, и затем уже надо постараться на основании его точнее формулировать условия образования удовольствия и страдания.

Во-первых, разберем вопрос, какие отношения, *внутренние* или другие какие-нибудь, служат предметом нашей субъективной оценки? Признав, что чувствования соответствуют *второму* моменту психического оборота и находятся в прямой зависимости от *ощущения*, — иначе сказать, что они представляют собою как бы «вторичные» ощущения или «ощущения ощущений», мы этим самым уже определили общее направление, в котором надо исследовать данный вопрос; необходимо только решить, что именно, т. е. какая сторона в «объективных ощущениях» служит предметом той «субъективной» оценки, которая дает начало чувствованиям удовольствия и страдания?

Для этого прежде всего надо точнее вникнуть в природу и значение самих ощущений. (...)

Ощущения сами по себе еще не способны *регулировать* отправления организма, к какой бы области — обмена вещества или обмена впечатлений — они ни относились. Ощущения служат только показателями того, *что происходит в различных наших органах* под влиянием разнообразнейших действий внешней среды. Они, следовательно, представляют только первый шаг к регулированию процессов организма, т. е. снабжают сознание *основаниями* для такого регулирования и дают ему первый толчок. Настоящим регулятором взаимодействия организма с окружающей средой является только *весь психический оборот* в совокупности, и каждый момент этого оборота есть новый шаг к окончательному регулированию такого взаимодействия. Какая же роль в этом акте регулирования принадлежит чувствованиям? Чувствования как продукт субъективны оценки ощущений, очевидно, отвечают на вопрос: *какое значена¹ в экономике целого организма имеет это нечто, происходящее* ¹

72

каком-нибудь нашем органе и открытое нами при содействии ощущения? Ответом на этот вопрос служат чувствования удовольствия и страдания. Отсюда мы можем уже с полной достоверностью утверждать, что чувствования служат продуктом оценки *внутренних* отношений. (...)

Внешние отношения оттого не могут служить предметом непосредственной оценки нашей, что мы судим о достоинстве и недостатках предметов только по тому действию, которое они производят *на нас*. Отчего мы говорим, что пирамидальный тополь красивее обыкновенного, отчего какую-нибудь мазурку Шопена мы ставим выше, чем мотив танца каких-нибудь Зулуев, отчего «Критику чистого разума» Канта мы считаем более совершенным произведением ума, чем какую-нибудь «Историю души» Шуберта, отчего запах резеды ценим больше, чем запах липового цвета и т. д.? Очевидно оттого, что первые впечатления и сочетания впечатлений, сравнительно со вторыми, производят более гармонические возбуж-

дения в различных органах нашей нервной системы. Если отвлечься от такого действия предметов на наши органы, то большая часть, если не вся совокупность параллелей, проводимых нами между предметами и явлениями внешнего мира, с точки зрения их относительного достоинства потеряет всякий смысл. (...)

Теперь необходимо только точнее выяснить, гармония и дисгармония *каких* внутренних отношений служит источником явлений удовольствия и страдания. После того что было сказано нами выше о значении отношений вещей к нам в образовании чувствований, ясно, что последние должны выражать собою степень гармонии между возбуждениями наших тканей предметами внешней среды и предшествующим состоянием этих возбуждаемых тканей. Но возбуждение тканей, особенно внутренних, в сложном организме может быть и независимо от непосредственного воздействия внешних предметов. Поэтому вернее будет, если мы скажем, что чувствования могут иметь источником «всякое отношение между возбуждением наших органов и данным их состоянием», какую бы основу ни имело это возбуждение. Но такую фразу еще не все выражено. Всякое возбуждение наших тканей, с точки зрения тех последствий, какие оно за собою влечет, называется *работою* этих тканей; всякое состояние их, предшествующее этой работе, принято рассматривать, в отношении к последней, с точки зрения *силы* или *энергии*, какую эти ткани могут обнаружить во время работы; в этом смысле состояние тканей равносильно присущей им энергии. Поэтому основой для образования различных чувствований должно считать *отношение работы какой-нибудь ткани организма к ее энергии*. Нечего и говорить, что это отношение далеко не всегда доступно сознанию; но в тех случаях, где оно доступно, единственным выражением его служат чувствования удовольствия или страдания. Теперь остается еще определить, какое или какие отношения между Работою и энергией тканей служат, в частности, источником удовольствия, и какое или какие — источником страдания. Для этого напомним прежде всего проводимое Вундтом и подробно опреде-

ляемое Горвицем различие между *положительной* и *отрицательно* молекулярною работою тканей: положительная работа состоит в трате вещества и в переходе более сложных, но менее прочных соединений веществ в этих тканях в более простые, но твердые. отрицательная, обратно,— в накоплении вещества и образовании более сложных соединений, служащих новым запасом рабочей силы в органах. (...) Если же так, то и гармония, а равно и дисгармония, между работой в тканях и их энергией может быть двоякая, а именно:

1) *гармония* имеет место как в том случае, когда *положительная* молекулярная работа тканей происходит в размерах той энергии, которая образовалась вследствие предшествующей отрицательной работы в тех же тканях, так и тогда, когда *отрицательная* молекулярная работа происходит в пределах, предписанных предшествующею положительною работою в том же органе;

2) *дисгармония* точно так же ощущается, как в том случае, когда *положительная* молекулярная работа переходит за черту, намеченную предшествующей отрицательной молекулярной работою, так и тогда, когда отрицательная работа перешла за пределы, указанные предшествующею тратою-вещества.

В двух первых случаях, очевидно, продуктом указанных отношений является *удовольствие*, в двух последних — *страдание* или *неудовольствие*. Очевидно, наука должна отличать те удовольствия и страдания, которые сопровождают нормальную и ненормальную *положительную* молекулярную работу, от тех, которые сопровождают такую же *отрицательную* работу. Этой цели конечно всего лучше должны удовлетворять те самые понятия, которые опре деляют двоякий вид работы в тканях организма. Поэтому весьма удобно называть удовольствие и страдание в первом случае *положительными*, во втором — *отрицательными*. Эти термины тем удобнее, что они, как мы могли убедиться, уже и ранее были приняты в психологии и даже имели приблизительно то же самое значение Гамильтон, отчасти Спенсер и Вундт, и в особенности Дюмон пользовались ими почти для тех же целей. Мы лично только дали новую мотивировку такому словопотреблению. Определим же теперь в *более точных и по возможности кратких* формулах условия образования положительных и отрицательных удовольствий и страданий. (...)

1) *Положительное удовольствие* сопровождает всякое соответствие траты вещества предшествующему его накоплению

2) *Отрицательное удовольствие* сопровождает всякое соответствие накопления вещества предшествующей его трате.

3) *Положительное страдание* сопровождает всякий избыток траты вещества сравнительно с его накоплением.

4) *Отрицательное страдание* сопровождает всякий избыток накопления вещества сравнительно с его тратою. (...)

Теперь постараемся точнее определить отношение упомянуты'-четырех продуктов субъективной оценки между собою. Так как трата и восстановление веществ следуют друг за другом в опреде-

74

ленной преемственности, то представляется весьма вероятным, что и упомянутые чувствования относятся друг к другу не только как разнородные продукты субъективной оценки, но и как *моменты* одного непрерывного психического процесса. Это предположение вполне подтверждается внимательным сравнением условий образования отдельных типов чувствований.

Положительное удовольствие, вытекая из умеренной траты вещества, естественно является большею частью прямым antecedентом положительного страдания, связанного с избытком траты вещества сравнительно с его восстановлением. Даже не увеличиваясь несколько в своих размерах, каждая работа всегда в конце концов приводит к некоторой дисгармонии

траты и восстановления, ибо вещество по мере продолжения работы постепенно истощается и необходимою потребностью является отдых. Но пока мы не принялись отдыхать, мы более или менее долго бываем жертвою чувства усталости, истощения, каковые состояния и являются первыми образчиками положительного страдания. Итак, положительное страдание обыкновенно следует за положительным удовольствием. Когда дисгармоническая деятельность наконец прекратилась, то положительная молекулярная работа сейчас же заменяется отрицательной, ведущей к новому восстановлению потраченного вещества, и этот процесс естественно сопровождается снова удовольствием, но уже не положительным, а отрицательным. Последнее длится до тех пор, пока количество накопленной силы не слишком' превышает количество потраченной. Но если накопление вещества значительно превосходит предшествующую трату, а новая деятельность, т. е. трата, еще не наступила, то мы опять начинаем страдать, и это страдание имеет отрицательный характер. Когда работа, соответствующая накоплению вещества, снова начинается, то отрицательное страдание опять заменяется положительным удовольствием и т. д.

Из этого анализа очевидно, что указанные первоначальные чувствования действительно составляют моменты одного процесса и даже одного цельного, постоянно повторяющегося по отношению к каждому органу круговорота деятельности. Строго говоря, в этом круговороте нет ни начала, ни конца, ибо каждое последующее состояние предполагает до известной степени предыдущее. Но все же начало этого круговорота, несомненно, удобнее вести с одного пункта, чем с другого: положительные звенья процесса, например, правильнее поместить в середине и считать началом его—отрицательное страдание, совпадающее с потребностью или стремлением к деятельности, концом — отрицательное удовольствие, связанное с отдохновением от деятельности. (...) Таким образом, смена моментов в развитии чувствований при нормальном ходе процесса следующая:

- 1) Отрицательное страдание (потребность, лишение).
- 2) Положительное удовольствие (наслаждение, работа).
- 3) Положительное страдание (усталость, истощение).
- 4) Отрицательное удовольствие (отдых, восстановление).

Нечего и говорить, что и этот специальный круговорот явлений, вновь нами найденный, допускает такие же видимые отклонения от правильной последовательности моментов, как прежде рассмотренный общий круговорот психической, деятельности. Бывает часто, что деятельность начинается и прямо доставляет нам наслаждение без того, чтобы ей предшествовало отрицательное страдание неудовлетворенной потребности. Бывает также, что деятельность была окончена или прервана, прежде чем наступила дисгармония между тратой и запасом накопленной энергии, — тогда положительное удовольствие не ведет за собой положительного страдания. Бывает и то, что отрицательное страдание не имело дополнением своим положительного удовольствия, — деятельность так и не началась, и потребность постепенно затихла: орган приспособился к новым условиям. Точно так же возможно, что отрицательное удовольствие не последовало за положительным страданием, — отдых еще не успел наступить, как началась новая деятельность, и орган опять приспособился к новым условиям. (...) *Последовательность* тех моментов, которые уже участвуют в том или другом обороте, отнюдь никогда не нарушается, ибо она естественно связана с физиологическими законами самой работы ткани. Вообще же тесная связь означенных моментов подтверждается еще и тем соображением, что присутствие предыдущего момента всегда увеличивает интенсивность последующего: *чем продолжительнее и интенсивнее явление, соответствующее предыдущему моменту, тем продолжительнее и интенсивнее в свою очередь и данное явление;*

удовольствие всегда возрастает при некотором лишении его, усталость тем больше, чем интенсивнее была деятельность, а с нею вместе и наслаждения отдыха тем приятнее, чем сильнее была усталость. Итак, не подлежит сомнению, что *оба типа удовольствия и оба типа страдания относятся к одному и тому же обороту чувствительности и что моменты последнего неразрывно связаны друг с другом и служат взаимным дополнением друг друга.*

В связи с этим выводом возникает вопрос: какое же отношение имеют моменты *специальных* оборотов чувства к моментам выше разобранного *общего* оборота сознания? Мы уже убедились, что чувствование всегда является продуктом субъективной оценки ощущений. Стало быть, теперь необходимо решить прежде всего, какие четыре типа ощущений соответствуют указанным четырем проявлениям означенной субъективной оценки. Отрицательное страдание неудовлетворенной потребности, по-видимому, совпадает не с каким-либо определенным ощущением, а напротив — с отсутствием всякого ощущения: если нас мучит неудовлетворенный голод или жажда, то может казаться, что чувство в этом случае сопровождают отсутствие известных необходимых нам в данную минуту ощущений, например ощущений вкусовых. Но это предположение противоречило бы выводу, что всякое чувствование вытекает из оценки ощущения, и действительно: если одни ощущения (по преимуществу внешние) в данном случае и отсутствуют, то они заменяются другими (внутренними) ощущениями, связанными с этим

76

отсутствием, которые и служат, очевидно, предметом субъективной оценки в данном случае. (...) Когда наступает удовлетворение потребности, вызвавшей ряд неприятных органических ощущений, то эти органические ощущения уступают место тем по преимуществу внешним ощущениям, которых недоставало организму, и с тем вместе наступает период положительного удовольствия. Когда трата вещества при работе дошла до своего максимума и период высшего наслаждения прошел, тогда то же самое ощущение, которое сначала было приятно, делается тягостным — наступает положительное страдание. Наконец, когда истощение дошло до крайних пределов, то работа, а вместе с тем и внешние ощущения, ее сопровождавшие, прекращаются, и наступает удовольствие, связанное с отдыхом, т. е. восстановлением тканей; предметом этого удовольствия уже опять являются иные ощущения

и притом снова органические или внутренние, соответствующие тем самым органическим ощущениям, которые вызвали отрицательное страдание. Стало быть, в каждом процессе развития чувствований участвуют две группы ощущений — группа внешних и группа соответствующих им, т. е. относящихся к той же самой *системе* органов, внутренних ощущений, и притом внешние ощущения служат источником по преимуществу (хотя не исключительно) положительных, внутренние — отрицательных моментов развития чувствительности. (...) Из сказанного нами уже ясно, что каждый момент круговорота чувствительности характеризует лишь частное развитие одного из моментов общего психического оборота. Но так как каждый из них имеет источником особое ощущение, то он должен составлять принадлежность *особого* общего психического оборота; иначе сказать, упомянутым непрерывным развитием моментов чувства как бы сплачиваются воедино четыре отдельных общих оборота, составляющих вместе более крупную единицу в целом психическом процессе. Это подтверждается и тем, что каждому моменту чувствительности соответствует специфическое стремление и специфическое движение. Чтобы сделать мысль свою более понятной, приведем схемы упомянутых четырех связанных между собою элементов психического процесса:

- 1) Органическое ощущение, происходящее, от бездеятельности какого-нибудь органа. — Отрицательное страдание. — Стремление приблизить к себе объект, необходимый для взаимодействия. — Движение, чтобы достать этот объект.
- 2) Внешнее ощущение, вытекающее из взаимодействия с добытым объектом. — Положительное удовольствие. — Стремление еще более приблизить объект, удовлетворяющий потребности взаимодействия. — Движение с целью удержать его в своем распоряжении, пока взаимодействие с ним приятно!
- 3) Внешнее ощущение, продолжающее сопровождать взаимодействие с объектом и тогда, когда граница нормальной деятельности перейдена. — Положительное страдание. — Стремление удалить объект, уже излишний. — Движение с целью удалить его или удалиться самому от него.

4) Органическое ощущение, сопровождающее восстановление потраченной энергии по прекращении взаимодействия с объектом. — Отрицательное удовольствие. — Стремление продолжить состояние покоя и процесс восстановления. — Движение с целью продолжить и даже увеличить покойное бездействие органа или всего организма. (...)

Законы осложнения чувствований

...Не подлежит сомнению, что развитие всех психических явлений должно быть подчинено одним и тем же неизменным законам. (...) Следовательно, приступая к рассмотрению законов развития чувствований, мы должны ознакомиться вообще с законами развития психических явлений и не упускать при этом из виду общих принципов развития явлений органической жизни. (...)

Законы психического развития, по нашему мнению, необходимо поставить в связь с двумя главными процессами — *интеграции* и *дифференциации* психических явлений. Эти термины мы намерены употреблять в том значении, какое им дает Спенсер в своих «Началах». Процессы интеграции и дифференциации он признает общими чертами развития (прогресса) не только организмов, но и неорганических тел. (...)

Нашею задачею будет разобрать подробнее процессы интеграции и дифференциации *психических* явлений и определить точнее *частные условия* этих процессов. Так как интеграция всегда предшествует дифференциации, то ее условиями мы и займемся прежде всего.

Интеграция есть продукт известного рода соединения, сложения или сочетания веществ, сил или явлений. Общий характер сочетания психических явлений давно определен и выражен в особом понятии «ассоциации». Стало быть, интеграция психических явлений предполагает прежде всего ассоциацию их друг с другом по тем законам, которые были отчасти намечены уже Аристотелем, точно выражены Юмом и еще более полно разработаны современными английскими психологами. Но сама ассоциация предполагает еще один, предшествующий ей и обуславливающий ее процесс, а именно процесс «закрепления» психических явлений в сознании, без которого никакое связывание их невозможно. Стало быть, законы ассоциации в свою очередь подчинены законам «памятования» или сохранения следов психических явлений в сензориуме. Так как единственными условиями этого сбережения следов являются самые феномены восприятия и деятельности сознания, то можно по справедливости сказать, что законы памятования суть первые условия психического развития. Прежде чем подробнее остановиться на законах *памяти*, *ассоциации* и следующей затем *интеграции* психических явлений, рассмотрим теперь также кратко условия их *дифференциации*. Конечно, первыми условиями последней являются памятование, ассоциация и интеграция, но этих условий еще недостаточно. Для

78

того чтобы было возможно распадение целого психического агрегата на несколько более специальных агрегатов, необходима вообще возможность отделения психических явлений друг от друга, после того как они однажды вошли в связь. Такой процесс отделения, разобщения психических явлений тоже давно признан английскою психологическою школою и выражен в общем термине «диссоциации». И точно так же, как ассоциация предполагает память, так никакая диссоциация психических явлений не могла бы состояться, если бы не было возможно «забвение», т. е. уничтожение следов психических явлений в сензориуме. Таким образом, законы *забвения*, *диссоциации* и *дифференциации* составляют вторую серию условий, от которых зависит возможность психического развития вообще и в частности осложнение каждой отдельной группы психических явлений — ощущений столько же, сколько чувствований, стремлений и движений, — идей в той же мере, как чувств, желаний и действий. (...)

Психическую жизнь, согласно указанным выше соображениям, можно определить как... «взаимодействие с окружающей средой с целью приспособления отношений между психическими явлениями к отношениям между раздражениями, их вызывающими». Из этой формулы уже ясно вытекает, что принципом психического развития служит «*приспособление* отношений между психическими явлениями к отношениям между раздражениями», являющееся результатом психического взаимодействия организма с окружающим миром. Но термин «приспособление», однако, еще не довольно определенный. В чем состоит это приспособление? Мы видим на каждом шагу, что сильные раздражения ведут к развитию в нас сильных ощущений, чувствований и т. д., что смежные раздражения устанавливают известную смежность и между психическими явлениями, что последовательные раздражения ведут к установлению соответственной последовательности между психическими явлениями, что сложные отношения раздражений вызывают такие же сложные комбинации психических явлений и т. д. Все это убеждает нас, что «приспособление отношений психических явлений к отношениям раздражений» есть, говоря точнее, «*уподобление* или ассимиляция отношений психических явлений отношениям раздражений». Этот принцип и есть общий принцип психического развития или прогресса, из которого можно легко определить общее условие каждого частного момента развития. Памятование есть процесс уподобления отношений психических явлений отношениям раздражений со стороны их силы или интенсивности, ассоциация — со стороны их смежности, интеграция — со стороны их сложности и т. д.

(...) Прежде чем перейти к определению специальных законов осложнения чувствований, мы, однако, должны отметить еще один факт, о котором мы уже кратко упомянули, но который мог ускользнуть от внимания читателей. При анализе развития каких бы то ни было психических явлений не надо забывать, что упомянутые нами процессы интеграции и дифференциации повторяются не раз и не два, а множество раз последовательно друг за другом. Вслед-

ствие этого и ступеней осложнения в каждой области явлений может быть несколько. Пример этому мы имеем в осложнении ощущений: ощущения интегрируются сначала в представления, потом при содействии представлений — в понятия, наконец, понятия могут выражать собою различные ступени отвлечения от первоначальных ощущений и интегрироваться в новые единства различной высоты и всеобщности. Дифференциации точно так же могут быть более или менее частными, смотря по ступеням интеграции, за которыми они следуют: дифференциация представлений иной степени, чем дифференциация понятий и проч. Эту последовательность ступеней осложнения психических явлений надо будет иметь в виду и при анализе специальных законов развития чувствований. Выразим сначала в общей форме законы указанных нами различных процессов, лежащих в основе этого развития, и проследим затем различные направления, в которых эти законы прилагаются:

I. Чувствования удерживаются в *памяти*, когда возбуждения, им соответствующие, обладают известною *силою*, — все равно, слагается ли последняя под влиянием внешних или внутренних условий раздражения и имеет ли она источником единовременное или разновременное действие раздражений.

II. Чувствования входят в *ассоциацию* между собою и с другими психическими явлениями, когда возбуждения, соответствующие тем и другим, при известной силе представляют и известную *смежность* в сознании — все равно, вытекает ли эта смежность из внешних или внутренних условий и касается ли она одновременных или разновременных раздражений.

III. Чувствования *интегрируются* друг с другом и с другими явлениями в сложные группы, когда соответственные возбуждения при известной силе и смежности представляют еще известное *органическое единство* — все равно, слагается ли оно под влиянием внешних или внутренних условий раздражения и имеет ли оно источником совокупность одновременных или разновременных раздражений.

IV. Чувствования подвергаются *завбвению*, когда возбуждения, им соответствующие, постепенно или внезапно *ослабевают* — под влиянием ли внешних, или же внутренних условий действия раздражений.

V. Чувствования *диссоциируются* друг от друга и от других явлений, когда соответственные возбуждения, ослабевая, сверх того *разобшцаются*, причем это разобшение столько же может зависеть от внешних, сколько от внутренних условий психической деятельности и может относиться как к одновременным, так и к разновременным раздражениям.

VI. Сложные агрегаты как одних только чувствований, так и в связи их с другими явлениями *дифференцируются*, когда соответственные возбуждения вместе с ослаблением их взаимной связи *распадаются* на несколько *меньших* групп, причем это распадение может вытекать столько же и из внешних, сколько и из

внутренних условий действия раздражении и может касаться единства столько же одновременных, сколько и разновременных раздражений.

Очевидно, эти формулы, если бы заменить в них термин «чувствований» термином «психических явлений», вполне годились бы и для выражения законов развития *всех* психических феноменов *вообще*. Но ради особых целей нашего анализа, мы предпочли дать им *частный* характер. Посмотрим теперь, в каких разнообразных *направлениях* прилагаются исследованные нами законы . развития к осложнению чувствований. (...)

В вышеприведенных формулах мы уже отметили, что чувствования могут входить в связь не только между собою, но и с психическими явлениями других категорий. Точно так же и разобшение происходит не только в тех агрегатах, которые состоят из одних только чувствований, но и в тех, которые слагаются из совокупления чувствований с другими явлениями. Это различие состава агрегатов тотчас указывает на ряд различных направлений в развитии чувствований. Чувствования могут совокупляться:

1) друг с другом, 2) с ощущениями или идеями, 3) со стремлениями или желаниями, 4) с движениями или поступками... Однако не все продукты упомянутых способов сложения чувствований могут быть названы «сложными чувствованиями». (...) Очевидно, что названия «чувств и волнений», вообще говоря, применимы лишь к тем состояниям, в которых момент чувствительности играет *преобладающую* роль. Но весь вопрос именно в том, при каких условиях является подобное преобладание. Если мы имеем дело с двумя явлениями, находящимися в причинной зависимости, то естественно склонны обращать главное внимание на действие, т. е. на последующее из двух явлений, и давать обоим явлениям название, более характеризующее действие, чем причину. Это совершается по тому же закону мысли, по которому на вопрос: «куда вы едете?», мы ответим «в Киев», хотя бы до Киева нам пришлось побывать и в Туле, и в Орле, и в Курске и во многих других менее важных городах. (...) Несомненно, что общим законом, выражающим относительное преобладание психических явлений в их агрегатах, является закон, что *последующее явление всегда склонно поглощать предыдущее и в ущерб ему сосредоточивать на себе внимание*. Этот закон служит критерием и для *называния* психических агрегатов. Мы не называем идеями агрегаты представлений или понятий с волнениями или чувствами, неправильно также называть и ощущениями агрегаты ощущений и чувствований. (...) Стало быть, в результате мы приходим к выводу, что «сложными чувствованиями» следует признавать только два рода сочетаний, а именно:

1) чувствований между собою,

2) чувствований (или чувств и волнений) с ощущениями (или идеями)".

Таким образом, главных *направлений* ассоциации, интеграции, диссоциации и дифференциации чувствований два. Одно направление, так сказать, внутреннее (интенсивное), другое—внешнее

(экстенсивное): в первом отношении развивается отчетливость и сознательность чувствований как внутренних состояний, во втором — увеличивается их сознательность как продуктов известных внешних условий и отношений. Конечно, в обоих направлениях развитие идет параллельно и совместно. (...) Но так как главные и первые условия сочетания психических явлений лежат все-таки во внешней обстановке, их вызывающей, то естественно, что сочетание чувствований с ощущениями и идеями обыкновенно предшествует их совокуплению друг с другом: по мере того как возрастает сознательность их соотношений с известными внешними условиями, развивается постепенно и отчетливость их как внутренних состояний. Таким образом, осложнение чувствований в конце концов происходит все-таки *в одной* непрерывной линии, в которой два упомянутых направления так тесно переплетены, что разъединить их почти нет никакой возможности. Проследить все *частные* фазисы осложнения *каждой* группы чувствований в этой непрерывной линии развития — задача, которая едва ли может быть выполнена даже при помощи долговременного и отнюдь не единоличного труда. Поэтому наша задача может состоять лишь в определении тех *главных ступеней* развития чувствований, которые бы могли служить основанием для различных видов *синтеза* элементарных чувствований в сложные. Таких главных ступеней три:

- 1) Первоначальные чувствования сочетаются с ощущениями в *1* чувствования, обнаруживающие сознание их объективных причин и источников, и в связи с этим те же чувствования ассоциируются и интегрируются друг с другом в *первичные* чувства и волнения.
- 2) Первичные чувства и волнения совокупаются с ощущениями и идеями в чувства и волнения, обладающие сознанием своих объектов, и в связи с этим они же ассоциируются и интегрируются друг с другом в чувства и волнения *вторичного* образования.
- 3) Вторичные чувства и волнения совокупаются с идеями в сложные чувства-идеи, и в связи с этим они же ассоциируются и интегрируются друг с другом в чувства и волнения еще более сложного состава.

Параллельно этому возможно столько же ступеней диссоциации и дифференциации чувствований. Эти процессы происходят столько же в области первичных чувств и волнений, сколько и в области вторичных и еще более сложных агрегатов чувствований друг с другом и чувствований с ощущениями и идеями.

...Первичные чувства и волнения по своему составу имеют аналогию с конкретными представлениями в области познания;

вторичные — с конкретными понятиями; чувства и волнения, еще более сложные и составные, — с отвлеченными понятиями. Эти сближения значительно освещают характер различных осложнений в области чувствительности, ибо область ума гораздо более известна и разработана наукою, чем область чувствований.

Джеме (James) **Уильям** (11 января 1842— 16 августа 1910) — американский философ-идеалист и психолог, один из основателей прагматизма. Изучал медицину и естественные науки в Гарвардском университете США и в Германии. С 1872 г. — ассистент, с 1885 г. — профессор философии, а с 1889 по 1907 г. — профессор психологии в Гарвардском университете, где в 1892 г. совместно с Мюнстербергом организовал первую в США лабораторию прикладной психологии. С 1878 по 1890 г. Джеме пишет свои «Принципы психологии», в которых отвергает ассоцианизм и атомизм психологии XVIII—XIX вв. и выдвигает задачу изучения конкретных фактов и состояний сознания. С точки зрения Джемса, сознание является функцией, которая <по всей вероятности, как и другие биологические функции, развивалась потому, что она полезна>.

У. Джеме

Исходя из такого приспособительного характера сознания, он отводил важную роль инстинктам и эмоциям. Развита в одной из глав «Психологии» теория личности оказала решающее влияние на формирование американской персонологии. Сочинения: Научные основы психологии. Спб., 1902; Беседы с учителями о психологии. М., 1902; Прагматизм. изд. 2. Спб., 1910; Многообразие религиозного опыта. М., 1910; Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911; Психология. Спб., 1911;

Существует ли **сознание**? — В кн.:

Новые идеи в философии, вып. 4. Спб., 1913.

Литература: Современная буржуазная философия. М., 1972, с. 246— 270; Perry R. B. The thought and character of William James, v. 1—2, Boston, 1935.

ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИЯ?

Физиологи, с таким усердием исследовавшие на протяжении последних лет функции мозга, ограничились объяснением его когнитивных и волевых процессов. Выделяя в мозге сенсорные и моторные центры, они обнаружили, что их деление в точности соответствует выделенным в эмпирической психологии простейшим элементам перцептивной и волевой сфер психики. Но сфера *пристрастного* в душе, ее желания, ее удовольствия и страдания, а также ее эмоции во всех этих исследованиях игнорировались...

Но уже сейчас можно быть уверенным, что из двух положений, характеризующих эмоции, одно должно быть верным: либо они локализируются в отдельных и специальных центрах, связанных только с ними, либо они соответствуют процессам, происходящим в моторных и сенсорных центрах... . Если верно первое, то следует отвергнуть распространенную точку зрения и считать кору не только

James W.' What is an emotion? — Mind, 1884, v. 9, № 34, pp. 188—205.

поверхностью для «проекции» каждой воспринимаемой точки и каждой мышцы тела. Если верно последнее, мы должны спросить, является ли эмоциональный «процесс» в сенсорном или моторном центре чем-то особенным, или же он сходен с обычными перцептивными процессами, совершающимися, как сейчас признается, в этих центрах. Задача этой работы — показать, что последняя альтернатива больше похожа на правду. (...)

Прежде всего я должен оговориться, что буду рассматривать здесь только те эмоции, которые имеют отчетливое телесное выражение. Большинство читателей, по-видимому, согласится с тем, что существуют переживания удовольствия и неудовольствия, интереса и взволнованности, тесно связанные с психическими процессами, но не имеющие явной телесной экспрессии. Определенные сочетания звуков, линий, цветов приятны, другие — неприятны, но сила этих переживаний может быть недостаточной, чтобы увеличить частоту пульса или дыхания или вызвать движения тела или лица. Некоторые последовательности мыслей очаровывают нас в такой же мере, в какой другие утомляют. Настоящее интеллектуальное наслаждение — решить задачу, и настоящее интеллектуальное мучение отложить ее нерешенной. (...) Мы оставим в стороне все случаи такого рода переживаний и сосредоточим внимание на более сложных случаях, при которых волна определенных телесных изменений сопровождает восприятие интересных зрительных воздействий или звуков, или захватывающий ход мыслей. Удивление, любопытство, восторг, страх, гнев, вожделение, алчность и тому подобное являются названиями психических состояний, которыми человек в таких случаях охватывается. Телесные изменения называют «проявлением» этих эмоций, их «выражением» или «естественным языком»; сами по себе эти эмоции, столь отчетливо обнаруживающиеся как внутренне, так и внешне, можно назвать *стандартными* эмоциями.

О такого рода стандартных эмоциях принято думать, что восприятие некоторого факта вызывает душевное волнение, называемое эмоцией, и что это психическое состояние приводит к изменениям в организме. Мой тезис, напротив, состоит в том, что *телесные изменения следуют непосредственно за ВОСПРИЯТИЕМ волнующего факта и что наше переживание этих изменений, по мере того как они происходят, и ЯВЛЯЕТСЯ эмоцией*. Обычно принято говорить: нам не повезло — мы огорчены и плачем, нам повстречался медведь — мы испугались и обращаемся в бегство, нас оскорбил соперник — мы разгневаны и наносим удар. Защищаемая здесь гипотеза утверждает, что этот порядок событий является неправильным, что одно психическое состояние не сразу вызывается другим, что между ними необходимо вставить телесные проявления и что правильное говорить: мы огорчены, потому что плачем; разгневаны, потому что наносим удар, испуганы, потому что дрожим, а не наоборот, — мы плачем, наносим удар и дрожим, потому что огорчены, разгневаны или испуганы. Если бы восприятие не сопровождалось телесными изменениями, оно было бы исключитель-

84

но познавательным, бледным, лишенным колорита и эмоционального • теи.ча. В таком случае мы могли бы видеть медведя и приходиться к выводу, что лучше будет обратиться к бегству, или, получив оскорбление, полагать, что мы имеем право ударить, но не могли бы при этом реально переживать страх или гнев.

Высказанная в столь грубой форме, эта гипотеза наверняка сразу вызовет недоверие. Между тем не требуется продолжительных или углубленных рассуждений, чтобы смягчить ее парадоксальный характер и, возможно, даже убедить в ее правильности.

Читателю нет необходимости напоминать, что нервная система каждого живого существа предрасположена реагировать определенным образом на определенные воздействия среды. (...) Когда курица видит на земле белый круглый предмет, она не может оставить его; она должна задержаться около него, возвращаться к нему, пока, наконец, его превращение в

пушистый движущийся и издающий писк комочек не освободит в ее механизмах совершенно новый ряд действий. Любовь мужчины к женщине, женщины к ребенку, отвращение к змеям и страх перед пропастью тоже могут быть приведены в качестве примеров того, как определенным образом организованные частицы мира с неотвратимостью вызывают весьма специфические психические и телесные реакции до нашего разумного суждения о них и часто в противоположность ему. (.,.)

Всякое живое существо представляет собой что-то вроде замка, чьи рычаги и пружины предполагают специальную форму ключей, которые не прилагаются к замку с рождения, но которые наверняка найдутся где-то рядом в жизни. Причем к замкам подходят только их собственные ключи. Яйцо никогда не пленит собаку, птица не боится пропасти, змея не испытывает ненависти к себе подобным, олень не питает любви к женщине или ребенку. (...)

Среди этих предрасположенностей, заложенных в нервной системе, конечно же можно усмотреть эмоции, поскольку они могут быть вызваны непосредственно восприятием определенных событий. Еще до того как ребенок узнает что-либо о слонах, он не может не испугаться, увидев слона, издающего трубные звуки и быстро надвигающегося на него. Ни одна женщина не может без восхищения смотреть на хорошенького голенького младенца, а в пустыне никто не может без волнения и любопытства видеть вдалеке человеческую фигуру. Я говорил, что буду рассматривать эти эмоции постольку, поскольку они сопровождаются определенными телесными движениями. Моя первая задача состоит в том, чтобы показать, что эти телесные проявления намного более разнообразны и сложны, чем обычно принято считать.

В ранних книгах по экспрессии, написанных в основном с художественной точки зрения, рассматривались только внешне наблюдаемые проявления эмоций. (...) По мере развития физиологии мы все отчетливее видим, сколь многочисленны и тонки должны быть эти проявления. Исследования Моссо с плетизмографом показали, что не только сердце, но и вся система кровообращения образует

нечто вроде резонатора, в котором получает отражение всякое, даже самое незначительное изменение в нашем душевном состоянии. Едва ли какое-либо ощущение возникает без волны попеременного сужения и расширения артерий рук. Кровеносные сосуды живота и периферических частей тела действуют реципрокно. Известно, что некоторые сильные эмоции оказывают значительное влияние на мочевой пузырь и кишечник, железы рта, горла и кожи, а также печень и что некоторая степень этого влияния, несомненно, имеет место также и в случае более слабых эмоций.¹ То, что пульс и частота дыхания играют ведущую роль во всех эмоциях, известно слишком хорошо, чтобы приводить доказательства. Столь же примечательна... непрерывная работа произвольных мышц в наших эмоциональных состояниях. Даже если в этих мышцах не происходит внешних изменений, соответственно с каждым настроением меняется их внутреннее напряжение, ощущаемое в виде изменений тонуса. В состоянии депрессии обычно преобладают мышцы-сгибатели, в состоянии восторга или воинственного возбуждения — мышцы-разгибатели. Огромное множество различных сочетаний и комбинаций, в которые способны соединиться эти органические сдвиги, делают в принципе возможным, что каждому, даже слабо выраженному оттенку эмоции соответствует свой уникальный, если его рассматривать в целом, комплекс изменений в теле. (...)

Далее следует отметить, что в тот момент, когда некоторое телесное изменение возникает, — оно нами более или менее ясно *переживается*. Если читателю никогда не приходилось обращать на это внимания, ему будет интересно и удивительно узнать, как много разных локальных переживаний возникает у него в теле при различных эмоциональных состояниях. (...) На всем своем пространственном протяжении наше тело весьма чувствительно, и каждая его частица вносит вклад меняющихся переживаний --' смутных или ясных, приятных или болезненных — в то общее чувство самого себя, которое непременно есть у каждого. Удивительно, какие незначительные детали способны влиять на этот чувствительный комплекс. Когда мы даже слегка чем-нибудь обеспокоены, можно заметить, что главную роль в чувстве тела играет напряжение, часто совсем незначительное, бровей/и взгляда. При неожиданном затруднении какая-то неловкость в горле вынуждает нас совершить очищающее его глотательное движение или слегка откашляться; можно привести еще очень много других примеров. Однако мы занимаемся здесь скорее общими положениями, чем частностями, поэтому, не останавливаясь больше на этих примерах, я буду далее придерживаться высказанной точки зрения, что каждое происходящее изменение переживается².

² Разумеется, возникает вопрос, касающийся физиологии: *как* переживаются такие изменения? *После* того ли, как они совершились, когда сенсорные нервы соответствующих органов приносят обратно в мозг сообщение о происшедших переменах, или *до того*, как они совершились, благодаря осознанию нисходящих нервных импульсов, отправляющихся к органам, которые они возбуждают? Я полагаю, что все имеющиеся данные свидетельствуют в пользу первой альтернативы. (...)

86

Я продолжаю настаивать на основной мысли своей теории, которая состоит в следующем. Если мы представим себе некоторую сильную эмоцию и затем постараемся удалить из сознания переживания всех тех телесных симптомов, которые ей свойственны, окажется, что ничего не осталось, нет никакого «психического материала», из которого эта эмоция могла бы образоваться, и что сохраняется лишь холодное и безразличное состояние интеллектуального восприятия. (...) Можно ли вообразить состояние ярости и вместе с тем не представить себе волнения, возникающего в груди, прилива крови к лицу, раздувания ноздрей,³ сжимания зубов и желания энергичных действий, а вместо всего этого — расслабленные мышцы, ровное дыхание, спокойное лицо? Автор по крайней мере определенно

не может. С исчезновением так называемых проявлений ярости полностью исчезает и сама ярость;

единственное, что может занять ее место — это некоторое хладнокровное и бесстрастное суждение, относящееся исключительно к области интеллекта и полагающее, что известное лицо или лица за свои грехи заслуживают наказания. То же можно сказать и о печали: чем бы она была без слез, рыданий, боли в сердце и стеснения в груди? Бесчувственным заключением о том, что некие обстоятельства достойны сожаления — ничего больше. То же самое обнаруживает и любая другая страсть. Полностью лишенная телесного выражения эмоция — ничто. (...) Чем тщательнее я изучаю свои состояния, тем сильнее я убеждаюсь в том, что каковы бы ни были мои настроения, привязанности и страсти, все они создаются и вызываются теми телесными изменениями, которые мы обычно

- называем их выражением или следствием. И мне все больше кажется, что если бы мое тело перестало быть чувствительным, я оказался бы лишен всех эмоциональных переживаний, и грубых, и нежных, и влачил бы существование, способное лишь на познание и интеллектуальную деятельность. (!..)

Но если эмоция представляет собой лишь переживание рефлекторных процессов, вызываемых тем, что мы называем ее «объектом», процессов, возникающих в результате врожденной приспособленности нервной системы к этому объекту, мы немедленно наталкиваемся на такое возражение: у цивилизованного человека большая часть объектов эмоций суть вещи, врожденную адаптацию к которым предполагать было бы нелепо. Большая часть ситуаций, вызывающих стыд, или многие оскорбления чисто условны и изменяются в зависимости от социального окружения. То же относится ко многим случаям страха и желания, меланхолии и сожаления. В отношении по крайней мере этих случаев может показаться, что идеи стыда, желания, сожаления и т. д. должны сначала связаться с этими условными объектами воспитанием и ассоциациями и только

затем могут последовать телесные изменения, а не наоборот; почему же этого не может быть во всех случаях?

Тщательное обсуждение этого возражения завело бы нас далеко в изучение чисто интеллектуальных представлений. (...) Напомним лишь хорошо известный эволюционный принцип: когда некоторая

способность оказалась закрепленной у животного благодаря ее полезности при наличии определенных факторов среды, она может оказаться полезной и при наличии других факторов, которые первоначально не имели никакого отношения ни к ее появлению, ни к ее закреплению. И раз уже в нервной системе появилась способность разряжаться, самые разные и непредвиденные воздействия могут спускать курок и вызывать соответствующие изменения. И то, что среди этих вещей есть условности, созданные человеком, не имеет никакого психологического значения. (...)

Вслед за тем, как мы отвели это возражение, возникает сомнение более общего порядка. Можно задать вопрос: имеются ли доказательства тому, что восприятие *действительно* способно вызвать многочисленные телесные изменения путем непосредственного физического влияния на организм, предшествующего возникновению эмоции или эмоционального образа?

Единственное, что здесь можно ответить, что эти доказательства весьма убедительны. Слушая стихотворение, драму или героическую повесть, мы часто бываем удивлены неожиданной дрожи, как бы волной пробегающей по телу, учащенному сердцебиению, появлению слез. Еще в большей степени это проявляется при слушании музыки. Когда мы в темном лесу внезапно видим движущийся силуэт, у нас замирает сердце и мгновенно задерживается дыхание еще до того как появляется представление об опасности. Если друг подходит близко к краю пропасти, нам «делается нехорошо», и мы отступаем шаг назад, хотя хорошо *понимаем*, что он в безопасности и у нас нет отчетливой мысли о его падении. Автор хорошо помнит свое удивление, когда семи-восьмилетним мальчиком он упал в обморок, присутствуя при кровопускании, которое производилось лошади. -Кровь была в ведре, оттуда торчала палка и, если ему не изменяет память, он мешал ее и смотрел, как она капает с палки, не испытывая ничего, кроме детского любопытства. Вдруг в глазах у него потемнело, в ушах послышался шум, больше он ничего не помнит. Раньше он никогда не слышал о том, что вид крови может вызвать обморок или тошноту. Отвращения или ожидания какой-либо другой опасности он также практически не испытывал и даже в том нежном возрасте, как он хорошо помнит, не мог не удивиться тому, как простое физическое присутствие ведра темно-красной жидкости смогло оказать такое потрясающее действие на организм.

Представьте себе два острых стальных ножа под прямым углом режущих друг друга лезвиями. При этой мысли вся наша нервная организация находится «на пределе»; и может ли здесь, кроме этого неприятного нервного переживания и страха, что оно может повториться, возникнуть еще какая бы то ни было эмоция? Основание и содержание эмоции здесь полностью исчерпывается бессмысленной телесной реакцией, которую непосредственно вызывают лезвия. (...)

В такого рода случаях мы ясно видим, как эмоция и появляется, и исчезает одновременно с тем, что называют ее последствиями

88

или проявлениями. Она не имеет другого психического *статуса*, как в форме переживания этих проявлений или в форме их представления. Поэтому телесные проявления составляют все ее основание, весь ее субстрат и инвентарь. (...)

Если наша теория верна, из нее с необходимостью следует, что любое произвольное возбуждение так называемых проявлений некоторой эмоции вызовет и саму эмоцию. Разумеется, к большинству эмоций этот тест неприменим, поскольку многие проявления осуществляются органами, которыми мы не можем управлять. Однако в тех пределах, в которых проверка может быть произведена, она полностью подтверждает сказанное. Все знают, что бегство усиливает паническое чувство страха и как можно усилить в себе печаль или ярость, дав волю их внешним проявлениям. Каждый спазм при плаче обостряет печаль и вызывает следующий, еще более сильный спазм, пока, наконец, вместе с усталостью и

полным истощением не приходит передышка. В ярости мы, как известно, доводим себя до высшей точки возбуждения благодаря ряду вспышек ее выражения. Подавите внешние проявления страсти, и она умрет. Сосчитайте до десяти, прежде чем дать волю своему гневу, и он покажется вам нелепым. Свист для поддержания бодрости — не просто метафора. С другой стороны, просидите целый день с унылым видом, вздыхая и отвечая на вопросы мрачным голосом, и вас охватит меланхолия. (...) Расправьте морщины на лбу, зажгите взор огнем, выпрямите корпус, заговорите в мажорном тоне, скажите что-нибудь сердечное, и ваше сердце должно быть поистине ледяным, если оно постепенно не оттает! (...)

Я убежден, что из этого закона нет настоящих исключений. Можно упомянуть тяжелые последствия сдержанных слез, а также успокоение, которое наступает у разозленного человека, который выговорился. Но это только лишь особые проявления правила. Каждый акт восприятия должен вести к *некоторому* нервному возбуждению. Если им будет нормальное выражение эмоции, оно скоро пройдет, и наступит естественное успокоение. Но если нормальный выход почему-то заблокирован, нервные сигналы могут при определенных обстоятельствах пойти по другим путям, вызывая другие и худшие следствия. Так, мстительные планы могут заместить взрыв негодования; внутреннее пламя может испепелить тело того, кто удерживается от слез, или он может, по словам Данте, окаменеть изнутри; в таких случаях слезы или бурное проявление чувств могут принести благодатное облегчение. (...)

Последним веским доводом в пользу тезиса о первичности телесных проявлений по отношению к переживаемой эмоции является та легкость, с которой мы благодаря ему можем объединить в единую схему нормальные и патологические случаи. В каждом сумасшедшем доме мы находим примеры как совершенно немотивированного страха, ярости, меланхолии, тщеславия, так и столь же немотивированной апатии, сохраняющейся, несмотря на самые веские объяснения ее необоснованности. В первом случае мы должны предположить, что нервные механизмы становятся настолько

«подвижны» в направлении какой-нибудь одной эмоции, что почти каждый раздражитель, даже самый неподходящий, вызывает их смещение в этом направлении, и как следствие — комплекс переживаний, составляющих данную эмоцию. Так, например, если человек не способен глубоко вдохнуть, если его сердце трепещет, если он чувствует в области желудка то, что ощущается как «пре-кордиальное беспокойство», если он испытывает непреодолимую тенденцию сидеть съежившись, как бы прячась и не двигаясь, и возможно, если это сопровождается другими висцеральными процессами, ныне неизвестными, — если все это неожиданно происходит с человеком, он будет переживать это сочетание как эмоцию ужаса, он станет жертвой того, что известно под названием «смертельного страха». Мой друг, с которым время от времени случались приступы этой ужаснейшей болезни, рассказывал мне, что у него все это происходит в области сердца и дыхательного аппарата, что его главные усилия во время приступов направлены на то, чтобы установить контроль над дыханием и замедлить сердцебиение и что в момент, когда ему удастся глубоко вздохнуть и выпрямиться, ужас, *ipso facto* исчезает³.

Одна из пациенток Браше так описывала противоположное состояние эмоциональной нечувствительности...:

«Я продолжаю постоянно страдать; я не переживаю ни одного приятного момента, никаких человеческих чувств. Я окружена всем, что может сделать жизнь счастливой и привлекательной, но я не способна ни радоваться, ни чувствовать — то и другое стало физически невозможным. Во всем, даже в самых нежных ласках моих детей, я нахожу лишь горечь. Я целую их, но что-то лежит между нашими губами. И это ужасное что-то стоит между мной и всеми радостями жизни. ... *Все мои ощущения, всякую часть моей личности, я воспринимаю так, как если бы. они отделены от меня и уже не могут доставить мне никакого чувства; кажется эта неспособность является результатом ощущения пустоты в передней части головы, а также следствием понижения чувствительности всего тела....* Все функции и действия в моей жизни сохранились, но они лишены соответствующего чувства и удовлетворения от них. Когда у меня мерзнут ноги, я их согреваю, но не чувствую удовольствия от тепла. Я узнаю вкус пищи, но ем без всякого удовольствия.... Мои дети растут красивыми и здоровыми — так говорят мне все, я и сама это вижу — но восторга и внутреннего удовлетворения, которые я должна испытывать, у меня нет. Музыка потеряла для меня всю прелесть, а я. любила ее так нежно. Моя дочь играет очень хорошо, но для меня это просто шум. ...»⁴.

Другие жертвы этого заболевания описывают свое состояние как наличие ледяных стен вокруг них или оболочки из каучука, через которые в замкнутое пространство их чувств не может проникнуть ни одно впечатление.

Если наша гипотеза верна, мы должны осознать, как тесно наша душевная жизнь связана с телесной оболочкой в самом строгом смысле слова. Восторг, любовь, честолюбие, возмущение и -гордость, рассматриваемые как переживания, растут на той же почве, что и самые примитивные телесные ощущения удовольствия

³ Следует признать, что есть случаи смертельного страха, в котором **сердце значительной** роли не играет. (...)

⁴ Цит. по: S e m a I. De la Sensibilite generale dans les Affections melancoliques. Paris, 1876, pp. 130—135.

90

боли. Но еще в начале статьи было сказано, что это верно лишь в отношении того, что мы договорились называть «стандартными» эмоциями и что те внутренние переживания, которые с первого взгляда кажутся лишенными телесных проявлений, выпадают из нашего рассмотрения; о них поэтому в заключение следует сказать несколько слов.

Как помнит читатель, к ним относятся моральные, интеллектуальные и эстетические переживания. Сочетания звуков, цветов, диний, логических выводов, телеологических построений доставляют нам удовольствие, которое кажется нам заключенным в самой форме этих явлений и не имеющим ничего общего с какой-либо деятельностью органов вне мозга. Гербартианцы пытались классифицировать переживания *по форме*, которую составляют идеи. Геометрическое построение может быть таким же «прелестным», а акт правосудия таким же «аккуратным», как мелодия или рисунок, хотя красота и аккуратность кажутся во втором случае связанными исключительно с ощущением, а в первом — не имеющим к ощущению никакого отношения. Значит у нас, или по крайней мере у некоторых из нас, есть чисто *церебральные* формы удовольствия или неудовольствия, явно отличающиеся своим происхождением от так называемых «стандартных» эмоций, которые мы анализировали. Разумеется, читатели, которых мы до сих пор не смогли убедить, ухватятся за это допущение и скажут, что с его принятием мы отказываемся от всего, что утверждали. Поскольку музыкальные образы или логические выводы могут непосредственно возбуждать некоторый вид эмоциональных переживаний, они скажут: «Разве не более естественно предположить, что и в случае так называемых «стандартных» эмоций, вызванных действием объектов или наблюдением событий, переживание эмоции тоже возникает непосредственно, а телесное выражение представляет собой нечто, что наступает позже и добавляется к этому переживанию».

Но трезвое исследование случаев чисто церебральных эмоций не подтверждает этого. Если в них интеллектуальное чувство действительно не связано с какими-то телесными действиями, если мы не смеемся из-за изящества некоторого технического приспособления, если мы не дрожим, понимая справедливость акта правосудия, не чувствуем зуда, слыша совершенную музыку, — наше психическое состояние приближается к суждению о правильности более чем к чему-либо еще. Такое суждение следует относить скорее к сознанию истины: оно является когнитивным актом. Однако в действительности интеллектуальное чувство едва ли когда-либо существует само по себе. Тело, как показывает тщательная интроспекция, резонирует на воздействия значительно тоньше, чем обычно предполагают. Однако в тех случаях, когда большой опыт в отношении определенного класса явлений притупляет к ним эмоциональную чувствительность и в то же время обостряет вкус и способность к суждению, мы имеем чистую интеллектуальную эмоцию, если только ее можно так назвать. Ее сухость, бледность, отсутствие всякого жара, как это бывает у очень опытных критиков, не

только показывает нам, как существенно она отличается от «стандартных» эмоций, которые мы рассматривали раньше, но и заставляет нас заподозрить, что различие между ними почти целиком определяется тем, что телесный резонатор, вибрирующий в первом случае, остается безголосым во втором. «Не так уж плохо» — высшая степень одобрения в устах человека с совершенным вкусом. «Rien ne me cheque»⁵ — была высшая похвала Шопена новой музыке. Сентиментальный дилетант, если бы проник в мысли подобного критика, он бы почувствовал и должен был бы почувствовать ужас при виде того, как холодны, как эфемерны, насколько лишены человечности его мотивы одобрения или неодобрения. То, что картина образует приятное для глаз пятно на стене, важнее ее содержания; глупейшая игра слов придает значение стихотворению;

совершенно бессмысленное чередование фраз одного музыкального произведения затмевает всякую выразительность другого.

(...) Во всяком искусстве, во всякой науке есть обостренное восприятие того, *верно* или *не верно* некоторое отношение, и есть эмоциональная вспышка и возбуждение, следующие за ним. Это две вещи, а не одна. Именно в первом сильны специалисты и мастера, второе сопровождается телесными проявлениями, которые едва ли их беспокоят. (...)

Возвратимся к началу — к физиологии мозга. Если мы будем представлять, что кора состоит из центров для восприятия изменений, происходящих в каждом отдельном органе чувств, на каждом участке кожи, в каждой мышце, в каждом суставе, в каждом сосуде, и что больше в ней ничего нет — мы все-таки будем иметь вполне удобную модель для помещения в ней эмоционального процесса. Объект воздействует на орган чувств и воспринимается соответствующим корковым центром или этот центр возбуждается каким-либо иным путем; в результате возникает идея этого объекта. Нервные импульсы, мгновенно распространяясь по соответствующим каналам, меняют состояние мышц, кожи, сосудов. Эти изменения, воспринимаемые, как и сам объект, многочисленными специфическими участками коры, соединяются с ними в сознании и превращают его из просто воспринимаемого объекта в эмоционально переживаемый объект. Не приходится вводить никаких новых принципов, постулировать что-либо, кроме существования обыкновенного рефлекторного кольца и корковых центров, что в той или иной форме признается всеми. (...)

⁵ «Ничто в этом меня не шокирует» (фр.).

Клапаред (Claparede) Эдуард (24 марта 1873—29 сентября 1940) — швейцарский психолог. Профессор Женевского университета (с 1908), один из основателей Педагогического института им. Ж-Ж. Руссо в Женеве (1912), ставшего впоследствии крупным международным центром экспериментальных исследований в области детской психологии. Продолжая традиции французской эмпирической психологии (Т. Рибо, П. Жане, А. Вине и др.), Э. Клапаред в противовес атомизму и ассоцианизму немецкой психологии начала века пытался проводить функциональный подход к сознанию и психике в целом, рассматривая их прежде всего с точки зрения их значения в решении реальных жизненных задач, встающих перед индивидом; однако последовательную реализацию этих идей затруднял разделяемый им принцип психофизиологического параллелизма. Э. Клапаред известен своими исследованиями психического развития ребенка, в частности своей теорией детской игры, а также работами по клинической и педагогической психологии, психологическим проблемам профорientации и др. Э. Клапаред оказал значительное влияние на формирование современной зарубежной генетической психологии (Ж. Пиаже и др.). Сочинения: Психология ребенка и экспериментальная педагогика. Спб., 1911; Профессиональная ориентация, ее проблемы и методы. М., 1925; Как определять умственные способности школьников. Л., 1927; L'association des idees. P., 1903; La psychologie de l'intelligence. P., 1917; L'education fonctionnelle. P., 1931; Psychologie de l'enfant et pedagogic experimentale. T. 1 — Le

developpment mental. P., 1946. Литература: Piaget J. La psychologie d'Edouard Claparede — Arch. Psycho!.. 1941, t. 28.

Э. Кларед

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ

Психология аффективных процессов — наиболее запутанная часть психологии. Именно здесь между отдельными психологами существуют наибольшие расхождения. Они не находят согласия ни в фактах, ни в словах. Некоторые называют чувствами то, что другие называют эмоциями. Некоторые считают чувства простыми-конечными, неразложимыми явлениями, всегда подобными самим себе и изменяющимися только количественно. Другие же в противоположность этому полагают, что диапазон чувств содержит в себе бесконечность *нюансов* и что чувство всегда представляет собой часть более сложной целостности. (...) Простым перечислением фундаментальных разногласий можно было бы заполнить целые страницы. (...)

' Claparede. E. Feeling and emotions. — In: Reymert M. L. (ed). Feelings and emotions. Worcester, 1928, pp. 124—138.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Когда возникает желание изучить какое-то психологическое явление, полезнее всего, по моему мнению, начать с рассмотрения его в функциональном аспекте, другими словами, перед анализом деталей этого явления при помощи, так сказать, сильно увеличивающей лупы лучше рассмотреть его менее увеличенным для того, чтобы принять во внимание его функциональное значение, его общее место в поведении.

Применяя этот методологический принцип к изучению аффективных явлений, мы прежде всего должны задаться вопросом: для чего служат чувства и для чего служат эмоции? А если этот вопрос покажется чрезмерно категоричным, можно спросить: что представляет собой ситуации, в которых возникают чувства и эмоции, какую роль эти явления играют в поведении индивида?

Нельзя отрицать того, что функциональная точка зрения уже обнаружила свою плодотворность в психологии. Вспомним теорию игры Гросса, показавшую важность игры для развития ребенка, идеи Фрейда, рассмотревшего психические расстройства с точки зрения их функционального значения. Я сам рассмотрел этим способом сон, истерию, также интеллект и волю. Несомненно, функциональный подход представляет собой только введение в более полное исследование. Однако он важен для выяснения путей, по которым могут вестись дальнейшие поиски.

Выдвигая вопросы не столько о том, каковы явления *есть*, сколько о том, что они *делают*, функциональная психология акцентирует внимание на поведении. Она, таким образом, тесно связана с бихевиоризмом. Однако она также и явно отличается от него, так как интересуется поведением, его закономерностями, детерминацией, а не методом, которым эти закономерности изучаются. Для нее не имеет большого значения, являются ли эти методы объективными или интроспективными. (...)

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЧУВСТВАМИ И ЭМОЦИЯМИ

(...) Мы задались вопросом: для чего в повседневной жизни служат чувства и для чего — эмоции? На эти два вопроса у нас сразу же напрашиваются весьма различные ответы: чувства в нашем поведении полезны, тогда как эмоции целесообразными не являются.

В самом деле, нам совсем легко представить человека, который никогда не переживал бы эмоции, никогда не испытывал бы сотрясений страха или гнева, но который тем не менее был бы жизнеспособным. Однако мы не можем представить себе человека, лишённого чувств — диапазона аффективных *нюансов*, позволяющих ему определить ценность вещей, к которым он должен приспособиться, человека, который не различал бы, что для него хорошо, а что вредно.

С другой стороны, наблюдения показывают, насколько эмоциональные явления бывают неадаптивными. Эмоции возникают именно тогда, когда какая-то причина препятствует приспособлению. Человек, имеющий возможность убежать, не испытывает эмоции страха. Страх обнаруживается только тогда, когда спастись бегством невозможно. Гнев возникает только тогда, когда противника нельзя ударить. Анализ телесных реакций при эмоциях представляет доказательства тому, что субъект здесь совершает не адаптивные действия, а наоборот — реакции, которые напоминают примитивные инстинкты (это показал еще Дарвин). (...)

Бесполезность или даже вредность эмоции известна каждому. Представим, например, человека, который должен пересечь улицу, если он боится автомобилей, он потеряет хладнокровие и побежит. Печаль, радость, гнев, ослабляя внимание и здравый смысл, часто вынуждают нас совершать нежелательные действия. Короче говоря, индивид, оказавшись во власти эмоции, «теряет голову».

С функциональной точки зрения эмоция представляется регрессией поведения. Когда по той или иной причине естественная, правильная реакция не может быть совершена,

противоположные тенденции вовлекают примитивные способы реагирования. А этими примитивными реакциями, рудиментами реакций когда-то полезных, могут быть как сокращения периферических мышц, так и явления васкулярные, тормозные, секреторные, висцеральные и т. д. Некоторые из них, возможно, не имеют биологического значения (например, слезы) и возникают исключительно в результате распространения нервного импульса, не нашедшего себе естественного выхода. (...)

ПЕРИФЕРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ

По моему мнению, теория Джемса—Ланге является единственной, объясняющей существование в эмоциональном состоянии специфических телесных явлений. Рассматривая телесные явления как результат (а не как причину) эмоции, старые теории сделали эмоцию совершенно загадочным процессом. Кроме того, в пользу теории Джемса — Ланге говорят важные факты: подавление эмоции при подавлении периферических явлений, как это утверждал Джемс, а также возникновение или усиление определенных эмоциональных состояний при потреблении ядов, алкоголя, кофе, гашиша и т. п.

Периферическая теория Джемса и Ланге сталкивается, однако, с весьма большими затруднениями. Если эмоция — это только сознание периферических изменений организма, то почему она воспринимается как «эмоция», а не как «органические ощущения»? Почему, испугавшись, я сознаю в себе «присутствие страха», а не просто некоторые органические впечатления, дрожание, биение сердца и т. д.?

94

95

Мне неизвестно, чтобы до сих пор кем-то была предпринята попытка ответить на данное возражение. Не кажется, однако, что сделать это было бы очень трудно. Эмоция есть не что иное, как сознание формы, или «гештальта», многочисленных органических впечатлений. Другими словами, эмоция — это сознание глобальной установки организма.

Такое нерасчлененное и общее восприятие целого, в прошлом мною названное «синкретическим восприятием»², является примитивной формой восприятия. Известно, что в случае эмоционального восприятия более полезно знать общую установку тела, чем отдельные, объединяющиеся в целое элементарные ощущения. Восприятие деталей внутренних ощущений не должно представлять для индивида большого интереса. Организму важнее всего действие. Но отдает ли он себе отчет о той общей установке, которая им проявляется по отношению к окружающему? (...)

Многие из получаемых впечатлений интерпретируются нами по-разному, в зависимости от направления наших интересов. Особенно это верно для тактильных впечатлений, которые иногда воспринимаются как объективные, а иногда — как субъективные. Проверить это в эксперименте совсем нетрудно. Положите руку на стол. Одно и то же тактильное впечатление будет восприниматься, в зависимости от направления вашего внимания, то как «тактильное ощущение», то как «твердый предмет», стол. В тот момент, когда ваш интерес направлен на себя (например, во время соответствующего Психологического эксперимента), вы будете чувствовать свою руку, а вовсе не стол.

То же самое происходит в случае эмоции. Если в состоянии гнева вы обратите внимание на кинестетические ощущения в стиснутых кулаках, на дрожание своих губ и т. д. — гнева больше сознавать не будете. Или же позвольте гневу охватить вас; в таком случае вы перестанете отдельно воспринимать дрожание губ, свое поблдение или другие изолированные ощущения, возникающие в различных частях напряженной мышечной системы.

То, что сознание схватывает в эмоции, есть, так сказать, форма самого организма, или его установка.

Данная периферическая концепция, трактующая эмоцию как сознание установки организма, является, кроме того, единственной, способной рассматривать тот факт, что эмоция непосредственно, безусловно «понимается» тем, кто ее испытывает. Эмоция содержит свою значимость в себе. Ребенок, впервые испытывающий большой страх, большую радость или охваченный вспышкой гнева, насколько мы можем судить об этом на основании наблюдения или по собственной памяти, непосредственно понимает, что с ним случилось. Для успешного понимания значения такого взрыва своего организма он не нуждается в прошлом опыте, который ему необходим для понимания впечатлений, доставляемых зрением или слухом, впечатлений, не обладающих никакой непосредственной или безуслов-

² Claparede E. Archives de Psychologie, vol. 7, 1908, p. 195.

дственной значимостью. Но что значит «понимать»? Не состоит ли «понимание» по существу в принятии установки по отношению к объекту? Если это так, причем если само такое принятие установки обусловлено причинами врожденного и инстинктивного характера, тогда вовсе не удивительно, что эмоции понимаются безусловно.

Последние замечания позволяют нам понять, насколько... антипсихологическим является классическое «центральное» понимание эмоций: «Мы дрожим, потому что боимся, мы плачем, потому что огорчены, мы сжимаем зубы, потому что сердимся». (...)

Фактически оно предполагает, что мы при помощи простого интеллектуального восприятия можем установить, что ситуация, в которой мы находимся, «опасная», «угрожающая», «огорчающая» и т. д. Но «опасность», «огорчение» и т. д. не являются фактами сознания, вызываемыми внешними воздействиями, какими являются, например, ощущения цвета или температуры. Это мы сами окрашиваем вещи или внешние ситуации, проецируя на них те

чувства, которые они у нас порождают и которые они возбуждают, вызывая реакцию нашего организма. Ребенок считает большую собаку или темноту внушающими ужас потому, что они вызывают в нем реакции, сознание которых мы называем «страхом».

Утверждать, как это делает классическая теория, что ситуация вызывает страх потому, что мы считаем ее ужасающей — значит, либо вовсе не объяснить, почему мы находим эту ситуацию страшной, либо вращаться в порочном кругу. (...)

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ АФФЕКТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Мы утверждаем, что эмоция способна придать значимость породившей ее ситуации. Это положение нуждается в уточнении. В самом деле, если эмоция является расстройством поведения, плохо адаптированным актом, каким же образом она может придавать вещам верное значение?

Нельзя забывать, однако, что эмоция, будучи объективно плохо адаптированным актом, репрезентирует тем не менее целостную реакцию, имеющую биологическое значение. Объективной неадаптивности может соответствовать субъективная полезность. Принятая организмом установка не приводит к эффективному разрешению ситуации. Она тем не менее «понимает» сама себя, так сказать ориентирует себя в определенном направлении.

Я полагаю, что для объяснения парадокса неадаптивных реакций, играющих вместе с тем полезную роль — поскольку нельзя отрицать, что страх, пыл, печаль, радость имеют большое значение в жизни человека, — проще всего выдвинуть следующую гипотезу. Эмоция является смесью с изменяющейся пропорцией адаптивных и неадаптивных реакций. Чем ближе эмоция к форме шока, взрыва, тем значительно в ней доля неадаптивности по сравнению с адаптивностью.

96

97

рассматриваемые во времени, обе части эмоционального явления обычно следуют друг за другом. Иногда эмоция начинается с шока, с неадаптивных реакций, постепенно перестраивающихся в полезное поведение. Иногда наоборот, сначала проявляет себя полезная адаптация, а, когда она сталкивается с препятствием за ней следует эмоциональный взрыв. Разве не демонстрируют нам существование таких форм аффективных процессов наблюдения за эмоциональными явлениями в повседневной жизни?

Неспособность эмоции, имеющей характер взрыва, полезно влиять на поведение, можно показать на следующем примере, взятом из множества других.

Два человека, скажем, проходят ночью через лес. Один из них, более эмоциональный, испытывает сильный страх. Другой сохраняет спокойствие. Затем они должны возвратиться, тоже ночью, через тот же самый лес. Испытавший страх человек примет меры предосторожности. Он захватит оружие, возьмет с собой собаку. Второй человек своего поведения не изменит. Аффективные переживания во время первого прохождения леса, несомненно, и являются тем, что позднее изменило поведение первого путешественника. Несмотря на это, мы вправе спросить: эмоцией ли как таковой (рассматриваемой в качестве расстроившей реакции) обусловлено изменение в последующем поведении? В самом деле, нам совсем нетрудно представить смелого человека, который, проходя через лес, отмечает, что такое путешествие небезопасно, и делает этот вывод, *не переживая ни малейшей эмоции страха*. Однако его дальнейшее поведение изменится таким же образом, как поведение человека, который испугался: он захватит с собой оружие, собаку. Сравнение этих двух случаев показывает, что страх вовсе не играет той роли, которую мы обычно склонны усматривать.

Что произошло со смелым человеком? Прохождение темного леса обострило его внимание, вызвало мысли о возможной защите, короче, обусловило установку «быть настороже». Не является ли восприятие этой установки тем, что составляет «сознание опасности»? И нельзя ли сказать, что и у человека, испытывавшего страх, последующее поведение в полезную сторону было изменено именно этой установкой предосторожности? Эта установка была смешана с эмоцией или чередовалась с ней, и можно сказать, что поведение было изменено в полезную сторону не вследствие эмоции, а независимо от нее.

Не приводят ли нас эти размышления к предположению о том, что наряду с эмоциями существуют реакции, отличающиеся от них своей адаптированностью, и, следовательно, способностью полезно ориентировать поведение? Эти реакции, эти установки, а также сознание субъектом их наличия мы объединяем вместе под общим названием чувств.

Помимо эмоции страха мы должны обладать в таком случае «чувством страха», которое лучше было бы назвать «чувством опасности» и которое должно состоять в сознании установки к защите. Помимо эмоции гнева должно существовать «чув-

98

ство гнева», которое лучше было бы назвать «воинственным чувством» и которое состоит в сознании установки к нападению и борьбе. (...)

Для эмоций радости и печали соответствующими чувствами будут чувства приятного и неприятного, удовольствия и страдания, как они изображены в современной психологии, и они тоже будут только сознанием положительной или отрицательной установки организма по отношению к наличной ситуации. (...)

Мне кажется, что представленная здесь точка зрения объединяет разнообразные факты и создает некоторые преимущества, рассматриваемые мной ниже.

ПРИМИРЕНИЕ С ОБЩЕПРИНЯТЫМ ПОНИМАНИЕМ ЭМОЦИЙ

Наши представления позволяют в некоторой степени примирить периферическую теорию с общепринятым пониманием эмоций.

Общепринятое мнение о том, что страх часто возникает уже после осознания опасности той ситуации, в которой мы находимся, является верным. Только это осознание не сводится, как предполагает классическая теория, к чисто интеллектуальному суждению. Согласно нашей теории, оно состоит в «чувстве опасности». Поэтому будем говорить, что эмоция страха следует за чувством опасности;

это случается тогда, когда мы оказываемся не в состоянии убежать или защитить себя естественным путем; на смену нормально развивающемуся поведению приходит тогда поведение расстроенное. По своему принципу этот подход глубоко отличается, однако, от классической теории, так как он полагает, что ни эмоция, ни чувство опасности не вызываются восприятием непосредственно. Развитию аффективного явления всегда необходимо предшествуют реактивные процессы. Именно появление этого процесса предостерегает нас от опасности. Эмоция, таким образом, проявляется только как особая фаза реактивного процесса. Когда завершение адаптивных реакций сталкивается в деятельности с препятствием, они замещаются примитивными реакциями. В случаях, когда эмоция возникает внезапно, например, когда мы вздрагиваем от неожиданного звука, теория Джемса — Ланге сохраняет полное значение в своей обычной форме.

Следующая схема, изображающая теории эмоций, прояснит, как мы их понимаем:

99

Классическая теория	Восприятие — эмоция — органические реакции
Теория Джемса — Ланге	Восприятие — органические реакции — эмоция
Модифицированная периферическая теория	Восприятие — установка (на бегство), чувство (опасности) — органические реакции - эмоция (страх)
Бегство без эмоции	Восприятие — установка (на бегство), чувство (опасности) — бегство ()

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

Наша теория чувств имеет и то преимущество, что она отводит место интеллектуальным чувствам. Термин «интеллектуальное чувство» не имеет строго определенного значения. В работе «Психология чувств» Рибо объединяет под этим названием только удивление, изумление, любопытство, сомнение. Другие авторы добавляют к этому списку общее чувство, возникающее от движения нашей мысли, от ее успешности или бесплодности. По моему мнению, следует идти значительно дальше и включить в интеллектуальные чувства все те элементы мышления, которые Джеме называет переходными и которые не репрезентируют предметное содержание: сходство, импликацию, совпадение, уверенность, возможность, те тысячи отношений, которые мы выражаем словами: но, если, и, почему, после, до, а также мысли, выражаемые словами: будущее, прошлое, условный, отрицание, утверждение и т. п.

Вильям Джеме очень хорошо все это видел: «Если только такие явления, как чувства, существуют вообще, то насколько несомненно, что *in rerum natura*³ существуют отношения между объектами, настолько же и даже более несомненно, что существуют чувства, которыми эти отношения познаются. Нет союза или предлога и даже наречия, приставочной формы или перемены, инто нации в человеческой речи, не выражающих того или другого оттенка тех отношений, которые мы в данный момент действительно чувствуем существующими между более крупными элементами на шего мышления... Нам следовало бы говорить о чувстве *и*, чувстве *если*, чувстве *но* и чувстве *через*...»

Весьма курьезно, что эти столь проницательные замечания Джемса, заключающие в своей сущности плодотворную идею для психологии мышления, разделили судьбу затерявшегося письма. (...)

В работе «Association of ideas» (1903), остро полемизирующей с ассоцианизмом, я возродил идею Джемса и попытался развить ее в биологическом аспекте. Всякое интеллектуальное чувство рассматривается там как соответствующее адаптивным реакциям или установкам организма. «Не может ли тело, — писал я, — служить источником тех многочисленных идей, которым, это бесспорно, во внешнем мире, действующем на органы чувств, ничто не соответствует, но которые вполне могут быть осознанием реакций тела на окружающую обстановку?» (стр. 317). Я применил эту точку зрения в отношении «понимания», вновь сделав его адаптивным, и определил чувство понимания как «осознание совершившейся адаптации, более или менее полной». (...)

Нам остается, однако, один трудный вопрос: почему интеллектуальные чувства кажутся нам объективными, тогда как прочие чувства и эмоции — «нашими собственными состояниями»? Но так ли это? Ведь многие интеллектуальные чувства, такие как уверенность, сомнение, утверждение и отрицание, логическое

³ В природе вещей (лат.). — *Прим. перед.* 100

заключение и т. п., в зависимости от обстоятельств, от направления наших интересов в данный момент, могут казаться нам как объективными, так и субъективными. С другой стороны, действительно ли прочие чувства всегда субъективны? Мы знаем, как легко они объективируются. Эстетические переживания объективируются в прекрасном, отвращение — в отталкивающем и т. д. Мы говорим, что событие (объективное) является печальным, радостным, позорным, комическим или неприятным. Когда мы утверждаем, что работа неприятна, мы помещаем это «неприятно» то в работе, то в себе, в зависимости от контекста наших мыслей.

По моему мнению, субъективность или объективность познаваемого содержания всегда является результатом вторичного процесса, зависящего от приобретенного опыта. Изначально состояния нашего сознания не бывают ни объективными, ни субъективными.

Теми или другими они становятся постепенно, по мере необходимости приспособления к физическому или социальному окружению.

ЧУВСТВА И ВНУТРЕННИЕ ОЩУЩЕНИЯ

Рассмотренная выше функциональная концепция позволяет нам выяснить отличие чувств от внутренних, или органических, ощущений, в частности ощущений голода, жажды, усталости, а также синестезии. Часто такое различие не проводится, и люди говорят о «чувстве» усталости или голода.

По моему мнению, ощущения голода, жажды, усталости (к ним можно добавить, пожалуй, ощущение боли) сами по себе значимости не имеют; они суть явления, получающие значимость только от тех установок, тенденций и движений, которые они инстинктивно вызывают, и именно такие инстинктивные реакции делают их значимыми для поведения индивида. Но эти инстинктивные реакции являются ничем иным, как основанием чувств: чувств приятного или неприятного, желания, нужды.

Таким образом, внутренние ощущения являются состояниями, явно отличающимися от чувств, которые суть установки. Внутренние ощущения информируют нас об определенных состояниях нашего организма так же, как внешние ощущения информируют нас о состоянии окружающей среды. Но жизненное значение органических ощущений мы можем определять только благодаря существованию чувств. (...)

Чувства выражают некоторым образом отношение между определенным объектом или ситуацией и нашим благосостоянием (можно сказать также, что они выражают нашу установку к ситуации или объекту). Физиологической основой такого отношения является сама установка. Чувство — это осознание такой установки. В противоположность этому ощущения презентуют только объекты, по отношению к которым мы принимаем установку. Объект, презентуемый внутренними ощущениями, такими как ощущения голода,

жажды, усталости — это наше собственное т^ло. Но именно чер^т отношение к своему собственному состоянию наше тело способно принять определенную установку. Понятно, что между внутренними ощущениями и чувствами существует весьма интимная связь, поскольку как те, так и другие имеют свой источник в теле. Это не мешает нам, однако, отчетливо различать их с функциональной точки зрения. Они противостоят друг другу так, как реакция прот^{ив}остоит вызвавшему ее объекту.

Макдауголл (Me Dougall) **Уильям** (22 июня 1871—28 ноября 1938), англоамериканский психолог. Первоначально занимался биологией и медициной, под влиянием «Принципов психологии» У. Джемса обратился к изучению психологии сначала в Кембридже, затем в Геттингене у Г. Мюллера. Лектор в университетском колледже в Лондоне и в Оксфорде. Профессор в Гарварде (1920—1927) и в университете Дьюка (1927—1938) в США. Основой психической жизни считал устремление — «горме» (греч. — стремление, порыв), отчего психология У. Макдауголла часто называется сгормической. «Горме» трактуется как устремление к биологически значимой цели, обусловленное, по У. Макдауголлу, особыми родами предрасположениями — врожденными инстинктами либо приобретенными склонностями. Эмоциональные переживания рассматриваются как субъективные корреляты этих предрасположений. Эмоциональная сфера в процессе своего развития у человека получает иерархическое строение. Ведущими становятся сначала несколько основных эмоциональных образований (sentiments),

а затем, при сложившемся уже характере — одно центральное, называемое Макдауголлом эготическим (от «эго», греч. — «я»). Размышления над клиническим феноменом «множественной» личности натолкнули У. Макдауголла на разработку метапсихологической концепции личности, исходящей из идей монадологии Г. Лейбница. Согласно этому, каждая личность представляет систему «потенциально мыслящих и стремящихся монад» («Я»), сходящихся на некоторой «высшей» монаде — »> а мости», которая через иерархию монад управляет всей психофизической жизнью человека.

Сочинения: Основные проблемы социальной психологии. М., 1916; Physiological Psychology. L., 1905; Psychology. L., 1912; Body and Mind. L., 1912; Group Mind. L., 1920; Outline of Psychology. N. Y., L., 1923; James. N. Y., 1927; Character and the Conduct of Life. N. Y., L., 1927; Energies of Men. "L., 1933; The Riddle of Life. L., 1938.

Литература: Flugel J. William Me Dougall. •— Brit. J. Psycho]. 1939, v. 29.

У. Макдауголл

РАЗЛИЧИЕ ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА '

Термины «эмоция» и «чувство» до сих пор употребляются с большой неопределенностью и путаницей, что соответствует неопределенности и разнообразию мнений об основах, условиях возникновения и функциях тех процессов, к которым эти термины относятся. После многолетней систематической работы над тем, чтобы сделать свои представления по этим вопросам более ясными, я почувствовал, что имею возможность предложить схему, которая мне кажется исчерпывающей, последовательной и в принципе верной, хотя еще сильно нуждающейся в поправке и в доработке деталей.

' Me Dougall W. Emotion and feeling distinguished. — In Revmcil M L (ed.). Feelings and emotions. Worcester. 1928, pp. 200—204,

8«

Предлагаемая мной схема основана на эволюционных и сравнительных данных и находится в согласии с фактами, которые обнаруживаются в переживаниях и поведении человека. Она исходит из принципов волюнтаристической, или гормической, психологии, т. е. психологии, которая в качестве основной особенности всей жизни животного считает его способность к активному достижению целей средствами пластичного поведения — на основе устремлений (striving), выражающихся в таких движениях тела, которые приспосабливаются к деталям складывающихся ситуаций способом, называемым по общему согласию интеллектуальным. Способность стремиться к определенным результатам, способность преследовать цели, возобновлять и поддерживать действия, обеспечивающие полезные для организма или вида эффекты, должна быть признана — как я всегда это утверждал — фундаментальной категорией психологии (1). «Развилась» ли такая способность к процессу эволюции из форм, лишенных всяких ее зачатков, может ли быть она объяснена в понятиях физики и химии, как это пытаются показать представители гештальтпсихологии, — вопросы будущего. Психология не должна ждать утвердительных ответов на эти вопросы для того, чтобы признать устремления такой формой активности, которая пронизывает и характеризует всю жизнь животного. (...)

Разумно предположить, что первичными формами устремлений животного были поиск пищи и избегание вредного и что из этих двух примитивных форм устремлений дифференцировались и развились все другие их разновидности.

Исходя из этих предположений, я утверждаю, во-первых, что все те переживания, которые мы называем чувствами и эмоциями, связаны с проявлениями устремлений организма, вызываемыми либо воздействиями извне, либо метаболическими процессами внутри организма, либо, чаще всего, обоими путями; во-вторых, что в общих чертах мы можем надежно разграничить чувства, с одной стороны, и эмоции — с другой, на основе их функционального отношения к целенаправленной активности, которую они сопровождают и определяют, поскольку эти отношения в обоих случаях существенно различаются.

Существуют две первичные и фундаментальные формы чувства — удовольствие и страдание, или удовлетворение и неудовлетворение, которые окрашивают и определяют в некоторой, хотя бы незначительной, степени все устремления организма. Удовольствие является следствием и знаком успеха как полного, так и частичного, страдание — следствием и знаком неуспеха и фрустрации. Возможно, что примитивные удовольствие и страдание были альтернативами, практически (хотя, пожалуй, и не абсолютно) друг друга взаимноисключающими. Но с развитием познавательных функций организм начинает, во-первых, одновременно схватывать разные аспекты объектов и ситуаций, во-вторых, испытывать удовольствия и страдания, вызываемые предвосхищением или воспоминанием

104

Первое делает возможной одновременную актуализацию различных побуждений (impulses), видоизменяющих друг друга вследствие соперничества или содействия. Второе создает возможность соединения фактического успеха с предвосхищением неуспеха, фактической фрустрации с предвосхищением успеха. Соответственно этому усложняются и виды чувств.

Организму, достигшему этого уровня развития познавательных функций, не приходится уже больше колебаться между простым удовольствием и простым страданием. Помимо этих простых и примитивных крайностей он способен испытывать целый ряд чувств, являющихся в некотором смысле сочетанием или смесью удовольствия и страдания; он переживает такие чувства, как надежда, тревога, отчаяние, чувство безысходности, раскаяние, печаль. По мере усложнения душевных структур взрослый человек познает «сладкую печаль», радости, отмеченные страданием, ... «необычное сплетение грусти и веселья», ... мрачные минуты его неудач освещаются лучами надежды, а моменты триумфа и торжества омрачаются сознанием тщетности человеческих стремлений, недолговечности и зыбкости всех

достижений. Словом, взрослый человек, наученный «смотреть вперед и назад и тосковать по отсутствующему)», больше не способен на простые чувства ребенка. С развитием сил познания его желания становятся сложными и разнообразными, а простое чередование удовольствия и страдания уступает место нескончаемому передвижению по диапазону сложных чувств. Такие сложные чувства в обыденной речи называются эмоциями. Придерживаясь предложенной Шандом терминологии, я везде называл их «эмоциями, производными из желания...» (2; 3).

Научные исследования станут значительно более ясными и точными, если мы перестанем называть такие сложные чувства общим термином «эмоция». Трудность разграничения сложных чувств и собственно эмоций, как и существующая тенденция смешивать их, обусловлены тем, что почти все устремления в развитой психике окрашены как собственно эмоциями, так и сложными чувствами, или «производными эмоциями», смешанными в одну сложную целостность.

Рассмотрим теперь собственно эмоции.... Как только первичные устремления дифференцируются на побуждения, направленные на более специфические цели и вызываемые более специфическими объектами или ситуациями, — каждое такое специализированное побуждение получает свое выражение... в виде комплекса телесных приспособлений, которые облегчают и поддерживают соответствующую телесную активность. Не принимая полностью теории Джемса — Ланге, мы, однако, должны предположить, что каждая такая система телесных приспособлений отражается в переживаниях организма, придавая тем самым каждому специализированному устремлению своеобразное отличительное качество — качество одной из первичных эмоций. Когда же психическое развитие достигает уровня, на котором в игру одновременно вступают, противодействуя или сотрудничая, два или более специализированных побуждения, эти

первичные качества сливаются в сложные образования, называемые нами вторичными или смешанными эмоциями; такими сложными качествами являются смущение, стыд, благоговение, почтение, позор.

Попытаемся сопоставить сложные чувства, или «производные эмоции», и собственно эмоции, первичные и смешанные, учитывая что все конкретные эмоциональные переживания в развитой психике являются образованиями, в которых подлинные и производные эмоции, абстрактно нами разделенные, смешаны.

1. Сложные чувства, так же как и простые, возникают в зависимости от успешности или неуспешности осуществления наших устремлений. Они влияют на дальнейшую судьбу побуждений, от которых они сами произошли, усиливая их и поддерживая, когда баланс чувственного тона находится на стороне удовольствия, или задерживая их и отклоняя, когда баланс чувств на стороне страдания.

С другой стороны, подлинные эмоции предшествуют успеху или неудаче и от них не зависят; они возникают вместе с актуализацией соответствующих побуждений и продолжают окрашивать в особый тон переживания каждого из устремлений, придавая свое специфическое качество всему образованию, независимо от величины успеха или неудачи, как действительного, так и предвосхищаемого. Они не оказывают прямого влияния на изменение силы устремлений. Являясь качеством субъективного переживания, они лишь свидетельствуют о природе телесных приспособлений, органически связанных с каждым фундаментальным видом устремлений. В развитой психике, однако, они косвенным путем влияют на протекание произвольных действий: открывая самосознающему организму природу действующих побуждений, они создают некоторую возможность контроля и управления ими.

2. Сложные чувства, кроме того, зависят от развития познавательных функций и по отношению к этому процессу вторичны. Можно, пожалуй, утверждать, что они присущи только человеку, хотя простейшие их формы доступны, вероятно, и высшим животным. С другой стороны, следует думать, что подлинные эмоции появляются на значительно более ранних этапах эволюционного развития. На протяжении большей части процесса эволюции они выступают просто как побочный продукт импульсивных устремлений животного, и только у человека они становятся важным источником самопознания и, следовательно, самоуправления. (..)

3. Указанные сложные чувства (такие как надежда, тревога, раскаяние) не представляют собой отдельно существующих явлений и не происходят из каких-либо особых установок организма. Каждое из названий, употребляемое нами для описания такого рода чувств, обозначает, пожалуй, просто плохо очерченную часть широкого диапазона, который в целом может обнаружиться в процессе удовлетворения любого сильного желания, независимо от его природы и происхождения. По мере того как субъект, движимый желанием, перемещается по этому диапазону сложных чувств,

106

надеясь из частей, обозначаемых тем или иным названием, переживается отдельно и постепенно переходит в соседнее качество;

следовательно, здесь нет смешения этих качеств.

С другой стороны, всякое подлинное первичное эмоциональное качество возникает при актуализации соответствующей целенаправленной установки, являющейся неотъемлемым свойством психической структуры организма; следовательно, каждое из этих качеств переживается только в связи со специфическим побуждением или желанием. Далее, поскольку в игру одновременно могут вступить¹¹ две или более таких установок, порождая содействующие друг Другу или же противоречащие желания, то точно так же могут одновременно появиться и смешаться или слиться друг с другом в различных пропорциях

соответствующие первичные эмоциональные качества. Я проиллюстрирую эти противоположные особенности примерами. Надеждой мы называем сложное чувство, возникающее у нас при действии *любого* сильного желания и при предвосхищении успеха; в случае появления новых затруднений надежда уступает место тревоге или отчаянию, но ни в коем случае нельзя сказать, что она смешивается с отчаянием, порождая тревогу; скорее всего, по мере уменьшения благоприятности обстоятельств, чувство, корнящееся в нашем желании, изменяется незаметными градациями от надежды к тревоге и далее — к отчаянию. Противоположный случай можно проиллюстрировать эмоцией, которую мы называем любопытством или интересом, и ее отношением к эмоции, которую мы называем страхом. Некоторая степень эмоционального качества, называемого интересом, всегда сопровождает побуждение или желание исследовать и лучше освоить какой-либо объект; интерес, не связанный с таким побуждением, просто невозможен. Процесс исследования ведет к проникновению в природу объекта, а это, в свою очередь, может вызвать страх — качество, всегда сопровождающее побуждение избежать объект, или желание от него удалиться. Но с появлением этого нового побуждения и характерного для него эмоционального качества интерес вовсе не обязательно вытесняется или задерживается; побуждение к исследованию может сохраниться наряду с побуждением удалиться, и в этом случае мы переживаем эмоциональное качество, которое обнаруживается сходство как с интересом, так и со страхом, и которое нам кажется возможным изображать как своего рода смесь этих двух противоположных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. McDougall W. Purposeful striving as a fundamental category of psychology.

Presidential address to the Psychological Section on the British Association, 1924

Reprinted in Science, November, 1924. 2. McDougall W. Outline of psychology. N. Y., 1923

У. Макдаугалл. У. ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ. М., 1916.

Крюгер ^Krueger) **Феликс** (19 августа 1874—25 февраля 1948) - немецкий психолог и философ. Учился в Мюнхенском университете. С 1906 г.-- профессор психологии, с 1917 г. - директор Института экспериментальной психологии в Лейпциге. Основатель так называемой «лейпцигской школы» психологии, отстаивавшей принцип первоначальной целостности любого психического переживания, из которой лишь вторично могут быть вычленены отдельные его моменты. Среди целостных переживаний («целостных качеств») Ф. Крюгер выделял кроме гештальт-качеств особые «комплекс качества», которые диффузны, нерасчленены, аффективно окрашены. Психическое раз-ви-г-ие (в онто-, фило , антропо- и акту-алгенезах) идет от комплекс-качеств к более расчлененным, «прегнантным» гештальт-качествам. За переживаниями лежат особые целостные, длительно существующие образования, называемые Ф. Крюгером «структурами». Выделяются индивидуальные и надинди-видуальные структуры души и объективно-духовные структуры. Центральное место в душевной структуре индивида занимает структура его ценностных направленностей, которая определяет особенности человеческого характера. Структуры проявляются в психических переживаниях и, прежде всего, в чувствах. Ф. Крюгер вводит новое «измерение» чувства — его глубину. Чувство тем глубже, чем более оно расчленено и чем больше в нем выражаются «ядерные» слои душевной структуры. Чувства, согласно Ф. Крюгеру, определяют закономерности всех остальных психических процессов. Сочинения: *Der Strukturbegriff in der Psychologie*. Jena, 1924; *Über psychische Ganzheit*. — *Neue psychologische Studien*, Bd. 1, München, 1926; *Lehre von dem Ganzen*. Bern, 1948; *Zur Philosophie und Psychologie der Ganzheit*. В . 1953.

Ф. Крюгер

СУЩНОСТЬ

ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

Еще с древних времен известно — то, что радует человека, что его «интересует», повергает в уныние, волнует, что представляется ему смешным, более всего характеризует его «сущность», его характер и индивидуальность. Эмоциональные переживания каким-то образом охватывают или пронизывают все прочие психические явления. В определенной мере «эмоциональное» дает нам знание о строении душевного, «внутреннего» мира в целом. (...)

Как только наука с ее анализом и схематическими абстракциями, с ее разрушающим действительность разделением труда поколебала простодушное серьезное отношение к «делам сердца», так наиболее глубокие и внутренние переживания человека перестали Krueger F. *Das Wesen der Gefühle. Entwurf eines systematischen Theorems*. 3-е & 4-е unveränderte Aufl. Leipzig, 1930, pp 2—37.

108

поддаваться пониманию. (...) Начиная с древнегреческого периода, психологическая мысль всегда была склонна описывать психическую реальность, исходя из рационалистической модели, смешивая, таким образом, эмпирические закономерности с логическим идеалом.

Поучительно, что мыслители, являвшиеся, подобно французским метафизикам XVII столетия, наиболее решительными приверженцами интеллектуализма в психологии, больше всего сил затратили на включение в свои системы «аффекта». При этом аффект весьма противоречиво сводился к неуместному действию тела или же просто истолковывался как патологическое нарушение

(...) Несмотря на то что в общих теориях психического стало общепринятым рассматривать эмоциональные явления как нечто качественно особое, проникательные специалисты все снова пытаются от этого отделаться. Их «сводят» к «отношениям представлений» (гербартианцы), к свойственному элементарным ощущениям постоянному «тону» (В. Вундт в

своих «Началах»), или к органическим ощущениям (У. Джемс); другие же, а именно немецкие теоретики, вновь рассматривают эти важные явления в качестве эпифеноменов, не имеющих значения. (...)

Естественно было бы ожидать, что ясность господствует по крайней мере в вопросе о том, какие хорошо описанные *феномены* подлежат истолкованию в теории эмоциональных явлений. Между тем едва ли найдутся два учебника, единогласные в том, где в нашем опыте проходит хотя бы приблизительная граница между эмоциональным и неэмоциональным. Что общего между собой имеют явления, называемые «эмоциональными», при их непосредственном сопоставлении? Противоположные ответы постоянно получает и связанный с предыдущим вопрос о *видах* эмоциональных переживаний.

(...) Из всех форм и оттенков нашего опыта эмоциональные явления наиболее «летучи» и лабильны... Для многих из них характерна хрупкость, прямо-таки не выносящая прикосновения. При этом все непосредственно испытываемые порывы чувства обладают одной общей и изначальной особенностью, состоящей в том, что переживающий субъект не может не *обратить* на них определенного *внимания*. Но если он изменяет направление или интенсивность этого внимания, или, особенно, если думает о нем, сами чувства также неминуемо изменяются. Это положение следует выразить в более определенной и общей форме: в той мере, в какой целостное эмоциональное явление *расчленяется*, так что его части или отдельные моменты начинают выступать относительно обособленно и отчетливо, оно (при прочих равных условиях) *теряет* свою *интенсивность* и *выраженность* своего эмоционального характера. (...)

Два тактильных или яркостных впечатления, две геометрические формы или два словесных значения вполне могут наблюдаться *одновременно* и сравниваться непосредственно. Что же касается эмоциональной жизни, у нас есть все основания утверждать, ^о даже теоретически *два переживания никогда не могут испыты-^ться строго в одно и то же время*. Экспериментальный принцип

повторения сталкивается в этой области с той трудностью, что на переживания оказывает влияние любое изменение одновременных с ним содержаний сознания, с чем связана их особая способность к «расплыванию». (...)

Позитивизм, как известно, противопоставил всей психологии возражение, что процесс наблюдения, будучи направлен на содержание психической жизни самого наблюдателя, всегда изменяет свой объект. Для психологии эмоциональных явлений, как мы уже видели, это справедливо в наибольшей степени. (...) Но задача науки и состоит в том, чтобы сначала познать существо подобных затруднений, а затем, применяя адекватные методы, шаг за шагом их преодолевать.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ И ПСИХИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Психология впервые встала на путь строгой научности под влиянием своих ранее сформировавшихся сестер — естественных наук. Но поскольку в середине XIX в. она приняла за образец не биологию, а физику и химию, то на события психической жизни она перенесла не только *методы* эксперимента и измерения, но одновременно и *постановку проблем, основные понятия* и механистический идеал познания точных наук, изучающих безжизненную и чуждую развитию реальность.

Д. Целостность психической жизни

(...) Австрийская школа психологии показала, что, например, любой аккорд, мелодия, ритмический ряд, в той мере, в какой они непосредственно переживаются, обладают *в качестве целого* особыми свойствами, независимыми от любого актуального анализа, и что эти «гештальт-качества» (Gestaltqualitaten) не могут быть сведены к качествам отдельно существующих частей этого целого. Отсюда следует еще одно положение, тысячу раз подтверждавшееся опытом, — *подобие* переживаемых комплексов основывается не только на существовании у них подобных или «равных» частей, а во многих случаях вообще с ним не связано. Однако в области эмоциональных явлений эта «целостная» точка зрения до настоящего времени проводилась недостаточно. С тех пор как Х. Корнелиус (1897) вполне однозначно перенес в область эмоций понятие «гештальт-качества», на эту далеко идущую гипотезу почти никто не обратил внимания. (..)

В течение более 30 лет я непрерывно занимаюсь развитием этой новой теории о сущности эмоциональных явлений и психической целостности вообще. Я применил ее к переживанию ценности и нашел ей подтверждение в обширных экспериментальных иссле-

110

..ований аккордов, созвучий, диссонансов и интонационной мелодии речи (1898, 1900, 1903, 1904, 1918).

При этом, основываясь как на теоретических, так и на экспериментальных соображениях, я соотнес исходное понятие «гештальт-качества» с более широким понятием «комплекс-качества» (Komplex-qualitat). Оба эти понятия... я связал с еще более общим понятием психической *целостности* (см. 1926), прежде всего целостности *внутреннего опыта* (fErlebens). Это расширение и дифференциация оказались необходимыми главным образом по двум основаниям.

1. Прежде всего, в связи с тем фактом, что нерезко очерченные, диффузные, гетерогенные и даже совершенно неструктурированные данности опыта (связанные, например, с низшими органами чувств, ощущениями времени и своего положения, первобытным мышлением) также обладают непосредственно данными и сравнимыми качествами целого, которые являются «эмоциоподобными». Причем диффузные целостности характеризуются такими качествами намного чаще и генетически раньше, чем «гештальты» в узком смысле слова, то есть актуальные единства отдельных взаимосвязанных частей (1924, 1926).

2. Для обозначения и понимания некоторых специфических *структур*, например, геометрических, музыкальных, логических и т. д., требуется особое понятие. Именно к этим структурам и относятся понятие «гештальта» (см. 1926). (...)

Проблема «гештальта» в последние годы приковала к себе всеобщее внимание. (...) В связи с этим появилась опасность, что термин «гештальт» будет использоваться в качестве волшебной лампы для обозначения всех темных мест в психологии и что злоупотребление этим важным понятием воспрепятствует точности анализа как самих явлений, так и их условий. (...)

То, что мы хотим объяснить научно, необходимо, в первую очередь, хорошо и точно знать. К задаче аккуратного и возможно более полного *описания* явлений мы должны относиться серьезно. Тогда, наряду со многим другим, мы увидим, что гомогенные, четко очерченные и внутренне расчлененные (в соответствии со структурой объекта) «восприятия», которые вследствие методической традиции все еще являются преимущественным объектом экспериментальных исследований, представляют собой в лучшем случае весьма специальный, к тому же генетически поздний продукт абстрагирующего внимания, а нередко и вовсе являются чуждым жизни порождением лабораторного исследования. (...) В действительности, опыт любого нормального индивида... в своей основной массе состоит из диффузных, нечетко очерченных, расчлененных слабо или нерасчлененных вовсе комплексов, в образовании которых принимают участие все функциональные системы и органы. (...) Даже на высших стадиях развития, у взрослых людей и высших животных, чегкого расчленения не бывает, например, в состояниях высшего и Длительного возбуждения, сильной усталости, полной захваченности Чем-либо. Ко-^" же р^с¹ .".!-'ность (-•iLi't.'i существе'..' то его

различимые «части» или стороны никогда не являются столь изолированными друг от друга, как «куски» физической материи ее атомы и молекулы. Все, что мы можем различить в опыте' всегда многообразно вплетено друг в друга и переплетено друг с другом. И всегда, без исключений, «части» *включены в общее целое*, пронизаны им и более или менее единообразно им охватываются (см. 1926).

Эмоциональные явления представляют собой переживаемые качества (Eriebensqualitaten) этого общего целого. В той мере, в какой из целого выделяются, более или менее резко, *частичные* комплексы, они также обладают в качестве (частичных) *целост-ностей* своими специфическими качествами, а именно различного рода «*комплекс-качествами*». (...) Чем в большей спелости частичный комплекс совпадает с общим целым, чем менее он отделяется от «фона» одновременных с ним остальных составляющих опыта и, при прочих равных условиях, чем менее расчленен он внутри себя, тем в большей степени его «комплекс-качества» по своей природе *подобны эмоциональным переживаниям* (f. gefuhlsartiger). Наш наиболее естественный, обычный и генетически ранний опыт, такой как восприятие оптико-моторной ситуации, серии звучащих тонов или шумов, осознание изменения в нашем физическом состоянии, наши поиски, нахождения и желания, наша расположенность к чему-либо или направленность на что-либо, короче говоря, все наши психические реакции определяются комплекс-качествами, а значит эмоционально. Любая «умственная деятельность» — узнавание, припоминание, знание, умозаключение — также с самого начала протекает в аналогичных формах целостных комплексов. (...)

Общее целое опыта обладает специфическим качеством, соответствующим обстоятельствам и непосредственно обнаруживаемым, которое непрерывно изменяется особым образом, выделяясь на фоне прочих наличных содержаний опыта в определенные сукцессивные целостности, такие как аффекты и другие эмоциональные процессы. Такими качествами *общего целого* являются различные виды удовольствия-неудовольствия, возбуждения, напряжения, расслабления, а наряду с ними и множество иных разнообразных окрасок и форм протекания целостности опыта. Число их не поддается исчислению, и мы пока не имеем возможности полностью их расклассифицировать.

В феноменальном плане все эти «качества целого» (Gesamt-qualitaten) обладают общей чертой — тем, что я называл «протяженностью, заполняющей все сознание» (1918). С другой стороны, им присуще, как отметил еще Лотце, «неравнодушие», или, в позитивной форме, «теплота» или «весомость». Все из того, что принадлежит нашему опыту или различимо в нем, в той мере подобно рассмотренным качествам (т. е. является эмоциогао(5о(5ныл<)), в какой оно полностью заполняет весь объем опыта и, с другой стороны, не оставляет переживающего субъекта равнодушным. В наибольшей степени это справедливо для тех качеств, которые связаны с самыми обширными частичными комплексами. ...

112

, Но не страдает ли при такой трактовке определенность основ цого понятия? Не размоеется ли теперь опять противоположность эмоционального и неэмоционального? (...) То, что эмоциональные явления (например, беспредметное волнение подобное опьянению или просто возбужденное настроение) постоянно переходят в ка-чества более ограниченных, и прежде всего, мало расчлененных *частичных* комплексов (например, в сознание того, что меня волнует на *что* я надеюсь, к *чему* стремлюсь или *чего* боюсь) и наоборот' является установленным фактом. Фактом является и качественное родство этих двух рядов явлений между собой. Для обозначения феноменального сходства и способности этих явлений к взаимопереходам и необходимо понятие эмоциопо<5обного. Мне кажется, что наша теория однозначнее (насколько это возможно без насилия над фактами), чем предложенные до сих пор другие теории, -определяет, прежде всего описательно, *что такое эмоциональное явление в собственном смысле слова.* Мы рассматриваем их как *отличные* от всех прочих

видов переживаний, но в *связи* с ними: эмоциональные явления суть комплекс-качества переживаемого *общего* целого, *глобальной* целостности опыта.

В. Функциональные взаимосвязи

(...) Общее представление о сущности эмоциональных явлений должно теперь доказать свою плодотворность путем последовательного теоретического объяснения известных фактов. Уже из предшествующего изложения вытекают в качестве необходимых три момента, полностью подтверждаемые тщательным и непредвзятым наблюдением: 1) *универсальность*, 2) *качественное богатство* и 3) *изменчивость* и *лабильность* эмоциональных явлений. Рассмотрим их подробнее.

1. Универсальность эмоциональных явлений. Какие бы свойства ни были присущи событию психической жизни субъекта, ... рассматриваемое как *целостность* опыта, оно всегда обладает *своим особым качеством*. Разумеется, эта общая окраска может быть более или (в случае приближения к безразличию) менее выраженной и доминирующей.

(...) Многие из таких качеств являются, при рассмотрении с генетической точки зрения, примитивными. Соответствующее им поведение гораздо чаще наблюдается у примитивных народов, детей, животных, необразованных или умственно отсталых взрослых, чем у образованных людей. Но, с другой стороны, формы *организации* опыта, вытекающие из истинной культуры, ... вполне совместимы с одновременными им эмоциональными явлениями и, более того, закономерно сопровождаются и пронизываются ими. Подумайте о самоотверженности облагороженного религией сердца или о том, как образ искусства... полностью захватывает человека и может приводить к напряжению всех его душевных сил. Разумеется, речь идет при этом об эмоциональных явлениях особого

рода, обладающих многочисленными дополнительными свойствами. Конечно, наблюдать настоящие, сильные эмоциональные переживания в лабораторных условиях очень трудно. Однако с помощью адекватных методов мы можем воссоздавать некоторые генетические взаимосвязи в сокращенном виде и исследовать их закономерности. Такой, как выражаемся мы в Лейпциге, «актуалгенез» всегда показывает, что отдельные ощущения, восприятия, отношения, а также воспоминания, отчетливые мысли, определенные волевые акты, короче говоря, весь организованный опыт отщепляется вначале от диффузных эмоциональных состояний и всегда остается под их господством в функциональном отношении. Во всяком случае, эти события психической жизни обязательно остаются более или менее глубоко «встроенными» в эмоциональное, которое как бы заполняет «пустоты» в наличной целостности опыта и составляет общий «фон» для всего, что сколько-нибудь выделяется. Эмоция представляет собой материнскую первооснову прочих видов психических явлений и наиболее благоприятную почву для них. Всякий раз, когда у живого существа имеет место какое-либо психическое явление, мы *всегда* наблюдаем или с полным основанием можем заключить о существовании *эмоционального* состояния. Любое изменение в опыте есть изменение эмоционального явления, взятого отдельно либо вместе с определяемыми им другими изменениями. (...) Это и есть, в общих чертах, то, что должно называться «универсальностью» эмоциональных явлений. (...)

С другой стороны, из принципа универсальности эмоций необходимо следует, что любое действительно существующее эмоциональное явление должно окрашивать *все* одновременные с ним содержания опыта. Забвение этого приводит любое, даже самое тщательное, психологическое исследование к заблуждениям. (...)

2. Качественное богатство эмоциональных явлений. Уже из правил комбинаторики следует ожидать, что *комплекс-качеств* существует гораздо больше, чем качеств, которыми обладают простые, далее неразложимые составляющие опыта. (...) Многообразие качественных «окрасок» опыта является максимальным в случае *общего* целого. (...) Если восприятие звука или геометрической формы, ощущение боли, определенная мысль или ход рассуждения могут оставаться в сущности «теми же самыми», независимо от того, присутствуют ли «рядом с ними» те или иные ощущения или воспоминания другого рода, то, в противоположность этому, эмоциональное переживание никогда не существует «рядом» с другим содержанием опыта... Они весьма значимо изменяются при любой перемене как какого-нибудь из содержаний опыта, так и их взаимного расположения (качественного, интенсивностного, временного и т. д.). «Малейшие» причины приводят здесь к многообразным и «максимальным» в психологическом отношении следствиям. Теперь нетрудно понять третий момент.

3. Изменчивость и лабильность эмоциональных явлений. Аккорд из двух звуков может превратиться в нечто существенно иное при условии, что одновременно с ним звучит третий тон. Если

114

последний находится в диссонирующем, «неподходящем» сношении «одному или к обоим исходным тонам, то соответствующее переживание изменяется коренным образом, может даже перейти в свою противоположность. Еще более глубоко изменяется обычно некоторое восприятие, в случае когда одновременно с ним всплывают определенные ощущения, образы и воспоминания. Еще в большей степени изменяются структуры развитого интеллекта или произвольного поведения с их многочисленными подобиями, состояниями направленности и переживаемыми отношениями вообще. И в каждом случае эмоциональное переживание непосредственно прилагается к тому, что находится в сознании одновременно с ним или же соседствует с ним во времени. Вспомним о синестезиях, о внезапных идеях и

поразительных всплесках мысли, об игре фантазии — все это без исключения опосредуется эмоциональными связями.

Методы измерения порогов начали применяться по отношению к *комплексам* переживаний лишь несколько лет назад. Один из наиболее бесспорных результатов состоит в том, что мы встречаемся здесь с исключительно тонкой чувствительностью к различиям. ...Если сравнить... средние пороги для «простейших», т. е. максимально изолированных, ощущений с соответствующими значениями для законченных фигур, содержащих наряду с прочими элементами те же простые ощущения, то пороги для отдельных ощущений окажутся в несколько раз более высокими. (...) Это можно сформулировать в качестве общего закона: *изменения всего комплекса в целом воспринимаются с большей точностью и надежностью, чем изменения его частей*. Причем это положение справедливо тем в большей степени, чем более обширным, структурированным и в то же время замкнутым является комплекс. (...) В лабораториях тысячекратно наблюдался, хотя в большинстве случаев и в качестве побочного эффекта, тот факт, что малейшие изменения в какой-то части поля сознания осознавались «эмоциоподобным» образом задолго до того, как человек мог указать «где» нечто изменилось и что именно. ...

Эти три фундаментальные характеристики,... позволяющие понять поток эмоциональной жизни в его необходимости, тесно и многообразно взаимосвязаны. *Изменчивость* эмоциональных явлений,... их *лабильность*, *способность к мгновенному притуплению* — все это может рассматриваться в качестве динамического коррелята *качественного богатства*, являющегося их статической характеристикой. С другой стороны, оба эти свойства неизбежно связаны с *универсальностью* эмоциональных явлений, а именно с тем фактом, что только эти явления *всегда* наличествуют в сознании, что любое значимое изменение воспринимается прежде всего «эмоциоподобным» образом, что, наконец, эти эмоциональные колебания вызываются самыми разнообразными условиями...

Анализ и целостность опыта как противоположности. Теперь нам будет легче понять одну закономерность, о методологическом значении которой мы уже упоминали. Я имею в виду тот антагонизм

психических функций, выражаемый в популярной форме противопоставлением «головы» и «сердца», который на протяжении многих веков занимал психологическую мысль. Действительно, рассудочное отношение в определенной мере нарушает... эмоциональное переживание, делает его менее выраженным и интенсивным, и наоборот. (...) Мы можем сформулировать это в виде общего закона: любое расчленение, любой анализ целостности опыта является вредным для этой целостности как таковой, и находится по отношению к ней в состоянии функционального противоречия. (...)

Доминирование целого. Как неоднократно указывалось выше,... изменения в какой-либо части переживаемого целого ранее и чаще всего проявляются в модификации переживаемого качества *общего* целого, прежде всего эмоции. Таким образом, благодаря комплекс-качествам, становятся психологически действенными даже *малейшие* сдвиги в происходящем,... в том числе и такие, «координаты», особенности и взаимосвязи которых иначе не осознаются вовсе. Наиболее очевидные и многообразные примеры этого поставляет нам, как и следовало ожидать, эмоциональная жизнь. Кому из нас не доводилось испытывать, как, например, какое-нибудь «настроение», целиком завладевшее нами, мгновенно возникает или видоизменяется вплоть до своей противоположности, когда происходит или изменяется нечто второстепенное, такое, что, рассматриваемое само по себе, представляется совершенно незначительным и даже не связанным с остальными содержаниями сознания? Очень часто человек узнает о том, что собственно вызвало или «испортило» его настроение, лишь впоследствии, после долгих поисков и без большой уверенности, или же так и не узнает этого никогда.

Подобные явления относятся к области реципрного взаимодействия между целостностью опыта и ее частями. (...) Новейшие экспериментальные исследования предоставляют нам разнообразную, в частности количественную, информацию об этом взаимодействии. В ряде случаев мы знаем уже достаточно точно, какие именно частные характеристики целого замечаются раньше всего, какие вообще замечаются, какие лучше всего запоминаются, и т. д. Обобщая эти результаты, следует сказать, что функциональное *превосходство* закономерно получают те частные характеристики, которые вносят максимальный вклад в качество и композицию *целого*, короче — которые в наибольшей степени связаны с целым. К таким характеристикам относится *контур*, как в прямом, так и в переносном смысле, — то, что замыкает и ограничивает некоторое целое, — *ритм*, в наиболее широком смысле этого слова, *форма* и вообще — *способ организации* целого. (...)

Теперь нам становится понятнее, что эмоциональные явления по природе своей всегда обращают на себя внимание. Они являются доминирующими изначально. Даже наиболее периферические, наиболее обособленные части переживаемого комплекса всегда вплетены, «вплавлены» в одновременное с ними переживание и охватываются им со всех сторон. (...) Эмоциональное переживание всегда настойчиво стремится к тому, чтобы окрасить все явления нашей

и б

внутренней жизни в *свой* цвет, заглушить или «переплавить» все, что ему сопротивляется, повсеместно навязать свой собственный общий «ритм». Фактически оно всегда целиком заполняет все сознание, но при этом быстро и неминуемо переходит в другие переживания. Всей нашей психической жизни «эмоциональное» задает *ведущее* направление.

Все остальные факторы, признаваемые в качестве привлекающих внимание, или доминирующих, такие как интенсивность ощущения,... наглядность, протяженность в пространстве или во времени, богатое внутреннее содержание, внезапность и сенсационность, такие как сила привычки, упражнения, такие, наконец, как навязчивость замкнутой формы и организации любого вида, — все они вытекают в качестве конкретных

следствий из нашего принципа «доминирования целого-» и единообразно объясняются с его помощью.

С. Устойчивые формы. Психофизическая структура

(...) Как хорошо известно из опыта повседневной жизни (к сожалению, этот факт не получил пока должного экспериментального и теоретического освещения), эмоциональные переживания разных видов *подвержены притуплению в весьма различной мере*. Сопоставьте воздействие забавляющего нас поверхностного остроумия или грубо-комичной ситуации с воздействием высказывания, исполненного подлинного юмора. Последнее предполагает духовное богатство и, прежде всего, «*образованное сердце*»... . Точно так же все «голые ощущения», в том числе наиболее «кричащие», отличаются, будучи привязаны к текущему мгновению, от более здоровых духовных эмоций, таких как сильные и устойчивые переживания, создаваемые дружбой, искусством или творческой работой. Но существенные различия имеются и внутри самой области переживаний, обусловленных культурой. Маскарадный костюм или праздничные декорации могут быть вполне удачными, однако воспользоваться ими второй раз человеку уже не хочется. Уличная песенка или опереточный шлягер, когда их слышишь первый раз, могут показаться прелестными, но уже через несколько повторений они будут оставлять музыкального человека равнодушным или даже превратятся для него в пытку. Фуги Баха в противоположность этому пленяют нас все снова, так же как и полотна Рембрандта,... ибо каждый раз мы открываем в них все новую красоту. (...)

Для того чтобы понять эти факты психологически,... необходимо принять во внимание существование устойчивых *долговременных* форм (Danerformen) психического и обратиться к рассмотрению, в частности, *диспозиционных* образований опыта... . При этом анализ должен опираться на генетические, а также культурно-генетические сопоставления (см. 1926). Например, упомянутая выше способность чувств к «расплыванию» на разных стадиях развития неодинакова. Дети до восьми лет и представители прими-

тивных народов могут бесчисленное количество раз с samozабвением повторять простодушную шутку, которая на нас наводит скуку. (...)

С самого начала своего существования все живые существа наделены множеством *наследственных* механизмов, приспособляющих их поведение к условиям окружающего мира. Эти врожденные *константы* психофизического процесса рано переплетаются с нарастающим многообразием *приобретенных* более или менее для тельных «установок», как индивидуальных, так и — в случае человека — возникших исторически (обряды, обычаи, социальные институты и т. п.). Все *диспозиции* этого рода я называю (частными) *структурами*: именно их организованная совокупность, или общая структура переживающего субъекта и имеется в виду, когда... говорят о конституции, характере или личности. Ни одна из этих структур, определяющих направление жизненных событий, не является абсолютно неизменной или жесткой... Все они без исключения пластичны и оказывают постоянное влияние как друг на друга, так и на общую структуру. (...) В случае болезней, телесных или душевных кризисов, в ходе революций они могут частично, или даже полностью, разрушаться.

Но в наибольшей степени существованию длительных форм жизни угрожают непримиримые *противоречия* самих *структурных диспозиций*. До сознания они доходят, как и все структурно обусловленные психические события, воплощенными в переживания «глубины» (1898, 1918, 1924, 1926). Сюда относятся в противоположность быстропреходящим волнениям все «ценные» и вообще «значимые» переживания. Сюда относятся также «глубоко укоренившиеся»... мысли, в отличие от мимолетных идей или повторяемых за другими... суждений, а также волевые решения, основанные на сознании долга и... ответственности. (...) Глубина эмоционального переживания... существенно отличается от простой интенсивности и ситуативной силы душевного движения, В той мере, в какой переживание *не* определяется системой ценностей, *не* укоренено в структуре личности, в какой оно не находится в устойчивой связи с центральными тенденциями и длительными формами, оно находится на *поверхности* нашего опыта, причем мы ощущаем это непосредственно. (...)

Наука обладает лишь одним входом в мир этих душевных явлений и их длительных форм, а именно психологическим. И здесь мы можем (поскольку сами обладаем *переживаниями*) взглянуть на этот мир изнутри, можем наблюдать и описывать переживаемое, осторожно расчленять его, сравнивать и связывать по-новому.

ЛИТЕРАТУРА

Cornelius H. Psychologie als Erfahrungswissenschaft. Leipzig, 1897. Krueger F. Der Begriff des absolut Wertvollen als Grundbegriff der Moral-philosophie. Leipzig, 1898, Krueger F. Beobachtungen an der Zweifelsfrage — Philos. Stud. XVI (1900), S.

307—379, 568—603.

118

Krueger F. Differenzton und Konsonanz.—Arch. f. d. ges. Psychol., I (1903)

S. 205—275; II (1904), S. 1—80. Krueger F. Die Tiefendimensionen und die Gegensätzlichkeit des Gefühlslebens.

. Festschrift zu Joh. Volkelt's 70. Geburtstag. München. 1918, S. 265—286. Krueger F. Der Strukturbegriff in der Psychologie. Jena. 1924. Krueger F. Über psychische Ganzheit. München, 1926.

Сартр (Sartre) Жан-Поль (21 июня

1905- 15 апреля 1980) — французский философ писатель, драматург и эссеист, один из главных представителей экзистенциализма. Общественный деятель, участник движения Сопротивления. Преподавал философию в различных лицеях Франции (1929—1939, 1941—1944). С 1944 г. целиком посвятил себя литературной работе. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1964 г., от которой отказался. Всем своим философским и литературным творчеством Сартр пытался привести человека к осознанию своей полной ответственности за самого себя. В человеке нет ничего, что предшествовало бы его истории: он есть только то, чем сам себя делает. Каждый акт человеческого поведения, будучи формой осуществления и выражения некоего изначального, целиком свободно го выбора, есть вместе с тем усилие человека раскрыть свое бытие, есть способ понимания им своего бытия в-мире. По отношению к отдельным выражающим его актам поведения изначальный выбор, или фундаментальный проект бытия-в-мире, не есть ни обобщение, ни абстракция: он так же конкретен и уникален, как и они. Выбор строится на «брешах» в бытии. Он доводит до целого, собирает в некоем дологическом синтезе всю единичность человеческого существования. Как таковой выбор не может быть объективным — непосредственно он дан человеку как «живое обладание», рефлексия же схватывает только косвенные формы выражения его в актах поведения. В связи с этим возникает необходимость в разработке особого метода анализа человеческого поведения, который Сартр, в противовес психоанализу Фрейда, называет экзистенциальным. Экзистенциальный психоанализ, призванный вскрыть и зафиксировать в понятиях выборы, стоящие за отдельными актами поведения, оказывается своеобразной герменевтикой человеческого существования, экспликацией некоего а priori, или трансцендентальных условий возможности «встроенного» в акты человеческого поведения понимания. Термин «поведение» при этом употребляется Сартром в предельно широком смысле, включая, в частности, и такие феномены психической жизни человека, как эмоции.

Для сартровской философии, как и для экзистенциализма в целом, характерны антинатуралистические и антинаучные установки, недоверие к разуму, истории и сознанию. Сочинения: *L'imaginaire* P., 1940; *L'etre et le neant* P., 1943; *Les chemins de la liberte*, I—IV P., 1945—1950; *Le sursis* P., 1945; *Descartes* P., 1946; *Baudelaire* P., 1947; *Situations*, I—VI P., 1947—1964; *Visages* P., 1950; *Сн тique de la raison dialectique* P., 1960. Экзистенциализм — это гуманизм М., 1953; *Слова* М., 1966; *Пьесы* М., 1969. Литература. Современный экзистенциализм М., 1966; Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм М., 1969.

Ж.-П. Сартр

ОЧЕРК ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

Психология, феноменология и феноменологическая психология

Психология является дисциплиной, которая претендует на то, чтобы быть позитивной, т. е. она хочет иметь своим источником исключительно опыт. (...)

' Sartre J. P. *Esquisse d'une theorie des emotions* Paris, 1948 pp 3-10—12, 15—30, 33—42, 45—49 120

В результате (...) оказывается, что психология, поскольку она считает себя наукой, может дать только некую сумму разнородных фактов, по большей части никак не связанных друг с другом. Что может быть более различным, чем учение о стробоскопической иллюзии и о комплексе неполноценности? Этот беспорядок не случаен, а проистекает из самих принципов психологической науки. Ожидать *факт* — это значит, по определению, ожидать нечто изолированное, это значит предпочитать, в соответствии с позитивистской установкой, случайное существенному, возможное необходимому, беспорядок порядку. Это значит

принципиально отбросить сущность в будущее: «Это потом, когда мы соберем достаточно фактов». Психологи действительно не отдают себе отчета в том, что, нагромождая случайности, так же невозможно достигнуть сущности, как невозможно прийти к единице, бесконечно добавляя цифры справа от 0,99. Если их целью является только накопление частичных знаний, то сказать тут нечего; просто не видно, что за интерес в этой работе коллекционера (...)

Что дадут принципы и методы психологии применительно к частному случаю, к изучению эмоций, например? Прежде всего, наше знание эмоции добавится *извне* к другим знаниям о психологическом бытии. Эмоция предстанет как нечто новое, несводимое к явлениям внимания, памяти, восприятия и т. д. (..) Что же касается изучения условий возможности эмоции, т. е. если спросить себя, делает ли возможными эмоции самая структура человеческой реальности и *как* она это делает, то все это показалось бы психологу бесполезным и абсурдным: зачем исследовать, возможна ли эмоция, ведь она несомненно *есть*. Именно к опыту обратится опять психолог, чтобы установить границы эмоциональных явлений и их определение. По правде говоря, он бы мог здесь заметить, что он уже имеет *идею* эмоции, поскольку после обследования фактов он проведет разграничительную линию между эмоциональными фактами и фактами, которые таковыми не являются: в самом деле, каким образом опыт мог бы дать ему разграничительный принцип, если бы он уже не имел его? Но психолог предпочитает придерживаться своей веры, что факты сгруппировались сами под его взглядом. (...)

Именно благодаря реакции на недостатки психологии и психологизма, около 30 лет назад возникла новая дисциплина — феноменология. Ее основатель Гуссерль был поражен сначала несоизмеримостью сущности и факта, тем, что тот, кто отправляется в своем исследовании от фактов, никогда не придет к отысканию сущностей. Если я ищу психические факты, лежащие в основе арифметических вычислений, мне никогда не удастся реконструировать арифметических сущностей единицы, числа и операций. Не отказываясь, однако, от идеи опыта (принцип феноменологии — идти «к самим вещам», основа ее метода — эйдетическая интуиция), нужно эту идею сделать по крайней мере более гибкой и отвести место опыту сущностей и ценностей; нужно даже признать, что только сущности позволяют классифицировать и обследовать факты. Если бы мы имплицитно не прибегали к представлению о сущ-

ности эмоции, для нас было бы невозможно среди всей массы психических фактов выделить особую группу фактов эмоциональности. Феноменология предписывает, следовательно, коль скоро имплицитно мы уже обращались к сущности эмоции, обратиться к ней также и эксплицитно и хотя бы однажды зафиксировать при помощи понятий содержание этой сущности. (...)

Мы можем понять теперь причины недоверия психолога к феноменологии. Исходная предосторожность психолога действительно заключается в рассмотрении психического состояния таким образом, что оно лишается всякого *значения*. Психическое состояние для него всегда есть *факт* и как таковой всегда случаен. Этот случайный его характер и есть то, за что психолог больше всего держится. Если ученого спросят: «Почему тела притягиваются по закону Ньютона?», он ответит: «Я об этом ничего не знаю; потому что это так». А если у него спросят: «А что *означает* это притяжение?», он ответит: «Оно ничего не означает, оно есть». Подобно этому, психолог, спрошенный об эмоции, гордо отвечает: «Она есть. Почему? Я об этом ничего не знаю, я это просто констатирую. Я не знаю за ней никакого значения». Напротив, для фено-менолога любой человеческий факт является по самой сути своей значащим. Если вы его лишаете значения, вы его лишаете его природы человеческого факта. Задача феноменолога, следовательно, будет состоять в изучении значения эмоции. Что следует понимать под этим?

Означать — значит указывать на что-то другое, и указывать на него таким образом, что, развертывая значение, мы как раз и найдем означаемое. Для психолога эмоция вообще ничего не означает, поскольку он изучает ее как факт, т. е. отрывая ее от всего остального. Она будет, следовательно, с самого начала незначащей, но если, действительно, всякий человеческий факт является значащим, то эмоция, как она берется психологом, есть, по сути дела, мертвая, непсихическая, нечеловеческая. Если мы захотим сделать из эмоции, по примеру феноменологов, истинное явление сознания, то нужно будет, напротив, рассматривать ее прежде всего как значащую! То есть мы будем утверждать, что она *есть* лишь в той строгой мере, в какой она означает. Мы не потеряемся в изучении физиологических фактов, поскольку именно взятые сами по себе и изолированно они *почти* ничего не значат:

они есть, вот и все. И наоборот, устанавливая значение поведения и взволнованного сознания, мы попытаемся обнаружить означаемое. (...)

В наши намерения здесь не входит предпринимать феноменологическое изучение эмоций. Если бы мы должны были наметить контуры такого изучения, оно относилось бы к эффективности как экзистенциальному модусу человеческой реальности. Но наши притязания более скромные: мы хотели бы на точном и конкретном примере, а именно на примере эмоции, попытаться рассмотреть вопрос именно о том, может ли чистая психология извлекать метод и наставления из феноменологии. (...)

I Клясхическмо теории

У. Джемс различает в эмоции две группы феноменов: группу физиологических феноменов и группу феноменов психологических, которые мы вслед за ним будем называть *состояния/ли* сознания;

главное в его тезисе — это то, что состояния сознания, называемые «радость», «гнев» и т. д., есть не что иное, как сознание физиологических проявлений — их проекция в сознание, если угодно. Однако, все критики Джемса, рассматривая последовательно «эмоцию» как «состояние» сознания и сопутствующие физиологические проявления, *не хотят признавать* в первых только проекцию или тень, отбрасываемую последними. Они находят в них нечто *большее* и (осознают они это или нет) — *другое. Большее*, поскольку как бы мы ни старались в воображении довести до крайности телесные изменения, все же было бы непонятным, почему соответствующее им сознание стало бы вдруг *приведенным в ужас сознанием*. Ужас

есть состояние чрезвычайно тягостное, даже невыносимое, и непостижимо, что телесное состояние, взятое для себя и в себе самом, явилось бы сознанию с таким ужасным характером. *Другое*, поскольку если эмоция, будучи воспринята объективно, действительно может предстать как некое расстройство физиологических функций, то как факт сознания она вовсе не является ни беспорядком, ни чистым хаосом; она имеет смысл, она что-то значит. (...)

Это именно то, что хорошо понял, но не очень удачно выразил Жане, когда он сказал, что Джеме в своем описании эмоций прошел мимо психического. Вставая исключительно на объективную почву, Жане хочет регистрировать только внешние проявления эмоций. Но, даже рассматривая только органические явления, которые можно описать и обнаружить извне, он считает, что эти явления можно сразу разбить на две категории: психические феномены, или поведения (*conduites*), и явления физиологические. Теория эмоций, которая хотела бы восстановить приоритет психического, должна была бы сделать из эмоции поведение. Но Жане, как и Джеме, несмотря ни на что, чувствителен к видимости беспорядка, которую являет собой всякая эмоция. Следовательно, он делает из эмоции менее приспособленное поведение, или, если хотите, поведение неприспособленности, поведение поражения. Когда задача слишком трудна и когда мы не можем удержать -высших форм поведения, которые были бы к ней приспособлены, Тогда освобожденная психическая энергия расходуется другим путем: мы придерживаемся более низких форм поведения, которые Требуют меньшего психологического напряжения. Вот, например, девушка, которой отец только что сказал, что у него боли в руке и что он опасается паралича. Она катается по земле, будучи во власти бурной эмоции, которая возвращается через несколько Дней с той же силой и принуждает ее в конечном счете обратиться за помощью к врачу. Во время лечения она признается, что мысль об уходе за своим отцом и суровой жизни сиделки внезапно пока-

залась ей невыносимой. Эмоция представляет здесь, следовательно, поведение поражения, это замещение такого «поведения сиделки, которое невозможно удержать». Точно так же в своей работе «Навязчивые идеи и психастения» Жане приводит многочисленные случаи, когда больные, придя к нему на исповедь, не могут договорить до конца и в конце концов раздражаются рыданиями, а иногда даже нервными припадками. Здесь поведение, которое надлежит принять, тоже оказывается слишком трудным. Плач, нервный припадок представляют собой поведение поражения, которое занимает место первого посредством отклонения. Нет необходимости настаивать на этом — примеров множество. Кто не помнит, как, обмениваясь шутками с приятелем и оставаясь спокойным, пока положение казалось равным, вы приходили в раздражение именно в тот момент, когда больше нечем было ответить. Жане, таким образом, может похвалиться тем, что он вновь ввел психическое в эмоцию: сознание, которым мы воспринимаем эмоцию, сознание, которое, впрочем, является здесь только вторичным феноменом², не является больше простым коррелятом физиологических расстройств; оно есть сознание поражения и поведения поражения. Теория выглядит соблазнительной: она является психологической и сохраняет при этом прямо-таки механистическую простоту. Феномен отклонения есть не что иное, как изменение пути для высвобожденной нервной энергии.

И все-таки, сколько неясного в этих нескольких понятиях, на первый взгляд столь ясных. Если присмотреться внимательнее, то можно заметить, что Жане удастся преодолеть Джемса только благодаря скрытому использованию представления о конечной цели, представления, которое явно его теория отвергает. (...) Чтобы эмоция имела значение психического поражения, нужно, чтобы вмещалось сознание и сообщило ей это значение, нужно, чтобы оно удержало, как возможность, высшее поведение и чтобы оно постигло эмоцию именно как поражение *по отношению* к этому высшему поведению. Но это значило бы придать сознанию конституирующую роль, чего Жане никак не хочет. (...)

Но во многих своих описаниях он дает понять, что больной «бросается» в низшее поведение для того, *чтобы не принимать* высшего. Здесь сам больной провозглашает свое поражение, даже не предприняв попыток борьбы, и эмоциональное поведение *маскирует* невозможность принять адаптированное поведение. Возьмем снова пример, который мы приводили выше: больная приходит к Жане, она хочет доверить ему секрет своего расстройства, описать ему подробно свои навязчивые идеи. Но она этого не может сделать, для нее это слишком трудное социальное поведение. *Тогда* она раздражается рыданиями. Но потому ли она рыдает, что она *не может ничего сказать*? Являются ли ее рыдания тщетными усилиями действовать, диффузным потрясением, которое представляло бы собой распад слишком трудного поведения? Или же она рыдает

² Но не эпифеноменом- сознание есть поведение из поведений. 124

именно для того, *чтобы ничего не сказать*? На первый взгляд различие между этими двумя толкованиями кажется незначительным: обе гипотезы предполагают поведение, которое невозможно принять, обе гипотезы предполагают замещение поведения диффузными проявлениями. Поэтому Жане легко переходит от одной из них к другой: именно это и делает его теорию двусмысленной. Но на самом деле эти две интерпретации разделяет пропасть. Первая действительно является чисто механистической и, как мы это видели, по сути достаточно близка к взглядам Джемса. Вторая же, напротив, и в самом деле вносит нечто новое: только она заслуживает названия психологической теории эмоций, только она делает из эмоции поведение. Дело в том, что действительно, если мы здесь снова введем идею финальности, то мы можем считать, что эмоцио-начальное поведение вовсе не есть душевное смятение: это организованная система средств, которые направлены к цели. И эта система призвана замаскировать, заместить, отклонить поведение, которое не могут или не хотят принять. Тем самым объяснение различия эмоций становится легким: каждая из них

представляет различное средство избегания трудности, особую увертку, своеобразное мошенничество.

Но Жане дал нам то, что мог: он слишком неопределен, раздвоен между стихийным финализмом и принципиальным механицизмом. И от него мы не станем требовать изложения теории эмоций как поведения в чистом виде. Ее наброски мы находим у учеников Келера, а именно у Левина³ и Дембо⁴. Вот что пишет по этому поводу П. Гийом в своей «Психологии формы»⁵:

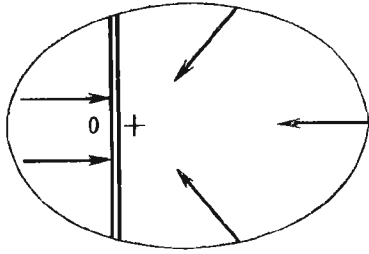
«Возьмем самый простой пример: субъекту предлагают достать предмет, помещенный на стул, но не выходя за круг, начерченный на полу: расстояния рассчитаны так, что непосредственно это сделать очень трудно или даже невозможно, но можно решить задачу косвенным путем. Здесь сила, направленная к объекту, принимает ясное и конкретное направление. С другой стороны, в этих задачах есть препятствие для прямого выполнения действия;

препятствие может быть материальным или моральным, как, например, правило, которое обязались соблюдать. Таким образом, в нашем примере круг, который нельзя переступить, образует в восприятии субъекта барьер, откуда исходит сила, направленная в сторону, противоположную первой. Конфликт двух сил вызывает в феноменальном поле напряжение. (...) Следовательно, субъект в некотором роде заключен в ограниченном со всех сторон пространстве: существует только один положительный выход, но он закрыт своеобразным барьером. Эта ситуация соответствует следующей диаграмме:

³ Lewin K. Vorsatz, Wille und Bediirfnis. Psycho!., Forschung-, 1926, VI.

⁴ D e m Б о Т. Der Arger als dynamisches Problem. — Psychol. Forschune 1931, pp. 1-144.
"

GuillaumeP. La psychologie de la forme. — In: Philosophic scientifique Paris, 1937, pp. 138—139.

[Рис. 1. О—субъект. (+) — цель, одинарная линия — внешний барьер, двойная линия—внутренний барьер).

Бегство является всего лишь грубым решением, поскольку приходится разрушить общий барьер и принять более низкую самооценку. Замыкание, *заклучение в капсулу*, которое поднимает между враждебным полем и «Я» защитный барьер, является другим решением, тоже посредственным.

Продолжение опыта может привести в этих условиях к эмоциональной дезорганизации и к другим, еще более примитивным формам высвобождения напряжений. Приступы гнева, иногда очень острые, которые возникают у некоторых людей, хорошо изучены в работе Т. Дембо. Ситуация испытывает структурное упрощение. В гневе, а также, без сомнения, и во всех эмоциях, налицо ослабление барьеров, которые разделяя глубинные и поверхностные слои «Я», обычно обеспечивают контроль над действием со стороны более глубоких слоев личности и владение собой; налицо ослабление барьеров между реальным и ирреальным. Напротив, поскольку действие заблокировано, напряжения между внешним и внутренним продолжают увеличиваться: отрицательный характер одинаково распространяется на все объекты поля, которые теряют свою собственную ценность. Так как привилегированное направление цели исчезло, дифференцированная структура, навязанная полем заданием, разрушена». (...)

Воі мы и подошли, наконец, в конце этой длинной цитаты к функциональной концепции гнева. Конечно, гнев не есть ни инстинкт, ни привычка, ни трезвый расчет. Он является внезапным разрешением конфликта, способом разорвать гордиев узел. И мы, конечно, вновь обнаруживаем введенное Жане различие между высшими и низшими или отклоняющимися способами поведения. Но только здесь это различие обретает свой полный смысл: именно мы сами приводим себя в состояние полной неполноценности, потому что на этом очень низком уровне наши требования меньше, и мы удовлетворяемся меньшими затратами. Не имея возможности в состоянии высокого напряжения найти тонкое и точное решение проблемы, мы действуем на самих себя, мы «опускаемся» и превращаем себя в такое существо, которое способно удовлетвориться грубыми и менее адаптированными решениями (например, разорвать листок, на котором написаны условия задачи). Гнев, таким образом, выступает здесь как бегство: субъект в гневе похож на человека, который за неимением возможности раз-

126

вязать узлы веревки, связывающей его, извивается во всех направлениях в своих путях. И поведение «гнев», в меньшей степени приспособленное к проблеме, нежели высшие — и невозможные — способы поведения, которые могли бы ее разрешить, является, однако, точно и совершенно приспособленным к потребности снять напряжение, стряхнуть это свинцовое покрывало, которое давит на наши плечи. Отныне можно будет понять примеры, которые мы приводили выше. Большая психастенией приходит к Жане, чтобы ему исповедаться. Но задача слишком трудна. И вот она оказывается в тесном и угрожающем мире, который ждет от нее точного действия и который его в то же время отклоняет. Сам Жане своим отношением показывает, что он слушает и ждет. Но в то же время своим

престижем, своей личностью и т. д. он отталкивает эту исповедь. Нужно избежать этого невыносимого напряжения, и больная может сделать это, лишь преувеличив свою слабость, смятение, отвратив свое внимание от действия, которое надлежит совершить, и обратив его на себя («как я несчастна»), превращая своим поведением Жане из судьи в утешителя, экстериоризируя и разыгрывая самую невозможность говорить, в которой она находится, превращая ясную необходимость дать те или иные сведения в тяжелое и недифференцированное давление, которое на нее оказывает мир. Именно тогда возникают рыдания и истерика, нервный припадок. (...)

Однако в том пункте, куда мы таким образом пришли, мы не смогли бы найти удовлетворения. Теория эмоции как поведения совершенна, но в ее чистоте и в самом ее совершенстве мы можем усматривать ее недостаточность. Во всех примерах, которые мы приводили, функциональная роль эмоции неоспорима. Но она столь же и непонятна. Я понимаю, что для Дембо и гештальтпсихологов переход от попыток найти решение к состоянию гнева объясняется разрушением одного гештальта и образованием другого. И я еще могу понять разрушение формы как «неразрешимую задачу», но как я могу допустить появление другой формы? Нужно думать, что она дается именно как замещение первой. Она существует только по отношению к первой. Существует, следовательно, лишь один процесс, который есть превращение формы. Но я не могу понять этого превращения, не введя прежде сознания. Оно одно только может посредством своей синтетической активности бесконечно ломать и восстанавливать формы. Только оно может отдавать себе отчет в конечной цели эмоции. (...)

II. Психоаналитическая теория

Эмоцию можно понять только, если в ней искать *значение*. По своей природе это значение функционального порядка. Следовательно, мы приходим к тому, чтобы говорить о финальности эмоции. Эту фи-нальность мы схватываем очень конкретно посредством объективного исследования эмоционального поведения. (...)

Психоаналитическая психология первая сделала акцент на значении психических фактов, т. е. она первая стала настаивать на том

факте, что всякое состояние сознания значит нечто другое, чем оно есть само по себе. Например, неумелая кража, произведенная сексуальным маньяком — это не просто «неумелая кража». Она отсылает нас к чему-то другому, чем она является сама по себе с того момента, как только мы рассматриваем ее вместе с психоаналитиками как феномен самонаказания. Она отсылает нас в таком случае к первичному комплексу, в котором больной пытается оправдать себя, наказывая себя. Мы видим, что психоаналитическая теория эмоций была бы возможна. Но так ли уж ее совсем нет. У этой женщины фобия лавра. Стоит только ей увидеть лавровое дерево, как она падает в обморок. Психоаналитик обнаруживает в ее детстве тяжелый сексуальный инцидент, связанный с лавровым кустом. Чем же здесь будет эмоция? Феноменом отказа, цензуры. Отказа не от *лавра*. Отказа вновь пережить воспоминание, связанное с лавром. Эмоция здесь является бегством от разоблачения, которое надлежит для себя сделать, как сон является иногда бегством от решения, которое надлежит принять, как болезнь некоторых девушек по Штекелю является бегством от замужества. Конечно, эмоция не всегда будет бегством. Уже у психоаналитиков можно обнаружить интерпретацию гнева как символического удовлетворения сексуальных влечений. И, конечно, ни одну из этих интерпретаций нельзя отбросить. Нет никакого сомнения в том, что гнев мог бы означать садизм, что обморок от пассивного страха мог бы означать бегство, поиск убежища — все это так, и мы попытаемся показать причину этого. То, что здесь находится под вопросом — это самый принцип психоаналитических объяснений. Именно его мы и хотели бы здесь рассмотреть.

Психоаналитическая интерпретация представляет сознательный феномен как символическое осуществление желания, отвергнутого цензурой. Заметим, что для сознания это желание *не заключено в его символической реализации*. В той мере, в которой оно существует посредством нашего сознания и в нем, оно только то, за что оно себя выдает: эмоция, желание спать, кража, фобия лавра и т. д. Если бы было иначе, если бы мы хоть в какой-то мере, пусть *даже имплицитно*, осознавали наше истинное желание, мы были бы людьми с *нечистой совестью*, а психоаналитик так не считает. Из этого следует, что значение нашего сознательного поведения является полностью внешним самому этому поведению, или, если угодно, *означающее* полностью отрезано от означающего. (...) Одним словом, сознательный факт есть по отношению к означаемому нечто подобное тому, чем *эффект* некоторого события является по отношению к этому событию: как, например, следы огня, зажженного в горах, — по отношению к человеческим существам, которые этот огонь зажгли. Человеческое присутствие не *содержится* в золе, которая остается. Оно связано с этой золой отношением причинности: это отношение является *внешним*, следы очага *пассивны* по отношению к этому каузальному *отношению*, как всякое следствие — по отношению к своей причине. Сознание, которое не получило бы необходимых технических знаний, не сумело бы понять эти следы как *знаки*. В то же время, эти следы есть то, что они есть — т. е. они пребывают в себе вне всякой зависимости

128

от означающей интерпретации: они *есть* наполовину обгоревшие куски дерева, вот и все. (...) Постольку, поскольку сознание *само себя создает*, оно никогда не является ничем иным, как тем, чем оно себе предстает. Если оно имеет значение, оно должно содержать его в себе как структуру сознания. Это вовсе не значит, что значение это должно было бы быть совершенно эксплицитным. Имеется много возможных степеней конденсации и ясности. Это значит только, что мы должны вопрошать сознание не извне, как вопрошают остатки очага или стоянки, а изнутри, что нужно в нем искать значение. Сознание, если *cogito* должно быть возможно, само есть *факт, значение и означающее*. (...)

Глубокое противоречие всякого психоанализа заключается в том, что он *одновременно* представляет как причинную связь, так и связь понимания между феноменами, которые он

изучает. Эти два типа связей несовместимы. Поэтому теоретик психоанализа устанавливает жесткие трансцендентные причинные связи между изучаемыми фактами (подушечка для булавок *означает* всегда во сне женские груди, войти в вагон *означает* совершить сексуальный акт), тогда как практик достигает успеха, изучая прежде всего факты сознания в понимании, т. е. ловко отыскивая внутрисознательное отношение между символизацией и символом.

Со своей стороны, мы не отбрасываем результаты психоанализа, когда они получены посредством понимания. Мы ограничиваемся отрицанием всякого значения и всякой вразумительности его теории психической причинности. И между прочим мы утверждаем, что в той мере, в какой психоаналитик пользуется *пониманием* для интерпретации сознания, было бы лучше признать открыто, что все то, что происходит в сознании, может получить свое объяснение только из самого же сознания. Вот мы, наконец, и вернулись к исходной точке:

теория эмоций, которая утверждает означающий характер эмоциональных фактов, должна искать это значение в самом сознании. Иначе говоря, именно сознание само *делает себя* сознанием, будучи взволнованным потребностью во внутреннем значении. (...)

III. Очерк феноменологической теории

В нашем исследовании, быть может, окажется полезным одно предварительное замечание, которое может служить общим критическим замечанием в адрес всех теорий эмоций, которые мы до сих пор встретили (кроме, может быть, теории Дембо): для большинства психологов все происходит так, как если бы сознание эмоции было с самого начала рефлексивным сознанием, т. е. как если бы первоначальной формой эмоции как факта сознания была бы такая ее форма, которая бы выступала для нас как изменение нашего психического бытия, или, проще говоря, как если бы эмоция была схвачена с самого начала как *состояние сознания*. И, конечно, всегда возможно осознать эмоцию как аффективную структуру сознания, сказать: я в гневе, мне страшно и т. д. Но страх первоначально не есть сознание

страха, так же как восприятие книги не есть сознание восприятия книги. (...) Эмоциональное сознание есть с самого начала *сознание мира*. Не нужно даже представлять всю теорию сознания, чтобы ясно понять этот принцип. Здесь достаточно нескольких простых наблюдений, и примечательно то, что исследователи эмоций никогда не подумали их сделать. Очевидно, в самом деле, что человек, который боится (*peur*), боится чего-то. Даже если речь идет об одном из тех неопределенных страхов (*angoisses*), которые испытывают в темноте, зловещем и пустынном проходе и т. д., то бояться опять же именно определенных аспектов ночи, бояться мира. И несомненно, все психологи отметили, что эмоция была вызвана восприятием, представлением-сигналом и т. д. Но кажется, что затем эмоция удаляется для них от объекта с тем, чтобы погрузиться, наконец, в саму себя. Не нужно много размышлять, чтобы понять обратное: что эмоция каждый миг вновь возвращается к объекту и там питает себя. Описывают, например, бегство в страхе, как если бы бегство не было прежде всего бегством от некоторого объекта, как если бы избегаемый объект не оставался постоянно присутствующим в самом бегстве как его основа, причина его существования, *как то, от чего убегают*. И как говорить о гневе в том случае, когда бьют, оскорбляют, угрожают, не упоминая человека, который представляет объективное единство этих оскорблений, угроз и этих ударов? Одним словом, взволнованный субъект и волнующий объект объединены в неразрывный синтез. Эмоция есть некоторый способ понимания (*apprehender*) мира. (...)

Теперь мы можем понять, что такое эмоция. Это превращение мира. Когда намеченные пути становятся слишком трудными или когда мы не видим пути, мы не можем больше оставаться в этом мире, столь требовательном и трудном. Все пути перекрыты, однако нужно действовать. Тогда мы пытаемся изменить мир, т. е. пережить его, как если бы отношения вещей к их потенциальным свойствам регулировались не детерминистскими процессами, а магией. Нужно понять, что речь идет не об игре: мы здесь загнаны в тупик, и мы бросаемся в это новое отношение со всей силой, которой мы располагаем. Нужно понять также, что эта попытка, как таковая, не является сознательной, потому что тогда она была бы объектом размышления. Она есть, прежде всего, принятие новых отношений и новых требований. Просто поскольку принятие объекта невозможно или оно вызывает невыносимое напряжение, сознание принимает его или пытается принять иначе, т. е. оно преобразует себя именно для того, чтобы преобразовать объект. (...) Эмоциональное поведение не лежит в том же плане, что все другие поведения, оно не является *эффективным*. Оно не имеет целью действовать реально на объект как таковой посредством особых средств. Оно стремится посредством самого себя сообщить объекту, не меняя его в его реальной структуре, другое качество, меньшее существование или меньшее присутствие (или большее существование и т. д.). Словом, в эмоции именно тело, руководимое сознанием, меняет свои отношения к миру с тем, чтобы мир изменил свои качества. Если эмоция — это игра, то игра, которой мы верим. Простой пример позволит понять эту эмоциональную структуру: я

130

протягиваю руку, чтобы взять кисть винограда. Я не могу ее достать, дна вне пределов моей досягаемости. Я пожимаю плечами, опускаю руку, бормочу «он слишком зеленый» и удаляюсь. Все эти жесты, слова, это поведение приняты вовсе не ради'них самих. Речь идет о маленькой комедии, которую я разыгрываю, чтобы сообщить через нее винограду характеристику: «слишком зеленый», которая предназначена служить замещением поведения, которое я не могу принять. Сначала кисть винограда представала как «должная быть сорванной». Но это обращенное ко мне с настоящим требованием качество становится скоро невыносимым, поскольку потенциальная возможность не может быть реализована. Это невыносимое напряжение, в свою очередь, становится мотивом для усмотрения у винограда нового качества «слишком зеленый», которое разрешит конфликт и уничтожит напряжение. Только я не могу сообщить это качество винограду химическим

путем, я не могу действовать на кисть обычными путями. Тогда я воспринимаю эту горечь слишком зеленого винограда через поведение отвращения. Я магически сообщаю винограду качество, которое я желаю. Здесь эта комедия искренна только наполовину. Но, чтобы ситуация в большей степени предстала неизбежной, чтобы колдовское поведение было осуществлено всерьез — вот эмоция.

Или, например, пассивный страх. Я вижу, как ко мне идет хищное животное, ноги подо мной подкашиваются, сердце бьется все слабее, я бледнею, падаю и теряю сознание. Ничто не кажется менее адаптивным, чем это поведение, которое предает меня, без защиты, опасности. И, однако, это поведение *бегства*, обморок здесь — это укрытие. Но пусть не думают, что это укрытие для *меня*, что я стараюсь *себя* спасти, *не видеть больше* хищное животное. Я не вышел из иррефлексивного плана, но за неимением возможности избежать опасности обычными путями и последовательным детерминистским преобразованием ситуации, я ее отрицаю. Я хочу ее уничтожить. Неизбежность опасности послужила мотивом для этого уничтожающего намерения, которое продиктовало магическое поведение. И действительно, я уничтожил ее в меру своих возможностей. Именно здесь — границы моего магического воздействия на мир: я могу его уничтожить как объект сознания, но я могу это сделать, только уничтожая само сознание⁶. (...)

Пассивная печаль характеризуется, как известно, угнетенным поведением, потерей мышечного тонуса, бледностью, охлаждением конечностей. Отворачиваются в угол и сидят там неподвижно, сводя к минимуму воздействие мира. Предпочитают полумрак полному свету, тишину — звукам, одиночество комнаты — толпе общественных мест или улиц. Как говорят: «Чтобы остаться наедине со своей болью». Это не совсем верно. Действительно, считается хорошим тоном выглядеть пребывающим в глубоком раздумье о своем горе. Но очень редки случаи, когда действительно дорожат своей болью. Причина совсем другая: так как одно из обычных условий нашей деятельности исчезло,

⁸ Или, по крайней мере, его изменяя: обморок есть переход к снопоподобному сознанию, т. е. нереализуемому сознанию

мир требует от нас, чтобы мы действовали в нем и на него *без этого условия*. Большая часть потенциальных целей, которые наводняют мир (работа, которую надо сделать, люди, которых надо увидеть, повседневные дела, которые нужно выполнить), осталась той же самой. Только средства для их реализации, пути, которые пересекают наше «годологическое пространство»⁷, изменились. Если, например, я узнал о своем разорении, я не располагаю больше прежними средствами для их достижения (собственная машина и т. д.). Нужно, чтобы я заменил их новыми (воспользовался автобусом и т. д.). Это именно то, чего я вовсе не хочу. Печаль направлена на то, чтобы уничтожить обязанность искать эти новые пути, преобразовывать структуру мира посредством замещения наличной конституции мира структурой совершенно недифференцированной. Речь идет в конце концов о том, чтобы сделать из мира аффективно нейтральную реальность, систему, пребывающую в полном аффективном равновесии, разрядить объекты с сильным аффективным зарядом, привести их все к аффективному нулю. (...)

Активная печаль может принимать различные формы. Но та, о которой говорит Жане (психастеничка, впадающая в истерику, потому что она не хочет сделать признания), может характеризоваться как *отказ*. Речь идет, прежде всего, об отрицательном поведении, поведении, которое направлено на отрицание настоятельности некоторых проблем и подмену их другими. Больная хочет растрогать Жане. Это означает, что она хочет заменить отношение бесстрастного ожидания, которое он принимает, отношением сердечной предупредительности. Она этого хочет и пользуется своим поведением, чтобы привести к этому Жане. В то же время, приводя себя в такое состояние, когда признание стало бы невозможным, она отбрасывает акт, который ей надлежало выполнить, за пределы досягаемости. Теперь, пока она будет содрогаться от слез и рыданий, у нее отнята всякая возможность говорить. Здесь, следовательно, потенциальная возможность не устранена, признание остается все еще тем, что «надо сделать». Но оно отступило за пределы досягаемости больного, он не может больше *хотеть* это сделать, а может только *пожелать* сделать это когда-нибудь потом. Таким образом, больной освободился от тягостного чувства, что акт *в его власти*, что он свободен сделать его или нет. Эмоциональный срыв здесь — это уход от ответственности. Здесь имеет место магическое преувеличение трудностей мира. Мир сохраняет, следовательно, свою дифференцированную структуру, но предстает теперь как несправедливый и враждебный, поскольку он требует

⁷ «Пространство путей» (от греч. *hodos* — путь) — термин топологической психологии немецкого психолога К. Левина (1890—1947), означающий характеристику целевой структуры «жизненного пространства» личности, которое составляет поле возможных для нее здесь и теперь событий (т. е. целей). Согласно К. Левину, поведение человека в психологическом плане может быть представлено прежде всего как особого рода переход («локомоция») из одной области жизненного пространства в другую, что означает достижение той или иной промежуточной цели. Конфигурация всех возможных здесь и теперь для личности «локомоций» и образует структуру ее годологического пространства. —

Прим. перев.

132

слишком многого от нас, большего, чем это в наших человеческих силах. Эмоция активной печали в таком случае есть, следовательно, магическая комедия бессилия. Больной похож на тех слуг, которые, после того как привели воров к своему хозяину, позволяют связать себя, чтобы хорошо было видно, что они не могли помешать этой краже. (...) Но что сказать о радости? Включается ли она в наше описание? На первый взгляд, вроде бы нет, поскольку тому, кто рад, нет нужды защищаться против потери, от опасности. Но прежде всего, нужно различать радость-чувство, которая представляет собой равновесие, адаптированное состояние, и радость-эмоцию. Ведь последняя при более внимательном рассмотрении

характеризуется некоторым нетерпением. Тот, кто рад, ведет себя так же, как человек в состоянии нетерпения. Он не может стоять на месте, строит тысячу проектов, предпринимает различные действия, которые он тут же оставляет, и т. д. Дело в действительности в том, что радость его была вызвана появлением объекта его желаний. Ему объявляют, что он выиграл значительную сумму или что он вскоре вновь увидит кого-то, кого он любит, но давно не видел. Но хотя объект этот — «неминуем», он еще — не здесь, он еще — не его. Некоторое время отделяет его от объекта. (...) Радость — это магическое поведение, которое стремится реализовать посредством колдовства обладание желаемым объектом как мгновенной целостностью. Это поведение сопровождается уверенностью, что обладание рано или поздно будет реализовано, но оно ищет возможность предвосхитить это обладание. (...) Так, например, мужчина, которому женщина только что сказала, что она его любит, может пуститься танцевать и петь. Поступая так, он отворачивается от осторожного и трудного поведения, которое он должен был бы принять, чтобы заслужить эту любовь и увеличить ее, чтобы реализовать обладание желаемым объектом медленно и посредством тысячи мелких деталей (улыбки, мелкие знаки внимания и т. д.). Он отворачивается даже от женщины, которая как живая реальность, как раз и представляет полюс всех этих деликатных поведений. Он дает себе отсрочку: позже он эти поведения примет. Пока он обладает объектом магически, т^ннец мимически представляет обладание им. (...)

Нужно отметить, что те несколько примеров, которые мы только что привели, далеко не исчерпывают всего разнообразия эмоций. Может быть множество других страхов, других печалей. Мы утверждаем только, что все они сводятся к конституированию магического мира с помощью нашего тела как средства волшебства. В каждом случае другая проблема — другие и способы поведения. Чтобы понять их значение, их финальность, нужно было бы знать и анализировать каждый отдельный случай. (...) Впрочем, существуют ложные эмоции, которые являются только формами поведения. Если мне делают подарок, который меня интересует только отчасти, я, возможно, буду внешне выражать сильную радость. Буду хлопать руками, прыгать и танцевать. Однако это только комедия. Отчасти я позволю ей захватить себя, и неточно было бы сказать, что я *не* рад. Однако радость моя неистинна, я ее оставлю, отброшу от себя, как только мой гость

'О—Зак. 1355

уйдет. Это как раз то, что мы условимся называть *ложной* радостью помня при этом, что ложность является не логической характеристикой некоторых высказываний, но экзистенциальным качеством. Точно так же у меня могут быть ложные страхи, ложные печали. Эти ложные состояния отличаются, несмотря ни на что, от состояний актеров. Актер мимически представляет радость, печаль, но он *ни* рад, *ни* печален, потому что эти формы поведения обращены к фиктивному миру. Он мимически, представляет поведение, но не ведет себя. В различных случаях ложных эмоций, которые я только что привел, различные формы поведения ничем не поддерживаются, они существуют сами по себе и являются произвольными. Но ситуация подлинна, и мы ее воспринимаем как требующую этих форм поведения. Поэтому через эти формы поведения мы магически полагаем некоторые качества на истинных объектах. Но качества эти ложные. (...)

Настоящая эмоция — совсем другое. Она сопровождается чувством убедительности. Качества, полагаемые в объектах, воспринимаются как истинные. Что же надо разуместь под этим? То, что эмоция претерпевается. Нельзя выйти из нее по своей воле, она должна сама себя исчерпать, мы же не можем ее остановить. Кроме того, формы поведения, взятые сами по себе, только схематически вырисовывают на объекте эмоциональное качество, которое мы ему придаем. Бегство, которое было бы просто бегом, было бы недостаточно для конституирования объекта как ужасного. Или, скорее, оно придало бы ему формальное качество *ужасного*, но не материю этого качества. Чтобы мы действительно восприняли ужасное, нужно не только его мимически представить, нужно, чтобы мы были околдованы, переполнены нашей собственной эмоцией, нужно чтобы формальные рамки поведения были заполнены чем-то непроницаемым и тяжелым, что служило бы ему материей. Мы понимаем здесь роль чисто физиологических явлений они придают *серьезность* эмоции, сообщают эмоции убедительность. (...) Нужно, следовательно, принимать во внимание, что эмоция не просто разыгрывается, что она не просто поведение, но это поведение тела, которое находится в некотором состоянии. Одно само по себе состояние не вызвало бы поведения, поведение без соответствующего состояния — это комедия. Эмоции появляются в потрясенном теле, которое принимает некоторое поведение. Потрясение может пережить поведение, но поведение конституирует форму и значение потрясения. С другой стороны, без этого потрясения поведение было бы чистым значением, аффективной схемой. Мы имеем здесь дело именно с синтетической формой: *чтобы верить* в магические способы поведения, нужно быть потрясенным.

Чтобы ясно понимать эмоциональный процесс исходя из сознания, нужно помнить этот двойной характер тела, которое, с одной стороны, есть объект в мире, а с другой — непосредственно переживаемая данность сознания. Отныне мы можем понять главное: эмоция есть то, во что верят. Сознание не ограничивается тем, что проецирует аффективные значения на мир, который его окружает: оно *переживает* новый мир, который оно только что конституировало. Оно его пере

134

живает непосредственно, оно им интересуется, оно претерпевает качества, которые акты поведения наметили. Это означает, что когда I поскольку все пути перекрыты, сознание устремляется в магический 'мир' эмоции, оно устремляется туда, целиком деградируя; оно является новым сознанием перед лицом нового мира... . Сознание, которое взволновано, довольно похоже на сознание, погружающееся в сон. Как то, так и другое бросается в новый мир и преобразует свое тело как синтетическое целое таким образом, чтобы через него сознание могло жить и понимать этот новый мир. (...)

Эта теория эмоций не объясняет некоторых внезапных реакций ужаса и восхищения, которые нас охватывают иногда перед внезапно появившимися объектами. Например, искаженное гримасой лицо внезапно появляется и прилипает к окну; я чувствую, что я охвачен ужасом.

Здесь, по-видимому, нет поведения, которое нужно принять. Кажется, что эмоция здесь не обладает финальностью. Впрочем, *ужас*, охватывающий нас в определенных- ситуациях или при виде некоторых лиц, вообще представляет собой нечто непосредственное и обычно не сопровождается бегством или обмороком, »и даже побуждением к бегству. Однако, если поразмыслить об этом, то окажется, что речь тут идет о явлениях весьма своеобразных, но способных получить объяснение, не выходящее за рамки, которые мы только что изложили. Мы видели, что в эмоции сознание деградирует и внезапно преобразует мир причинных связей, в котором мы живем, в магический мир. Но бывает и обратное: сам мир иногда открывается сознанию как магический, вопреки тому, что мы ожидали найти его причинным. Не нужно действительно думать, что магическое есть некое эфемерное качество, которое мы накладываем на мир по воле своих настроений. Существует такая экзистенциальная структура мира, которая является магической. Мы не хотим распространяться здесь по этому поводу. Мы оставляем за собой право сделать это в другом месте. Однако уже теперь мы можем отметить, что категория магического управляет интерпсихическими отношениями людей в обществе, а точнее, нашим восприятием других. (...) Таким образом, есть два рода эмоций в зависимости от того, конституируем ли магию мира мы сами, с тем чтобы заменить объективно детерминированную деятельность, которая не может реализоваться, или же это сам мир внезапно раскрывается вокруг нас как магический. Так, например, в ужасе мы внезапно ощущаем разрушение детерминистских барьеров: лицо, которое появляется за оконным стеклом, поначалу мы не воспринимаем как принадлежащее человеку, который должен был бы открыть дверь и сделать еще тридцать шагов, чтобы добраться до нас. Но, наоборот, оно, будучи в действительности пассивным, выдает себя за действующее на расстоянии. Будучи за окном, оно оказывается в непосредственной связи с нашим телом, мы переживаем и испытываем его значение, и именно наше собственное тело оказывается тем, что конституирует это значение, но в то же время значение это навязывается нам, оно отрицает расстояние и входит в нас. Сознание, погруженное в этот магический мир, увлекает туда тело, поскольку тело есть вера. Сознание в него верит. Поведения, которые дают эмо-

ю*

ции ее значение, больше не *наши*: именно выражение лица, движение тела другого человека образуют синтетическое целое с потрясением нашего организма. Стало быть, и здесь мы вновь находим те же элементы и те же структуры, что мы только что описали. Просто первоначальная магия и значение эмоции идут от мира, а не от нас самих. (...)

Во всяком случае нужно отметить, что эмоция не является случайным изменением субъекта, который при этом якобы погружен в неизменный мир. Легко видеть, что всякое эмоциональное восприятие пугающего объекта или объекта раздражающего, печального и т. д. может происходить только на фоне полного изменения мира. Чтобы объект выступил как действительно *страшный*, нужно, чтобы он реализовался как непосредственное и магическое присутствие *перед* сознанием. Нужно, например, чтобы это лицо, появившееся в 10 метрах от меня за окном, было пережито как непосредственно присутствующее для меня в своей угрозе. Но это возможно как раз только в акте сознания, который разрушает все структуры мира, могущие *ог-бросить* магическое и сводящие событие к его истинным размерам. Нужно, например, чтобы окно как «*объект, который должен быть сначала разбит*», и 10 метров, как «*расстояние, которое должно быть сначала преодолено*», были уничтожены. (...) В действительности, и окно, и расстояние воспринимаются *^одновременно* в акте, посредством которого сознание воспринимает лицо за окном. Но в самом этом акте восприятия лица и окно, и расстояние лишены своего характера необходимых *средств*. Они воспринимаются иначе. Расстояние не воспринимается больше как расстояние, поскольку оно больше не воспринимается как «то, что должно быть сначала пройдено». Оно воспринимается как единый фон ужасного. Окно не воспринимается больше «*как то, что должно быть сначала открыто*». Оно воспринимается как *рамка* страшного лица. И вообще, вокруг меня образуются области, из которых ужасное заявляет о себе. Потому что ужасное *невозможно* в детерминистическом мире средств.

Ужасное может появиться только в таком мире, где все существующее было бы магично по своей природе и где возможные средства против этого существующего тоже были бы магичны. Это довольно хорошо обнаруживает мир сна, где двери, замки, стены, оружие не являются средствами против угроз вора или дикого животного, потому что они восприняты в едином акте ужаса. И так как акт, который их разрушает и создает, является одним и тем же, то мы видим, как убийцы проникают сквозь эти стены и двери, мы напрасно нажимаем на курок нашего револьвера, выстрела не раздается. Одним словом, воспринять какой-нибудь объект как ужасный — значит воспринять его на фоне мира, который проявляется так, как если бы он уже был ужасный.

Таким образом, сознание может «*быть-в-мире*» двумя различными способами. Мир может выступить перед ним как организованный комплекс средств, таких, что если хотят добиться определенного результата, нужно действовать на определенные элементы этого комплекса. (...) Но мир может также выступить для сознания и как некая

136

неорудийная целостность, т. е. как допускающий изменения непосредственно и в больших масштабах. В этом случае мир будет действовать на сознание непосредственно, мир присутствует для сознания неотделенный *расстоянием*. Например, это лицо, пугающее нас через стекло, действует на нас *непосредственно*. Нет нужды в том, чтобы *окно* открылось, чтобы человек прыгнул *в комнату*, прошел по *полу*. И обратно, сознание нацелено на то, чтобы сражаться с этими опасностями или изменять эти объекты на расстоянии и без всякого опосредствования, путем абсолютных и массивных изменений мира. Этот план мира является абсолютно связанным, это *магический* мир. Мы будем называть эмоцию внезапным падением сознания в магическое. Или, если хотите, эмоция имеет место, когда мир (связанных причинными отношениями) средств внезапно исчезает, а на его месте появляется магический мир. Не нужно, следовательно, видеть в эмоции временное расстройство организма и разума,

которое якобы *извне* нарушает психическую жизнь. Наоборот, это возвращение сознания к магическому поведению, к одной из основных форм поведения, которые присущи сознанию с появлением соответствующего мира, магического мира. Эмоция не есть случайность, это способ существования сознания, один из способов, с помощью которых оно *понимает* (в смысле хайдеггеровского «Verstehen») свое «бы-тие-в-мире».

Конечно, на эмоцию всегда может направляться рефлексивное сознание. В этом случае эмоция предстает как структура сознания. Она не есть чистое и невыразимое качество, как, например, красный цвет кирпича или чистое впечатление от боли, —каковым она должна была бы быть по теории Джемса. Она имеет смысл, она *что-то значит для моей психической жизни*. Очищающая рефлексия феноменологической редукции может воспринимать эмоцию постольку, поскольку эмоция конституирует мир в магической форме. «Я считаю его ненавистным, *потому что я в гневе*».

Но эта рефлексия возникает в редких случаях и требует особой к тому мотивации. Обычно же мы направляем на эмоциональное сознание такую понимающую рефлексия, которая, конечно, воспринимает сознание как сознание, мотивированное объектом: «Я в гневе, *потому что он мне ненавистен*». Именно в зависимости от этой рефлексии и будет конституироваться страсть.

Липер (Leeper) **Роберт** Уард (род. 25 сентября 1904) — американский психолог, работал в университете Арканзаса, Корнелльском колледже, профессор (с 1949 по 1972), декан факультета психологии (с 1953 по 1963) Орегонского университета.

Основная сфера научных интересов Р. Липера — теоретические проблемы обучения, мотивации, восприятия и личности.

Сочинения: Psychology of Personality. Engene, 1947; Toward understanding human personalities (with P. Madison). N. Y., 1959; Learning and the fields of perception.motivation and personality In: S. Koch (ed.). Psychology: a study of a science, vol. 5. N. Y., 1963; Cognitive learning theory. — In: Learning: theo ries. N. Y., 1970.

Р. У. Липер

МОТИВАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ¹

При развитии представлений в любой области первые понятия обычно связаны с относительно очевидными факторами и отношениями. (...) Это обусловлено, по-видимому, тем, что в начальный период развития любой науки трудно сформулировать ясные понятия или направить эмпирическое исследование на что-либо иное, кроме подобных относительно очевидных факторов и отношений. (...)

Очевидные явления в донаучной мысли об эмоциях. Если первоначальные представления об эмоциях действительно зависели от отмеченных выше факторов, можно ожидать следующих последствий.

Прежде всего, хотя эмоциональные процессы могут протекать как осознанно, так и неосознанно, следует ожидать, что первоначальные представления об эмоциях формулировались только в отношении эмоций, отчетливо осознаваемых. (...)

Во-вторых, можно ожидать, что естественным будет сосредоточение внимания на наиболее сильных эмоциях, а не на их умеренных вариантах. (...)

В-третьих, учитывая обостренное внимание к сильным эмоциональным процессам, нетрудно предугадать, что основными эмоциями, выступающими в качестве образца в повседневном мышлении, будут страх, гнев и горе, которым, особенно свойственно проявляться в наглядных и сильных формах. Это означает, что представление об эмо-

¹ В данном тексте воспроизводятся фрагменты двух работ: Leeper R. W. The motivational theory of emotion. — In: Stacey C. L., DeMartino M. F. (eds.) Understanding human motivation, Cleveland, 1963, pp. 657—665; Leeper R. W. Some needed developments in the motivational theory of emotions. — In: Nebraska symposium on motivation, vol. 13. Lincoln, 1965, pp. 26, 34—40, 44—46, 51—57. 65—66.

138

циях изначально формировалось на материале отрицательных и связанных с избеганием эмоций. Могли привлечь внимание и некоторые положительные эмоциональные процессы, такие, как радость при большой и неожиданной удаче или как «влюбленность». Но положительные эмоции меньше связаны с кризисными ситуациями, и внимание к интенсивным эмоциональным реакциям естественным образом привлекалось к отрицательным эмоциям.

В-четвертых, к наиболее очевидным последствиям эмоций относится рефлекторный эффект, обычный при эмоциональных процессах большой силы. Такие явления, как дрожь, расширение зрачков и по-бледнение лица, легче всего поддаются наблюдению. (...)

В-пятых, в поведении индивида, на которое, как считалось, эмоции оказывают влияние, наиболее заметный эффект заключался в появлении сравнительно примитивных реакций значительной интенсивности и длительности. Люди более склонны ввязаться в потасовку, когда они разгневаны, причем в этом состоянии они способны драться отчаянно, напрягая все силы. Подобные вещи заметить нетрудно. Поэтому эмоции стали рассматривать как процессы, заставляющие людей реагировать относительно примитивно, в противоположность более сложному и культурно обусловленному поведению.

В-шестых, еще один достаточно очевидный эффект сильных эмоций заключается в том, что они часто вызывают установки или поведение, противоречащие социальным обязанностям людей. Страх несомненно может помешать солдатам сделать то, «что от них ожидается». Развитие многих других эмоций может способствовать линчеванию, погромам, ожесточенным религиозным преследованиям, таким видам социального движения, как нацизм и фашизм, «анти-ин-теллектуализм» и т. п. По мере того как западный мир все более превращался в сложную культуру, ориентированную на науку и технику, противопоставление эмоций, с одной стороны, и рассудочного, хорошо адаптированного, опирающегося на интеллект поведения—с другой, проводилось все более отчетливо. Современный мир требовал людей, на которых можно положиться, что они будут действовать «как часы». (...) Эмоциональные процессы представляются чуждыми такому поведению, что и привело к противопоставлению эмоций и Интеллектуальных процессов в качестве антиподов. (...)

Говоря более обобщенно, сложилась рационалистическая концепция эмоций. В сущности это была концепция, согласно которой человек — это именно *homo sapiens*, существо разумное; его природа наиболее адекватно выражается в рациональных, интеллектуальных процессах, вроде тех, которые наблюдаются в случае строгого размышления, (...)

Ревность Отелло, эмоциональные терзания Гамлета, ужасающее честолюбие и чувство вины леди Макбет могут быть интересными для Шекспира, Достоевского или Верди, но такой драматический материал рассматривался скорее как изображение сил, грозящих несчастьем отдельным лицам и обществу, чем как иллюстрация некоторой конструктивной основы, необходимой для цивилизованной жизни.

Очевидные моменты в научном мышлении об эмоциях. Психологи склонны подчеркивать «величайший контраст» между повседневным мышлением, с одной стороны, и «научно обоснованными представлениями» об изучаемых ими явлениях — с другой. Однако можно только удивляться, сколько параллелей отыскивается между картиной эмоций, как она рисуется в психологии, и описанным выше повседневным пониманием эмоций.

Так, во-первых, ... академическая психология лишь очень медленно и постепенно продвигается к пониманию того, что эмоциональные процессы могут быть как осознанными, так и неосознанными. Многие психологи до сих пор считают само собой разумеющимся, что эмоции являются непременно осознаваемыми переживаниями.

Во-вторых, все еще широко распространена тенденция считать эмоциями только исключительно сильные переживания (Young, 1961; Murray, 1964). (...)

В-третьих, психологи до сих пор придают наибольшее значение отрицательным, связанным с избеганием, эмоциям, которые в первую очередь назовет и представитель донаучного мышления. Так, например, хотя последователи Халла и внесли некоторые важные изменения в более старые представления об эмоциях — благодаря пониманию эмоции как «приобретенного побуждения», — единственные «побуждения», которые ими обсуждаются, — это страх, или тревога, и иногда враждебность. (...)

В-четвертых, многие психологи считали эмоции прежде всего осознанием вегетативных изменений, либо даже самими вегетативными реакциями. Старая теория Джемса—Ланге в большой степени отвечала этой традиции. Она все еще жива. (...)

В-пятых, все еще часто встречается представление о том, что эмоции в своей основе противоположны адекватному приспособительному поведению. П. Т. Янг, который долгое время являлся классическим представителем данной точки зрения, так изложил этот пункт в недавнем переиздании своей книги: «Если индивид настолько аффективно поражен окружающей ситуацией, что контроль со стороны головного мозга у него ослаблен или полностью потерян и появились подкорковые формы поведения и вегетативные изменения, то этот индивид охвачен эмоцией» (1961, с. 358). (...)

Таким образом, концепции профессиональных психологов, опираясь в описании эмоций на те факторы и отношения, которые наиболее заметны и привлекают внимание, наиболее тесно связаны во времени и, по-видимому, наименее изменчивы, во многих отношениях напоминают донаучные представления. (...)

Развитие в рамках научной психологии представлений о неочевидных особенностях эмоций. Как мы видели, в клинической и экспериментальной психологии наблюдается явная склонность к сохранению прежней популярной традиции считать эмоции прежде всего сильными разрушительными процессами, преимущественно или исключительно вегетативными и так далее. Но это не исчерпывает вопроса. Напротив, для того чтобы составить более адекватное представление о том историческом фоне, на котором разворачивается современное

140
(обсуждение проблемы эмоций, необходимо признать, что как в до-научном мышлении, так и в работах профессиональных психологов иногда можно наблюдать развитие весьма тонких представлений и акцентов. Нам необходимо отметить по крайней мере следующие достижения.

Во-первых, ортодоксальные фрейдисты внесли весьма значительный вклад в разработку вопроса, показав, что эмоциональные процессы могут функционировать бессознательно даже в тех случаях, когда они оказывают мощное мотивирующее влияние.

Во-вторых, многие авторы, особенно психотерапевты нефрейдистской и неопрейдистской ориентации, подчеркивают как наличие, так и влияние конструктивных эмоциональных факторов. В качестве примера можно привести представление Юнга о том, что

«бессознательное» является в основном конструктивным, а не патогенным. Сюда ^же следует отнести и изменения взглядов Адлера, который после первой мировой войны стал подчеркивать, что социальные интересы важнее чувства неполноценности. Другие примеры признания конструктивных эмоциональных факторов можно найти в работах Г. С. Салливана, Э. Фромма, К. Роджерса, А. Х. Маслоу и В. Бонайма. Даже среди ортодоксальных фрейдистов все больше укрепляется представление, что в дополнение к силам «ид» действуют и другие конструктивные силы, внутренне присущие «эго».

В-третьих, начиная с 1920 г., К. Левин разрабатывал теоретические и экспериментальные проблемы мотивации, выходящие за рамки традиционного подхода к ней как к системе телесных побуждений, господствовавшего среди психологов, изучающих поведение животных (Cartwright, 1959).

В-четвертых, после опытов Н. Миллера (1959), показавших, что страх может действовать как «приобретенное побуждение», способствующее выработке эффективных инструментальных навыков, существенно изменилось представление об эмоциях среди последователей Халла.

В-пятых, многочисленные работы, выполненные, в частности, это-логами, показывают, что эмоциональные мотивы, способные действовать в качестве побуждений, не всегда являются «приобретенными побуждениями», а иногда имеют врожденный характер или обусловлены генетически. В случае импринтинга, например, происходит научение, редуцирующее не какое-то «приобретенное побуждение страха», а врожденное побуждение, актуализируемое отсутствием в окружающей среде определенных стимулов. (...)

В-шестых, распространению представлений о конструктивном значении эмоций в жизни человека во многом способствовали исследования потребности достижений, в социальном контакте' и др., проведенные группой Г. А. Меррея (Atkinson, 1964).

В-седьмых, многие специалисты по сравнительной психологии приводят убедительные свидетельства в пользу существования и влияния на поведение животных «внутренней мотивации» или исследовательских побуждений. (...)

В-восьмых, к развитию аналогичных представлений привели различные направления исследований, проведенных на людях; они показали, что человек нуждается в определенном разнообразии стимуляции (Fiske, Maddi, 1961), что материал, включающий некоторую неопределенность и разнообразие, мотивирует человека в большей степени, чем повторяющаяся стимуляция (Вартоп, 1963; Berlyne, 1960; Munsinger, Kessen, 1964), что его мотивирует когнитивный диссонанс или нарушение когнитивного баланса (Testinger, 1961) и что стремление к компетентности или «эффективности» мотивирует его особенно сильно (White, 1959).

В-девятых, работа Харлоу, посвященная эмоциональным реакциям и эмоциональному развитию детенышей обезьян (Harlow, 1962), позволила по-новому взглянуть на старую гипотезу, которая утверждала, что привязанность к родителям проистекает прежде всего из роли матери в удовлетворении голода младенца.

Десятым моментом, общим по отношению ко всем остальным, является значительное развитие представлений о саморегулирующихся кибернетических системах в физиологии, промышленности, в области военной техники, а также в различных областях психологии, не связанных с мотивацией. (...)

Теперь нам необходимо упорядочить все то, с чем мы познакомились, подвергнуть этот материал критическому разбору и посмотреть, можем ли мы внести в проблему некоторый конструктивный вклад. (...)

Любой психолог, присутствующий, например, при проведении начальных проб в эксперименте Соломона, Кеймина и Уинна (1953), согласился бы, что исследуемые собаки обнаруживают признаки сильного страха. (...)

Но что представляет собой «эмоция страха», о которой говорят в такого рода случаях? Иначе говоря, какие критерии используют психологи, делая два заключения: во-первых, о том, что организм вовлечен в эмоциональный процесс, и, во-вторых, что этим эмоциональным процессом является' страх, а не гнев, радость или печаль?

ПЯТЬ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭМОЦИЙ, РАЗРАБОТАННЫХ К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ

Отвечая на этот вопрос/психологи разработали пять основных отличных друг от друга концепций. (1) Эмоции являются сознаваемыми переживаниями, отличающимися друг от друга и от неэмоциональных переживаний некоторыми субъективными свойствами. Выводы об эмоциях, переживаемых другими организмами, мы можем делать на основе стимульной ситуации, поведения и т. д. Но эти критерии — косвенные, и каждый из нас знает, как их интерпретировать, только опираясь на собственные субъективные переживания в аналогичных ситуациях. (2) Эмоции — это некоторые специфические физиологические состояния или процессы, зависящие от вегетативной нервной системы, а также, возможно, от некоторых особых центров или под-

142

li систем гипоталамуса или лимбической системы. Определяющими качествами любой эмоции являются либо сами эти нервные процессы, когда существует возможность непосредственно их зарегистрировать, либо, разумеется, периферические вегетативные и подобные им эффекты, которые в большинстве случаев легко поддаются наблюдению. (3) Эмоции отличаются от других психологических процессов своей дезорганизующей ролью. (4) Специфика эмоций состоит не столько в том, что они вмешиваются в процессы адаптации, сколько в том, что они являются результатом недостатка средств для адекватной адаптации к ситуации. (5) Эмоции отличаются друг от друга и от других процессов производимыми ими мотивационными эффектами, аналогичными тем, которые производятся традиционно признаваемыми мотивами или побуждениями.

Представление об эмоциях как о субъективно различаемых осознаваемых переживаниях. Поскольку эта модель представляется мне весьма несовершенной, следует, по-видимому, сразу подчеркнуть, что я глубоко убежден в осознанности значительной (хотя, возможно, и не подавляющей) части эмоциональных процессов. Более того, я твердо верю, что по субъективному критерию люди способны достаточно тонко различать протекающие у них эмоциональные процессы. Далее, я разделяю мнение многих психологов, согласно которому сознательные переживания могут подвергаться изучению, служить источником гипотез и т. п.

Но тем не менее я считаю, что существуют причины, вследствие которых эта первая модель не может быть принята в качестве фундаментальной. Прежде всего, очень важно, чтобы исследование эмоциональных процессов производилось не только на взрослых испытуемых, но и на младенцах и маленьких детях. Важно также, чтобы оно охватывало и животных. Уже одни эти причины требуют, чтобы фундаментальный признак эмоциональных процессов был объективным. (..)

Но основная трудность состоит в том, что даже когда имеются субъективно различаемые признаки, с помощью которых каждый из нас способен до известной степени определять, испуган он, сердит, страдает от одиночества или переживает что-то еще, никто не располагает средствами для описания подобных субъективных состояний, чтобы сообщить с их помощью свое знание другим. Вместо этого человеку приходится описывать ситуацию, которая вызвала его эмоциональную реакцию, содержание мыслей, возникших в этой ситуации, либо обусловленное ею поведение. (...)

Эмоции как особые вегетативные состояния или особые подкорковые процессы. Многие авторы присоединились бы к критическим замечаниям, высказанным нами по поводу первой модели, отдав полное предпочтение второй модели. Для идентификации эмоции, говорят они, нужно определить специфические физиологические последствия, вроде тех, которые вызываются вегетативной нервной системой. Но так ли это?

Прежде всего, каковы те критерии, с помощью которых в исследованиях мотивационных центров и подсистем гипоталамуса или лим-

бической системы определяется, 'что одна подкорковая система связана с гневом, другая — с сексуальным возбуждением и так далее^ Можно с уверенностью сказать, что нет никаких нейрофизиологических критериев, чтобы осуществить подобное различие. В такого рода исследованиях мы должны использовать в качестве критериев вызываемые электростимуляцией мозговых центров поведенческие реакции или субъективные отчеты. (...) То же самое относится и к утверждению, что в качестве критериев эмоций можно использовать вегетативные реакции. В расширенных зрачках или внезапной испарине нет ничего, что само по себе свидетельствовало бы в некоторой мере о состоянии страха. Подобные вегетативные реакции стали известны в качестве индикаторов лишь потому, что они коррелируют с более основательными критериями эмоциональных реакций. (...)

Эмоции как разрушительные или дезорганизирующие процессы. Как мы уже отмечали, в психологии существует тенденция резко противопоставлять эмоции и то, что традиционно понимается под мотивами. Мотивы обычно рассматриваются как процессы, которые не только возбуждают и поддерживают активность, но также ее организуют или направляют. (...) Эмоции же, напротив, часто изображаются в качестве процессов, лишь разрушающих или дезорганизирующих при-способительные действия организма.

Однако эта третья модель сталкивается со значительными затруднениями. Прежде всего, она не предоставляет нам средств для различения очень сильных «мотивов» и очень сильных «эмоций», ибо процессы обоих типов оказывают сильное дезорганизирующее влияние на те интересы или виды деятельности субъекта, которые им не соответствуют. (...)

Еще одна трудность состоит в том, что третья модель не предоставляет нам эффективных средств для различения отдельных эмоциональных процессов. Никто из защитников этой модели не пытался показать, что разрушительное действие сильного страха отличается от действия ярости или других сильных эмоций, и все же они продолжают говорить об эмоциях различного качества. Следовательно, они так же, как и сторонники двух первых концепций, имплицитно предполагают существование некоторой более фундаментальной модели.

Эмоция как результат недостатка адекватных средств для приспособления. Эту модель предпочитают П. Т. Янг (1961), С. Х. Бартли (1958) и Жан-Поль Сартр (1962). Она, конечно, содержит некоторую долю истины. Существуют эмоциогенные ситуации, в которых организм, научившийся с ними справляться, действует должным образом и тем самым не позволяет им развиться в новые ситуации, которые вызвали бы те же эмоции в гораздо более сильной форме. Но это же будет справедливо и по отношению к традиционно понимаемым мотивам. В нормальных условиях человек или животное никогда не достигает состояния чрезмерного голода или жажды. Они предпринимают шаги, чтобы удовлетворить эти мотивы еще до того, как степень их обострения достигнет среднего уровня. (...) Таким образом, четвертая модель — это, по-видимому, просто конкретизация одного из

144

условий, в которых эмоциональный процесс обычно начинает усиливаться. Она поэтому не может служить общей концепцией эмоциональных процессов.

И эта модель сталкивается с трудностью, рассмотренной в связи с предыдущими концепциями: она не дает средств для различения одного эмоционального процесса от другого; ее сторонники же продолжают говорить о разных эмоциях так, как если бы они были различны. Таким образом, каждая из четырех рассмотренных моделей эмоций вызывает особые возражения. Но мы видели также, что цм можно предъявить одно общее обвинение: все они предполагают существование каких-то других, более основательных средств для определения того, имеет ли место эмоциональный процесс, и для его идентификации в каждом случае среди всех возможных эмоциональных процессов. Поэтому нам теперь нужно поставить вопрос, что может собой представлять такая более основательная модель.)...)

ПРИРОДА И ОСНОВЫ МОТИВАЦИОННОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

' Я собираюсь рассмотреть здесь семь основных положений, которые представляются важными для мотивационной теории эмоций.

Во-первых, рассматривая эмоции, мы не должны относиться к ним с позиций старой интроспективной традиции, а должны видеть в них целостный психологический процесс. (...)

Но я не утверждаю также, что мы должны рассматривать эмоции только с точки зрения поведения. Иногда эмоциональные процессы протекают как осознанные, и мы можем использовать этот удобный случай для субъективного наблюдения всякий раз, когда оно является полезным. Таким образом, в этом первом положении я предлагаю рассматривать эмоциональные процессы так же, как большинство психологов рассматривают образование понятий, то есть как процессы, которые могут быть как осознанными, так и неосознанными, но большинство свойств которых в обоих случаях остается одинаковым. (...)

Второе, и несомненно центральное, среди моих положений предлагает рассматривать эмоциональные процессы как мотивы. В самом деле, я хочу вынести на обсуждение тот факт, что, не прибегая к мотивационному критерию, мы не способны различать те процессы, которые мы называем эмоциями, и ряд других процессов, которые мы к эмоциям не относим.

Но приемлема ли эта точка зрения? Действительно ли эмоции проявляются как мотивы?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно обратиться сначала к процессам, которые психологами всегда рассматриваются как мотивы, и спросить, какими критериями мы пользуемся для идентификации таких мотивов у человека и животных. Рассмотрим, например, голод. (...) Мы заключаем о наличии голода в основном по тому влиянию, которое он оказывает на остальную жизнь индивида. Одно из наиболее ярких описаний такого влияния было дано

сэрм Эрнестом Шаклетоном, который вместе с тремя друзьями пытался достичь Южного полюса в 1909 г. Эти люди переносили очень тяжелую физическую нагрузку, жили в условиях сильного холода и в то же время имели ничтожный суточный рацион.

Как сообщает Шаклетон, буквально все время они думали и разговаривали о еде. Ночью они видели ее во сне. Огромное количество времени уходило у них на составление и обсуждение новых рецептов, которые они намеревались испробовать, вернувшись в цивилизованный мир. Они изобрели особые ритуалы раздела еды во время каждого приема пищи для исключения того, чтобы кто-то из них не получил бы ее меньше, чем другой. Они с радостью тянули сани с запасами еды, несмотря на то, что были очень уставшими и могли бы желать более легкого груза. Даже если не брать во внимание осознаваемое переживание ими чувства голода, на основе таких отдельных его проявлений мы можем заключить, что они были исключительно сильно мотивированы голодом, (...)

Поскольку влияние на другие виды активности является основанием для вывода о действии физиологического мотива, нам следует выяснить, не оказывают ли подобного влияния и эмоциональные процессы. То есть, обладают ли эмоциональные процессы способностью господствовать над мыслями и определять избирательность восприятия, заставляют ли они людей выдерживать наказания или подвергаться иным лишениям ради достижения эмоционально обусловленных целей? Могут ли эмоциональные мотивы приводить к освоению новых действий, способствующих достижению этих целей?

Рассмотрим какой-нибудь пример эмоциональной реакции. Представьте, что вы едете в машине с другим человеком и скоро обнаруживаете, что он является довольно безрассудным и неловким водителем. Вы замечаете, например, что он часто ошибается в том, когда можно безопасно обогнать другие машины, и пересекает среднюю линию дороги, даже когда навстречу едут другие машины. Каковы будут последствия возникшего у вас страха? Не приведет ли он к определенной направленности процессов восприятия, затрудняя наблюдение окружающих пейзажей, подобно тому как величественный пейзаж Антарктики не замечался людьми Шаклетона? Не будете ли вы обдумывать, или пробами и ошибками искать способ, который мог бы изменить поведение водителя или помочь вам выйти из ситуации? Представляется, что во всех такого рода последствиях страх, возникающий у вас, по своему главному проявлению будет функционально эквивалентным сильному голоду. То же будет справедливо и для других эмоций. Представьте, например, какие жертвы способна понести и какие усилия обнаружить нация в случае страха, что ей угрожает другая нация.

Таким образом, поскольку эмоция оказывают то же фундаментальное влияние, что и мотивы физиологического происхождения, мы можем их назвать мотивами. Это наиболее фундаментальный из характеризующих эмоции фактов. Он служит нам как основное средство различения эмоций и немотивационных психических процессов. (...)

146

^. Перейдем к третьему положению. Для того чтобы составить *более* четкое представление об эмоциональных мотивах, необходимо рассмотреть отношение эмоциональных мотивов к мотивам вообще. а полагаю, что среди мотивов могут быть выделены два типа, представляющие собой два полюса некоторого континуума, который охватывает , все мотивы. На одном его конце находятся такие сугубо физиологические мотивы, как голод или жажда. Некоторые из них зависят от гомеостатического состояния организма. Другие, подобно зубной боли, либо боли от механического удара или электрошока, зависят от внешней стимуляции. Но в этих случаях внешняя стимуляция должна быть относительно сильной, а прекращение афферентных импульсов, идущих от точки стимуляции, например от зуба, прекращает и действие физиологического мотива. Эмоциональные же мотивы зависят от более сложных психологических процессов. Рассмотрим, например, гусят, изучавшихся Тинбергеном. Когда над гусятами перемещали силуэт ястреба, они обнаруживали реакцию

страха и делали попытки спрятаться; когда эта же картонная модель перемещалась над ними другим концом вперед, становясь похожей на силуэт гуся с вытянутой шеей,—они оставались спокойными. В этом-случае реакция на зрительный стимул безусловно является врожденной, или инстинктивной, и тем не менее мы могли бы назвать этот процесс эмоциональным.

Однако в большинстве случаев такого рода процессы предполагают вовлечение приобретенного опыта. Представим, например, что человек консультируется у врача по поводу некоторого симптома. Ему говорят, что существует некоторая вероятность заболевания раком, и предлагают на следующей неделе провести диагностическую операцию. Врач может посоветовать человеку пока не беспокоиться и жить привычной жизнью. Однако воздействия всех обычных стимулов теперь будут изменены благодаря сложным процессам осмысления человеком своей ситуации. (...)

Два типа мотивов различаются следующим образом. Эмоциональные мотивы — это процессы, которые зависят от сигналов, во многих отношениях напоминающих раздражители, вызывающие перцептивные или когнитивные процессы; это процессы, которые могут возбуждаться даже очень легкими и слабыми внешними раздражителями или которые вызываются даже отсутствием какой-либо необходимой стимуляции. С другой стороны, физиологические мотивы в основном зависят или от специфических химических условий в организме, или от особенно сильного периферического раздражения. (...)

В-четвертых, мне бы хотелось выдвинуть положение о том, что у высших животных, в том числе и у человека, наиболее важными мотивами являются мотивы эмоциональные. Во всяком случае именно эти мотивы у высших животных наиболее развиты. В случае эмоциональных мотивов используются специфические преимущества высших животных — как их превосходные дистантные рецепторы, так и возросшие возможности научения и восприятия. Возьмем,

например, оленя. Он может обнаруживать очень слабый запах или звук, указывающий на врага. Но, что биологически особенно важно оленю недостаточно просто чувствовать присутствие пумы. Очень важно также, чтобы он был этим сильно мотивирован, несмотря на то, что пока еще нет тех реальных повреждений, которые могут быть нанесены позже, если враг будет игнорироваться.

Я не хочу сказать, что физиологические мотивы не являются важными в нашей жизни. Но основными нашими мотивами являются эмоциональные мотивы, особенно в настоящее время, когда как говорит Маслоу, достигнут достаточный уровень удовлетворения потребностей в пище, воде и физическом комфорте. В условиях современного общества человек является сильно мотивированным существом, причем этот факт обусловлен именно эмоциональными процессами. Именно эмоциональные мотивы способны в значительной степени изменяться в результате научения. Они действуют с учетом как отдаленных, так и ближайших целей и тончайших условий складывающихся ситуаций. Таким образом, именно они наиболее соответствуют требованиям человеческого существования.

В качестве пятого положения мы должны дать более подробную характеристику природе эмоциональных процессов. До сих пор мы говорили о том, что эмоциональные процессы являются мотивами. Но что им свойственно еще? Что представляют собой процессы, являющиеся эмоциональными мотивами? (...)

Новое положение, которое я хочу выдвинуть..., состоит в том, что эмоциональные процессы могут рассматриваться как один из видов перцептивных процессов. Причем я хочу сказать не то, что эмоциональные процессы *зависят* от перцептивных процессов или ими *порождаются*, хотя это верно тоже. Я имею в виду более сильное утверждение — а именно, что эмоциональные процессы в своей основе и существенных чертах *являются* перцептивными процессами, подобно тому как перцептивным процессом является кажущееся движение.

Конечно, не все перцептивные процессы суть процессы эмоциональные. Большинство процессов, изучаемых в рамках проблемы восприятия (например, при исследовании феномена обратимых фигур, влияния зрительного контура или психофизических зависимостей), полностью лишены какого бы то ни было эмоционального или мотивационного содержания. Сосредоточение исследований на процессах беспристрастного восприятия возникло по соображениям удобства. Ведь гораздо легче найти испытуемых для экспериментов по сравнению длины линий, чем найти (и потом удержать) их для исследований по различению силы электрораздражений. (...)

Но принцип удобства, влиявший на ранние исследования, не должен определять наше представление о восприятии. Ведь известно множество примеров, когда перцептивные процессы постепенно приобретают все более и более отчетливое мотивационное значение как эмоционального, так и более простого физиологического характера. Предположим, например, что ребенок, которого купают, откусывает кусок мыла. Разве теряется перцептивный

148

характер процесса из-за того, что он не является нейтральным а мотивационном отношении? Или предположим, что человек получает удар электротоком. Разве болезненность этого процесса и сильное побуждение перейти от восприятия к активному действию лишают этот процесс перцептивного характера? Вспомните о гусях Тинбергена, видевших силуэт ястреба. Разве переставал этот процесс быть перцептивным вследствие того, что он определял их поведение типичным для мотивационного процесса образом? (...)

Для пояснения этого положения перцептивные процессы можно сравнить с черно-белыми и цветными кинофильмами. Восприятие, которое обычно изучается в экспериментах, подобно черно-белым кинофильмам. Представим, что некоторые из этих фильмов все больше и

больше насыщаются цветом. Факт добавления цвета вовсе не означает, что в этих фильмах уменьшается точность деталей, что они в каком-то смысле становятся в меньшей степени «фильмами». Точно так же восприятие, приобретая мотивационный или, конкретнее, эмоциональный характер, не перестает быть динамически организованным нервным процессом, связанным со сложной корковой активностью. Короче говоря, оно не перестает быть перцептивным процессом.

К каким выводам нас может привести принятие подобной мотивационной, — по-видимому, мне следует сказать перцептивно-мотивационной — теории эмоций? Два таких вывода здесь будут рассмотрены в качестве шестого и седьмого положений.

Прежде всего, если эмоциональные процессы суть процессы перцептивные, то уже в сравнительно ранние периоды жизни они должны становиться все более разнообразными и индивидуализированными. Это вытекает из того, что второй (после динамической организации) отличительной чертой перцептивных процессов является их чрезвычайная подверженность модификациям под влиянием опыта и научения. Я думаю, мы можем с уверенностью утверждать, как это делал Коффка и особенно подчеркивал Хебб, что младенец способен воспринимать лишь самые простые формы перцептивной организации. Лицо матери для него, по-видимому, неотлично от лиц других людей. Но по мере развития ребенка его перцептивные механизмы, столь неопределенные вначале, становятся все более точными и тонкими. (...)

Наконец, еще одно следствие перцептивно-мотивационной теории эмоций касается вопроса об изменении эмоциональных процессов и эмоциональных привычек. (...)

Для объяснения этого я воспользуюсь небольшим примером из непсихологической работы — из маленькой книжки К. Форбс «Mama's Bank Account». Девочка, от лица которой ведется повествование, вначале вместе со своими тетушками весьма негативно и пренебрежительно относится к одному из своих дядюшек. Им кажется, что он занят исключительно собой. Несмотря на то, что его работа, состоящая в покупке захудалых ферм, их отстройке и перепродаже, должна, казалось бы, приносить неплохой доход, он живет чрезвычайно бедно. Неприязнь он вызвал, продав какие-то фамиль-

ные ценности, вывезенные из Норвегии, и, очевидно, прикарманив деньги. Родственники понимают, что у него есть свои трудности. Им известно, что он в детстве получил какое-то увечье и сильно хромает, но их возмущает его крайний эгоцентризм.

Когда он умер, семья собралась на похороны, не без интереса относясь к вопросу об оставленном им состоянии. Однако оказалось, что никаких денег он не оставил, — нашли лишь маленькую записную книжку с множеством записей типа:

Джозеф Спенелли, четыре года. Туберкулез левой ноги. 237 долл. Ходит.'

Джеми Келли. 9 лет. 435 долл. Ходит.

Эста Дженсен. 11 лет. Растяжка, 121 долл.

Сэм Бернштейн. Пять лет. Косолапость. 452,16 долл. Ходит.

В результате этой дополнительной информации происходит резкий и стойкий сдвиг эмоционального отношения. Почему? Вовсе не потому, что прежнему эмоциональному отношению к этому человеку не доставало силы или устойчивости, но потому, что возникла новая, более сильная перцептивная структура, не отрицающая, а включающая в себя предшествующие фактические знания. (...)

Мне представляется, что развитию предложенного здесь понимания эмоций сильно мешала наша приверженность к определенным привычкам мышления, сформировавшимся еще на заре психологии. Речь идет о традиции мыслить психологические процессы лишь в контексте проблемы сознания, а также о неспособности видеть сходные свойства там, где бросаются в глаза существующие одновременно с ними различия. Я мог бы даже сказать, что иногда мы напоминаем ребенка, который на вопрос о том, похожи ли **мяч** и апельсин, утверждает, и даже не без оснований: «Непохожи. Апельсин можно есть, а с мячом можно играть». Я согласен, что существуют различия между эмоциями и остальными перцептивными процессами. Но я смею утверждать, что, усматривая между ними также и существенное сходство, можно прийти к некоторым весьма полезным представлениям.

ЛИТЕРАТУРА

Atkinson J. W., An introduction to motivation. Princeton, 1964. B a g g o n F. Creativity and Psychological health. Princeton, 1963. Hartley S. H., Emotion and the evaluative feature of all behavior.—Psychol.

Rec., 1958, v. 8.

Berlyne D. E. Conflict, arousal and curiosity. N. Y., 1960. Cartwright D. Lewinian theory as a contemporary systematic framework.—In:

Koch S. (ed.). Psychology: a study of a science, v. 2. N. Y., 1959. Festinger L. The psychological effects of insufficient rewards.—Amer. Psychologist, 1961, v. 16.

Fiske P. W., Maddi S. (eds.). Functions of varied experience. Homewood, 1961. Harlow H. F. The heterosexual affectional system in monkeys.—Amer. Psychologist, 1962, v. 17.

•Miller N. E. Liberalization of basic S—R concepts; extensions to conflict behavior, motivation and social learning.—In: Koch S. (ed.). Psychology: a study of a science, v. 2. N. Y., 1959.

Munsinger H., Kessen W. Uncertainty, structure and preference.—Psychol. Monogr., 1964, v. 78.

ISO

ч ц r ray E. J. Motivation and emotion. N. Y., 1964.

cart re J P. Sketch for a theory of the emotions. London, 1962.

i, o I o m o n R. a. o. Traumatic avoidance learning: the outcomes of several extinction

procedures with dogs, — J abnorm soc. Psychol., 1953, v. 48. ivhite R. W. Motivation reconsidered: the concept of competence. — Psychol. Rew.,

1959, v. 66. young P. T. Motivation and emotion. N. Y., 1961.

Рубинштейн Сергей Леонидович (6 (18) июня 1889 — 11 января 1960) — советский психолог и философ, профессор, член-корреспондент АН СССР (с 1943), действительный член АПН СССР. Окончил Одесский (Новороссийский) университет (1913). С 1919 г. — доцент кафедры философии и психологии Одесского университета. В 1932—1942 гг. — зав. кафедрой психологии Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, в 1942—1950 гг. — зав. кафедрой психологии Московского университета, в 1942—1945 гг. — директор Института психологии АПН РСФСР. С 1945 г. — зав. сектором психологии Института психологии АПН РСФСР. С 1945 г. — зав. сектором психологии Института философии АН СССР.

Основные работы С. Л. Рубинштейна посвящены философским и методологическим проблемам психологии, и прежде всего проблемам сознания, деятельности и личности. С. Л. Рубинштейном "выполнен ряд экспериментальных исследований в области психологии восприятия, мышления и др. С. Л. Рубинштейн был непревзойденным систематизатором. Его фундаментальные «Основы общей психологии», удостоенные Государственной премии, до сих пор *остаются* одним из лучших отечественных руководств по-психологии с глубоким марксистским анализом основных ее - проблем.

Сочинения: Основы психологии. М., 1935; Основы общей психологии. М., 1946; Бытие и сознание. М., 1957; О мышлении и путях его исследования. М., 1958; Принципы и пути развития психологии. М., 1959; Проблемы общей психологии. М., 1973.

С. Л. Рубинштейн

ЭМОЦИИ'

Эмоции и потребности. Человек как субъект практической и теоретической деятельности, который познает и изменяет мир, не является ни бесстрастным созерцателем того, что происходит вокруг него, ни таким же бесстрастным автоматом, производящим те или иные действия наподобие хорошо слаженной машины. ... Он *переживает* то, что с ним происходит и им совершается; он *относится* определенным образом к тому, что его окружает. Переживание этого *отношения* человека к окружающему составляет сферу чувств или эмоций. *Чувство* человека — это *отношение* его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного *переживания*.

Эмоции можно предварительно в чисто описательном феноменологическом плане охарактеризовать несколькими особенно показательными отличительными признаками. Во-первых, в отличие, например, от восприятия, которые отражают содержание объекта, эмоции ' Рубинштейн С. Л., Основы общей психологии. М., 1946, с. 458—461, 465—471, 490—498.

1S2

выражают состояние субъекта и его отношение к объекту. Эмоции, во-вторых, обычно отличаются полярностью, т. е. обладают положительным или отрицательным знаком: удовольствие — неудовольствие, веселье — грусть, радость — печаль и т. п. Оба полюса не являются обязательно противоположными. В сложных человеческих чувствах они часто образуют сложное противоречивое единство: в ревности страстная любовь уживается с жгучей ненавистью.

Существенными качествами аффективно-эмоциональной сферы, характеризующими положительный и отрицательный полюса в эмоции, является приятное и неприятное. Помимо полярности приятного и неприятного, в эмоциональных состояниях сказываются также (как отметил Вундт) противоположности напряжения и разрядки, возбуждения и подавленности. (...) Наряду с возбужденной радостью (радостью-восторгом, ликованием), существует радость спокойная (растроганная радость, радость-умиление) и напряженная радость, исполненная устремленности (радость страстной надежды и трепет-ного ожидания); точно так же существует напряженная грусть, исполненная тревоги, возбужденная грусть, близкая к

отчаянию, и тихая грусть — меланхолия, в которой чувствуется разрядка и успокоенность. (...)

Для подлинного понимания эмоций в их отличительных особенностях необходимо выйти за пределы намеченной выше чисто описательной их характеристики.⁵

Основной исходный момент, определяющий природу и функцию эмоций, заключается в том, что в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношение между ходом событий, совершающимся в соответствии или вразрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в целом, — с другой; в результате индивид «настраивается» для соответствующего действия или противодействия.

Соотношение между этими двумя рядами явлений в эмоциях опосредовано психическими процессами — простой рецепции, восприятия, осмысливания, сознательного предвосхищения результатов хода событий или действий.

Эмоциональные процессы приобретают положительный или отрицательный характер в зависимости от того, находится ли действие, которое индивид производит, и воздействие, которому он подвергается, в положительном или отрицательном отношении к его потребностям, интересам, установкам; отношение индивида к ним и к ходу деятельности, протекающей в силу всей совокупности объективных обстоятельств в соответствии или вразрез с ними, определяет судьбу его эмоций.

Взаимоотношение эмоций с потребностями может проявляться двояко — в соответствии с двойственностью самой потребности, которая, будучи испытываемой индивидом нуждой его в чем-то ему противостоящем, означает одновременно и *зависимость* его от чего-

то и *стремление* к нему. С одной стороны, удовлетворение или неудовлетворение потребности, которая сама не проявилась в форме чувства, а испытывается, например, в элементарной форме органических ощущений, может породить эмоциональное состояние удовольствия — неудовольствия, радости — печали и т. п.; с другой — сама потребность как активная тенденция может испытываться как чувство, так что и чувство выступает в качестве проявления потребности. То или иное чувство наше к определенному предмету или лицу.. формируется на основе потребности по мере того, как мы осознаем зависимость их удовлетворения от этого предмета или лица, испытывая те эмоциональные состояния удовольствия, радости или неудовольствия, печали, которые они нам доставляют. Выступая в качестве проявления потребности, в качестве конкретной психической формы ее существования, эмоция выражает активную сторону потребности. Поскольку это так, эмоция неизбежно включает в себя и *стремление*, *влечение* к тому, что для чувства привлекательно, так же как влечение, желание всегда более или менее эмоционально. Истоки у воли и эмоции (аффекта, страсти) общие—в потребностях: поскольку мы осознаем предмет, от которого зависит удовлетворение нашей потребности, у нас появляется направленное на него желание; поскольку мы испытываем самую эту зависимость в удовольствии или неудовольствии, которое предмет нам причиняет, у нас формируется по отношению к нему то или иное чувство. Одно явно неотрывно от другого. Вполне раздельное существование самостоятельных «функций» или «способностей» эти две формы проявления единого ведут разве только в некоторых учебниках психологии и нигде больше.

В соответствии с этой двойственностью эмоции, отражающей заключенное в потребности двойственное активно-пассивное отношение человека к миру, двойственной, или, точнее, двусторонней, как увидим, оказывается и роль эмоций в деятельности человека: эмоции формируются в ходе человеческой деятельности, направленной на удовлетворение его потребностей; возникая, таким образом, в деятельности индивида, эмоции или потребности, переживаемые в виде эмоций, являются вместе с тем побуждениями к деятельности.

Однако отношение эмоций и потребностей далеко не однозначно. Уже у животного, у которого существуют лишь органические потребности, одно и то же явление может иметь различное и даже противоположное — положительное и отрицательное — значение в силу многообразия органических потребностей: удовлетворяя одной, оно может идти в ущерб другой. Поэтому одно и то же течение жизнедеятельности может вызвать и положительные и отрицательные эмоциональные реакции. Еще менее однозначно это отношение у человека.

Потребности человека не сводятся уже к одним лишь органическим потребностям; у него возникает целая иерархия различных потребностей, интересов, установок. В силу многообразия потребностей, интересов, установок личности одно и то же действие или явление в соотношении с различными потребностями может приобрести различное и даже противоположное — как положительное, так и отрицательное — эмоциональное значение. Одно и то же событие мо-

154

жет, таким образом, оказаться снабженным противоположным — положительным и отрицательным — эмоциональным знаком. Отсюда часто противоречивость, раздвоенность человеческих чувств, их амбивалентность. Отсюда также иногда сдвиги в эмоциональной сфере, когда в связи со сдвигами в направленности личности чувство, которое вызывает то или иное явление, более или менее внезапно" переходит в свою противоположность. Поэтому чувства человека не определяемы соотношением с изолированно взятыми потребностями, а обусловлены отношением к личности в целом. Определяясь соотношением хода действий, в которые вовлечен индивид/и его потребностей, чувства человека отражают строение его личности, выявляя ее направленность, ее установки: *что* оставляет человека равнодушным и

что затрагивает его чувства, *что* его радует и *что* печалит, обычно ярче всего выявляет — а иногда выдает — истинное его существо. (...)

Эмоции и деятельность. Если все происходящее, поскольку оно имеет то или иное отношение к человеку и поэтому вызывает то или иное отношение с его стороны, может вызвать у него те или иные эмоции, то особенно тесной является действенная связь между эмоциями человека и его собственной деятельностью. Эмоция с внутренней необходимостью зарождается из соотношения — положительного или отрицательного — результатов действия к потребности, являющейся его мотивом, исходным побуждением.

Эта связь взаимная: с одной стороны, ход и исход человеческой деятельности вызывают обычно у человека те или иные чувства, с другой — чувства человека, его эмоциональные состояния влияют на его деятельность. Эмоции не только обуславливают деятельность, но и сами обуславливаются ею. Самый характер эмоций, их основные свойства и строение эмоциональных процессов зависят от нее.

(...) Результат действия может оказаться либо в соответствии, либо в несоответствии с наиболее актуальной для личности в данной ситуации на данный момент потребностью. В зависимости от этого ход собственной деятельности породит у субъекта *положительную* или *отрицательную* эмоцию, чувство, связанное с *удовольствием* или *неудовольствием*. Появление одного из этих двух основных полярных качеств всякого эмоционального процесса будет, таким образом, зависеть от складывающегося в ходе деятельности и в ходе деятельности изменяющегося соотношения между ходом действия и его исходными побуждениями. Возможны и объективно нейтральные участки в действии, когда выполняются те или иные операции, не имеющие самостоятельного значения; они оставляют личность эмоционально нейтральной. Поскольку человек как сознательное существо в соответствии со своими потребностями, своей направленностью ставит себе определенные цели, можно сказать также, что положительное или отрицательное качество эмоции определяется соотношением между целью и результатом действия.

В зависимости от отношений, складывающихся по ходу деятельности, определяются и другие свойства эмоциональных процессов. В ходе деятельности есть обычно критические точки, в которых опре-

деляется благоприятный для субъекта или неблагоприятный для него результат, оборот или исход его деятельности. Человек как сознательное существо более или менее адекватно предвидит приближение этих критических точек. При приближении к таким реальным или воображаемым критическим точкам в чувстве человека — 'положительном или отрицательном — нарастает *напряжение*, отражающее нарастание напряжения в ходе действия. После того как такая, критическая точка в ходе действия пройдена, в чувстве человека — положительном или отрицательном — наступает *разрядка*.

Наконец, любое событие, любой результат собственной деятельности человека в соотношении с различными его мотивами или целями может приобрести «амбивалентное» — одновременно и положительное и отрицательное — значение. Чем более внутренне противоречивый, конфликтный характер принимает протекание действия и вызванный им ход событий, тем более возбужденный характер принимает эмоциональное состояние субъекта. Такой же эффект, как одновременный конфликт, может произвести и последовательный контраст, резкий переход от положительного — особенно напряженного — эмоционального состояния к отрицательному и наоборот; он вызывает возбужденное эмоциональное состояние. С другой стороны, чем более гармонично, бесконфликтно протекает процесс, тем более спокойный характер носит чувство, тем меньше в нем остроты и возбуждения. (...)

Удовольствие и неудовольствие, напряжение и разрядка, возбуждение и успокоение — это не столько основные эмоции, из которых остальные как бы складываются, а лишь наиболее общие качества, которые характеризуют бесконечно многообразные эмоции, чувства человека. Многообразие этих чувств зависит от многообразия реальных жизненных отношений человека, которые в них выражаются, и видов деятельности, посредством которых они реально осуществляются. (...)

В свою очередь, эмоции существенно влияют на ход деятельности. Как форма проявления потребностей личности эмоции выступают в качестве внутренних побуждений к деятельности. Эти внутренние побуждения, выражающиеся в чувствах, обусловлены реальными отношениями индивида к окружающему его миру.

Для того чтобы уточнить роль эмоций в деятельности, необходимо различать эмоции, или чувства, и эмоциональность, или аффективность, как таковую.

Ни одна реальная, действительная эмоция несводима к изолированно взятой, «чистой», т. е. абстрактной, эмоциональности или аф-фективности. Всякая реальная эмоция обычно включает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания, так же как она включает в себя в той или иной мере и «волевые» моменты влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек. Взятые в этой своей конкретной целостности, эмоции служат побуждениями, мотивами деятельности. Они обуславливают ход деятельности индивида, будучи сами, в свою очередь, обусловлены им. В психологии часто говорят о единстве

156

эмоций, аффекта и интеллекта, полагая, что этим выражают преодоление абстрактной точки зрения, расчленяющей психологию на отдельные элементы, или функции. Между тем в действительности подобными формулировками исследователь обнаруживает, что он все еще находится в плену у тех идей, которые он стремится преодолеть. В действительности нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но и о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же как и внутри самого интеллекта.

Если теперь в эмоции выделить эмоциональность, или аффективность, как таковую, то можно будет сказать, что она вообще не детерминирует, а лишь регулирует детерминируемую иными моментами деятельность человека; она делает индивида более или менее чувствительным к тем или иным побуждениям, создает как бы систему «шлюзов»,

которые в эмоциональных состояниях устанавливаются на ту или иную высоту; приспособляя, адаптируя и рецепторные, вообще познавательные, и моторные, вообще действенные, волевые функции, она обуславливает тонус, темпы деятельности, ее «настроенность» на тот или иной уровень. Иными словами, эмоциональность как таковая, т. е. эмоциональность как момент или сторона эмоций, обуславливает по Преимуществу динамическую сторону или аспект деятельности.

Неправильно было бы (как это делает, например, К- Левин) переносить это положение на эмоции, на чувства в целом. Роль чувства и эмоций несводима к динамике, потому что и сами они несводимы к одному лишь изолированно взятому эмоциональному моменту. Динамический момент и момент направленности теснейшим образом взаимосвязаны. Повышение восприимчивости и интенсивности действия носит обычно более или менее избирательный характер; в определенном эмоциональном состоянии, охваченный определенным чувством, человек становится более чувствителен к одним побуждениям и менее — к другим. Таким образом, динамические изменения в эмоциональных процессах обычно носят направленный характер. (...)

Динамическое значение эмоционального процесса может быть вообще двояким: эмоциональный процесс может повышать тонус, энергию психической деятельности и может снижать, тормозить ее. Одни, — особенно Кеннон, который специально исследовал эмоциональное возбуждение при ярости и страхе, — подчеркивают по преимуществу их мобилизующую функцию (emergency function Кен-нона), для других (как-то Клапаред, Кантор и пр.), наоборот, эмоции неразрывно связаны с дезорганизацией поведения; они возникают при дезорганизации и порождают срыв,

Каждая из этих двух противоположных точек зрения опирается на реальные факты,, но обе они исходят из ложной метафизической альтернативы «либо — либо» и потому, отправляясь от одной категории фактов, вынуждены закрыть глаза на другую. На самом деле не подлежит сомнению, что и здесь действительность противоречива:

эмоциональные процессы могут и повысить эффективность деятельности, и дезорганизовать ее. Иногда это может зависеть от интенсив-

ности процесса: положительный эффект, который дает эмоциональный процесс при некоторой оптимальной интенсивности, может перейти в свою противоположность и дать отрицательный, дезорганизирующий эффект при чрезмерном усилении эмоционального возбуждения. Иногда один из двух противоположных эффектов прямо обусловлен другим: повышая активность в одном направлении, эмоция тем самым нарушает или дезорганизует ее в другом; остро поднимающееся в человеке чувство гнева, способное мобилизовать его силы на борьбу с врагом и в этом направлении оказать благоприятный эффект, может в то же время дезорганизовать умственную деятельность, направленную на разрешение каких-либо теоретических задач. (...)

Различные виды эмоциональных переживаний. В многообразных проявлениях эмоциональной сферы личности можно различать разные уровни.

Мы выделяем три основных уровня.

Первый уровень — это уровень органической аффективно-эмоциональной чувствительности. Сюда относятся элементарные так называемые физические чувствования — удовольствия, неудовольствия, связанные по преимуществу с органическими потребностями. Чувствования такого рода могут носить более или менее специализированный местный характер, выступая в качестве эмоциональной окраски или тона отдельного процесса ощущения. Они могут приобрести и более общий, разлитой характер; выражая общее более или менее разлитое органическое самочувствие индивида, эти эмоциональные состояния носят неопредмеченный характер. Примером может служить чувство беспредметной тоски, такой же беспредметной тревоги или радости. Каждое такое чувство отражает объективное состояние индивида, находящегося в определенных взаимоотношениях с окружающим миром. И «беспредметная» тревога может быть вызвана каким-нибудь предметом; но хотя его присутствие вызвало чувство тревоги, это чувство может не быть направлено на него, и связь чувства с предметом, который объективно вызвал чувство, может не быть осознана. (...)

Следующий, более высокий, уровень эмоциональных проявлений составляют предметные чувства, соответствующие предметному восприятию и предметному действию. Опредмеченность чувства означает более высокий уровень его осознания. На смену беспредметной тревоги приходит страх перед чем-нибудь. Человеку может быть «вообще» тревожно, но бояться люди всегда чего-то, точно так же удивляются чему-то и любят кого-то. На предыдущем уровне — органической аффективно-эмоциональной чувствительности — чувство непосредственно выражало состояние организма, хотя, конечно, организма не изолированного, а находящегося в определенных реальных отношениях с окружающей действительностью. Однако само отношение не было еще осознанным содержанием чувства. На этом втором уровне чувство является уже не чем иным, как выражением в осознанном переживании отношения человека к миру. (...)

Опредмеченность чувств находит себе высшее выражение в том, что сами чувства дифференцируются в зависимости от предметной

158

сферы, к которой они относятся. Эти чувства обычно называются предметными чувствами и подразделяются на *интеллектуальные, эстетические и моральные* чувства. Ценность, качественный уровень этих чувств зависит от их содержания, от того, какое отношение и к какому объекту они выражают. Это отношение всегда имеет идеологический смысл. (...)

Наконец, над предметными чувствами (восхищения одним предметом и отвращения к другому, любви или ненависти к определенному лицу, возмущения каким-либо поступком или событием и т. п.) поднимаются более обобщенные чувства (аналогичные по уровню обобщенности отвлеченному мышлению), как-то: чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического и т. п. Эти чувства тоже могут иногда выступать как более или

менее частные состояния, приуроченные к определенному случаю, но по большей части они выражают общие более или менее устойчивые мировоззренческие установки личности. Мы бы назвали их мировоззренческими чувствами.

Уже чувство комического, с которым нельзя смешивать ни юмор, ни иронию, включает в себе интеллектуальный момент как существенный компонент. Чувство комического возникает в результате внезапно обнаруживающегося несоответствия между кажущейся значительностью действующего лица и ничтожностью, неуклюжестью, вообще несуразностью его поведения, между поведением, рассчитанным на более или менее значительную ситуацию, и пустяковым характером ситуации, в которой оно совершается. Комическим, смешным кажется то, что выступает сперва с видимостью превосходства и затем обнаруживает свою несостоятельность. Несоответствие или несуразность, обычно заключенные в комическом, сами по себе еще не создают этого впечатления. Для возникновения чувства комизма необходимо совершающееся на глазах у человека разоблачение неосновательной претензии. (...)

Значительно сложнее, чем чувство комического, собственно юмор и ирония.
^

Юмор предполагает, что за смешным, за вызывающими смех недостатками чувствуется что-то положительное, привлекательное. С юмором смеются над недостатками любимого. В юморе смех сочетается с симпатией к тому, на что он направляется. Английский писатель Мередит прямо определяет юмор как способность смеяться над тем, что любишь. С юмором относятся к смешным маленьким слабостям или не очень существенным и во всяком случае безобидным недостаткам, когда чувствуется, что за ними серьезные реальные достоинства. Чувство юмора предполагает, таким образом, наличие в одном явлении или лице и отрицательных и положительных сторон. Юмористическое отношение к этому факту, очевидно, возможно лишь, пока в нашей оценке положительные моменты перевешивают отрицательные. По мере того, как это соотношение в наших глазах сдвигается и отрицательные стороны получают в нем перевес над Положительными, чувство юмора начинает переходить в чувство трагического или во всяком случае проникаться трагическими нотками; в добродушный смех юмора включается боль и горечь. Таким не

лишенным трагизма юмором был юмор Гоголя: недаром Гоголь характеризовал свой юмор как видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы. (...)

Ирония расщепляет то единство, из которого исходит юмор. Она противопоставляет положительное отрицательному, идеал — действительности, возвышенное — смешному, бесконечное — конечному. Смешное, безобразное воспринимается уже не как оболочка и не как момент, включенный в ценное и прекрасное, и тем более не как естественная и закономерная форма его проявления, а только как его противоположность, на которую направляется острота иронического смеха. Ирония разит несовершенства мира с позиций возвышающегося над ними идеала. Поэтому ирония, а не более реалистический по своему духу юмор, была основным мотивом романтиков. (...)

В развитии эмоций можно, таким образом, наметить следующие ступени: 1) элементарные чувствования..., 2) разнообразные предметные чувства..., 3) обобщенные мировоззренческие чувства... Наряду с ними нужно выделить отличные от них, но родственные им аффекты, а также страсти.

Аффекты. Аффект — это стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии. Именно аффекты по преимуществу связаны с шоками — потрясениями, выражающимися в дезорганизации деятельности. Дезорганизирующая роль аффекта может отразиться на моторике, выразиться в дезорганизации моторного аспекта деятельности в силу того, что в аффективном состоянии в нее вклиниваются непроизвольные, органически детерминированные, реакции. (...)

Аффективные процессы могут представлять собой дезорганизацию деятельности и в другом, более высоком, плане, в плане не моторики, а собственно действия. Аффективное состояние выражается в заторможенности сознательной деятельности. В состоянии аффекта человек «теряет голову». Поэтому в аффективном действии в той или иной мере может быть нарушен сознательный контроль в выборе действия. Действие в состоянии аффекта, т. е. аффективное действие, как бы вырывается у человека, а не вполне регулируется им. Поэтому аффект, «сильное душевное волнение» (говоря словами нашего кодекса) рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. (...)

Страсти. С аффектами в психологической литературе часто сближают страсти. Между тем общим для них собственно является лишь количественный момент интенсивности эмоционального возбуждения. По существу же они глубоко различны.

Страсть — это такое сильное, стойкое, длительное чувство, которое, пустив корни в человеке, захватывает его и владеет им. Характерным для страсти является сила чувства, выражающаяся в соответствующей направленности всех помыслов личности, и его устойчивость; страсть может давать вспышки, но сама не является лишь вспышкой. Страсть всегда выражается в сосредоточенности, собранности помыслов и сил, их направленности на единую цель. В страсти, таким образом, ярко выражен *волевой* момент стремления; страсть

160

1 представляет собой единство эмоциональных и волевых моментов;

стремление в нем преобладает над чувствованием. Вместе с тем характерным для страсти является своеобразное сочетание активности с пассивностью. Страсть полонит, захватывает человека; испытывая страсть, человек является как бы страдающим, пассивным существом, находящимся во власти какой-то силы, но эта сила, которая им владеет, вместе с тем от него же и исходит. (...)

Страсть — большая сила, поэтому так важно, на что она направляется. Увлечение страсти может исходить из неосознанных телесных влечений, и оно может быть проникнуто величайшей сознательностью и идейностью. Страсть означает по существу порыв, увлечение, ориентацию всех устремлений и сил личности в едином направлении, сосредоточение их на

единой цели. Именно потому, что страсть собирает, поглощает и бросает все силы на что-то одно, она может быть пагубной и даже роковой, но именно поэтому же она может быть и великой. Ничто великое на свете еще никогда не совершалось без великой страсти.

Говоря о различных видах эмоциональных образований и состояний, нужно еще отметить настроение.

Настроения. Под настроением разумеют общее эмоциональное состояние личности, выражающееся в «строе» всех ее проявлений. Две основные черты характеризуют настроение в отличие от других эмоциональных образований. Эмоции, чувства связаны с каким-нибудь объектом и направлены на него: мы радуемся *чему-то*, огорчаемся *чем-то*, тревожимся из-за *чего-то*; но когда у человека радостное настроение, он не просто рад чему-то, а ему радостно — иногда, особенно в молодости, так, что все на свете представляется радостным и прекрасным. Настроение не предметно, а *личностно*, — это, во-первых, и, во-вторых, — оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое *общее* состояние. (...)

В возникновении настроения участвует обычно множество факторов. Чувственную основу его часто образуют органическое самочувствие, тонус жизнедеятельности организма и те разлитые, слабо локализованные органические ощущения (интроцептивной чувствительности), которые исходят от внутренних органов. Однако это лишь чувственный фон, который редко у человека имеет самодовлеющее значение. Скорее даже и само органическое, физическое самочувствие человека зависит, за исключением резко выраженных патологических случаев, в значительной мере от того, как складываются взаимоотношения человека с окружающим — как он осознает и расценивает происходящее в его личной и общественной жизни. Поэтому то положение, что настроение часто возникает вне контроля сознания — бессознательно, — не означает, конечно, что настроение человека не зависит от его сознательной деятельности, от того, что и как он осознает; оно означает лишь, что он часто не осознает именно этой зависимости, она как раз не попадает в поле его сознания. Настроение — в этом смысле бессознательная, эмоциональная «оценка» личностью того, как на данный момент складываются для нее обстоятельства. (...)

Леонтьев Алексей Николаевич (5 (18) февраля 1903 — 21 января 1979) — советский психолог, доктор психологических наук, профессор, академик АПН СССР, лауреат Ленинской премии. По окончании в 1924 г. отделения общественных наук Московского университета работал в Институте психологии и в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве. Первое крупное исследование А. Н. Леонтьева, обобщенное им в монографии «Развитие памяти» (1931), было выполнено в русле идей культурно-исторической концепции развития высших психических функций Л. С. Выготского. В 30-е годы А. Н. Леонтьев, объединив вокруг себя группу молодых исследователей (Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.), приступает к разработке проблемы деятельности в психологии. В 1934—1940 гг. А. Н. Леонтьев выполнил экспериментальные исследования генезиса чувствительности у человека, представленные в его докторской диссертации «Развитие психики» (1940). В 1942—1945 гг. А. Н. Леонтьев возглавлял научную работу Опытного восстановительного госпиталя под Свердловском. С 1944 по 1950 г. А. Н. Леонтьев заведовал отделом детской психологии Института психологии АПН РСФСР в Москве, с 1945 — кафедрой психологии философского факультета, а с 1966 — декан и зав. кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ. В разработанной А. Н. Леонтьевым концепции деятельности получили освещение прежде всего наиболее принципиальные и фундаментальные теоретические и методологические проблемы психологии. Сочинения. Восстановление движений (совм. с А. В. Запорожцем). М., 1945; Проблемы развития психики. М., 1972; Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Л. Н. Леонтьев

ПОТРЕБНОСТИ, МОТИВЫ

и эмоции¹.

I. Потребности

Первая предпосылка всякой деятельности есть субъект, обладающий *потребностями*. Наличие у субъекта потребностей — такое же фундаментальное условие его существования, как и обмен веществ. Собственно, это разные выражения одного и того же.

В своих первичных биологических формах потребность есть состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его. Ведь жизнь представляет собой существование разъятое: никакая живая система как отдельность не может поддерживать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также

¹ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971, с. 13—20, 23—28, 35—39

162

менты, внешние по отношению к данной живой системе, отделение от нее.

Из сказанного вытекает главная характеристика потребностей — их *предметность*. Собственно, потребность — это потребность в чем-то, что лежит вне организма; последнее и является ее предметом. Что же касается так называемых *функциональных* потребностей (например, потребности в движении), то они составляют особый класс состояний, которые либо отвечают условиям, складывающимся в, так сказать, «внутреннем хозяйстве» организмов (потребность в покое после усиленной активности и т. д.), либо являются производными, возникающими в процессе реализации предметных потребностей (например, потребность в завершении акта). (...)

II. Мотивы

Изменение и развитие потребностей происходит через изменение и развитие предметов, которые им отвечают и в которых они «опредмечиваются» и конкретизируются. Наличие потребности составляет необходимую предпосылку любой деятельности, однако потребность сама по себе еще не способна придать деятельности *опреде-* [I ленную

направленность. Наличие у человека потребности в музыке создает у него соответствующую избирательность, но еще ничего не говорит о том, что предпримет человек для удовлетворения этой потребности. Может быть он вспомнит об объявленном концерте и это направит его действия, а может быть до него донесутся звуки транслируемой музыки и он просто останется у радиоприемника или телевизора. Но может случиться и так," что предмет потребности никак не представлен субъекту: ни в поле его восприятия, ни в мысленном плане, в представлении; тогда никакой направленной деятельности, отвечающей данной потребности, у него возникнуть не может. То, что является единственным побудителем *направленной* деятельности, есть не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности.

Предмет потребности — материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане—мы называем *мотивом деятельности*. (...)

Итак, *психологический анализ потребностей необходимо преобразуется в анализ мотивов*. Это преобразование наталкивается, однако, **на** серьезную трудность: оно требует решительно отказаться от субъективистских концепций мотивации и от того смешения понятий, относящихся к разным уровням и разным «механизмам» регуляции деятельности, которое столь часто допускается в учении о мотивах. (...)

С точки зрения учения о *предметности* мотивов человеческой деятельности из категории мотивов прежде всего следует исключить субъективные переживания, представляющие собой отражение тех «надорганических» потребностей, которые соотносительны мотивам. Эти переживания (желания, хотения, стремления) не являются мотивами в силу тех же оснований, по каким ими не являются ощущения

голода или жажды: сами по себе они не способны вызвать направленной деятельности. Можно, впрочем, говорить о *предметных* желаниях, стремлениях и т. д., но этим мы лишь отодвигаем анализ; ведь дальнейшее раскрытие того, в чем состоит предмет данного желания или стремления, и есть не что иное, как указание соответствующего мотива.

Отказ считать субъективные переживания этого рода мотивами деятельности, разумеется, вовсе не означает отрицание их реальной функции в регуляции деятельности. Они выполняют ту же функцию субъективных потребностей и их динамики, какую на элементарных психологических уровнях выполняют интероцептивные ощущения, — функцию избирательной активизации систем, реализующих деятельность субъекта. (...)

Особое место занимают гедонистические концепции, согласно которым деятельность человека подчиняется принципу «максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций», т. е. направлена на достижение переживаний удовольствия, наслаждения и на избегание переживаний страдания... Для этих концепций эмоции и являются мотивами деятельности. Иногда эмоциям придают решающее значение, чаще же они включаются наряду с другими факторами в число так называемых «мотивационных переменных».

Анализ и критика гедонистических концепций мотивации представляют, пожалуй, наибольшие трудности. Ведь человек действительно стремится жить в счастье и избегать страдания. Поэтому задача состоит не в том, чтобы отрицать это, а в том, чтобы правильно понять, что это значит. А для этого нужно обратиться к природе самих эмоциональных переживаний, рассмотреть их место и их функцию в деятельности человека.

Сфера аффективных, в широком смысле слова, процессов охватывает различные виды внутренних регуляций деятельности, отличающихся друг от друга как по уровню своего протекания, так и по условиям, которые их вызывают, и по выполняемой ими роли. Здесь мы будем иметь в виду лишь те преходящие, «ситуационные» аффективные состояния, которые обычно и называют собственно эмоциями (в отличие, с одной стороны, от аффектов, а с другой стороны — от предметных чувств).

Эмоции выполняют роль внутренних сигналов. Они являются внутренними в том смысле, что сами они не несут информацию о внешних объектах, об их связях и отношениях, о тех объективных ситуациях, в которых протекает деятельность субъекта. Особенность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а именно о непосредственном их отражении, о переживании. Образно говоря эмоции следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта.

Таким образом, в самом общем виде функция эмоций может быть характеризована как индикация плюс-минус санкционирования осуществленной, осуществляющейся или предстоящей деятельности

164

I-а^а мысль в разных формах неоднократно высказывалась исследователями эмоций, в частности очень отчетливо П. К. Анохиным. Мы, однако, не будем останавливаться на различных гипотезах» которые ^дк или иначе выражают факт зависимости эмоций от соотношения (противоречия или согласия) между «бытием и долженствованием». Заметим лишь, что те трудности, которые обнаруживаются, объясняются главным образом тем, что эмоции рассматриваются, во-первых, без достаточно четкой дифференциации их на различные подклассы (аффекты и страсти, собственно эмоции и чувства), отличающиеся друг от друга как генетически, так и функционально, и, во-вторых, вне связи со структурой и уровнем той деятельности, которую они регулируют.

В отличие от аффектов, эмоции имеют идеаторный характер и, как это было отмечено еще Клапаредом, «сдвинуты к началу», т. е. способны регулировать деятельность в соответствии с предвосхищаемыми обстоятельствами. Как и все идеаторные явления, эмоции могут обобщаться и коммуницироваться; у человека существует не только индивидуальный эмоциональный опыт, но и эмоциональный опыт, который им усвоен в процессах коммуникации эмоций.

Самая же важная особенность эмоций заключается в том, что они релевантны именно *деятельности*, а не входящим в ее состав процессам, например отдельным актам, действиям. Поэтому одно и то же действие, переходя из одной деятельности в другую, может, как известно, приобретать разную и даже противоположную по своему знаку эмоциональную окраску. А это значит, что присущая эмоциям функция положительного или отрицательного санкционирования относится не к осуществлению отдельных актов, а к соотношению достигаемых эффектов с направлением, которое задано деятельности ее мотивом. Само по себе успешное выполнение того или иного действия вовсе не ведет necessarily к положительной эмоции; оно может породить и тяжелое эмоциональное переживание, остро сигнализирующее о том, что со стороны мотивационной сферы человека достигнутый успех оборачивается поражением.

Рассогласование, коррекция, санкционирование имеют место на любом уровне деятельности, в отношении любых образующих ее «единиц», начиная с простейших приспособительных движений. Поэтому главный вопрос заключается в том, *что* именно и *как* именно санкционируется: исполнительный акт, отдельные действия, направленность деятельности, а может быть, направленность всей жизни человека.

Эмоции выполняют очень важную функцию в мотивации деятельности — и мы еще вернемся к этому вопросу, — но сами эмоции не являются мотивами. Когда-то Дж. Ст. Милль с большой психологической проницательностью говорил о «хитрой стратегии счастья»: чтобы испытать эмоции удовольствия, счастья, нужно стремиться не к переживанию их, а к достижению таких целей, которые порождают эти переживания.

Подчиненность деятельности поиску наслаждений является в лучшем случае психологической иллюзией. Человеческая деятельность отнюдь не строится по образцу поведения крыс с введенными в

мозговые «центры удовольствия» электродами, которые, если обучить их способу включения тока, раздражающего данные центры, без конца предаются этому занятию, доводя (по данным Олдса) частоту такого рода «самораздражений» до нескольких тысяч в час. Можно без особого труда подобрать аналогичные поведения и у человека — мастурбация, курение опиума, самопогружение в аутистическую грезу. Они, однако, скорее свидетельствуют о возможности извращения деятельности, чем о природе мотивов — мотивов действительной утверждающей себя человеческой жизни, они вступают в противоречие, в конфликт с этими *действительными* мотивами. (...)

В отличие от целей, которые всегда, конечно, являются сознательными, мотивы, как правило, актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия — внешние, практические или речевые, мыслительные, — то мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. (...)

Мотивы, однако, не «отделены» от сознания. Даже когда мотивы не сознаются субъектом, т. е. когда он не отдает себе отчета в том, что побуждает его осуществлять ту или иную деятельность, они[^] образно говоря, входят в его сознание, но только особым образом. Они придают сознательному отражению субъективную окрашенность, которая выражает значение отражаемого для самого субъекта, его, как мы говорим, личностный смысл.

Таким образом, кроме своей основной функции — функции *побуждения*, мотивы имеют еще и вторую функцию — функцию *смыслообразования*. (...)

Как уже говорилось, обычно мотивы деятельности актуально не сознаются. Это психологический факт. Действуя под влиянием того или иного побуждения, человек сознает цели своих действий: в тот момент, когда он действует, цель необходимо «присутствует в его сознании» и, по известному выражению Маркса, как закон определяет его действия.

Иначе обстоит дело с осознанием мотивов действий, того, ради чего они совершаются. Мотивы несут в себе предметное содержание, которое должно так или иначе восприниматься субъектом. На уровне человека это содержание отражается, преломляясь в системе языковых значений, т. е. сознается. Ничего решительно не отличает отражение этого содержания от отражения человеком других объектов окружающего его мира. Объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в той же ситуации, например в роли преграды, являются в отношении возможностей их отражения, познания «равноправным». То, чем они отличаются друг от друга, это не степень отчетливости и полноты их восприятия или уровень их обобщенности, а их функция и место в структуре деятельности.

Последнее обнаруживается прежде всего объективно — в самом поведении, особенно в условиях альтернативных жизненных ситуаций. Но существуют также специфические субъективные формы, в которых объекты находят свое отражение именно со стороны их побудительности. Это переживания, которые мы описываем в терминах желания, хотения, стремления и т. п. Однако сами по себе они не от-

166

ражают никакого предметного содержания; они лишь *относятся* к тому или иному объекту, лишь субъективно «окрашивают» его. Возникающая передо мною цель воспринимается мною в ее объективном значении, т. е. я понимаю ее обусловленность, представляю себе средства ее достижения и более отдаленные результаты, к которым она ведет; вместе с тем я испытываю стремление, желание действовать в направлении данной цели или, наоборот, негативные переживания, препятствующие этому. В обоих случаях они выполняют роль внутренних сигналов, посредством которых происходит регуляция динамики деятельности. Что, однако, скрывается за этими сигналами, что они отражают? Непосредственно для самого субъекта они как бы только «метят» объекты и их осознание есть лишь сознание **их** наличия, а вовсе не осознание того, что их порождает. Это и создает впечатление, что они возникают

эндогенно и что именно они являются силами, движущими поведением — его истинными мотивами. (...)

Переживание человеком острого желания достигнуть открывающуюся перед ним цель, которое субъективно отличает ее как сильный положительный «вектор поля», само по себе еще ничего не говорит о том, в чем заключается движущий им смыслообразующий мотив. Может быть мотивом является именно данная цель, но это особый случай; обычно же мотив не совпадает с целью, лежит за ней. Поэтому его обнаружение составляет специальную задачу: задачу *осознания мотива*.

Так как речь идет об осознании смыслообразующих мотивов, то эта задача может быть описана и иначе, а именно как задача осознания личностного смысла (именно личностного смысла, а не объективного значения!), который имеют для человека те или иные его действия, их цели.

Задачи осознания мотивов порождаются необходимостью найти себя в системе жизненных отношении и поэтому возникают лишь на известной ступени развития личности, когда формируется подлинное самосознание. Поэтому для детей такой задачи просто не существует.

Когда у ребенка возникает стремление пойти в школу, стать школьником, то он, конечно, знает, что делают в школе и для чего нужно учиться. Но ведущий мотив, лежащий за этим стремлением, скрыт от него, хотя он и не затрудняется в объяснениях-мотивировках, нередко просто повторяющих слышанное им. Выяснить этот мотив можно только путем специального исследования. (...)

Позже, на этапе формирования сознания своего «я», работа по выявлению смыслообразующих мотивов выполняется самим субъектом. Ему приходится идти по тому же пути, по какому идет и объективное исследование, с той, однако, разницей, что он может обойтись без анализа своих внешних реакций на те или иные события: связь событий с мотивами, их личностный смысл *непосредственно* сигнализируется возникающими у него эмоциональными переживаниями.

День со множеством действий, успешно осуществленных человеком, которые в ходе выполнения представлялись ему адекватными, тем не менее может оставить у него неприятный, порой даже тяжелый

эмоциональный осадок. На фоне продолжающейся жизни с ее текущими задачами этот осадок едва выделяется. Но в минуту, когда человек как бы оглядывается на себя и мысленно вновь перебирает события дня, усиливающийся эмоциональный сигнал безошибочно укажет ему на то, какое из них породило этот осадок. И может случиться, например, что это — успех его товарища в достижении общей цели, который был им самим же подготовлен, — той цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал. Оказалось, что это не вполне так, что может быть главное для него заключалось в личном продвижении, в карьере. Эта мысль и ставит его лицом к лицу перед «задачей на смысл», перед задачей осознания своих мотивов, точнее, их действительного внутреннего соотношения.

Нужна известная внутренняя работа, чтобы решить эту задачу и может быть отторгнуть то, что вдруг обнажилось, потому что «беда, если вначале не убережешься, не подметишь самого себя и в пору не остановишься». Это писал Пирогов, об этом же проникновенно говорил Герцен, а вся жизнь Л. Н. Толстого — великий пример такой внутренней работы.

III. Эмоциональные процессы

К эмоциональным процессам относится широкий класс процессов внутренней регуляции деятельности. Эту функцию они выполняют, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта, их значения для осуществления его жизни.

У человека эмоции порождают переживания удовольствия, неудовольствия, страха, робости и т. п., которые играют роль ориентирующих субъективных сигналов. Простейшие эмоциональные процессы выражаются в органических, двигательных и секреторных изменениях и принадлежат к числу врожденных реакций. Однако в ходе развития эмоции утрачивают свою прямую инстинктивную основу, приобретают сложнообусловленный характер, дифференцируются и образуют многообразные виды так называемых высших эмоциональных процессов: социальных, интеллектуальных и эстетических, которые у человека составляют "главное содержание его эмоциональной жизни. По своему происхождению, способам проявления и формам протекания эмоции характеризуются рядом специфических закономерностей.

(...) Даже так называемые низшие эмоции являются у человека продуктом общественно-исторического развития, результатом трансформации их инстинктивных, биологических форм, с одной стороны, и формирования новых видов эмоций — с другой; это относится также к эмоционально-выразительным, мимическим и пантомимическим движениям, которые, включаясь в процесс общения между людьми, приобретают в значительной мере условный, сигнальный и вместе с тем социальный характер, чем и объясняются отмечаемые культурные различия в мимике и эмоциональных жестах. Таким образом, эмоции и эмоциональные выразительные движения человека представляют собой не рудиментарные явления его психики, а продукт

168

положительного развития и выполняют в регулировании его деятельности, в том числе и познавательной, необходимую и важную роль. В ходе своего развития эмоции дифференцируются и образуют у человека различные виды, отличающиеся по своим психологическим особенностям и закономерностям своего протекания. К эмоциональным, в широком смысле, процессам в настоящее время принято относить аффекты, собственно эмоции и чувства.

Аффекты. Аффектами называют в современной психологии сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями, содержание и характер которых может, однако, изменяться, в частности, под влиянием воспитания и самовоспитания. У человека аффекты вызываются не только факторами, затрагивающими поддержание его физического существования, связанными с его биологическими потребностями и инстинктами. Они могут

возникать также в складывающихся социальных отношениях, например, в результате социальных оценок и санкций. Одна из особенностей аффектов состоит в том, что они возникают в ответ на уже фактически наступившую ситуацию и в этом смысле являются как бы сдвинутыми к концу события (Клапаред); в связи с этим их регулирующая функция состоит в образовании специфического опыта — аффективных следов, определяющих избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект. Такие аффективные следы («аффективные комплексы») обнаруживают тенденцию навязчивости и тенденцию к торможению. Действие этих противоположных тенденций отчетливо обнаруживается в ассоциативном эксперименте (Юнг): первая проявляется в том, что даже относительно далекие по смыслу слова-раздражители вызывают по ассоциации элементы аффективного комплекса; вторая тенденция проявляется в том, что актуализация элементов аффективного комплекса вызывает торможение речевых реакций, а также торможение и нарушение сопряженных с ними двигательных реакций (А. Р. Лурия); возникают также и другие симптомы (изменение кожно-гальванической реакции, сосудистые изменения и др.). На этом и основан принцип действия так называемого «лайдетектора» — прибора, служащего для диагностики причастности подозреваемого к расследуемому преступлению. При известных условиях аффективные комплексы могут полностью оттормаживаться, вытесняться из сознания. Особое, преувеличенное значение последнему придается, в частности, в психоанализе. Другое свойство аффектов состоит в том, что повторение ситуаций, вызывающих то или иное отрицательное аффективное состояние, ведет к аккумуляции аффекта, которая может разрядиться в бурном неуправляемом аффективном поведении — «аффективном взрыве». В связи с этим свойством аккумулярованных аффектов были предложены в воспитательных и терапевтических целях различные методы изживания аффекта, их «канализации».

Собственно эмоции. В отличие от аффектов, собственно эмоции представляют собой более длительные состояния, иногда лишь слабо

проявляющиеся во внешнем поведении. Они имеют отчетливо выраженный ситуационный характер, т. е. выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них. Собственно эмоции носят отчетливо выраженный идеаторный характер; это значит, что они способны предвосхищать ситуации и события, которые реально еще не наступили, и возникают в связи с представлениями о пережитых или воображаемых ситуациях. Их важнейшая особенность состоит в их способности к обобщению и коммуникации; поэтому эмоциональный опыт человека гораздо шире, чем опыт его индивидуальных переживаний: он формируется также в результате эмоциональных сопереживаний, возникающих в общении с другими людьми, и в частности передаваемых средствами искусства (Б. М. Теплов). Само выражение эмоций приобретает черты социально формирующегося исторически изменчивого «эмоционального языка», о чем свидетельствуют и многочисленные этнографические описания и такие факты, как, например, своеобразная бедность мимики у врожденно слепых людей. Собственно эмоции находятся в другом отношении к личности и сознанию, чем аффекты, первые воспринимаются субъектом как состояния моего «я», вторые — как состояния, происходящие «во мне». Это отличие ярко выступает в случаях, когда эмоции возникают как реакция на аффект; так, например, возможно появление эмоции боязни появления аффекта страха или эмоции, вызываемой пережитым аффектом, например аффектом острого гнева. Особый вид эмоций составляют эстетические эмоции, выполняющие важнейшую функцию в развитии смысловой сферы личности.

Чувства. Более условным и менее общепринятым является выделение чувств как особого подкласса эмоциональных процессов. Основанием для их выделения служит их отчетливо выраженный предметный характер, возникающий в результате специфического обобщения эмоций, связывающегося с представлением или идеей о некотором объекте — конкретном или обобщенном, отвлеченном (например, чувство любви к человеку, к родине, чувство ненависти к врагу и т. п.). Возникновение и развитие предметных чувств выражает формирование устойчивых эмоциональных отношений, своеобразных «эмоциональных констант». Несовпадение собственно эмоций к чувствам и возможность противоречивости между ними послужили в психологии основанием идеи об *амбивалентности*, как о якобы внутренне присущей особенности эмоций. Однако случаи амбивалентных переживаний наиболее часто возникают в результате несовпадения устойчивого эмоционального отношения к объекту и эмоциональной реакции на сложившуюся преходящую ситуацию (например, глубоко любимый человек может в определенной ситуации вызвать преходящую эмоцию неудовольствия, даже гнева). Другая особенность чувств состоит в том, что они образуют ряд уровней, начиная от непосредственных чувств к конкретному объекту и кончая высшими социальными чувствами, относящимися к социальным ценностям и идеалам. Эти различные уровни связаны и с разными по своей форме обобщениями объекта чувств: образами или

170

понятиями, образующими содержание нравственного сознания человека

Существенную роль в формировании и развитии высших человеческих чувств имеют социальные институты, в частности социальная символика, поддерживающая их устойчивость (например, знамя), некоторые социальные обряды и церемониальные акты (П. Жане). Как и собственно эмоции, чувства имеют у человека свое положительное развитие и, имея естественные предпосылки, являются продуктом его жизни в обществе, общения и воспитания.

Анохий, Петр Кузьмич (26 января 1898 — 6 марта 1974) — советский физиолог, академик АН и АМН СССР, лауреат Ленинской премии (1972). По окончании в 1926 г. Института медицинских знаний работал в лаборатории В. М. Бехтерева, а затем — И. П. Павлова, став одним из ближайших учеников и творческих продолжателей его учения. Интересы П. К. Анохина с самого начала были направлены на поиск объективного метода изучения физиологических процессов, лежащих в основе сложных форм целенаправленной деятельности человека. Разработка П. К. Анохиным положения о том, что такие формы поведения несводимы к элементарным рефлексам, но имеют в своей основе сложные физиологические «ансамбли», или «функциональные системы», привела к коренной перестройке основных представлений физиологии того времени. Особое значение приобрела выдвинутая П. К. Анохиным еще в начале 30-х годов идея саморегуляции поведения на основе сигналов об успешности протекания действия, разработанное им впоследствии представление о механизме «акцептора действия». Исследования П. К. Анохина охватывали широчайший круг проблем: роли мозговых долей мозга в регуляции поведения, локализации в свете системных представлений об организации мозговых функций, компенсации нарушенных мозговых функций, боли и обезболивания, сна и бодрствования, биологической природы и физиологических механизмов эмоций и др. В последние годы П. К. Анохин работал также над проблемами «физиологических основ процессов «принятия решений». Сочинения: Проблемы центра и периферии. М., 1935; Проблемы нервной деятельности. М., 1949; Биология и физиология условного рефлекса. М., 1968; Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975; Избранные труды. М., 1978; Системные механизмы высшей нервной деятельности. М., 1979; Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980.

П. К. Анохин

эмоции'

Эмоции (франц. emotion, от лат. emovere — возбуждать, волновать) — физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека — от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения. (...)

Эволюция эмоций. Если исходить из того, что эмоции представляют собой такую форму реакций, которые непременно охватывают весь организм и приобретают ярко выраженный субъективный характер, то мы должны поставить вопрос: каково происхождение эмоций, когда и как они появились в процессе эволюции?

На основании дарвиновского понимания эволюции приспособительных реакций организма можно утверждать, что эмоциональные состояния сыграли когда-то положительную роль, создав условия для более широкого и более совершенного приспособления животных к

Большая медицинская энциклопедия, т. 35. М., 1964, с. 339—341, 354—357.

172

окружающим условиям. Первичные ощущения примитивных животных не могли бы удержаться в процессе эволюции и развиться в столь многогранные и утонченные эмоциональные состояния человека, если бы они не послужили прогрессу в приспособительной деятельности животных. В противном случае они давно были бы устранены естественным отбором. »

В чем же состоит это более совершенное приспособление?

Решающей чертой эмоционального состояния является его интегральность, его исключительность по отношению к другим состояниям и другим реакциям. Эмоции охватывают весь организм, они придают состоянию человека определенный тип переживаний. Производя почти моментальную интеграцию (объединение в единое целое) всех функций организма, эмоции сами по себе и в первую очередь могут быть абсолютным сигналом полезного или вредного воздействия на организм, часто даже раньше, чем

определены локализации воздействия и конкретный механизм ответной реакции организма. Именно это свойство организма — определять благодаря эмоции качество воздействия с помощью самого древнего и универсального критерия всего живого на Земле — выживаемости — и придало эмоциям универсальное значение в жизни организма. Вместе с тем организм оказывается чрезвычайно выгодно приспособленным к окружающим условиям, поскольку он, даже не определяя форму, тип, механизм и другие параметры тех или иных воздействий, может со спасительной быстротой отреагировать на них с помощью определенного качества эмоционального состояния, сведя их, так сказать, к общему биологическому знаменателю: полезно или вредно для него данное воздействие.

Насколько важна эта интеграция организма в эмоциональном состоянии, можно видеть на примере простой болевой эмоции, которая в той или иной мере каждым человеком испытывалась в жизни.

Допустим, что имеется какое-то травматическое поражение суставной сумки. Как известно, такое поражение создает крайне тягостное болевое ощущение, болевую эмоцию. Какие средства может употребить наш организм для построения новой моторной координации с исключением пораженного сустава? Практика показывает, что в таких случаях создаются исключительно широкие возможности вовлечения новых мышц, новых суставов и даже целых конечностей. Однако во всех этих случаях ограничивающим фактором является только ощущение боли. Организм человека осуществляет в этих случаях многочисленные попытки движения, «обходя» болевое ощущение, как только оно возникает. В данном случае болевая эмоция играет роль своеобразного отрицательного «пеленга», помогающего организму воздерживаться от несовместимых с жизнью движений («щажение» в медицинской практике).

Стоит только представить себе, что этот подбор не вредящих здоровью движений производился бы на основе каких-либо других критериев, например степени натяжения мышцы, угла отклонения в суставе и т. д., как сразу же станут ясными все совершенство универсального характера эмоциональных состояний и крайняя выгод-

ность их в приспособительном смысле. Практически весь жизненный опыт человека, начиная с первых дней жизни, помогает ему избегать вредных воздействий не на основе учета объективных параметров вредящего агента (например, острота повреждающего предмета, глубина погружения его в кожу и т. д.), а на основе именно того «общего знаменателя», который выражается эмоциональным состоянием:

«больно», «неприятно». (...)

Можно сказать, что всем без изъятия жизненным потребностям и отправлениям, включая и проявления интеллектуальной деятельности, сопутствует соответствующий эмоциональный тонус, благодаря которому организм непрерывно остается в русле оптимальных жизненных функций.

Многочисленные факты, установленные психологами и физиологами, демонстрируют некоторый единый план в архитектуре живого организма, благодаря которому все разнообразные его функции санкционируются или отвергаются на основании одного и того же принципа — принципа их соответствия сформировавшемуся в данное время определенному эмоциональному состоянию. (...)

Биологическая теория эмоций. ... Теории эмоциональных состояний отличаются одной чертой, которая и является причиной их недостаточности: они не рассматривают эмоциональные состояния как закономерный факт природы, как продукт эволюции, как приспособительный фактор в жизни животного мира. Исходя из дарвиновской точки зрения на эволюцию полезных приспособлений, надо считать, что эмоциональные состояния, удержавшиеся в процессе эволюции и развившиеся до своего тончайшего выявления у человека, не могли бы ни появиться, ни сохраниться, а тем более закрепиться наследственностью, если бы они в какой-то степени были либо вредны, либо бесполезны для жизненно важных функций животного. Вопрос сводится лишь к тому, в чем состоит биологическая и физиологическая полезность эмоций и эмоциональных ощущений в осуществлении жизненно важных функций организма.

Если дать общую характеристику поведения живых существ (и человека в частности), то оно может быть грубо разделено на две стадии, которые, непрерывно чередуясь, составляют основу жизнедеятельности. Первую стадию можно было бы назвать стадией формирования потребностей и основных влечений, а вторую — стадией удовлетворения этих потребностей. Внимательный анализ поведения животных и человека показывает, что такая классификация вполне приемлема для всех видов влечений и для любого вида удовлетворения потребности. Есть все основания думать, что эмоциональные состояния при их первичном появлении в животном мире включились именно в этот цикл смены двух кардинальных состояний организма. Все виды потребностей приобрели побудительный характер, создающий беспокойство в поведении животного и формирующий различные типы добывательного или, наоборот, отвергающего поведения. Эти потребности связаны с определенным эмоциональным состоянием, большей частью тягостного, беспокойного характера. Наоборот, удовлетворение потребности или выполнение какой-то

174

функции, которая устраняет назревшую потребность, **связано с чувством** удовольствия, приятного и даже иногда с **чувством** гедонического характера (наслаждения).

Таким образом, если проблему эмоций рассматривать с биологической точки зрения, то надо будет признать, что эмоциональные ощущения закрепились как своеобразный инструмент, удерживающий жизненный процесс в его оптимальных границах и предупреждающий разрушительный характер недостатка или избытка каких-либо факторов жизни данного организма.

Обычно удовлетворение какой-либо биологической потребности человека не является только простым устранением этой потребности, имеющей тягостный характер. Как правило,

удовлетворение, устраняя потребность, сопровождается самостоятельным подчеркнутым положительным эмоциональным переживанием. Следовательно, с широкой биологической точки зрения удовлетворение можно рассматривать как конечный подкрепляющий фактор, который толкает организм на устранение исходной потребности.

С точки зрения физиологической перед нами стоит задача: раскрыть механизм тех конкретных процессов, которые в конечном итоге приводят к возникновению и отрицательного (потребность), и положительного (удовлетворение) эмоционального состояния. И прежде всего необходимо проанализировать вопрос: в силу каких именно конкретных механизмов удовлетворение потребности создает положительное эмоциональное состояние.

Биологическая теория эмоций (Анохин, 1949) построена на основе представления о целостной физиологической архитектуре любого приспособительного акта, каким являются эмоциональные реакции.

Основным признаком положительного эмоционального состояния является его закрепляющее действие, как бы санкционирующее полезный приспособительный эффект. Такое закрепляющее действие проявляется только в определенном случае, именно когда эффектор-ный акт, связанный с удовлетворением какой-то потребности, свершился с абсолютным полезным эффектом. Только в этом последнем случае формируется и становится закрепляющим фактором положительная эмоция. Можно взять для примера такой грубый эмоциональный акт, как акт чихания. Всем известен тот гедонический и протопатический характер ощущения, которое человек получает при удачном чихательном акте. Точно так же хорошо известно и обратное: неудавшееся чихание создает на какое-то время чувство неудовлетворенности, неприятное ощущение чего-то незаконченного. Подобные колебания в эмоциональных состояниях присущи абсолютно всем жизненно важным отправлениям животного и человека. Именно для подобных жизненно важных актов эмоция и сложилась в процессе эволюции как фактор, закрепляющий правильность и полноту совершенного акта, его соответствие исходной потребности.

Как же центральная нервная система «узнает» о том, что какой-либо жизненно важный акт совершен на периферии в надлежащей последовательности и полноценном виде (утоление голода, утоление

жажды, опорожнение тазовых органов, кашель, чихание, половой акт и т. д.)? Для ответа на этот вопрос необходимо ввести два понятия: «эфферентный интеграл» и «афферентный интеграл». Каждому • акту периферического удовлетворения какой-либо потребности предшествует формирование центрального аппарата оценки результатов и параметров будущего действия—«акцептора действия» и посылка множества эфферентных возбуждений, идущих к самым различным органам и частям той системы, которая должна выполнить акт удовлетворения потребности. Об успешности или неуспешности такого акта сигнализирует поступающая в головной мозг афферентная импульсация от всех рецепторов, которые регистрируют последовательные этапы выполнения функции («обратная афферентация»). Оценка акта в целом невозможна без такой точной информации о результатах каждого из посланных по эфферентной системе возбуждений. Такой механизм является абсолютно обязательным для каждой функции, и организм был бы немедленно разрушен, если бы 'этого механизма не существовало.

Каждый на своем опыте знает, что всякая неудача в выполнении тех или иных актов создает ощущение' неудовлетворенности, трудности и беспокойства. Это и есть следствие того, что вторая часть периферического акта, именно результативный афферентный интеграл, не была создана на периферии и потому не произошло адекватного ее сочетания с центральной посылкой.

Суть биологической теории состоит в следующем: она утверждает, что положительное эмоциональное состояние типа удовлетворения какой-либо потребности возникает лишь в том случае, если обратная информация от результатов происшедшего действия точнейшим образом отражает все компоненты положительного результата и потому точно совпадает с аппаратом акцептора действия. Биологически этой эмоцией удовлетворения и закрепляются правильность любого функционального проявления и полноценность его приспособительных результатов. Наоборот, несовпадение обратных афферентных посылок от неполноценных результатов акта с акцептором действия ведет немедленно к беспокойству животных и человека и к поискам той новой комбинации эффекторных возбуждений, которые привели бы к формированию полноценного периферического акта, и следовательно, к полноценной эмоции удовлетворения. В этом случае полноценное эмоциональное состояние ищется способом пробных посылок различных эфферентных возбуждений. Совершенно очевидно, что в этом смысле эмоциональные состояния от полноценного или неполноценного периферического акта являются своеобразным «пеленгом», который или прекращает поиски, или их вновь и вновь организует на другой эфферентной основе.

Из формулировки биологической теории эмоций явствует, что Джемс и Ланге в своей теории уловили правильный момент в развитии эмоциональных состояний, во всяком случае в появлении тех эмоциональных состояний, которые связаны с жизненно важными Отправлениями.

176

Однако, фиксируя внимание на периферии, Джемс и Ланге, [естественно, не могли раскрыть тот истинный центральный механизм I(совпадение с акцептором действия), который является-обязательным и решающим условием для возникновения положительной эмоции (Анохин, 1949).

С другой стороны, Кеннон и Бард, фиксируя внимание на центральном субстрате, в какой-то степени были также правы, поскольку конечный момент формирования эмоционального состояния совпадает именно с областью подкорковых аппаратов. Однако фиксация ими внимания только на центральном механизме не давала им возможности раскрыть истинный механизм центрально-периферических взаимоотношений в формировании эмоций, ощущений. Эмоции висцерального происхождения не покрывают, конечно, всех тех эмоциональных состояний, которые составляют область эмоциональной жизни человека. Многие

из этих эмоций, особенно болевая эмоция, не требуют постепенного увеличения потребности, они возникают внезапно, и только простое устранение такой эмоции создает положительное ощущение. Однако, несмотря на все эти изменения в деталях развития различных эмоций, архитектурный план возникновения эмоций остается тем же. Он распространяется также на потребности интеллектуального характера. Потребности, возникшие, например, от каких-либо социальных факторов (пусть это будет потребность в разрешении какой-то сложной технической проблемы, потребность в коллекционировании), завершаются уже высшей положительной эмоцией удовлетворения, как только результаты долгих и трудных исканий совпадут с исходным замыслом (акцептор, действия).

Есть основание полагать, что во всех эмоциях, начиная от грубых низших растительных эмоциональных состояний и кончая высшими социальными эмоциями, используется одна и та же физиологическая архитектура. Однако эта физиологическая архитектура может рассматриваться только как общая закономерность, присущая жизненным явлениям различной степени сложности, но ни в коей мере не делающая их тождественными по их качественному характеру, по их содержанию. Подобные общие закономерности уже известны из области кибернетики. Именно эта закономерность — закономерность формирования аппарата оценки результатов действия до совершения самого действия и получения его результатов — является общей для различных классов явлений у живых организмов, в авторегулирующихся машинах и в общественных взаимоотношениях. Не удивительно поэтому, что на основе именно этой закономерности и по этой универсальной архитектуре произошло и развитие эмоциональных состояний человека — от первичных примитивных растительных ощущений до высших форм удовлетворения в специфически человеческой деятельности. '

ЛИТЕРАТУРА

А н о х и н П. К. Узловые вопросы в изучении условного рефлекса. — В. кн.: Проблемы высшей нервной деятельности. М., 1949.

Симонов Павел Васильевич (род. 20 апреля 1926) — советский физиолог, доктор медицинских наук, профессор. Окончил Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова (1951). С 1960 г. работает в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, где в 1965 г. возглавил вновь созданную лабораторию физиологии эмоций. Лауреат премии имени И. П. Павлова 1979 г. Основные работы П. В. Симонова посвящены теоретической и экспериментальной разработке предложенной им информационной теории эмоций. В результате выполненных П. В. Симоновым

и его сотрудниками многочисленных физиологических и психофизиологических исследований выявлен ряд новых функций отдельных структур мозга (передних отделов новой коры, гиппокампа, миндалины, гипоталамуса), важных для понимания нейрофизиологических механизмов эмоциональных явлений. Сочинения: Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962;

Что такое эмоция? М., 1966; Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970; Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

П. В. Симонов

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ' -

Наш подход к проблеме эмоций целиком принадлежит павловскому направлению в изучении высшей нервной (психической) деятельности мозга. (...)

Информационная теория эмоций... не является ни только «физиологической», ни только «психологической», ни тем более «кибернетической». Она неразрывно связана с павловским системным по своему характеру подходом к изучению высшей нервной (психической) деятельности. Это означает, что теория, если она верна, должна быть в равной мере продуктивна и для анализа явлений, относимых к психологии эмоций, и при изучении мозговых механизмов эмоциональных реакций человека и животных. (...)

В трудах Павлова мы находим указания на два фактора, неразрывно связанные с вовлечением мозговых механизмов эмоций. Во-первых, это присущие организму потребности, влечения, отождествлявшиеся Павловым с врожденными (безусловными) рефлексам. «Кто отделил бы, — писал Павлов, — в безусловных сложнейших рефlekсах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, т. е. от переживаний могучих эмоций голода, полового

Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981, с. 4, 8, 13—14, 19—23, 27—39 **178**

влечения, гнева и т. д.» (Павлов, 1951, с. 335). Однако Павлов понимал, что бесконечное многообразие мира человеческих эмоций не может быть сведено к набору врожденных (даже «сложнейших», даже жизненно важных) безусловных рефлексов. Более того, именно Павлов открыл тот ключевой механизм, благодаря которому в процесс условнорефлекторной деятельности (поведения) высших животных и человека вовлекается мозговой аппарат, ответственный за формирование и реализацию эмоций. (...)

На основании ... опытов Павлов пришел к выводу о том, что под влиянием внешнего стереотипа повторяющихся воздействий в коре больших полушарий формируется устойчивая система внутренних нервных процессов, причем «образование, установка динамического стереотипа есть нервный труд чрезвычайно различной напряженности, смотря, конечно, по сложности системы раздражителей, с одной стороны, и по индивидуальности и состоянию животного, с другой» (Павлов, 1973, с. 429). (...)

«Нужно думать, — говорил Павлов с трибуны XIV Международного физиологического конгресса в Риме, — что нервные процессы полушарий при установке и поддержке динамического стереотипа есть то, что обыкновенно называется чувствами в их двух основных категориях — положительной и отрицательной, и в их огромной градации интенсивностей. Процессы установки стереотипа, довершения установки, поддержки стереотипа и нарушений его и есть субъективно разнообразные положительные и

отрицательные чувства, что всегда и было видно в двигательных реакциях животного» (Павлов, 1973, с. 423).

Эту павловскую идею несовпадения (рассогласования — скажем мы сегодня) заготовленного мозгом внутреннего стереотипа с изменившимся внешним мы не раз встретим в той или иной модификации у ряда авторов, обращавшихся к изучению эмоций. (...)

ОТРАЖАТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЯ

(...) Суммируя результаты собственных опытов и данные литературы, мы пришли в 1964 г. к выводу о том, *что эмоция есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта.*

В самом общем виде правило возникновения эмоций можно представить в виде структурной формулы:

$\mathcal{E} = \Gamma[\Pi, (\text{Ин-И}), \dots]$,

где $\mathcal{E}$ — эмоция, ее степень, качество и знак; Π — сила и качество актуальной потребности; (Ид—Ид) — оценка вероятности (возмож.-ности) удовлетворения потребности на основе врожденного -и онто-

генетического опыта; Ид — информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности; Ир — информация о средствах, которыми располагает субъект в данный момент.

Разумеется, эмоция зависит и от ряда других факторов, одни из которых нам хорошо известны, а о существовании других мы, возможно, еще и не подозреваем. К числу известных относятся:

— индивидуальные (типологические) особенности субъекта прежде всего, индивидуальные особенности его эмоциональности, мотивационной сферы, волевых качеств и т. п.;

— фактор времени, в зависимости от которого эмоциональная реакция приобретает характер стремительно развивающегося *аффекта* или *настроения*, сохраняющегося часами, днями и неделями;

— качественные особенности потребности. Так, эмоции, возникающие на базе социальных и духовных потребностей, принято именовать *чувствами*. Низкая вероятность избегания нежелательного воздействия породит у субъекта *тревогу*, а низкая вероятность достижения желаемой цели — *фрустрацию* и

т. д., и т. п.

Но все перечисленные и подобные им факторы обуславливают лишь вариации бесконечного многообразия эмоций, в то время как *необходимыми* и *достаточными* являются два, только два, всегда и только два фактора: потребность и вероятность (возможность) ее удовлетворения.

Во избежание недоразумений... остановимся на уточнении употребляемых нами понятий. Термин «информация» мы используем, имея в виду ее прагматическое значение, т. е. изменение вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) благодаря получению данного сообщения (Харкевич, 1960). Таким образом, речь идет не об информации, актуализирующей потребность (например, о возникшей опасности), но об информации, необходимой для удовлетворения потребности (например, о том, как эту опасность избежать). Под информацией мы понимаем отражение всей совокупности средств достижения цели: знания, которыми располагает субъект, совершенство его навыков, энергетические ресурсы организма, время, достаточное или недостаточное для организации соответствующих действий, и т. п. (...)

Термин «потребность» мы употребляем в его широком Марксо-вом понимании, отнюдь не сводимом к одному лишь сохранению (выживанию) особи и вида. (...) По нашему мнению *потребность есть избирательная зависимость живых организмов от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем, побуждение и цель их поведения в окружающем мире*. Соответственно поведение мы определим как *такую форму жизнедеятельности, которая может изменить вероятность и продолжительность контакта с внешним объектом, способным удовлетворить имеющуюся у организма потребность*. (...)

Низкая вероятность удовлетворения потребности (Иц больше, чем Ир) ведет к возникновению отрицательных эмоций. Воз-180

растание вероятности удовлетворения по сравнению с ранее имевшимся прогнозом (И;; больше, чем Иц) порождает положительные эмоции. (...)

Например, положительная эмоция при еде возникает за счет интеграции голодового возбуждения (потребность) с афферентацией из полости рта, свидетельствующей о растущей вероятности удовлетворения данной потребности. При ином состоянии потребности та же афферентация окажется эмоционально безразличной или генерирует чувство отвращения.

До сих пор мы говорили об *отражательной* функции эмоций, кото-¹рая совпадает с их *оценочной* функцией. Обратите внимание, что цена в самом общем смысле этого понятия всегда есть функция двух факторов: спроса (потребности) и предложения (возможности эту

потребность удовлетворить). Но категория ценности и функция оценивания становятся ненужными, если отсутствует необходимость сравнения, обмена, т. е. необходимость сопоставления ценностей. Вот почему функция эмоций не сводится к простому сигнализированию воздействий полезных или вредных для организма, как полагают сторонники «биологической теории эмоций». Воспользуемся примером, который приводит П. К. Анохин (1964, с. 342). При повреждении сустава чувство боли ограничивает двигательную активность конечности, способствуя репаративным процессам. В этом интегральном сигнализировании «вредности» П. К. Анохин видел приспособительное значение боли. Однако аналогичную роль мог бы играть механизм, автоматически, без участия эмоций тормозящий движения, вредные для поврежденного Органа. Чувство боли оказывается более пластичным механизмом: когда потребность в движении становится очень велика (например, при угрозе самому существованию субъекта), движение осуществляется, невзирая на боль. Иными словами, эмоции выступают в роли своеобразной «валюты мозга» — универсальной меры ценностей, а не простого эквивалента, функционирующего по принципу: вредно — неприятно, полезно — приятно. (...)

ПЕРЕКЛЮЧАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИИ

1

С физиологической точки зрения эмоция есть активное состояние системы специализированных мозговых структур, побуждающее изменить поведение в направлении минимизации или максимизации этого состояния. Поскольку положительная эмоция свидетельствует о приближении удовлетворения потребности, а отрицательная эмоция — об удалении от него, субъект стремится максимизировать (усилить, продлить, повторить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе. Этот гедонистический принцип максимизации — минимизации, равно применимый к человеку и животным, позволит преодолеть кажущуюся недоступность эмоций животных для непосредственного экспериментального изучения. (...)

Переключающая функция эмоций обнаруживается как в сфере врожденных форм поведения, так и при осуществлении условно-рефлекторной деятельности, включая ее наиболее сложные проявления. Надо лишь помнить, что оценка вероятности удовлетворения потребности может происходить у человека не только на осознаваемом, но и на неосознаваемом уровне. Ярким примером неосознаваемого прогнозирования служит интуиция, где оценка приближения к цели или удаления от нее первоначально реализуется в виде эмоционального «предчувствия решения», побуждающего к логическому анализу ситуации, породившей эту эмоцию (Тихомиров, 1969).

Переключающая функция эмоций особенно ярко обнаруживается в процессе конкуренции мотивов, при выделении доминирующей потребности, которая становится вектором целенаправленного поведения. Так, в боевой обстановке борьба между естественным для человека инстинктом самосохранения и социальной потребностью следовать определенной этической норме переживается субъектом в форме борьбы между страхом и чувством долга, между страхом и стыдом. Зависимость эмоций не только от величины потребности, но и от вероятности ее удовлетворения чрезвычайно усложняет конкуренцию сосуществующих мотивов, в результате чего поведение нередко оказывается переориентированным на менее важную, но легко достижимую цель: «синица в руках» побеждает «журавля в небе». (...)

ПОДКРЕПЛЯЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ

Феномен подкрепления занимает центральное положение в системе понятий науки о высшей нервной деятельности, поскольку именно от факта подкрепления зависят образование, существование, угашение и особенности любого условного рефлекса. Под подкреплением «Павлов подразумевал действие биологически значимого раздражителя (пищи, вредоносного раздражителя и т. п.), которое придает сигнальное значение другому, сочетанному с ним несущественному в биологическом отношении раздражителю» (Асратян, 1971, с. 5). (...)

Необходимость вовлечения мозговых механизмов эмоций в процесс выработки условного рефлекса становится особенно демонстративной в случае инструментальных условных рефлексов, где подкрепление зависит от реакции субъекта на условный сигнал. Всесторонне проанализировав природу выработки инструментальных рефлексов, В. Вырвicka (Wyrgwicka, 1975) пришла к выводу о том, что непосредственным подкреплением в этом случае является не удовлетворение какой-либо потребности, но получение желательных (приятных, эмоционально положительных) или устранение нежелательных (неприятных) стимулов. В зависимости от их интенсивности, функционального состояния организма и характеристик внешней среды приятными могут оказаться самые разнообразные «индифферентные» раздражители — световые, звуковые, тактильные, про-

182

приоцептивные, запаховые и т. п. С другой стороны, животные нередко отказываются от жизненно необходимых ингредиентов пищи, если она невкусная. У крыс не удалось выработать инструментальный условный рефлекс при введении пищи через канюлю в желудок (т. е. минуя вкусовые рецепторы), хотя такой рефлекс вырабатывается при введении в желудок морфина, который очень быстро вызывает у животного положительное эмоциональное состояние. Тот же морфин благодаря его горькому вкусу перестает быть подкреплением, если его вводить через рот. (...)

Мы полагаем, что результаты этих опытов хорошо согласуются с данными Т. Н. Ониани (1975), который использовал прямое электрическое раздражение лимбических структур мозга в качестве подкрепления для выработки условного рефлекса. При сочетании внешнего стимула с раздражением структур мозга, вызывавшем у сытой кошки еду, питье, агрессию, ярость и страх, после 5—50 сочетаний удалось выработать только условную реакцию избегания, сопровождавшуюся страхом. Условных рефлексов еды и питья получить не удалось. (...)

С нашей точки зрения результаты этих опытов еще раз свидетельствуют о решающей роли эмоций при выработке условных рефлексов. Страх имеет выраженную аверсивность для животного и активно минимизируется им путем реакции избегания. Раздражение пищевых и питьевых систем мозга у накормленных и не испытывающих жажды животных вызывает стереотипные акты еды и питья без вовлечения нервных механизмов эмоций, что исключает выработку условных рефлексов. (...)

КОМПЕНСАТОРНАЯ (ЗАМЕЩАЮЩАЯ) ФУНКЦИЯ ЭМОЦИИ

Будучи активным состоянием системы специализированных мозговых структур, эмоции оказывают влияние на другие церебральные системы, регулирующие поведение, процессы восприятия внешних сигналов и извлечения энграмм этих сигналов из памяти, вегетативные функции организма. Именно в последнем случае особенно наглядно обнаруживается компенсаторное значение эмоций.

Дело в том, что при возникновении эмоционального напряжения объем вегетативных сдвигов (учащение сердцебиений, подъем кровяного давления, выброс в кровяное русло гормонов и т. д.), как правило, превышает реальные нужды организма. По-видимому, процесс естественного отбора закрепил целесообразность этой избыточной мобилизации ресурсов. В ситуации прагматической неопределенности (а именно она так характерна для возникновения эмоций), когда неизвестно, сколько и чего потребуется в ближайшие минуты, лучше пойти на излишние энергетические траты, чем в разгар напряженной деятельности — борьбы или бегства — остаться без достаточного обеспечения кислородом и метаболитическим «сырьем».

Но компенсаторная функция эмоций отнюдь не ограничивается гипермобилизацией вегетатики. Возникновение эмоционального напряжения сопровождается переходом к иным, чем в спокойном состоянии, формам поведения, принципам оценки внешних сигналов и реагирования на них. Физиологически суть этого перехода можно определить как возврат от тонко специализированных условных реакций к реагированию по принципу доминанты А. А. Ухтомского. В. П. Осипов неслучайно назвал «эмоциональной» именно первую стадию выработки условного рефлекса — стадию генерализации. (...)

Наиболее важная черта доминанты заключается в способности отвечать одной и той же реакцией на самый широкий круг внешних стимулов, в том числе на раздражители, впервые встретившиеся в жизни субъекта. Интересно, что онтогенез как бы повторяет динамику перехода от доминанты к условному рефлексу. Только что 'вылупившиеся цыплята начинают клевать любые контрастирующие с фоном предметы, соизмеримые с величиной их клюва. Постепенно они обучаются клевать только те, которые могут служить кормом. (...)

Если процесс упрочения условного рефлекса сопровождается уменьшением эмоционального напряжения и одновременно переходом от доминантного (генерализованного) реагирования к строго избирательным реакциям на условный сигнал, то возникновение эмоций ведет к вторичной генерализации. «Чем сильнее Становится потребность, — пишет Ж. Нюттен (1975, с. 89), — тем менее специфичен объект, вызывающий соответствующую реакцию». (...)

Наращение эмоционального напряжения, с одной стороны, расширяет диапазон извлекаемых из памяти энграмм, а, с другой стороны, снижает критерии «принятия решения» при сопоставлении этих энграмм с наличными стимулами. Так, голодный человек начинает воспринимать неопределенные стимулы в качестве ассоциирующихся с пищей. (...)

Совершенно очевидно, что предположительное доминантное реагирование целесообразно только в условиях прагматической неопределенности. При устранении этой неопределенности субъект может превратиться в «пуганую ворону, которая и куста боится». Вот почему эволюция сформировала механизм зависимости эмоционального напряжения и характерного для него типа реагирования от размеров дефицита прагматической информации, механизм элиминирования отрицательных эмоций по мере ликвидации информационного дефицита. Подчеркнем, что эмоция сама по себе не несет информации об окружающем мире, недостающая информация пополняется путем поискового поведения, совершенствования навыков, мобилизации хранящихся в памяти энграмм. Компенсаторное значение эмоций заключается в их *замещающей* роли.

Что касается положительных эмоций, то их компенсаторная функция реализуется через влияние на потребность, инициирующую поведение. В трудной ситуации с низкой вероятностью достижения цели даже небольшой успех (возрастание вероятности) порождает положительную эмоцию воодушевления, которая усиливает потребность достижения цели согласно правилу $P = \frac{E}{(I - I_p)}$, вытекающему из формулы эмоций.

184

В иных ситуациях положительные эмоции побуждают живые существа нарушать достигнутое «уравновешивание с окружающей средой». Стремясь к повторному переживанию положительных эмоций, живые системы вынуждены активно искать неудовлетворенные потребности и ситуацию неопределенности, где полученная информация могла бы превысить ранее имевшийся прогноз. Тем самым положительные эмоции компенсируют недостаток неудовлетворенных потребностей и прагматической неопределенности, способных привести к застою, к деградации, к остановке процесса самодвижения и саморазвития. (...)

ЛИТЕРАТУРА

Анохин П. К. Эмоции. — БМЭ, т. 35. М., 1964. Асратян Э. А. К физиологии подкрепления условного рефлекса. — Журн. высш.

нерв. деят., 1971, т. 21, вып. 1.

Нюттен Ж. Мотивация. — В. кн.: Экспериментальная психология, вып. 5. М., 1975. Ониани Т.Н.О возможности выработки условных рефлексов на базе эмоциональных реакций, вызванных электрическим раздражением лимбических структур. — Журн. высш. нервн. деят., 1975, т. 25, вып. 2. Павлов И. П. Полн. собр. соч., т. 3, кн. 1 и 2. М.—Л., 1951. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. М., 1973. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. Харкевич А. А. О ценности информации. — Проблемы кибернетики, 1960,

№ 4.

Wyrwicka W. The sensory nature of reward in instrumental behavior. — Pavlovian J. Biol. Sci., 1975, v. 10, № 1.

Бергсон (Bergson) Анри (18 октября 1859 — 4 января 1941) — французский философ-идеалист, представитель интуитивизма и экзистенциализма. С 1900 г. — профессор Коллеж де франс, с 1914 г. — член Французской академии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 г. Выступая против механицизма и догматичного рационализма, Бергсон утверждает в качестве подлинной и изначальной реальности жизнь, сущность которой может быть постигнута только с помощью интуиции, которая, будучи своеобразной симпатией, как бы непосредственно проникает в предмет, сливаясь с его индивидуальной природой. Жизнь, согласно А. Бергсону, имеет не пространственный, а временной характер. Это «качественное», «живое» время радикально отличается от того понятия механическо-физического времени, которое возникает в результате разложения интеллектом длительности. Интеллект способен понимать живое,

органическое, лишь превратив его в мертвое, механическое, ибо он, согласно А. Бергсону, имеет чисто практическое назначение — формировать и фабриковать неорганизованную материю. Особой, выработанной в обществе формой борьбы с косностью и бездушной механистичностью, пронизывающей все сферы психической и социальной жизни человека, являются некоторые виды искусства, в частности «комическое». В абсолютизации изменчивости А. Бергсон приходит к полному субъективизму. Учение А. Бергсона оказало значительное влияние на философию (прагматизм Джемса, персонализм, экзистенциализм, философия истории Тойнби), литературу (М. Пруст), искусство (импрессионизм в живописи и др.).

Сочинения: Собр. соч., т. 1—5 СПб., 1913—1914; Философская интуиция. — В кн.: Новые идеи в философии. сб. 1, 1912; Длительность и одновременность. Пб., 1923.

Л. Бергсон

СМЕХ'

Что означает смех? В чем сущность смешного? Что можно найти общего между гримасой клоуна, игрой слов, водевильным *qui pro quo*, сценой остроумной комедии? Какая дистилляция дает нам ту, всегда одинаковую, эссенцию, от которой столько разнообразных предметов заимствуют одни свой резкий запах, другие свое нежное благоухание? (...)

Мы выскажем сначала три замечания, которые считаем основными. Они относятся в сущности не столько к комическому, сколько к тому, где его следует искать.

Вот первый пункт, на который я считаю нужным обратить внимание. Не существует комического вне собственно *человеческого*. Пейзаж может быть красивым, привлекательным, величественным, неинтересным или безобразным, но он никогда не будет смешным. Если мы смеемся над животным, то это значит, что мы уловили у него свой-

' Бергсон А. Собр. соч., т. 5. СПб., 1914, с. 96—107.

186

ственную человеку позу или человеческое выражение. Если мы смеемся над шляпой, то наш смех вызывает не кусок фетра или соломы, а форма, которую ему придали люди, — человеческий каприз, который в ней воплотился. Я спрашиваю себя, как такой важный в своей простоте факт не привлек к себе большого внимания мыслителей? Некоторые из них определяли человека как «животное, умеющее смеяться». Они могли бы также определить его как животное, способное вызывать смех, потому что если какое-нибудь животное или какой-нибудь неодушевленный предмет вызывают наш смех, то это происходит всегда только благодаря их сходству с человеком, «благодаря печати, которую человек на них накладывает, или благо-• даря тому назначению, которое дает им человек.

Я хотел бы указать, далее, как на признак, не менее достойный внимания, на *нечувствительность*, сопровождающую обыкновенно смех. По-видимому, смешное может всколыхнуть только очень спокойную, совершенно гладкую поверхность души. Равнодушие — его естественная среда. У смеха нет более сильного врага, чем волнение. Я не хочу этим

сказать, что мы не могли бы смеяться над лицом, которое внушает нам жалость, например, или даже расположение;

но тогда надо на несколько мгновений забыть о расположении, заставить замолчать жалость. В обществе людей, живущих только умом, вероятно, не плакали бы, но, пожалуй, все-таки смеялись бы, тогда как души, неизменно чувствительные, настроенные в унисон с жизнью, в которых всякое событие находит отзвук, никогда не узнают и не поймут смеха. Попробуйте на минуту заинтересоваться всем тем, что говорится, и всем тем, что делается, действуйте, в своем воображении, с теми, которые действуют, чувствуйте с теми, которые чувствуют, дайте, наконец, вашей симпатии проявиться во всей ее полноте: как по мановению волшебного жезла, все предметы, даже самые незначительные, станут значительнее, и все вещи приобретут серьезный оттенок. Затем отойдите в сторону, посмотрите на жизнь как равнодушный зритель: много драм превратится в комедию. Достаточно заткнуть уши, чтобы не слышать музыки в зале, где танцуют, и танцующие тотчас же покажутся нам смешными. Сколько человеческих действий выдержало бы подобного рода испытание? И не превратились ли бы многие из них сразу *из* серьезных в смешные, если бы мы отделили их от той музыки чувств, которая служит для них аккомпанементом? Словом, смешное требует, таким образом, для полноты своего действия как бы кратковременной анестезии сердца. Оно обращается к чистому разуму.

Но разум, к которому оно обращается, должен непременно находиться в общении с разумом других людей. Таково третье обстоятельство, на которое я хотел обратить внимание. Смешное не может нравиться тому, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике. (...) Наш смех — это всегда смех той или иной группы. Вам, может быть, случалось, сидя в вагоне или за табльдотом², слышать, как путешественники рассказывают друг

² .Table d'hote (фр.) — общий стол в пансионатах, отелях. — *Прим. ред W*

другу истории, по-видимому, смешные, потому что они смеются от всей души. Вы смеялись бы так же, как и они, если бы принадлежали к их компании. Но не принадлежа к ней, вы не имели никакого желания смеяться. Один человек, которого спросили, почему он не плакал, слушая проповедь, на которой все проливали слезы, ответил:

«Я не этого прихода». Взгляд этого человека на слезы еще более применим к смеху. Как бы ни был смех искренен, он всегда скрывает заднюю мысль о соглашении, я скажу даже — почти о заговоре с другими смеющимися лицами, действительными или воображаемыми. Сколько раз указывалось на то, что смех среди зрителей в театре раздается тем громче, чем зал полнее. Сколько раз наблюдалось, с другой стороны, что многие комические эффекты совершенно непередаваемы с одного языка на другой, потому что они связаны тесно с нравами и понятиями данного общества. (...)

Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его естественную среду, каковой является общество, в особенности же необходимо установить полезную функцию смеха, каковая является функцией общественной. Такова будет — скажем это сейчас же — руководящая идея всех наших исследований. Смех должен отвечать известным требованиям общезнания. Смех должен иметь общественное значение.

Отметим теперь ту точку, в которой сходятся наши три предварительных замечания. Смешное возникает, по-видимому, тогда, когда люди, соединенные в группу, направляют все свое внимание на одного из своей среды, заглушая в себе чувствительность и давая волю только своему разуму. Каков же тот особый пункт, на который должно направиться их внимание? Какое применение найдет здесь ум? Ответить на эти вопросы — значит ближе подойти к нашей задаче. Но необходимо предварительно дать несколько примеров.

Человек, бегущий по улице, спотыкается и падает: прохожие смеются. Над ним, мне думается, не смеялись бы, если бы можно было предположить, что ему вдруг пришла фантазия сесть на землю. Смеются над тем, что он сел нечаянно. Следовательно, не внезапная перемена его положения вызывает смех, а то, что есть в этой перемене непроизвольного, т. е. неловкость. (...)

Или вот человек, занимающийся своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Он погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу — словом, или все у него выходит наоборот, или он действует в пустую — и все это благодаря инерции. Привычка приучила к известному движению. Следовало бы задержать это движение или направить его иначе. Но ничуть не бывало — движение машинально продолжается по прямой линии. Жертва шутки в рабочем кабинете оказывается в положении, сходном с положением

188

1 человека, который бежал и упал. Причина комизма здесь та же самая. И в том, и в другом случае смешной является *косность машины*, там, где хотелось бы видеть подвижность, внимание, живую гибкость человека. (...)

Представим себе человека, который думает всегда о том, что он уже сделал, и никогда о том, что он делает, — человека, напоминающего мелодию, отстающую от аккомпанемента. Представим себе человека, ум и чувства которого от рождения лишены гибкости, благодаря чему он продолжает видеть то, чего уже нет, слышать то, что уже не звучит, говорить то, что уже неуместно, — словом, применяться к положению, уже не существующему и воображаемому, когда надо было бы применяться к наличной действительности. Смешное будет тогда в самой личности; она сама доставит для этого все необходимое — содержание и форму, причину и повод. Удивительно ли, что тип *рассеянного* (как раз таков только что описанный нами человек) всегда вдохновлял художников-юмористов. (...)

Сделаем теперь еще шаг вперед. Не то же ли самое, что для ума навязчивая мысль, для характера — некоторые пороки? Есть ли порок природный дурной склад характера или изуродованная воля, он почти всегда влечет за собою искривление души. Существуют, без сомнения, пороки, в которые душа внедряется со всей своей оплодотворяющей мощью, оживляет их и увлекает в круговорот видоизменений. Это пороки трагические. Но порок, делающий нас смешными, это тот, который приходит к нам, наоборот, извне, как совершенно готовая рамка, в которую мы и помещаемся. Он навязывает нам свою косность, вместо того чтобы воспринять нашу гибкость. Мы не усложняем его, напротив, он упрощает нас. В этом, мне думается, заключается... сущность разницы между комедией и драмой. Драма, даже тогда, когда она изображает страсти или пороки общеизвестные, так глубоко воплощает их в человеческой личности, что их названия забываются, их основные характерные черты стираются, и мы думаем уже вовсе не о них, а о воспринявшей их личности. Вот почему названием драмы может быть почти исключительно имя собственное. Напротив, много комедий имеют названием имя нарицательное: *Скупой*, *Игрок* и т. п. Если бы я предложил вам представить себе пьесу, которую можно было бы назвать, например, «*Ревнивец*», то вам пришел бы на ум *Сганарель* или *Жорж Данден*, но не *Отелло*;

Ревнивец может быть только названием комедии. Дело здесь в том, что как бы ни был тесно соединен смешной порок с человеческой личностью, он тем не менее сохраняет свое независимое и несложное существование; он остается действующим лицом главным, невидимым и постоянно присутствующим, к которому привешены на сцене действующие лица из плоти и крови. Порой, забавляясь, он увлекает их за собой своей тяжестью, заставляя катиться вместе с собой по наклонной плоскости. Но чаще всего он обращается с ними, как с неодушевленными предметами, и играет ими, как марионетками. Присмотритесь поближе, и вы увидите, что искусство поэта-юмориста заключается в том, чтобы настолько близко познакомить нас с этим пороком, настолько ввести нас — зрителей — в самую его сущ-

ность, чтобы и мы в конце концов получили от него некоторые нити марионеток, которыми он играет. Тогда мы, в свою очередь, начинаем играть ими; этим отчасти и объясняется наше удовольствие. Следовательно, и здесь наш смех вызван чем-то автоматическим. И это, повторяю, автоматизм, очень близкий к простой рассеянности. Чтобы убедиться в этом, достаточно заметить, что комический персонаж обыкновенно смешон ровно настолько, насколько он не сознает себя таковым. Комическое *бессознательно*. (...)

Приостановим пока наш анализ. Переходя от падающего прохожего к доверчивому простаку, которого подводят, от мистификации к рассеянности, от рассеянности к экзальтации, ко всевозможным извращениям воли и характера, мы проследили, как все глубже и глубже внедряется комическое в человеческую личность, не переставая, однако, в самых утонченных своих проявлениях напоминать нам то, что мы подмечали в его самых грубых формах, — автоматизм и косность. Мы можем теперь составить себе первое, — правда, пока еще довольно отдаленное, смутное и неопределенное, — понятие о смешной стороне человеческой природы и об обычной роли смеха.

Жизнь и общество требуют от нас неустанного напряженного внимания, позволяющего вникать в каждое данное положение, а также известной гибкости тела и духа, которая позволяла бы нам приспособляться к этому положению. *Напряженность* и *эластичность* — вот две взаимно дополняющие друг друга силы, которые жизнь приводит в действие. Если их лишено тело, это приводит ко всякого рода несчастным случаям, уродствам, болезням. Если их лишен ум, это приводит ко всем степеням психического убожества, ко, всевозможным формам помешательства. Если, наконец, то же происходит с характером, то получается глубокая неприспособленность к общественной жизни, источник нищеты, иногда преступлений. Раз устранены эти недостатки, имеющие такое важное значение в нашем существовании (а они имеют тенденцию исчезать сами собой под влиянием того, что называется борьбой за существование), личность может жить и жить общей жизнью с другими. Но общество требует еще и другого. Для него недостаточно жить; оно хочет жить хорошо. Опасность для него заключается теперь в том, что каждый из нас, отдав свое внимание самой сущности жизни, может удовольствоваться этим и во всем остальном следовать автоматизму приобретенных привычек. Обществу угрожает также то, что составляющие его члены, вместо того чтобы стремиться ко все более и более совершенному равновесию между отдельными волями, которые должны все теснее и теснее сплавиваться между собой, удовольствуются соблюдением только основных условий этого равновесия; ему недостаточно раз навсегда установленного согласия между его членами, оно требует постоянных усилий ко взаимному приспособлению. Малейшая *косность* характера, ума и даже тела должна, следовательно, вызывать неодобрение общества как верный показатель деятельности замирающей, а также деятельности, стремящейся обособиться, отдалиться от общего центра, к которому общество тяготеет, одним словом — как показатель эксцентричности. Тем н.

190

менее общество не может пустить здесь в ход материальное принуждение, потому что оно не задето материально. Оно стоит перед чем-то, его беспокоящим, но это что-то лишь симптом, едва ли даже угроза, самое большее — только жест. Следовательно, и ответить на это оно сможет простым жестом. Смех должен быть чем-то в этом роде — видом *общественного жеста*. Боязнью, которую он порождает, он подавляет эксцентричность, возбуждает и принуждает к взаимодействию известные виды деятельности второстепенного порядка, рискующие обособиться и заглухнуть, сообщает, одним словом, гибкость всему тому, что может остаться от механической косности на поверхности социального тела. Смех не относится, следовательно, к области чистой эстетики, потому что он преследует (бессознательно и во многих частных случаях нарушая требования морали) полезную цель

общего совершенствования. В нем есть, однако, и нечто от эстетики, потому что смешное возникает как раз в тот момент, когда общество и личность, освободившись от забот о самосохранении, начинают относиться к самим себе как к произведениям искусства. Одним словом, если включить в особый круг те действия и наклонности, которые вносят замешательство в личную или общественную жизнь и карой за которые являются их же собственные естественные последствия, то вне этой сферы волнений и борьбы, в нейтральном поясе, где человек для человека служит просто зрелищем, остается известная косность тела, ума и характера, которую общество тоже хотело бы уничтожить, чтобы получить от своих членов возможно большую гибкость и возможно более высокую степень общности. Эта косность и есть смешное, и смех — кара за нее.

Остережемся, однако, принять эту формулу для определения смешного. Она подходит только для случаев простейших, теоретических, вполне законченных, в которых смешное свободно от всякой примеси. Мы не даем ее в качестве объяснения. Мы возьмем ее, если хотите, как лейтмотив, который послужит аккомпанементом для всех наших объяснений. Ее нужно будет всегда иметь в виду, но не слишком сосредоточивая на ней внимание: приблизительно так хороший фехтовальщик должен помнить об отдельных приемах фехтования и вместе с тем непрерывно наступать.

Жане (Janet) Пьер (30 мая 1859—24 февраля 1947) — французский психолог, психиатр и невропатолог. Отправляясь от работ французского врача Ж. Шарко, разработал оригинальную психологическую концепцию неврозов. В 20—30-е гг. сформулировал общепсихологическую теорию поведения, в отличие от бихевиоризма включив в систему психологии и сознание. Жане пытался провести исторический подход к психике человека, особо выделяя и анализируя собственно человеческие, социальные и культурные формы поведения. Эмоции (под которыми П. Жане имеет в виду, как правило, аффекты) рассматриваются как низшие неадаптивные формы поведения, возникающие тогда, когда высшие адаптивные формы оказываются невозможными. Эмоции призваны вместе с тем замаскировать

эту замену, создавая видимость разрешения трудной для субъекта ситуации и поэтому являются своеобразными компромиссными формами сознания. Взгляды П. Жане оказали значительное влияние на развитие французской психологии (Пиаже и др.), а также на формирование культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Сочинения: Неврозы и фиксированные идеи. Спб., 1903; Неврозы. М., 1911; Психический автоматизм. М., 1913; *revolution de la memoire et de la notion du temps*. P., 1928; *De L'angoisse a l'extase*, vol. 1—2. P., 1928; *Les debuts de l'intelligence*. P., 1935. Литература: Анцыферов а Л. И. Психологическая концепция Пьера Жане. — Вопросы психологии, 1969, № 5.

П. Жане

СТРАХ ДЕЙСТВИЯ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЛАНХОЛИЙ'

Для понимания действительной психологической природы эмоциональных переживаний необходим анализ более сложных отношений, характеризующих различные переживания и даже являющихся их основой, причем гораздо чаще, чем мы думаем. Одно из этих отношений, играющих весьма важную роль в нашей жизни, может быть названо «страхом действия», т. е. страхом перед действием. В наиболее типичной форме его можно наблюдать в течение кризисов меланхолической депрессии, длительных или преходящих. В преувеличенной и несколько нелепой форме они дают нам карикатурное изображение того, что мы в состоянии печали довольно часто испыты-

Janet P. Fear of action as an essential element in the sentiment of melancholia. — In: Reymert M. L. (ed.). *Feelings and emotions*. Worcester, 1928, pp. 297—309

192

ваем сами. Эти патологические переживания раскрывают перед нами истинную природу печали, а вместе с этим и те опасности, которые с ней связаны.

При разговоре с пациентом, находящимся во власти меланхолии, наблюдателя, даже неопытного, поражает один момент. Он состоит в том, что суждения и идеи, высказываемые пациентом по поводу окружающих вещей и обсуждаемых событий, всегда пессимистичны и связаны с предчувствием катастрофы.

На первоначальной стадии все люди и все окружающее теряют для такого пациента все свои приятные качества и все очарование. Ничто не является больше красивым или привлекательным. (...) Подобные переживания быстро развиваются, приводя к тому, что объекты становятся безобразными, фальшивыми, деформированными и грязными. «Дома все стало безобразным, низменным и гадким;

[все мрачно и печально]. Позвольте мне рассказать о переживаниях юного молодого человека во время довольно длительной автомобильной прогулки. Вначале он гордится своим умением водить авто-мобиль, любит пейзаж и приглашает к этому своих спутников; но вскоре он замолкает. Лицо его делается унылым, ибо пейзаж становится «безобразным» и, что самое главное, «траурным». «Как будто, — думает он, — мы все время едем по кладбищу, проезжая одно кладбище за другим».

Все события, о которых мы говорим с этими пациентами, оцениваются точно таким же образом, особенно если дело касается будущего. Будущие события воспринимаются как во всех отношениях ужасные; они приведут к жестоким, аморальным и святотатственным последствиям, принесут всем, кого мы любим, чудовищные страдания. «Нас будут грабить и убивать, если кто-то приедет меня навестить, то только для того, чтобы лишить меня положения в обществе, вырвать мои золотые зубы и выколоть глаза». (...)

Для изучения подобных фактов я выбрал два наиболее типичных примера, механизмы которых мы и обсудим. (1) Девушка 27 лет, фигурирующая в моих работах под именем Флоры. ... Она находится на отдыхе в санатории. Я хочу ее обрадовать и сообщаю, что жена ее брата, которую она очень любит, родила ребенка, и малыша собирается привезти к ней в гости, чтобы она смогла на него посмотреть и поцеловать его. «Не делайте этого, — отвечает она. — Автомобиль врежется на улице в деревья; моя мать, кормилица и ребенок разобьются. О, как это ужасно!» В другой раз я ее спрашиваю: «Не хотите ли увидеть вашу мать и сестру?» Она: «Мне будет страшно неприятно увидеть их в трауре». Я: «Но дамы вовсе не в трауре». Она: «Если они будут должны ко мне приехать, то мой отец и мой брат окажутся мертвыми, и тогда они приедут в трауре». Затем она весьма разумно добавляет: «Я не могу с этим ничего поделать; это какое-то катастрофическое восприятие, которое все соединяет в одну кучу.

13-Зак. 1355

””

Я потеряла точку опоры, все мне желают несчастья, мать меня пугает, и все кажется совсем мрачным. Мрачной выглядит улица, да и само солнце тоже выглядит мрачным». Столь же типичен и другой пример. (2) Даниэль, 40 лет, подыскивает для своей семьи загородный дом. Один из предлагаемых домов не вызвал у него чувства неудовольствия, и он решает его снять. Однако его ум тотчас же заполняет мысль о том, что он понял, почему этот дом его привлек: монументальная и довольно красивая входная дверь будет прекрасно смотреться над гробом его жены, когда она будет обита черным. В другой раз он колеблется идти домой, думая, что встретит на лестнице толпу носильщиков, готовых нести вниз гробики его детей. (...)

Создается впечатление, что подобные идеи относятся к внешним объектам и событиям, однако нам не следует поддаваться видимости. Они являются лишь следствием пессимистической установки субъекта. В их основе лежит фундаментальный объект, к которому эта установка относится в первую очередь, — сам пациент и его действия. (...) В глубине души пациенты обвиняют себя. Флора уверена, что она играет определенную роль в аварии автомобиля, поскольку она добавляет: «Если они поедут навестить другого человека, машина в дерево не врежется». Когда я предлагаю Даниэлю пойти вместо него и посмотреть, закончили ли гробовщики свою печальную работу и можно ли ему войти, он отвечает: «Это бесполезно. Если пойдете Вы, там не будет никаких гробов». Короче говоря, они принимают в этих катастрофах участие: их порождают собственные действия пациентов, а *в своих убеждениях они объективируют переживания, направленные на себя и свои действия*. Существенна во всех этих случаях именно пессимистическая оценка своего собственного действия.

Это положение нетрудно проверить. Пессимистические убеждения пациентов, как рассмотренных выше, так и тех, болезнь которых зашла не так далеко, не всегда относятся к внешним объектам, но могут непосредственно относиться к их действиям. (...) Один несчастный, бывший прекрасным музыкантом, бросает играть на скрипке, заявляя при этом: «Играя, я всякий раз чувствую, что раздражаю Бога». И добавляет: «Когда я вообще *что-то* (не важно что) делаю, то испытываю чувство, что действую вопреки священной воле Бога».

Это переживание святотатственного деяния может быть ослаблено, и действие кажется тогда просто жестоким и аморальным. Даниэль, например, купил своим детям игрушки, но не отдает их и месяцами оставляет пакеты с игрушками нераспечатанными. Он говорит: «Если я отдам детям эти игрушки, то заставлю их испытывать адские муки. С этими пакетами связана их судьба; открыв их, я тем самым подпишу их смертный приговор». Причем иногда этот несчастный человек испытывает подобное чувство по отношению ко всему, что он делает. (...)

Многим пациентам все их действия представляются преступными. Одна женщина утверждала, что, говоря о других людях или даже просто упоминая их имена, она предаёт этих людей, выдает их полиции или сталкивает в пучину несчастий. (...)

194

Рядом с преступными действиями нам следует расположить переживания неопрятности и непристойности. Они не так серьезны, но столь же значимы. Начиная двигаться или ч-ю-либо делать, многие пациенты, особенно девушки, испытывают чувство, будто они становятся грязными, причем каким-то неприличным образом.

Еще одним переживанием, которое может сопровождать всякое действие, является переживание совершения чего-то опасного или, особенно, чего-то неловкого. (...) «Разговаривая с другом, я заранее чувствую, что причиню ему боль, сказав какое-то слово. Как только слово слетает с моих губ, я чувствую, что соврал. Испытывая страсть, я чувствую, что что-то внутри меня остается холодным и оценивает эту страсть в качестве грязной. Дотрагиваясь до объекта, я заставляю его упасть на чью-то голову».

При этом всегда испытывается чувство совершения чего-то очень глупого и дурацкого, чувство, что ты выглядишь нелепым дураком и ведешь себя, как сумасшедший. (...)

Переживания эти не являются эпифеноменами, они составляют исходный пункт многих безумий и навязчивых идей и определяю! собой множество причудливых маний, которые — будь это всего лишь мания мытья рук или мания бесконечного возобновления действия — существенно затрудняют жизнь невротиков. Они являются, в частности, действительным источником рассмотренных выше пессимистических и катастрофических предвосхищений. Сообщая Флоре о визите ее матери с младенцем, я вызываю в ее воображении картину этого визита и тех действий, которые ей следует совершить, принимая родственников и лаская ребенка. Действия эти не могут не представляться ей ужасными. Даниэль должен выбрать загородный дом и подписать контракт. Эти акты для него являются ужасающими. Веря во что-либо, человек всегда готов к объективации, к наделению того, во что он верит, объективной реальностью. Если мы боимся отношения, которое нам следует продемонстрировать, принимая некоторое решение или во время определенного визита, то нас будет пугать решение или визит в целом. Поэтому такие пациенты говорят о внешних катастрофах, связанных с событиями, в которые вовлечены их действия.

Не будем чересчур суровыми по отношению к несчастным пациентам: их преувеличения являются карикатурными изображениями того, что мы сами довольно часто испытываем. Разве мы не сталкивались с людьми, которые, будучи должны нечто сделать, видят все в черном свете и ожидают печальных событий по той простой причине, что одна только мысль о том, что они должны совершить это действие, вызывает у них страх и внушает им отвращение? Убеждения, касающиеся внешних объектов и событий, представляют собой не более чем объективацию такого отношения к действию, а сами объекты и события фактически являются лишь частным выражением действия.

(...) Видеть какую-нибудь вещь ужасной и опасной — значит бояться этой вещи. А поскольку эти характеристики ей придают, в

13*

19\$

конечном итоге, собственные действия пациентов, следует сделать вывод, что *они боятся своих собственных действий*. Один из таких пациентов, Эмиль, все время повторял: «Я боюсь окружающего мира, и поэтому я боюсь действия. Инстинктивный страх перед действовани-ем, перед принятием решения меня парализует». Когда все видится нам в черном свете и кажется, что все обернется к худшему, дело заключается в том, что мы не чувствуем в себе достаточно сил для того, чтобы воздействовать на обстоятельства и заставить их обернуться благоприятным для нас образом. Когда же мы испытываем страх перед будущим, причина состоит в том, что мы боимся того, что должны сделать, т. е. боимся действия.

II

Для того чтобы понять страх действия, являющийся столь важным, рассмотрим вначале страх живого существа, будь то животное или человек, вызываемый каким-то объектом.

Объект, как известно, характеризуется тем, что мы собираемся с ним или по отношению к нему сделать. Он является, прежде всего, съедобным объектом, сексуальным объектом, объектом, с которым надо поговорить, которому следует дать приказания или о чем-то попросить. Природу объекта определяет именно действие, и мы опознаем объект (только?) тогда, когда начинаем выполнять характеризующее его действие — есть яблоко, например, или писать пером. Это действие может быть сокращено до минимума и проявляться в виде своеобразного эскиза действия, носящего название *желания*. Восприятие объекта всегда представляет собой не более чем характеризующее объект действие, приостановленное на начальной стадии. Любое понятие об объекте также включает в себе начало адекватного этому объекту действия. Но всякое действие требует выполнения одного существенного условия: необходимо, чтобы объект был в поле досягаемости наших органов чувств и конечностей. Для того чтобы съесть яблоко или писать пером, необходимо, чтобы яблоко оказалось у нас во рту, а перо — в руке. В основе действия, характеризующего объект, в основе использования объекта или его восприятия лежит дотрагивание до этого объекта, взятие его в руки, вследствие чего каждый объект вызывает тенденцию приближения.

Что же происходит в том случае, когда мы боимся некоторого объекта? Происходит радикальное изменение: характерное для данного объекта действие останавливается и полностью парализуется. Если яблоко, съесть которое мы хотели, пугает нас по той или иной причине, представляется гнилым, испорченным или отравленным, то мы перестаем его есть и даже хотеть, ибо желание яблока представляет собой начало акта еды, подавляемого в самом своем зародыше. (...)

Неотъемлемое условие для прекращения всякого действия с объектом и всех взаимоотношений с человеком состоит в его исчезно-

1»б

вении из зоны досягаемости наших органов чувств и наших действий, а наряду с этим — в нашей собственной недоступности его органам чувств. Это означает отсутствие данного объекта, его удаление от нас. *Присутствие* и *отсутствие* вообще представляют собой фундаментальные психологические явления, о которых психологи вспоминают пока довольно редко. (...)

В общем случае мы осуществляем удаление объекта путем особого поведения, обратного предыдущему. Вместо того чтобы приближаться к объекту, мы идем или бежим в противоположном ему направлении — это поведение бегства, весьма типичное для страха. В отдельных случаях удаление объекта может происходить посредством более специальных действий, являющихся точной противоположностью действий, которые побуждают нас совершить объект. Мы выплевываем яблоко, вместо того чтобы его съесть; вместо того чтобы что-то у человека попросить, сами даем ему это; вместо поглаживания собаки ударяем ее или даже убиваем, что снова является одним из вариантов бегства. Это неотъемлемые

установки страха — *прекратить характерное для объекта действие и осуществить обратный ему акт, убежать от объекта, вместо того чтобы к нему приблизиться.*

Каким же образом эти связанные со страхом установки начинают в случае страха действия относиться не к объектам, но к самим действиям? Этот момент редко понимается правильно. Прежде всего, в каждом случае страха действия имеет место прекращение действия. На факт существования у больных меланхолией задержки действия указывалось уже неоднократно, но едва ли его можно считать объясненным.

Из того, что действие становится невозможным, не следует, что оно исчезает; оно сдерживается самим пациентом, не желающим больше есть, гулять или говорить. В случае всевозможных фобий, представляющих собой более определенные и четко локализованные, чем меланхолия, варианты страха действия, пациент также прекращает работать, ходить, есть или говорить. Переставая выполнять определенное действие, он знает, какое именно действие он отказывается выполнять. Меланхолик, в отличие от этого, подавляет целое множество действий и, что еще более существенно, не может точно сказать, что это за действия. В этом подавлении действия мне хочется подчеркнуть одну существенную характеристику — оно относится не только ко всему действию в целом, но также к самому его началу, к легчайшему намеку на действие. И поскольку желание представляет собой не что иное, как начало действия, более или менее осложненное связанными с ним усилиями, рассматриваемые пациенты отказываются от своих желаний и подавляют их в той мере, в какой это оказывается в их власти. Невротик не только отказывается есть, но утверждает, что ему и не надо есть, так как у него нет аппетита и он не голоден. Пациент, страдающий от причудливой болезни, называемой эреутофобией, т. е. страхом покраснения в присутствии публики (являющимся патологическим преувеличением застенчивости), теряет всякое желание общаться с людьми. Случаями меланхолии и страха действия являются также и многие формы аскетизма.

14—Зак. 1355

Это подавление желания, о котором мы сейчас говорим, представляет собой весьма важный момент, ибо оно несет ответственность за тот факт, что наши пациенты не способны более представить себе какое бы то ни было удовлетворение или утешение за то, что будущее видится им в качестве сплошного мрака. «У меня нет больше иных желаний кроме тех, которые сразу же представляются преступными и отвратительными».

Страх перед объектом неизбежно влечет за собой определенную реакцию — реакцию удаления объекта путем его разрушения или посредством бегства. Можно ли убежать от действия, от движения наших собственных членов? В состоянии ли мы убежать от себя? Да, и к тому же в большей степени, чем это нам кажется. Во-первых, мы можем убежать физически; можем покинуть место, где нам следует совершить то или иное действие, и избегать людей, с которыми должны говорить. Так возникают всевозможные эскапады, необъяснимые бегства людей от своей семьи, из своего дома, города, когда направление бегства значения не имеет, а важно просто оказаться в другом месте. Существует даже явление, которое я называю бегством из ситуации: человек хочет во что бы то ни стало вырваться за пределы человеческого общества, порвать все связи и обязательства только для того, чтобы спастись от необходимости действий, которые он должен будет совершить в определенной ситуации. Существуют и иные способы избегания действия. В человеческом обществе огромное количество действий определяется не обстоятельствами, но другими людьми, требующими от нас этих действий и побуждающими к их совершению. Акт еды, например, побуждается человеком, приходящим нам сказать, что все уже готово, акт речи — людьми, задающими вопросы и приглашающими нас нечто сказать. Удобный способ уклониться от действия состоит в сопротивлении требованиям других людей — если мы никогда не подчиняемся приказаниям или приглашениям (которые представляют собой смягченную форму приказаний), то мы подавляем тем самым значительное количество действий. Это и происходит с пациентами, сопротивляющимися всякой просьбе. Меланхолики, ... пока их не просят ничего делать, могут лежать в своих креслах очень тихо, но как только вы скажете им, что пора завтракать, они тут же превратятся в чрезвычайно упрямых и неподатливых существ. Подобного рода негативизм... является симптомом, общим для всех случаев меланхолии и для всех депрессий, связанных со страхом действия.

Сопротивление приказаниям может многообразно осложняться. Многие из описанных мной пациентов не только сопротивляются предъявляемым им требованиям, но протестуют также против действий других людей или даже сопротивляются приказаниям, даваемым самим себе, что приводит к весьма причудливым случаям раздвоения личности.

Но с бегством от действия связана и еще более любопытная и интересная установка. Это феномен, который я предлагаю называть «инверсией действий и чувств». Вместо требуемого обстоятельства действия, совершить которое пациент вполне в состоянии, мы замеча-

196

ем в таких случаях элементы, а иногда и полное осуществление абсолютно противоположного акта. Швейцарский автор Ш. Бодуэн ... описывает в этой связи неопытного велосипедиста, поворачивающего как раз в направлении препятствия, которое он собирался объехать, а также испытывающего головокружение человека, который хочет идти прямо, а попадает в пропасть. К счастью, случаи действительного совершения обратных действий достаточно редки. Частыми же являются неоднократно мной описанные инверсии самого начала действия, т. е. инверсии желаний. Пациенты нередко повторяют: «Это нелепо, но я испытываю отвращение к тому, что люблю, и страстно люблю то, что ненавижу». Мать, которая хочет осторожно и ласково искупать ребенка, внезапно испытывает желание его ошпарить или утопить. (...) Необычные инверсии такого рода можно обнаружить (под разными наименованиями) во многих патологических симптомах, таких,

например, как амбивалентные чувства, чудовищные желания, сплавы любви и отвращения. (...)

Подобные факты демонстрируют нам как природу бегства от действия, добавляющегося в случаях страха действия к его сдерживанию, так и его значение,

Способен ли человек разобраться во всех этих разновидностях абсурдного поведения? Все же, если мы хотим попытаться их лечить или предотвращать, их необходимо понимать, хотя бы до некоторой степени. ... Подобные факты я изучаю сейчас в связи с «регуляцией действий», и это приводит, если только я не ошибаюсь, к наилучшему объяснению рассматриваемых переживаний. К этой сфере относится множество присущих всем людям реакций, которые, в определенных своих формах, совершенно нормальны. Я имею в виду действия отступления и удаления, объединяемые под именем реакций защиты.

К сожалению, психологи занимаются проблемой развития действия, его начала, протекания и завершения довольно мало. Особенно важным нам представляется понять окончание действия, ибо оно не происходит спонтанно. Патология демонстрирует нам немало случаев, когда действия продолжаются до бесконечности, несмотря на то, что становятся бесполезными и даже опасными. В случае нормального индивида окончание действия связано с реакциями внутренней регуляции. Одной из наиболее важных из них ... является реакция триумфа, которую я подробно рассматривал в своих последних работах. Эта реакция триумфа, относящаяся к удачному действию, к реальному или иллюзорному успеху, играет огромную роль в переживании радости. Однако предметом сегодняшнего- рассмотрения является не она. К страху действия приводит обратная ей реакция, которая характеризует неудачные действия. Это реакция прекращения действия. Она же создает переживание печали.

(...) Если действие оказалось не способно справиться с изменениями внешнего мира, к которым оно должно было нас приспособить, стоит ли продолжать его бесконечно? Конечно, нет; продолжение

14*

бесполезного действия позволит опасности продолжить свое существование, а с другой стороны, совершенно изнурит субъекта.. Необходимо сначала остановить это бесполезное действие, а затем направить силы, которые расходовались им вхолостую, в иное русло, т. е. совершить другое действие, которое приведет, возможно, к лучшему результату. Реакция остановки действия играет огромную роль; она представляет собой источник всех попыток, всех изменений и всего прогресса.

Изучая реакции, регулирующие действие, мы постоянно наталкиваемся на существенную психологическую трудность, состоящую в определении начального момента реакции. Почему действие прерывается в определенный момент реакцией остановки? Едва ли здесь следует говорить о фактическом препятствии или фактическом успехе. Это внешние по отношению к действию факторы, они с трудом поддаются оценке и оказывают свое влияние лишь косвенным образом, посредством вызываемых ими изменений действия. Мы должны признать, что протекание действия изменяется независимо от его внешних результатов, что в ходе его выполнения оно оказывается слишком легким или, наоборот, слишком трудным и что эти модификации действия определяют включение различных регулятивных реакций.

Как бы то ни было, связанные с меланхолией установки и особенно страх действия проявляются в виде реакций, прекращающих действие, замещающих его другим и, прежде всего, превращающих его в противоположное действие.

Наиболее поразительным здесь является то, что эти реакции прекращения действия у наших пациентов невероятно преувеличены. Мы сталкиваемся в этих случаях с непрекращающимся неуспехом, являющимся, кстати говоря, основой меланхолического бреда. Речь идет о мгновенном неуспехе, прерывающем действие в самом его начале, при восприятии малейшего повода, требующего действия.

Почему же происходит такое преувеличение реакции неуспеха?... Наиболее важна здесь первая причина: значительное ослабление психических сил и реакция на это ослабленное состояние.... Нам следует иметь в виду один очень важный момент, которому старая психология не уделяла должного внимания. Он заключается в том, что действия, в том числе и те, которые составляют нашу духовную жизнь, требуют больших затрат психических сил. (...) Вполне вероятно, что разные действия требуют различных затрат, что одни являются дорогостоящими в психологическом отношении, а другие экономичными. (...)

Понятно поэтому, что истощение и психическая бедность нарушают действие, делают его вялым, неровным и прерывистым.... При этом возбуждаются реакции регуляции действия, о которых говорилось выше, и прежде всего реакция неуспеха. Создается впечатление, что организм предугадывает, что действие, продвигающееся столь медленно, не приведет ни к чему хорошему, что оно слишком несовершенно для того, чтобы достичь своей цели, что оно встретится со слишком сильным сопротивлением и поэтому лучше всего сразу

200

счесть его неудачным. (...) Когда такое прекращение действия повторяется часто, оно становится страхом действия. "

Нетрудно доказать, что меланхолики с их пессимистическими идеями, являющиеся жертвами страха действия, психически слабы.

Акты, которые они способны совершить, весьма невелики, немногочисленны, медленны и несовершенны даже тогда, когда страх действия не мешает их протеканию. К тому же в этих пациентах мы можем заметить все физиологические признаки истощения... нервной системы.

В возникновении страха действия и инверсии чувств после осуществления относительно длительных действий можно удостовериться почти экспериментальным путем. Л. думает, что он раздражает бога и испытывает то, что он называет «отвратительной, безобразной, приводящей в замешательство усталостью», после того как он с наслаждением поиграл на скрипке. После чрезмерных светских / развлечений Софи кажется, что она идет по трупам своих родителей. Флора возвращается к своим катастрофам и начинает всех хоронить после

визита, который длится несколько дольше обычного. Молодой человек, пригласивший друзей на автомобильную прогулку, вначале очень горд и счастлив, затем он прекращает говорить и сосредоточивается на своем действии, наконец, его охватывает переживание «мрака». Его приходится уложить в постель, и в течение двух дней он находится в состоянии меланхолической депрессии. Это позволяет объяснить наблюдавшиеся у нескольких пациентов довольно любопытные особенности приступов болезни. Страх действия и связанные с ним страдания появлялись у них в конце усилия, когда можно было прекратить борьбу и начать отдыхать. В течение учебного года девочка чрезмерно работала в школе, а в начале каникул у нее появляются депрессия и страх действия. У другого они начинаются после экзамена, у третьего — вечером после рабочего дня, когда он ложится спать. На протяжении учебного года, перед экзаменом или в течение дня более или менее слабые силы поддерживаются огромным усилием воли. Когда же напряжение спадает и субъект расслабляется, истощение становится явным, все действия должны прекратиться, а реакция неуспеха в сопровождении страхов и печалей начинает свою работу. Примечательно также, что меланхолическая реакция может наблюдаться после сильной или продолжительной радости. (...) Это происходит потому, что радость связана со значительными затратами сил, вследствие чего она приносит с собой истощение и, таким образом, вызывает меланхолическую реакцию. (...)

Но какова бы ни была значимость действительного истощения сил, существенную роль в заболевании меланхолией всегда играют индивидуальные предрасположения. Люди, боящиеся действия, часто не знают, что значит сделать усилие, они сразу же прекращают борьбу. Это люди скупые и экономные не только в том, что касается их денег, но и по отношению к своим силам. Они склонны чрезмерно экономить и совершать минимальные из возможных действий. Это робкие люди, которые давно привыкли всего бояться. (...)

Мы можем наблюдать, как постепенно образуется эта эмоциональная реакция и как происходит, если можно так выразиться, воспитание меланхолии и страха действия. Похоже, что в результате нескольких последовательных приступов меланхолии пациенты в совершенстве обучаются ремеслу меланхолика. Их страх действия при переходе от первого приступа ко второму и третьему становится все более изощренным. В конце концов у них развивается страх перед жизнью, являющийся логическим завершением страха действия. Он сопровождается общим продолжительным состоянием печали, подавляет все действия, делает человека вялым и может приводить к в высшей степени абсурдным действиям и переживаниям.

Давайте же сделаем выводы. Мы рассмотрели страх действия у пациентов, демонстрирующих его в чрезмерной форме, но не следует забывать, что болезнь всего лишь преувеличивает явления, свойственные каждому. Истинная меланхолия, несомненно, является заболеванием, но ведь печаль, даже в ее простейших формах, в конечном счете идентична меланхолии и содержит тот же самый страх действия. Существуют семьи, и даже целые популяции, испытывающие время от времени периоды уныния, печали и отвращения от действий. Давайте же помнить о том, что такие приступы печали не следует культивировать и называть поэтичными. Печаль всегда является признаком слабости и в большинстве случаев привычки жить слабо. Исследования в области патологической психологии показывают нам порочность печали и одновременно с этим служат доказательством весьма важного факта — ценности радости и работы.

Фрейд (Freud) Зигмунд (6 мая 1856 — 23 сентября 1939) — австрийский врач и психолог, основоположник психоанализа. Профессор (с 1902) Венского университета. После присоединения Австрии к нацистской Германии был выслан и последние годы своей жизни жил в Лондоне. Можно выделить несколько периодов в развитии фрейдовского учения. Первый период (1890—1897), представленный совместной работой Фрейда с И. Брейером «Исследования истерии» (1895), связан с выработкой так называемого катартического метода в лечении истерии. Во второй период (1897—1914) Фрейд отказывается от применения гипноза и разрабатывает основной психоаналитический метод — метод свободных ассоциаций. В это же время формируются основные положения фрейдовского учения о бессознательном: понятие о сопротивлении и учение о вытеснении, представление об образовании симптомов и психологии сновидений, представления об основных типах влечений и стадиях их развития, понятие так называемого «эдипова комплекса» и т. д. Принципиальное значение приобретает анализ так называемого феномена перенесения. В третий период (после 1914 г.) происходят изменения и дополнения в учении о влечениях: вводится представление о двух основных влечениях — «Эросе» и «Танатосе» (влечение к смерти). Принимает окончательный вид представление об основных инстанциях личности:

«Я», «Оно» и «Сверх-Я». В это время у Фрейда все чаще встречаются философско-мифологические спекуляции, уже не опирающиеся на его клинический опыт. Фрейдовское учение в целом чрезвычайно неоднородно и глубоко противоречиво. Наряду с эвристичными ходами мысли оно содержит также и откровенно биологизаторские, редукционистские (особенно по отношению к сфере сознательной и духовной жизни человека) и иррационалистические тенденции. Сочинения: Лекции по введению в психоанализ, т. 1, 2. М., 1923; Методика и техника психоанализа. М., 1923;

Тотем и табу. М.—Пг, 1923; Психоанализ детских неврозов. М., 1923; Я и Оно. М.—Л., 1924; По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925; Страх. М., 1927.

Литература: Волошинов В. Н. Фрейдизм. М., 1927; Клеман К. Б., Брюно П., Эв Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976.

3. Фрейд

ПЕЧАЛЬ И МЕЛАНХОЛИЯ'

(...) Меланхолия, точное определение понятия которой не твердо и в описательной психиатрии, встречается в различных клинических формах, объединение которых в одну клиническую единицу не окончательно установлено; и из них одни скорее похожи на соматические

'Ф р е и д З. Основные психологические теории в психоанализе. М.—Пг., 1923, с. 174—186.

заболевания, другие — на психогенные. Кроме впечатлений, доступных всякому наблюдателю, наш материал ограничивается небольшим количеством случаев, психогенная природа которых не подлежала никакому сомнению. Поэтому мы наперед отказываемся от всяких притязаний на то, чтобы наши выводы относились бы ко всем случаям, и утешаем себя соображением, что при помощи наших настоящих методов исследования мы едва ли можем что-нибудь найти, что не было бы *типичным*, если не для целого класса заболеваний, то по крайней мере для небольшой группы.

Сопоставление меланхолии и печали оправдывается общей картиной обоих состояний. ... Также совпадают и поводы к обоим заболеваниям, сводящиеся к влияниям жизненных условий в тех случаях, где удастся установить эти поводы. Печаль является всегда реакцией на потерю любимого человека или заменившего его отвлеченного понятия, как отечество, свобода, идеал и т. п. Под таким же влиянием у некоторых лиц вместо печали наступает меланхолия, отчего мы подозреваем их в болезненном предрасположении. Весьма замечательно также, что нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и предоставить ее врачу для лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Меланхолия в психическом отношении отличается глубокой страдальческой удрученностью, исчезновением интереса к внешнему миру, потерей способности любить, задержкой всякой деятельности и понижением самочувствия, выражающимся в упреках и оскорблениях по собственному адресу и нарастающим до бреда ожидания наказания. Эта картина становится нам понятной, если мы принимаем во внимание, что теми же признаками отличается и печаль, за исключением только одного признака: при ней нет нарушения самочувствия. Во всем остальном картина та же. Тяжелая печаль — реакция на потерю любимого человека — отличается таким же страдальческим настроением, потерей интереса к внешнему миру, поскольку он не напоминает умершего, — потерей способности выбрать какой-нибудь новый объект любви, что значило бы заменить оплакиваемого, отказом от всякой деятельности, не имеющей отношения к памяти умершего. Мы легко понимаем, что эта задержка и ограничение «я» являются выражением исключительной погруженности в печаль, при которой не остается никаких интересов и никаких намерений для чего-нибудь иного. Собственно говоря, такое поведение не кажется нам патологическим только потому, что мы умеем его хорошо объяснить.

Мы принимаем также сравнение, называющее настроение печали страдальческим. Нам ясна станет правильность этого, если мы будем в состоянии экономически охарактеризовать это страдание.

В чем же состоит работа, продельваемая печалью? Я полагаю, что не будет никакой натяжки в том, если изобразить ее следующим образом: исследование реальности показало, что любимого объекта

больше не существует, и реальность подсказывает требование отнять все либидо, связанные с этим объектом. Против этого поднимается вполне понятное сопротивление, — вообще нужно принять во внимание, что человек нелегко оставляет позиции либидо даже в том случае, когда ему предвидится замена. Это сопротивление может быть настолько сильным, что наступает отход от реальности и объект удерживается посредством галлюцинационного психоза, воплощающего желание... . При нормальных условиях победу одерживает уважение к реальности, но требование ее не может быть немедленно исполнено. Оно приводится в исполнение частично, при большой трате времени и энергии, а до того утраченный объект продолжает существовать психически. Каждое из воспоминаний и иждиваний, в которых либидо было связано с объектом, приостанавливается, приобретает повышенную активную

силу, и на нем совершается освобождение либидо. Очень трудно указать и экономически обосновать, почему эта компромиссная работа требования реальности, проведенная на всех этих отдельных воспоминаниях и ожиданиях, сопровождается такой исключительной душевной болью. Замечательно, что эта боль кажется нам сама собою понятной. Фактически же по окончании этой работы печали «я» становится опять свободным и освобожденным от задержек.

Применим теперь к меланхолии то, что мы узнали о печали. В целом ряде случаев совершенно очевидно, что и она может быть реакцией на потерю любимого человека. При других поводах можно установить, что имела место более идеальная по своей природе потеря. Объект не умер реально, но утерян как объект любви (например, случай оставленной невесты). Еще в других случаях можно думать, что предположение о такой потере вполне правильно, но нельзя точно установить, что именно было потеряно, и тем более можно предполагать, что и сам больной не может ясно понять, что именно он потерял. Этот случай может иметь место и тогда, когда больному известна потеря, вызвавшая меланхолию, так как он знает, *кого* он лишился, но не знает, *что* в нем потерял. Таким образом, нам кажется естественным привести меланхолию в связь с потерей объекта, каким-то образом недоступной сознанию, в отличие от печали, при которой в потере нет ничего бессознательного.

При печали мы нашли, что задержка и отсутствие интереса всецело объясняются работой печали, полностью захватившей «я». Подобная же внутренняя работа явится следствием неизвестной потери при меланхолии, и потому она виновна в меланхолической задержке (Hemmung). Дело только в том, что меланхолическая задержка производит на нас непонятное впечатление, потому что мы не можем видеть, что именно так захватило всецело больных. Меланхолик показывает нам еще одну особенность, которой нет при печали, — необыкновенное понижение своего самочувствия, огромное обеднение «я». При печали обеднел и опустел мир, при меланхолии — само «я». Больной рисует нам свое «я» недостойным, ни к чему негодным, заслуживающим морального осуждения, — он делает себе упрёки, бранит себя и ждет отвержения и наказания. Он унижает

себя перед каждым человеком, жалеет каждого из своих близких что тот связан с такой недостойной личностью. У него нет представления о происшедшей с ним перемене, и он распространяет свою самокритику и на прошлое; он утверждает, что никогда не был лучше. Эта картина преимущественно морального бреда преуменьшения дополняется бессонницей, отказом от пищи и в психологическом отношении очень замечательным преодолением влечения, которое заставляет все живущее цепляться за жизнь.

Как в научном, так и в терапевтическом отношении было бы одинаково бесцельно возражать больному, возводящему против своего «я» такие обвинения. В каком-нибудь отношении он должен быть прав, рассказывая нечто, что соответствует его представлению. Некоторые из его указаний мы должны немедленно подтвердить без всяких ограничений. Ему действительно так чужды все интересы, он так неспособен любить и работать, как утверждает. Но, как мы знаем, это вторичное явление, следствие внутренней, неизвестной нам работы, похожей на работу печали, поглощающей его «я». В некоторых других самообвинениях он нам также кажется правым, оценивающим настоящее положение, только несколько более резко, чем другие немеланхолики. Если он в повышенной самокритике изображает себя мелочным, эгоистичным, неискренним, несамостоятельным человеком, всегда стремившимся только к тому, чтобы скрывать свои слабости, то он, пожалуй, насколько нам известно, довольно близко подошел к самопознанию, и мы только спрашиваем себя, почему нужно сперва заболеть, чтобы понять такую истину. Потому что не подлежит никакому сомнению, что тот, кто дошел до такой самооценки и выражает ее перед другими — оценки принца Гамлета для себя и для всех других..., — тот болен, независимо от того, говорит ли он правду или более или менее несправедлив к себе. Нетрудно также заметить, что между величиной самоунижения и его реальным оправданием нет никакого соответствия. Славная, дельная и верная до сих пор женщина в припадке меланхолии буцет осуждать себя не меньше, чем действительно ничего не стоящая. И может быть, у первой больше шансов заболеть меланхолией, чем у второй, о которой мы не могли бы сказать ничего хорошего. Наконец, нам должно броситься в глаза, что меланхолик ведет себя не совсем уж так, как нормально подавленный раскаянием и самоупреками. У меланхолика нет стыда перед другими, более всего характерного для такого состояния, или стыд не так уж резко проявляется. У меланхолика можно, пожалуй, подчеркнуть состояние навязчивой общительности, находящей удовлетворение в самообнажении.

Таким образом, неважно, настолько ли прав меланхолик в своем мучительном самоунижении, что его самокритика совпадает с суждением о нем других. Важнее то, что он правильно описывает свое психологическое состояние. Он потерял самоуважение, и конечно, у него имеется для этого основание; во всяком случае тут перед нами противоречие, ставящее перед нами трудноразрешимую загадку. П-Л ^нлогии с печалью, мы должны придти к заклю-

206
чению, что он утратил объект; из его слов вытекает, что его потеря касается его собственного «я».

Раньше, чем заняться этим противоречием, остановимся на момент на том, что открывается нам благодаря заболеванию меланхолика в конституции человеческого «я». Мы видим у него, как одна часть «я» противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом. Все дальнейшие наблюдения подтверждают возникающие у нас предположения, что отщепленная от «я» критическая инстанция проявит свою самостоятельность и при других обстоятельствах. Мы найдем действительно достаточно основания отделить эту инстанцию от остального «я». То, с чем мы тут встречаемся, представляет собой инстанцию, обыкновенно называемую *совестью*. Вместе с цензурой сознания и исследованием реальности мы причислим ее к важнейшим образованиям (Institutionen) и как-нибудь найдем доказательства тому, что эта инстанция

может заболеть сама по себе. В картине болезни меланхолика выступает на первый план в сравнении с другими жалобами нравственное недовольство собой; физическая немощь, уродство, слабость, социальная малоценность гораздо реже являются предметом самооценки; только обеднение занимает преимущественное положение среди опасений и утверждений больного.

Объяснение указанному выше противоречию дает наблюдение, которое нетрудно сделать. Если терпеливо выслушать разнообразные самообвинения меланхолика, то нельзя не поддаться впечатлению, что самые тяжелые упреки часто очень мало подходят к собственной личности больного, но при некоторых незначительных изменениях легко применимы к какому-нибудь другому лицу, которое больной любил, любит или должен был любить. Сколько раз ни проверять положение дела — это предположение всегда подтверждается. Таким образом получаешь в руки ключ к пониманию картины болезни, открыв в самоупреках упреки по адресу любимого объекта, перенесенные с него на собственное «я».

Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности, в каком бы смысле это ни понималось. Нечего удивляться тому, что среди обращенных на себя мнимых самоупреков вплетены некоторые настоящие; они получили возможность выступить на первый план, так как помогают прикрыть другие и способствуют искажению истинного положения вещей: они вытекают из борьбы за и против любви, поведшей к утрате любви. Теперь гораздо понятнее становится и поведение больных. Их *Жалобы*, представляют из себя *обвинения* (Anklagen) в прежнем смысле этого слова; они не стыдятся и не скрываются, потому что все то унижительное, что они о себе говорят, говорится о других; они далеки от того, чтобы проявить по отношению к окружающим покорность и смирение, которые соответствовали бы таким недостойным лицам, как они сами;

они, наоборот, в высшей степени сварливы, всегда как бы обижены, как будто по отношению к ним сделана большая несправедливость. Это все возможно ^--"IUMV, что реакции их поведения исходят

еще из душевной направленности возмущения, переведенного посредством особого процесса в меланхолическую подавленность.

Далее не представляется трудным реконструировать этот процесс. Сначала имел место выбор объекта, привязанность либидо к определенному лицу; под влиянием *реального огорчения или разочарования* со стороны любимого лица наступило потрясение этой привязанности к объекту. Следствием этого было не нормальное отнятие либидо от этого объекта и перенесение его на новый, а другой процесс, для появления которого, по-видимому, необходимы многие условия. Привязанность к объекту оказалась малоустойчивой, она была уничтожена, но свободное либидо не было перенесено на другой объект, а возвращено к «я». Однако здесь оно не нашло какого-нибудь применения, а послужило только к *идентификации (отождествлению)* «я» с оставленным объектом. Тень объекта пала таким образом на «я», которое в этом случае рассматривается упомянутой особенной инстанцией так же, как оставленный объект. Таким образом, потеря объекта превратилась в потерю «я», и конфликт между «я» и любимым лицом превратился в столкновение между критикой «я» и самим измененным, благодаря отождествлению, «я».

Кое-что из предпосылок и результатов такого процесса можно непосредственно угадать. С одной стороны, должна была иметь место сильная фиксация на любимом объекте, а с другой стороны — в противоречие с этим, небольшая устойчивость привязанности к объекту. Это противоречие, по верному замечанию О. Ранка, по-видимому, требует, чтобы выбор объекта был сделан на нарцисстической основе, так что в случае, если возникают препятствия привязанности к объекту, эта привязанность регрессирует к нарцизму. Нарцисстическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, а это имеет следствием то, что, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана. Такая замена любви к объекту идентификацией образует значительный механизм в нарцисстических заболеваниях. (...)

Меланхолия берет, таким образом, часть своих признаков у печали, а другую часть у процесса регрессии с нарцисстического выбора объекта. С одной стороны, меланхолия, как и печаль, является реакцией на реальную потерю объекта любви, но, кроме того, она связана еще условием, отсутствующим при нормальной печали или превращающим ее в патологическую в тех случаях, где присоединяется это условие. Потеря объекта любви представляет собой великолепный повод, чтобы пробудить и проявить амбивалентность любовных отношений. Там, где имеется предрасположение к невротам навязчивости, амбивалентный конфликт придает печали патологический характер и заставляет ее проявиться в форме самоупреков в том, что сам виновен в потере любимого объекта, т. е. сам хотел ее. В таких депрессиях при навязчивых невротизмах после смерти любимого лица перед нами раскрывается то, что совершает амбивалентный конфликт сам по себе, если при этом не принимает участия регрессивное отнятие либидо. Поводы к заболеванию меланхолией большей частью не ограничиваются ясным случаем потери

208

вследствие смерти и охватывают все положения огорчения, обиды и разочарования, благодаря которым в отношения втягивается противоположность любви и ненависти или усиливается существующая амбивалентность. Этот амбивалентный конфликт, иногда более реального, иногда более конституционного происхождения, всегда заслуживает внимания среди причин меланхолии. Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказываются, нашла себе выход в нарцисстическом отождествлении, то по отношению к этому объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, вследствие которой этот новый объект оскорбляется, унижается и ему причиняется страдание, и благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение. (...)

Только этот садизм разрешает загадку склонности к самоубийству, которая делает меланхолию такой интересной и такой опасной. В первичном состоянии, из которого исходит жизнь влечений, мы открыли такую огромную самовлюбленность «я» в страхе, возникающем при угрожающей жизни опасности; мы видим освобождение такого громадного нарцисстического количества либидо, что мы не понимаем, как это «я» может пойти на самоуничтожение. Хотя мы уж давно знали, что ни один невротик не испытывает стремления к самоубийству, не исходя из импульса убить другого, обращенного на самого себя. Но все же оставалось непонятным, благодаря игре каких сил такое намерение может превратиться в поступок. Теперь анализ меланхолии показывает нам, что «я» может /себя убить только тогда, если благодаря обращению привязанности к объектам на себя, оно относится к себе самому как к объекту; если оно может направить против себя враждебность, относящуюся к объекту и заменяющую первоначальную реакцию «я», к объектам внешнего мира... . Таким образом, при регрессии от нарцисстического выбора объекта этот объект, хотя и был устранен, он все же оказался могущественнее, чем само «я». В двух противоположных положениях крайней влюбленности и самоубийства объект совсем одолевает «я», хотя и совершенно различными путями. (...)

Меланхолия ставит нас еще перед другими вопросами, ответ на которые нам отчасти неизвестен. В том, что через некоторый промежуток времени она проходит, не оставив явных, грубых изменений, она сходится с печалью. В случае печали мы нашли объяснение, что с течением времени лицо, погруженное в печаль, вынуждено подчиниться необходимости подробного рассмотрения своих отношений к реальности, и после этой работы «я» освобождает либидо от своего объекта. Мы можем себе представить, что «я» во время меланхолии занято такой же работой; здесь, как и в том случае, у нас нет понимания процесса с экономической точки зрения. Бессонница при меланхолии показывает неподатливость этого состояния, невозможность осуществить необходимое для погружения в сон прекращение всех интересов. Меланхолический комплекс действует, как открытая рана, привлекает к себе энергию всех привязанностей... и опустошает «я» до полного обеднения. Он легко может

устоять против желания спать у «я». В регулярно наступающем ^ вечеру облегчении состояния проявляется, вероятно, соматический момент, недопускающий объяснения его психогенными мотивами. В связи с этим возникает вопрос, не достаточно ли потери «я» относительно к объекту (чисто нарцисстическое огорчение «я»), чтобы вызвать картину меланхолии, не могут ли некоторые формы этой болезни быть вызваны непосредственно токсическим обеднением «я» либидо. Самая замечательная и больше всего нуждающаяся в объяснении особенность меланхолии — это ее склонность превращаться в симптоматически противоположное состояние мании. Как известно, не всякая меланхолия подвержена этой участи. Некоторые случаи протекают периодическими рецидивами, а в интервалах или не замечается никакой мании, или только самая незначительная маниакальная окраска. В других случаях наблюдается та правильная смена меланхолических и маниакальных фаз, которая нашла свое выражение в установлении циклической формы помешательства. Является искушение видеть в этих случаях исключения, не допускающие психогенного понимания болезни, если бы психоаналитическая работа не привела именно в большинстве этих заболеваний к психологическому разъяснению болезни и терапевтическому успеху. Поэтому не только допустимо, но даже необходимо распространить психоаналитическое объяснение меланхолии также и на манию.

Я не могу обещать, что такая попытка окажется вполне удовлетворительной. Пока она не идет дальше возможности первой ориентировки. Здесь у нас имеются два исходных пункта: первый — психоаналитическое впечатление, второй — можно прямо сказать — вообще опыт экономического подхода. Впечатление, полученное уже многими психоаналитическими исследователями, состоит в том, что мания имеет то же содержание, что и меланхолия, что обе болезни борются с тем же самым «комплексом», который в меланхолии одержал победу над «я», между тем как в мании «я» одолело этот комплекс или отодвинуло его на задний план. Второй пункт представляет собой тот факт, что все состояния радости, ликования, триумфа, являющиеся нормальным прообразом мании, вызываются в экономическом отношении теми же причинами. Тут дело идет о таком влиянии, благодаря которому большая, долго поддерживаемая или ставшая привычной трата психической энергии становится в конце концов излишней, благодаря чему ей можно дать самое разнообразное применение, и открываются различные возможности ее израсходования: например, если какой-нибудь бедняк, выиграв большую сумму денег, вдруг освобождается от забот о насущном хлебе, если долгая мучительная борьба в конце концов увенчивается успехом, если оказываешься в состоянии освободиться от давящего принуждения или прекратить долго длящееся притворство и т. п. Все такие положения отличаются повышенным настроением, признаками радостного аффекта и повышенной готовностью ко всевозможным действиям, совсем как при мании, и в полной противоположности к депрессии и задержке при меланхолии. Можно иметь смелость сказать, что мания представляет из себя не что иное, как подобный

210

„триумф; но только от «я» опять-таки скрыто, что оно одолело и над чем празднует победу. Таким же образом можно объяснить и относящееся к этому же разряду состояний алкогольное опьянение, поскольку оно радостного характера. При нем, вероятно, дело идет о прекращении траты энергии на вытеснение, достигнутое токсическим путем. Ходячее мнение утверждает, что в таком маниакальном состоянии духа становишься потому таким подвижным и предприимчивым, что появляется «хорошее» настроение. От этого ложного соединения придется отказаться. В душевной жизни осуществилось вышеупомянутое экономическое условие, и потому появляется, с одной стороны, такое радостное настроение, а с другой — такое отсутствие задержек в действии.

Если мы соединим оба наметившихся тут объяснения, то получим:

в мании «я» преодолело потерю объекта (или печаль из-за потери, или, может быть, самый объект), и теперь оно располагает всей суммой противодействующей силы, которую мучительное страдание меланхолии отняло от «я» и сковало. Маниакальный больной показывает нам совершенно явно свое освобождение от объекта, из-за которого страдал, тем, что с жадностью очень голодного набрасывается на новые привязанности к объектам. (...)

Линдеманн (Lindemann) **Эрих** (род. 2 мая 1900) — немецко-американский психиатр, профессор психиатрии Гарвардской медицинской школы (с 1954), Станфордского медицинского центра (с 1965). Родился и образование получил в Германии. С 1927 г. живет и работает в США. Представитель так называемой «социальной психиатрии». Основные исследования Э. Линдемманна касаются проблем психологии и психопатологии восприятия, психофармакологии, межличностной коммуникации, а также практики и теории психотерапии и психоанализа.

Сочинения: The relation of drug induced mental changes to psychoanalytic theory. Bull. WHO, 1959, v. 21; Die Fieldstudien in der vorbeugenden Psychiatric. — Psychother, 1960, v. 5; Die sociale Organization der menschlichen Lebewesen. — Prax. Psychother, 1961 v. 6.

Э. Линдеманн

КЛИНИКА ОСТРОГО ГОРЯ

Основные положения настоящей работы состоят в следующем:

1. Острое горе—это определенный синдром с психологической и соматической симптоматикой.
2. Этот синдром может возникать сразу же после кризиса, он может быть отсроченным, может явным образом не проявляться или, наоборот, проявляться в чрезмерно подчеркнутом виде.
3. Вместо типичного синдрома могут наблюдаться искаженные картины, каждая из которых представляет какой-нибудь особый аспект синдрома горя.
4. Эти искаженные картины соответствующими методами могут быть трансформированы в нормальную реакцию горя, сопровождающуюся разрешением.

Мы наблюдали 101 пациента, среди которых были (1) невротики, утратившие родственника в период лечения, (2) родственники пациентов, умерших в клинике, (3) жертвы стихийного бедствия (лесного пожара), потерявшие близких, (4) родственники военнослужащих. (...)

Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief. — Amer

Journ of psychiatry, 1944, v 101. N 2

212

Симптоматология нормального горя

Картина острого горя очень схожа у разных людей. Общим для всех является следующий синдром: периодические приступы физического страдания, длящиеся от двадцати минут до одного часа, спазмы в горле, припадки удушья с учащенным дыханием, постоянная потребность вздохнуть, чувство пустоты в животе, потеря мышечной силы и интенсивное субъективное страдание, описываемое как напряжение или душевная боль. Больные вскоре замечают, что очередной приступ наступает раньше обычного, если их кто-нибудь навещает, если им напоминают об умершем или выражают сочувствие. У них наблюдается стремление любой ценой избавиться от синдрома, поэтому они отказываются от контактов, которые могут ускорить очередной приступ, и стараются избежать любых напоминаний об умершем.

Наиболее выраженные черты: (1) постоянные вздохи; это нарушение дыхания особенно заметно, когда больной говорит о своем горе; (2) общие для всех больных жалобы на потерю силы и истощение: «почти невозможно подняться по лестнице», «все, что я поднимаю, кажется таким тяжелым», «от малейших усилий я чувствую полное изнеможение»...; (3) отсутствие аппетита.

Наблюдаются некоторые изменения сознания. Общим является легкое чувство нереальности, ощущение увеличения эмоциональной дистанции, отделяющей пациента от других людей (иногда они выглядят призрачно или кажутся маленькими), и сильная поглощенность образом умершего. Одному пациенту казалось, что он видит свою погибшую дочь, которая зовет его из телефонной будки. Он был так захвачен этой сценой, что перестал замечать окружающее, особенно же на него подействовала та ясность и отчетливость, с которой он

услышал свое имя. (...) Некоторых пациентов очень тревожат подобные проявления их реакции горя: им кажется, что они начинают сходить с ума.

Многих пациентов охватывает чувство вины. Человек, которого постигла утрата, пытается отыскать в событиях, предшествовавших смерти, доказательства того, что он не сделал для умершего всего, что мог. Он обвиняет себя в невнимательности и преувеличивает значение своих малейших оплошностей. (...)

Кроме того, у человека, потерявшего близкого, часто наблюдается утрата теплоты в отношениях с другими людьми, тенденция разговаривать с ними с раздражением и злостью, желание, чтобы его вообще не беспокоили, причем все это сохраняется, несмотря на усиленные старания друзей и родных поддержать с ним дружеские отношения.

Эти чувства враждебности, удивительные и необъяснимые для самих пациентов, очень беспокоят их и принимаются за признаки наступающего сумасшествия. Пациенты пытаются сдерживать свою враждебность, и в результате у них часто вырабатывается искусственная, натянутая манера общения.

Переживания. Жертвы лесного пожара во время первых бесед с Психиатром были очень напряжены; они не могли расслабить закрепощенные мышцы лица, боясь, что иначе они «просто не выдержат». Пациенты должны принять необходимость переживания горя, и только тогда они будут способны смириться с болью тяжелой утраты. Иногда они проявляют враждебное отношение к психиатру, не желая ничего слышать об умершем и довольно грубо обрывая вопросы. (...) Но в конечном итоге они решаются принять процесс горя и отдаются воспоминаниям об умершем. После этого наблюдается быстрый спад напряжения, встречи с психиатром превращаются в довольно оживленные беседы, в которых образ умершего идеализируется и происходит переоценка опасений относительно будущего приспособления.

Болезненные реакции горя

Болезненные реакции горя являются искажениями нормального горя. Трансформируясь в нормальные реакции, они находят свое разрешение.

а) *Отсрочка реакции.* (...) Если тяжелая утрата застает человека во время решения каких-то очень важных проблем или если это необходимо для моральной поддержки других, он может почти или совсем не обнаружить своего горя в течение недели и даже значительно дольше.

Иногда эта отсрочка может длиться годы, о чем свидетельствуют случаи, когда пациентов, недавно перенесших тяжелую утрату, охватывает горе о людях, умерших много лет назад. 38-летняя женщина, у которой только что умерла мать и которая очень болезненно отреагировала на эту утрату, как оказалось, лишь в небольшой степени была сосредоточена на смерти матери; она была поглощена мучительными фантазиями, связанными со смертью ее брата, трагически погибшего двадцать лет назад. (...)

б) *Искаженные реакции.* Отсроченные реакции могут начаться после некоторого интервала, во время которого не отмечается никакого аномального поведения или страдания, но в котором развиваются определенные изменения поведения пациента, обычно не столь серьезные, чтобы служить поводом для обращения к психиатру. Эти изменения могут рассматриваться как поверхностные проявления неразрешившейся реакции горя. Можно выделить следующие виды таких изменений: (1) *повышенная активность без чувства утраты*, а скорее с ощущением хорошего самочувствия и вкуса к жизни;

предпринимаемая пациентом деятельность носит экспансивный и авантюрный характер, приближаясь по виду к занятиям, которым в свое время посвящал себя умерший; (2) *появление у пациента симптомов последнего заболевания умершего.* Я обязан д-ру Ч. Джонсу, сообщившему мне о пациенте, у которого через две недели после смерти отца, последовавшей от болезни сердца, были обнаружены изменения кардиограммы, наблюдавшиеся в течение трех недель.

УТ такого рода формирования симптомов «посредством идентификации», которые могут рассматриваться как результат истерической конверсии, необходимо отличать другой тип расстройств несомненно представляющих (3) вполне определенное *заболевание* а именно ряд психосоматических состояний, к которым относятся в первую очередь язвенные колиты, ревматические артриты и астма. (...) Лечение колитов, например, заметно улучшалось после того как реакция горя получила свое разрешение в ходе психиатрического воздействия. (4) *Изменения в отношениях к друзьям и родственникам;* пациент раздражен, не желает, чтобы его беспокоили, избегает прежнего общения, опасается, что может вызвать враж-¹дебность своих друзей своим критическим отношением и утратой интереса к ним. Развивается социальная изоляция, и пациенту, чтобы восстановить свои социальные отношения, нужна серьезная поддержка.

Хотя враждебность пациента распространяется на все отношения, может также иметь место (5) особенно *яростная враждебность против определенных лиц*; часто она направляется на врача, который ожесточенно обвиняется в пренебрежительном отношении к своим обязанностям. (...) Такие пациенты, несмотря на то что они много говорят о своих подозрениях и резко выражают свои чувства, в отличие от параноидных субъектов, почти никогда не предпринимают никаких действий против обвиняемых.

(6) Многие пациенты, сознавая, что развившееся у них после утраты близкого чувство враждебности совершенно бессмысленно и очень портит их характер, усиленно борются против этого чувства и скрывают его насколько возможно. У некоторых из них, сумевших скрыть враждебность, чувства становятся как бы «одеревеневшими», а поведение — формальным, что напоминает *картину шизофрении*.

Приведем один из типичных самоотчетов: «... Я выполняю все мои социальные функции, но это похоже на игру: реально это меня не затрагивает. Я не способна испытать никакого теплого чувства. Если бы у меня и были какие-нибудь чувства, то это была бы злость на всех». Реакция этой пациентки на терапию характеризовалась возрастающей враждебностью по отношению к врачу. Ее лицо напоминало маску, она двигалась, как робот, без всякой эмоциональной выразительности.

(7) С этой картиной тесно связана *дальнейшая утрата форм социальной активности*. Пациент не может решиться на какую-нибудь деятельность; страстно стремясь к активности, он так и не начнет ничего делать, если кто-нибудь не подстегнет его.

Утрачена решительность и инициатива. Для пациента доступна только совместная деятельность, один он действовать не может. Ничто, как ему кажется, не сулит награды; делаются только обычные повседневные дела, причем шаблонно и буквально по шагам, каждый из которых требует от пациента больших усилий и лишен для него какого бы то ни было интереса.

216'

(8) Встречается также картина, когда пациент активен, однако большинство его действий наносит *ущерб его собственному экономическому и социальному положению*. Такие пациенты с неуместной щедростью раздаривают свое имущество, легко пускаются в необдуманные финансовые авантюры, совершают серию глупостей и оказываются в результате без семьи, друзей, социального статуса или денег. Это растянутое самонаказание не связано, кажется, с осознанием какого-либо особого чувства вины.

(9) Это в конце концов приводит к такой реакции горя, которая принимает форму *ажитированной депрессии* с напряжением, возбуждением, бессонницей, с чувством малоценности, жесткими самообвинениями и явной потребностью в наказании. Такие пациенты могут совершать попытки самоубийства. Но даже если они не суицидо-опасны, им может быть присуще сильное стремление к болезненным переживаниям, и поэтому они обычно предпочитают электрошоковую терапию другим видам лечения. (...)

У 28-летней женщины, чей 20-месячный сын случайно задохнулся, развилось состояние острой ажитированной депрессии с самообвинениями, неспособностью чему бы то ни было радоваться, с чувством безнадежности, сильной враждебностью против мужа и его родителей, а также против психиатра. Она настаивала на электрошоковом лечении и обратилась в итоге к другому врачу. Ей стало намного лучше после курса электрошоковой терапии, и она почувствовала ослабление своего чувства вины.

Прогноз

Наши наблюдения показывают, что в известных пределах тип и острота реакции горя могут быть предсказаны. У пациентов, склонных к навязчивым состояниям или страдавших ранее от депрессии, вероятнее всего, разовьется ажитированная депрессия. Острой реакции следует ждать у матери, потерявшей маленького ребенка. Большое значение для протекания реакции горя имеет интенсивность общения с умершим перед смертью. Причем такое общение не обязательно должно основываться на привязанности; смерть человека, который вызывал сильную враждебность, особенно враждебность, не находившую себе выхода вследствие его положения или требований лояльности, может вызывать острую реакцию горя, в которой враждебные импульсы наиболее заметны. Нередко, если умирает человек, игравший ключевую роль в некоторой социальной системе, его смерть ведет к дезинтеграции этой системы и к резким изменениям в жизни и социальном положении ее членов. В этих случаях приспособление представляет собой очень трудную задачу. Все эти факторы кажутся нам более важными, чем наличие у пациента склонности к невротическому реагированию. Так, наиболее явные формы болезненной идентификации были обнаружены у лиц, не склонных к невротическим реакциям.

Лечение

Специальная психиатрическая помощь при остром горе может предотвратить как серьезные нарушения социального приспособления пациента, так и возможное заболевание. Сущность задачи

психиатра состоит в том, чтобы разделить с пациентом работу горя а именно помочь ему избавиться от зависимости от умершего и найти новые модели вознаграждающего взаимодействия. Чрезвычайно важно замечать не только чрезмерные реакции человека на постигшее его несчастье, но и слабые реакции, чтобы предотвратить возможные отсроченные реакции, которые, будучи незаметными вначале, могут проявиться совершенно неожиданно и оказаться разрушительными.

Утратившему близкого оказывает поддержку церковь. (...) Хотя она и помогает несчетному числу скорбящих, сам по себе внутренний комфорт, достигаемый при этом, не содействует осуществлению пациентом работы горя. Человек должен принять боль утраты. Он должен пересмотреть свои взаимоотношения с умершим и признать изменения своих собственных эмоциональных реакций. Его страх сойти с ума, его страх перед неожиданными изменениями своих чувств, особенно резко возросшего чувства враждебности, — все это должно быть переработано. Он должен найти приемлемую форму своего дальнейшего отношения к умершему. Он должен выразить свое чувство вины и должен найти вокруг себя людей, с которых он мог бы брать пример в своем поведении. На достижение этих целей требуется 8—10 бесед.

Особые методы нужны в случаях, когда наиболее заметной чертой реакции горя является враждебность. Она может быть направлена против психиатра, и пациент, чувствуя вину за свою враждебность, будет избегать дальнейших бесед с психиатром. Тогда необходимо, чтобы какое-нибудь официальное лицо или священник, или, если их нет, член семьи убедил пациента продолжить встречи с психиатром. (...) Остро ажитированная депрессивная реакция может сделать тщетными всякие попытки психотерапевтического лечения и в то же время хорошо поддастся лечению электрошоком.

Предвосхищающие реакции горя

Мы исследовали в первую очередь реакции на смерть близкого Однако реакции горя — это также один из видов реакций на разлуку. (...) Сначала мы были удивлены, обнаружив самые настоящие реакции горя у пациентов, перенесших не смерть близкого, а лишь разлуку с ним, связанную, например, с призывом сына, брата или отца в армию. (...) Общая картина, возникающая при этом, до сих пор не рассматривалась как определенный синдром. Мы назвали его синдромом предвосхищающего горя. Одна пациентка была так сосредоточена на том, как она будет переживать смерть сына, если его убьют, что прошла через все стадии горя — депрессию, поглощенность образом сына, перебор всех форм смерти, которая могла постичь его, предвосхищение всех способов приспособления, которые оказались бы необходимыми в случае смерти. Хотя такого рода реакции могут хорошо предохранить человека от удара неожиданна

„пго известия о смерти, они могут стать помехой восстановлению сношений с вернувшимся человеком. Нам известно несколько слу-°яев когда солдаты, возвратившиеся с фронта, жаловались, что жены больше их не любят и требуют немедленного развода. В такой ситуации предвосхищающая работа горя, очевидно, проделывается та/эффективно, что женщина внутренне освобождается от мужа. Это очень важно знать, чтобы, приняв профилактические меры, избежать многих семейных несчастий.

Калашник Яков Михайлович (23 октября 1899—29 января 1971)—советский психиатр, доктор медицински< наук (с 1956), профессор. По окончании Одесского медицинского института (в 1926) работал врачом-психиатром. В 1930—1934 гг. — ассистент, затем — доцент кафедры психологии Одесского института народного образования. С 1934 г. жил и работал в Москве, в Институте судебной психиатрии им. В. П. Сербского: с 1935 по 1941 г. и с 1946 по 1954 г. — старший научный

сотрудник и заведующий отделом, в 1954—1960 гг. — зам. директора по науке, в 1960—1968 гг. — заведующий сектором экспертизы. Разрабатывал психологические и психиатрические проблемы общественно опасных действий душевно больных, их профилактики, вопросы психологической и психиатрической экспертизы Сочинения: Судебная психиатрия (совм. с Д. Р. Лунцем). М., 1958; Судебная психиатрия. М., 1961

Я. М. Калашник

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ'

(...) Термин «патологический аффект» появился в психиатрической литературе во второй половине XIX в., хотя само это психопатологическое состояние было известно несколько раньше под названиями «умоисступление», «гневное беспамятство», «душевное замешательство», «болезненная вспыльчивость» и т. п.

Еще в начале XVII в. Павел Заккиас в своей классификации психических расстройств выделял страсти как кратковременные душевные расстройства; по Заккиасу, преступления, совершенные в этих состояниях, заслуживали -более снисходительного приговора.

В дальнейшем все состояния, возникающие в результате *сильных «страстей», волнений, в особенности гнева*, неожиданного унижения, оскорбления и т. п., объединяются в общую группу так называемого скоропреходящего неистовства, преходящего или временного помешательства (*mania transitoria, furor transitorius* и т. п.). Особое внимание привлекали к себе состояния, в дальнейшем получившие название «патологический аффект». (...)

Это обозначение было найдено Крафт-Эбингом, которому и принадлежит термин «патологический аффект». (...)

После Крафт-Эбинга изучением патологического аффекта занимается ряд психиатров (Корсаков, Кандинский, Шербак, Иванов, Боткин, Чиж, Сербский и пр.). (...)

' Проблемы судебной психиатрии. Сб. 3. Под ред. Ц. М. Фейнберга. М. с. 249—254, 260—268, 275—280.

220

1941,

Исследования, посвященные патологическому аффекту, касаются состояния сознания при нем и вопроса о зависимости патологического аффекта от почвы, на которой он возникает.

По такому актуальному вопросу, каким является вопрос о степени расстройства сознания при патологическом аффекте, среди старых авторов нет единого мнения. Одни считали, что при патологическом аффекте может быть «сновидная спутанность», «состояние болезненной бессознательности» (Крафт-Эбинг), «более или менее резкое помрачение сознания» (Н. М. Попов), что человек при патологическом аффекте находится «при почти полном или совершенно полном отсутствии сознания» (Каспер), что «сознание бывает глубоко расстроено или помрачено» (Сербский). Другие считали патологический аффект «кратковременным психозом, который может не сопровождаться затемнением сознания» (Миттермейер), и в этом состоянии «поступки могут сознаваться с необычной яркостью» (Боткин). Существовала и третья точка зрения, высказанная Корсаковым. Корсаков выделял два типа патологического аффекта и полагал, что при патологических аффектах одного типа с особенной резкостью выступает расстройство сознания, выражающееся в его помрачении. Патологические аффекты другого типа, по Корсакову, характеризуются не столько помрачением сознания, сколько уменьшением влияния высших задержек. (...)

Некоторые авторы (Португалов) идут дальше и полагают, что формы разложения сознания при патологическом аффекте построены не всегда по одному шаблону, а могут проявляться в различной инсценировке по типу клинических синдромов разных душевных болезней, протекающих как бы в чрезвычайно сокращенный срок. Здесь можно наблюдать ступор, аментивную картину, сумеречное состояние, подобное эпилептическому, и даже кратковременный галлюциноз. (...)

Обычно аффекты появляются в случаях возникновения внезапного и резкого раздражения, к которому трудно бывает сразу приспособиться. Отсюда и возникает вся гамма симптомов, характеризующих дезорганизованное поведение и нарушение течения психических процессов. Особенно заметно это бывает при выраженных в сильной степени аффектах ярости, гнева и страха, чаще всего являющихся предметом судебно-психиатрического исследования.

Действия при таких аффектах носят, как говорит Сербский, «рефлекторный характер, теряют отпечаток произвольных действий, хотя могут состоять из сложных актов». Двигательная реакция, поскольку она развивается на фоне измененного сознания, носит «стихийный характер и выражается в актах жестокого насилия, нанесения тяжких повреждений, убийствах» (Гиляровский).

При патологическом аффекте появляется ряд симптомов со стороны кровообращения, кровенаполнения сосудов, изменения со стороны Дыхания, мимики. Расстройство иннервации сосудов и нарушение кровообращения в мозгу рядом авторов считаются причиной нарушения сознания. (...)

Важное диагностическое значение многими авторами придается наличию истощения психических и физических сил, наступающему вслед за бурными проявлениями патологического аффекта, а также наличию амнезии о событиях, относящихся к периоду преступ. ления, которая рассматривается как выражение бывшего нарушения сознания.

По вопросу о зависимости патологического аффекта от почвы нет единого мнения.

Корсаков, например, полагал, что патологические аффекты в одних случаях могут возникать на почве скрытого психоза или психопатической конституции, в других они имеют самостоятельный характер, иногда могут быть и у людей, не представляющих заметных признаков, характерных для той или другой психопатической конституции, и возникают почти всегда как следствие очень сильной эмоции.

В противоположность этим взглядам ряд авторов (Чиж, Щербаков, Иванов и др.) считают, что у здоровых людей, не являющихся носителями патологической почвы, не может быть патологического аффекта. (...)

Кажущееся противоречие в этом вопросе зависит не столько от разных взглядов на сущность патологического аффекта, сколько от разного понимания терминов «патологическая почва» и «патологическая личность». Одни авторы к патологическим личностям относят только клинически выраженные формы душевного заболевания, причисляя остальные к здоровым. Другие, напротив, к патологическим личностям относят еще и так называемые пограничные случаи: алкоголиков, невротиков, психопатов, некоторых эпилептиков и т. п. (...)

Некоторые авторы к числу предрасполагающих причин относят даже общий культурный уровень человека, считая, что патологический аффект может возникнуть в результате дикости и невоспитанности. «Воспитание,—говорит Чиж,—страх осуждения общественным мнением и страх наказания помогают нам владеть собой, и потому преступления в состоянии аффекта с ростом культуры делаются реже». (...)

Патологический аффект, как бы кратковременен он ни был, имеет свое течение и проходит через определенные фазы: подготовительную фазу, фазу взрыва и исходную, или заключительную фазу. Для каждой из этих фаз нарушение сознания и отдельных его ингредиентов (памяти, восприятия, запаса представлений и т. п.) имеет свои особенности. Португалов подробно охарактеризовал каждую из этих фаз следующим образом.

Подготовительная фаза характеризуется тем, что сознание сохраняется во всех случаях. Патологический аффект в начале своего развития, когда появляется напряжение эмоций и концентрация представлений на определенном фокусе внимания, не может протекать на фоне бессознательного состояния. Восприятие в этой фазе вплоть до наступления взрыва нарушается нерезко, и способность наблюдать и осознавать происходящие психически

222

Процессы и переживания расстроены. Бедный, сильно суженный круг Представлений резко аффективно окрашен. Душевная деятельность становится односторонней из-за единственного стремления осуществить свое намерение. Вся остальная личность, поскольку она противоречит этому, как бы перестает существовать.

Вторая фаза патологического аффекта — фаза взрыва — с биологической точки зрения является, процессом отреагирования. Здесь патологический аффект выступает как комплекс сильнейшего чувственного тона, требующий немедленного отреагирования. Волевые расстройства проявляются в нарушении обычного равновесия между усилившимися побуждениями и ослабленным тормозящим аппаратом, т. е. в том, что получило название утраты самообладания. В области представлений происходит беспорядочная их смена. Сознание в этой фазе нарушается, утрачивается ясность поля сознания, снижается его порог. По описанию некоторых испытуемых, они в момент правонарушения находились, как в тумане, как во сне, ничего о нем не помнят. Агрессивные действия, наблюдаемые в этой фазе, будучи обусловлены местью, ревностью, завистью и т. п., обычно выражаются в нападении,

разрушении, борьбе, гневе, ярости, негодовании. В некоторых случаях вместо агрессивных действий поведение приобретает пассивный характер и выражается в растерянности, бесцельной хлопотливости, неосмысленности ситуации и т. п. Таким образом, в этой стадии патологического аффекта проявляются как бы две линии поведения: в одном случае — стремление отразить, напасть, в другом — желание убежать, спрятаться.

Третья — исходная или заключительная — фаза в основном характеризуется истощением психических и физических сил. Аффект как состояние наивысшего внутреннего напряжения представляет собой физиологически громадную работу, сопровождающуюся тратой большого запаса сил, поэтому он неминуемо ведет к быстрому истощению нервной системы, что выражается в некотором психическом оупении, равнодушии и безучастности ко всему окружающему, иногда склонности ко сну. Спустя некоторое время после восстановления сил обнаруживается нарушение воспоминаний о событиях, относящихся к периоду развития и взрыва патологического аффекта.

Эту последовательность развития патологического аффекта можно проследить на следующем примере.

Случай 2². Ш., 52 лет, в прошлом болел брюшным и сыпным тифом. Работая машинистом железной дороги, несколько раз попадал в крушение поезда, получал ушибы головы. Злоупотреблял алкоголем. Приблизительно десять лет назад у него появились головные боли, шум в голове, звон в ушах, сердцебиение, стал раздражительным, вспыльчивым, плохо спал, периодически появлялась тоска. Два раза находился непродолжительное время в психиатрических больницах, откуда на основании изменений со стороны сердечно-сосудистой системы (глухие тоны сердца, жесткие периферические сосуды), некоторой интеллектуальной сниженности, ослабления памяти, повышенной утомляемости и психической истощаемости выписывался с диагнозом артериосклероза мозга. Работоспособность его снизилась, и он был переведен на инвалидность, хотя урывками продолжал работать.

² Описание этого случая приводится Разумовской в учебнике «[Судебная психиатрия]», 1938.

После эпизодического заболевания он представил для оплаты больничный бюллетень. Кассир страховой кассы задержал бюллетень для уточнения вопроса, может ли испытуемый как инвалид получать по бюллетеню деньги. От кассира испытуемый ушел с чувством обиды и оскорбления, считая, что его без основания заподозрили в противозаконном поступке. Через два дня испытуемый снова явился за деньгами и отобранной пенсионной книжкой. Так как кассир заявил, что по его делу ничего еще не выяснено, испытуемый впал в возбужденное состояние и нанес кассиру несколько ран перочинным ножом, который всегда находился при нем. По описанию свидетелей он в этот момент был «похож на сумасшедшего», «глаза были безумные», лицо бледное. Затем он упал и некоторое время был в бессознательном состоянии. Из происшедшего помнит лишь эпизоды, относящиеся к самому началу. Помнит, как он требовал у кассира вернуть пенсионную книжку, помнит, как тот отказал в его просьбе и затем подошел к шкафу, откуда взял что-то и положил в карман. Ему показалось, что это был револьвер. В глазах потемнело, сердце забилося. Что было дальше — не помнит.

Экспертная комиссия института дала заключение, что Ш. страдает артериосклерозом головного мозга. Правонарушение совершено им в состоянии патологического аффекта, возникшего на почве вышеуказанных изменений и выразившегося, как видно из материалов дела, в бессмысленной, неадекватной агрессии, сопровождавшейся изменением сознания и закончившейся обморочным состоянием. Поэтому в отношении инкриминируемого ему деяния испытуемый был признан невменяемым.

Возникновению такого состояния испытуемого предшествовала значительная аффективная подготовка с постепенным нарастанием аффекта по адресу «обидчика» в связи с тем, что испытуемый был заподозрен в неблагоприятном поступке. При вторичном посещении отказ выдать нужную ему пенсионную книжку в силу уже имевшейся аффективной подготовки испытуемый воспринял еще более остро. К этому присоединилось иллюзорное истолкование движений кассира:

ему показалось, что тот взял в руки револьвер, чтобы стрелять в него. Все это послужило непосредственным поводом и толчком для перехода аффекта в фазу взрыва с агрессивными действиями. Все последующее течет при нарушенном сознании с заметными мимическими и вазомоторными изменениями. И наконец, в заключительной фазе наступает глубокое обморочное состояние как выражение сильного истощения психических и физических сил. Последующая амнезия распространяется не только на эту последнюю заключительную фазу, но и на период взрыва.

Развился данный патологический аффект на неполноценной почве, в основном созданной артериосклерозом мозга, при котором сочетание слабодушия, недержания аффекта и вазомоторных нарушений очень сильно способствует развитию патологического аффекта.

Как мы указывали выше, наиболее характерной особенностью состояния патологического аффекта является наступление в заключительной фазе психического и физического истощения. В приведенном случае резко выраженное истощение говорит за то, что сила аффекта была настолько большой, что способна была превратить произвольную психическую деятельность в непроизвольную. Распознавание этого симптома нетрудно, симулировать его нелегко. Обычно, как показывают наблюдения, после патологического аффекта сон наступает не так часто и то лишь в тех случаях, когда к аффекту присоединяется опьянение или когда аффект возникает у неполноценной личности (большой частью с органическими дефектами,

224

как в приведенном случае у артериосклеротика). Чаще всего истощение проявляется расслабленностью, нарушением походки, движений мимическими проявлениями, лицо приобретает изможденное, усталое выражение, ноги едва передвигаются, из рук падают предметы, отношение к окружающему тупое и безразличное, с мыслями бывает трудно

собраться, к' совершенному преступлению равнодушное отношение со сменяющимся затем раскаянием. (...)

Для иллюстрации некоторых особенностей приведем следующий случай патологического аффекта, развившегося у психопата.

Случай 3. М., 31 года, в детстве часто болел, в школе учился плохо. Был в армии и на фронте, ранен. Всегда отличался впечатлительностью и раздражительностью, временами нападала тоска и разочарование в жизни, были мысли о самоубийстве. Находился под наблюдением районного психиатра с диагнозом «психопатия». Несколько раз лечился в санаториях, откуда выписывался с улучшением. С женой часто ссорился, к ребенку очень привязан, уделяет ему много времени, нянчит его.

Обстоятельства правонарушения. Около полуночи соседи испытуемого, молодые супруги, «подняли возню в своей комнате», танцевали, бегали друг за другом и, наконец, оба упали к себе на кровать. Тонкая фанерная перегородка, отделявшая их комнату от комнаты испытуемого, при этом повалилась. От сильного шума падающей стены ребенок проснулся и начал «дико кричать». М., в это время закрывавший форточку с помощью палки, внезапно впал в резко возбужденное состояние, изменился в лице, что-то бессвязно закричал, оттолкнул от себя жену, бросился в коридор, накинулся на стоявшего здесь испуганного соседа и нанес ему несколько ударов палкой по голове. Затем с криком побежал к себе в комнату, бросился в постель и некоторое время лежал как бы в забытии. Очнувшись и узнав о происшедшем, был очень удивлен, *так* как ничего не помнил, начиная с того момента, когда он отскочил от окна. С избитым у него до этого никаких столкновений не было.

Физическое состояние без отклонения от нормы. Со стороны нервной системы отмечается лишь повышенная общая возбудимость и живые сухожильные рефлексy.

Психическое состояние. Ясное сознание, правильная ориентировка в месте, времени и в обстановке, настроение подавленное; эмоционально неустойчив, раздражителен, капризен, обидчив, требует повышенного к себе внимания, несколько назойлив. Бреда и галлюцинаций нет.

Экспертная комиссия пришла к заключению, что испытуемый является психопатической личностью и в обычном своем состоянии вменяем. Инкриминируемое правонарушение было совершено им в состоянии временного расстройства душевной деятельности в форме патологического аффекта, выразившегося в агрессии и возбуждении, неадекватном ситуации, с последующим запоминанием совершенного. Ввиду этого в отношении инкриминируемого ему деяния" он признан невменяемым.

Типичным для аффективных состояний является то, что действия, как бы они ни были сильны и разрушительны, почти всегда имеют свою направленность по адресу определенного круга лиц, с которыми связаны аффективные представления,— по адресу оскорбителя, соперника и т. п. Из всей группы кратковременных расстройств душевной деятельности больше всего и чаще всего направленность действий имеет место при патологическом аффекте. Если взять сумеречное состояние эпилептика или состояние патологического опьянения, то в этих случаях поведение отличается чаще всего своей непоследовательностью, нелепостью и нередко полным отсутствием повода к тем или другим действиям и агрессивным актам.

Примером может служить поведение одного испытуемого, проходившего экспертизу в институте и обвинявшегося в хулиганских

действиях, совершенных в состоянии несомненного патологического опьянения. Испытуемый вместе с товарищами пил вино в ресторане. Что было потом — не помнит. Из уголовного дела видно, что он будучи пьяным, зашел в незнакомый ему двор, по лестнице забрался на крышу дома, выломал слуховое окно и через чердак попал на кухню этого дома, перебил в окнах квартиры стекла, побил посуду, разрушил печь, начал душить перепуганную хозяйку квартиры и затем тут же улегся спать. Отсюда он был доставлен в вытрезвитель.

Такого поведения со склонностью к действиям, осуществляемым без видимой цели и нужды, при патологическом аффекте обычно не бывает, если к нему не примешивается алкоголь.

При оценке патологического аффекта необходимо иметь в виду, что агрессивный акт, совершаемый в состоянии патологического аффекта, обычно не вяжется с корректным, вежливым и сдержанным поведением испытуемого в обычном состоянии. Поэтому патологический аффект по характеру реагирования часто рассматривается как чужеродный эпизод, неожиданно ворвавшийся в психику человека и несвойственный данной личности, хотя и понятный по своим механизмам.

Это несоответствие обычного поведения с поведением при аффекте следует учитывать, хотя и очень осторожно. Как следствие этого несоответствия поведения в аффекте с характером личности является чувство удивления по поводу совершенного, сожаление и раскаяние.

Следует указать еще на одну особенность патологического аффекта — отсутствие предварительного плана и употребление случайно подвернувшихся под руку предметов в качестве орудий. Как справедливо указывает Гофман, наличие планомерности деяния и данных о том, что поступок уже подготовлялся заранее, во время неизмененного сознания, решительно говорит против патологического аффекта.

В ряде случаев фаза взрыва протекает в чрезвычайно короткий промежуток времени и этим сближает патологический аффект с состоянием «короткого замыкания». Название «короткое замыкание» (*Kurzschlusshandlungen*, по немецкой терминологии) взято из области электричества, где о коротком замыкании говорят в тех случаях, когда ток проходит по кратчайшему внезапно открывшемуся пути с уменьшенным сопротивлением. Аналогично этому реакция короткого замыкания у человека характеризуется внезапными поступками, при которых аффективные импульсы переходят непосредственно в действия, минуя целостную личность (Кречмер). Человек совершает поступок под влиянием какой-либо мысли внезапно, «не думая ни о чем другом».

Все приведенные случаи патологического аффекта свидетельствуют о том, что почва, на которой развивается это состояние, может быть разнообразной. Как показывает материал института, в некоторых случаях патологический аффект может возникнуть под влиянием длительного аффективного напряжения, угроз, страха и временного нервно-психического истощения у психически здоровых людей.

226

При постановке диагноза патологического аффекта следует обращать внимание на то, не находится ли характер правонарушения в противоречии с особенностями личности испытуемого. Необходимо выяснить, отсутствовала ли планомерность в действиях при возбуждении, какова направленность агрессивных актов. Сугубое внимание следует обращать на основные симптомы патологического аффекта — нарушение сознания, истощение и амнезию — и на их место в самом процессе развития этого состояния. Однако нужно помнить, что эти симптомы имеют далеко не абсолютную ценность. Каждый из них, если брать его изолированно от других признаков, может показаться весьма доказательным в пользу патологичности состояния. Но если принимать в расчет особенности всей данной личности и учитывать динамику состояния, то симптом, кажущийся доказательным и бесспорным, начинает терять такое значение. (...)

Следует остановиться еще на амнезии как на одном из симптомов патологического аффекта. Полная амнезия при патологическом аффекте встречается довольно редко и только при глубоких его степенях. Чаще всего имеет место частичная амнезия, когда на фоне общей амнезии при искусной беседе эксперта в памяти испытуемого всплывают отдельные детали, островки воспоминаний. Нередко в этих случаях происходит всплывание воспоминаний из подсознательной сферы, куда были вытеснены отдельные факты. Частичная амнезия отнюдь не говорит против патологичности состояния. По этим причинам не всегда можно говорить о полном беспомыслии при патологическом аффекте. (...)

К кругу аффектогенных расстройств относится также и физиологический аффект.

Аффективные движения этого рода — нередкое явление, и они могут развиваться у каждого в обстановке угрозы, нападения, ревности и т. п. Отличительной особенностью физиологического аффекта является отсутствие характерного для патологического аффекта нарушения сознания. Кроме того, фаза взрыва при физиологическом аффекте протекает обычно с меньшим последующим нарушением воспоминаний, а в фазе спада на передний план выступает не столько истощение, сколько субъективное чувство облегчения и раскаяния. Обычно физиологический аффект является ответной реакцией на сильный эмоциональный раздражитель. (...)

Физиологический аффект протекает при относительно сохранном сознании, амнезия при нем отсутствует, поступки проявляются в форме, адекватной характеру сильного раздражения, с последующим субъективным чувством облегчения. Физиологический аффект — это состояние, не исключающее вменяемости. (...) Этим понятием... не следует, однако, широко пользоваться. Большой осторожности в оценке такого рода состояний требуют случаи, когда аффект возникает часто и связан с привычным расторможением, не вызванным каким-либо болезненным процессом.

Лурия Александр Романович (16 июля 1902— 14 августа 1977) —советский психолог, действительный член АПН СССР, профессор, с 1966 по 1977 г.— зав. кафедрой медицинской психологии психологического факультета МГУ. Окончил факультет общественных наук Казанского университета (1921) и I Московский медицинский институт (1937). В 1924—1934 гг. вместе с Л. С. Выготским разрабатывал проблемы психического развития ребенка. Одновременно он выполнил исследование аффективных процессов (The nature of human conflicts. N. Y., 1932). Главная область исследований А. Р. Лурия — нарушения высших психических функций человека при локальных поражениях мозга. На основе учения о системном строении высших психических функций в работах А. Р. Лурия принципиально новую разработку получила проблема их мозговой локализации. Во многом благодаря трудам А. Р. Лурия сложилась современная нейропсихология.

Сочинения: Этюды по истории поведения (совм. с Л. С. Выготским). М., 1930; Травматическая афазия. М., 1947;

Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948; Мозг человека и психические процессы, т. 1—2. М., 1963—1970; Нейродинамический анализ решения задач (совм. с Л. С. Цветковой). М., 1966; Высшие психические функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1969; Основы нейропсихологии. М., 1973; Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975; Язык и сознание. М., 1979

А. Р. Лурия

[ДИАГНОСТИКА СЛЕДОВ АФФЕКТА]

Проблема объективного познания чужого «я», чужих мыслей занимала уже несколько поколений психологов.

К разрешению ее современная наука благодаря развившимся объективным методам подошла теперь уже настолько близко, что в целом ряде случаев экспериментальная диагностика скрываемых личностью содержаний сознания перестает казаться невозможной, а методы такой диагностики не сегодня-завтра смогут войти в повседневную практику. Конечно, прежде всего в этом заинтересована судебная и следственная практика.

Мы знаем, что каждое сильное аффективное состояние сопровождается глубокими нарушениями функций в организме человека. (...) Аффект нарушает всю энергетику организма, а так как

' Текст состоит из фрагментов двух работ А. Р. Лурия: Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций. — В кн:

Проблемы современной психологии, т. 3. М., 1928, с. 46 и Психология в определении следов преступления. — Научное слово, 1928, № 3, с. 79—82, 85—92.

228

корни всякого аффективного состояния сосредоточены, конечно, в деятельности его нервной системы, дающей ответы и на внешние и внутренние раздражители, то ясно, что максимальные отклонения при аффекте наблюдаются именно в высших нервно-психических процессах: мышлении, скорости и правильности ответов организма, распределении и устойчивости его внимания, закреплении и сохранении его навыков и т. д.

Совершенно понятно, что психологи именно здесь старались-найти характеризующие аффект явления; ряд психиатров, работавших в школе Крепелина, и особенно ряд психологов школы Юнга установили, что аффект прежде всего нарушает *нормальное течение ассоциаций*, что при сильном аффекте ассоциации обычно *резко задерживаются*.

Преступление всегда связано с сильным аффектом, который у лиц, совершивших его впервые, принимает, естественно, очень острый характер. Трудно предположить, чтоб от этого аффекта преступления в психике совершившего его человека не осталось никаких следов. Наоборот, многое убеждает нас в том, что психические следы после каждого преступления остаются в весьма заметной форме. (...)

Опишем метод, применявшийся до сих пор исследователями для экспериментальной диагностики причастности к преступлению.

Задачи экспериментальной диагностики причастности сводятся к тому, чтобы уметь *вызвать искомые аффективные следы* и, с другой стороны, уметь *их объективно проследить, зафиксировать*.

Обе эти задачи осуществлялись в одном методе, который приобрел достаточное оправдание в диагностике аффективных следов, именно в методе *ассоциативного эксперимента*.

Метод этот состоит в том, что испытуемому предъявляется какое-нибудь слово, на которое он должен ответить первым словом, пришедшим ему в голову.

Эта как будто легкая задача на самом деле не оказывается простой. В обычных случаях, правда, испытуемый легко отвечает своим словом на предъявленное ему; это ответное слово всегда оказывается строго детерминированным (соответственно особым ассоциативным законам) и обычно отнюдь не обнаруживает случайного характера.

Дело резко меняется, когда мы предъявляем испытуемому слово, возбуждающее у него то или иное аффективное воспоминание, тот или иной аффективный комплекс. В этих случаях ассоциативный процесс сильно тормозится; испытуемому или приходит в голову сразу много ответных слов, которые путают его обычный ход ассоциаций, или же ничего не приходит в голову, и он долго не может дать требуемой от него ассоциативной реакции. Когда же он эту реакцию все же дает, то самый поверхностный взгляд на нее часто обнаруживает ее своеобразную нарушенность:

она проходит с заметными признаками возбуждения, заминками, многословием, и самая ее форма нередко бывает более примитивной, чем обычно.

16—Зак. 1355

Все это объясняется тем, что *словесный раздражитель может провоцировать связанные с ним аффективные состояния*, и эти аффективные моменты извращают дальнейших ход ассоциаций.

Если мы имеем перед собою преступника, аффективные следы которого мы хотим вскрыть с помощью этого метода, мы поступаем следующим образом.

Подробнейшим образом изучив по материалам следствия ситуацию преступления, мы выбираем из нее те детали, которые, по нашему мнению, достаточно тесно с ней связаны и вместе с тем пробуждают аффективные следы только у причастного к преступлению, оставаясь для не причастного совершенно безразличными словами. (...)

Когда группа Таких критических слов разработана, мы составляем список других, совершенно обычных, не имеющих отношения к преступлению, по всей вероятности индифферентных слов, числом значительно больше, чем число критических, и распределяем эти критические слова по отдельности между индифферентными.

Предъявляя сидящему перед нами испытуемому одно за другим слова из составленного нами списка в качестве *слов-раздражителей*, мы просим его каждый раз отвечать любым первым пришедшим ему в голову словом; мы записываем данный им ответ и регистрируем в десятых (или сотых) долях секунды время, затраченное на этот ассоциативный процесс. В обычных случаях мы получаем уже описанную нами картину: при предъявлении критических раздражителей ассоциативный процесс резко тормозится и самый ответ носит следы аффективной дезорганизации.

Иллюстрируем сказанное примером:

Испытуемый Ц-в обвиняется в том, что он украл из окна вентилятор, выломав решетку. Накануне кражи подозреваемого видели вместе с каким-то человеком около этого окна, причем он якобы рассматривал вентилятор. Испытуемый отрицает свою причастность.

В число слов-раздражителей включаются следующие, входящие в ситуацию преступления слова: деньги, вентилятор, окно, сосед, ломать, инструмент.

Несколько примерных выдержек из протокола опыта показывают нам, как протекают реакции на эти слова.

15. Праздник — 2,2" — идет.

16. Звонить — 2,4" — телефон.

17. Ложка — 2,0" — **лежит**.

18. Красный — 3,4" — командир.

19. Деньги — 4,2" — серебряные.

21. Булка — 2,2" — пшеничная.

22. Земля — 1,4" — черная.

26. Вентилятор — 5,0" — не знаю.

27. Фуражка — 3,6" — черная.

28. Окно — 4,2" — большое.

29. Доска — 3,2" — деревянная.

32. Сосед — 9,2" — как?... сосед?... забыл соседей-то?...

33. Ломать — 25,0" — ломать?... чего ломать-то?

41. Рыба — 2,8" — живет.

230

42. Снег — 2,5" — идет.

43. Пьяный ~ 3,4" - бежит.

44. Инструмент — 20,0* — инструмент... не знаю...

инструмент. . как уже это сказать не знаю... инструмент...
стоит!..

Мы видим, что реакции на раздражители, относящиеся к преступлению, не только протекают с резким замедлением, но и характеризуются иногда заметными нарушениями и самого процесса речевой реакции (№ 26, 32, 33, 44).

С помощью только что описанного метода ассоциативного эксперимента работало большинство западноевропейских психологов, ставивших себе задачей экспериментальное изучение оставшихся в психике аффективных следов (Wertheimer, Gross, Jung, Heilbronner, Schnitzler, Ph. Stein, Ritterhaus).

При вс&х достоинствах этого метода он, однако, имеет и некоторые недостатки, которые современная наука вполне в силах устранить.

Прежде всего, чистый ассоциативный эксперимент учитывает только состояние высшей ассоциативной деятельности, в то время как аффективные следы могут отражаться и на периферической деятельности, моторной сфере и др.

С другой стороны, и это гораздо важнее, простой ассоциативный эксперимент может установить лишь *конечный, выявившийся этап ассоциативного процесса* — слово-реакцию; что же делается в том- периоде, в течение которого испытуемый молчит и еще не дает нам ответа, каковы механизмы, которыми испытуемый доходит до ответа, насколько этот процесс является напряженным, аффективно возбужденным — все это выпадает из возможностей простого ассоциативного эксперимента. Однако в нашем исследовании именно обнаружение этих механизмов и является весьма важным. (...)

, Поэтому естественно возникла мысль о том, что *единственная возможность изучить механику внутренних «скрытых» процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов поведения, в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы себе отражение.*

Изучая эти внешние, доступные отражению корреляты, мы имели бы возможность тем самым изучать недоступные нам непосредственно «внутренние» соотношения и механизмы. В этом положении и заключаются основы сопряженной или отраженной методики. (...)

Для того чтобы выявить скрытые при ассоциативном процессе механизмы, мы *связываем словесный ответ с нажимом руки*, регистрируемым очень точным способом. Оказывается, что состояние моторной сферы очень точно отражает нервно-психическое состояние испытуемого и дает объективную характеристику структуры протекающей реакции.

Каждое колебание испытуемого, столкновение различно направленных тенденций, возбуждение, задержка и вытеснение пришедшего в голову ответа — короче, все процессы, недоступные для непосредственного наблюдения, с достаточной резкостью отражаются именно на моторной сфере.

Именно изучение моторной сферы дает нам возможность поставить все исследование аффективных следов совершенно на новые рельсы, придать ему значительно большую степень объективности, чем это было до сих пор, и сильно расширить пределы доступных нашему эксперименту явлений.

Прежде всего мы получаем полную возможность объективно отличить нормальную, индифферентную реакцию (хотя бы и несколько замедленную) от реакции аффективной, конфликтной, обнаруживающей следы некоторого возбуждения. Дело в том, что моторная реакция, сопряженная с нормальным ассоциативным процессом, протекает обычно совершенно правильно и представляет собою простой правильный нажим; моторика же аффективного процесса всегда дает нам признаки резкого возбуждения: кривая нажима становится конфликтной, изломанной, покрытой резкими дрожательными движениями. Наличие этих симптомов уже является достаточным признаком аффективности реакции.

Рис. 1. дает нам пример моторики нормальной (А) и аффективно нарушенной (В) ассоциации. Как мы видим, индифферентная реакция «книга — 7,2" — белая» протекает у нашего испытуемого с некоторой замедленностью, вероятно, благодаря некоторой трудности этой ассоциации для малоразвитого испытуемого, но совершенно нормально: правая рука находится в спокойном положении и записывает ровную линию, в момент же речевой реакции дает нормальный, правильный нажим (BCD). Другая реакция этого же испытуемого «полотенце — 7,3" — холстинное» протекает с такой же задержкой и внешне дает совершенно нормальную реакцию. Однако по самой сути дела мы должны считать эту реакцию критической и могли бы ожидать заметных нарушений:

дело в том, что испытуемый, о котором здесь идет речь, причастен к убийству (совершенному за 5 дней до опыта), во время которого жертва сопротивлялась и поранила ему руки. Чтобы остановить кровь, он должен был оторвать кусок висевшего тут полотенца ^перевязать порезы; с этим, куском полотенца он и был задержан.

232

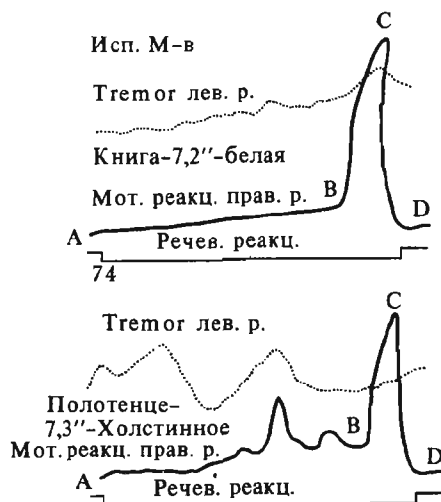

Рис. 1

Если мы теперь взглянем на сопряженную с этой реакцией моторную кривую, которая указывает и на характер самого ассоциативного процесса, мы увидим, насколько она принципиально отличается от моторики нормальной, индифферентной реакции. Время,

предшествующее речевому ответу (латентный период), здесь занято своеобразными дрожаниями, нарушенными по форме нажимами руки, отражающими своеобразный *возбужденный характер* соответствующего ассоциативного процесса. Этот возбуждённый, конфликтный характер данного ассоциативного процесса будет вполне понятен нам, если мы вспомним, какие аффективные следы возбудило слово-раздражитель «полотенце»; в данном случае этот аффективный характер реакции не проявляется в речевом ответе, но вполне проявляется в сопряженной моторной деятельности.

Изучение сопряженной моторной сферы открывает нам глаза на серьезность происходящих перед нами процессов и тогда, когда испытуемый просто не отвечает на данное ему слово-раздражитель.

Обычно мы считали такие отказы от реакций признаком резкой аффективности процесса; теперь мы можем говорить об этом с уверенностью.

Пример одной из реакций:

Испытуемый В-н обвиняется в убийстве из ревности. На данное ему слово «ревность» он в течение 30" не дает никакого ответа. Рис. 2 показывает, однако, что тотчас же после предъявления этого слова испытуемый впадает в состояние резкого возбуждения, что выражается в резких дрожательных движениях правой руки и говорит о сильной аффективности для него этой реакции.

Изучение моторной сферы дает нам здесь возможность *непосредственно судить о степени аффективности самого ассоциативного процесса*, а, следовательно, и о том, насколько резкие аффективные следы возбуждаются в психике испытуемого данным словом-раздражителем.

Существенным недостатком простого ассоциативного эксперимента является то, что он объективно не может сказать, является ли данная словесная реакция *первой* пришедшей в голову или же до нее были другие, задержанные, оттесненные звенья. В проблеме диагностики причастности ответ на такой вопрос является особенно важным.

Моторная методика дает нам и здесь некоторый выход из положения. Оказывается, что задача «нажимать пальцем» одновременно с речевым ответом так закрепляется у испытуемого, что даже *с пришедшим в голову, хотя и невысказанным ответом связывается легкий моторный нажим*. Именно благодаря этому уже наличие на линии моторики легкого нажима, затем заторможенного, с полной объективностью говорит нам о наличии скрытого, невыявлен-ного^а^социативного звена. Рис. 3 дает нам один из примеров такого проявления скрытых звеньев. Испытуемая М-ва причастна к убийству

233

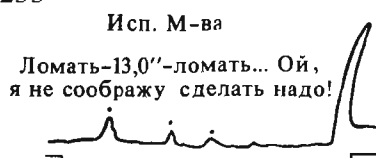
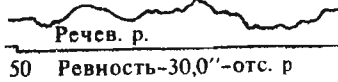

Рис. 2

Исп. В-н

Мот. реакц. пр. р.

Рис. 3

и ограблению, во время которого был взломан комод, где участники преступления думали найти ценные вещи.

' Предъявив испытуемой слово «ломать», мы получили сильно задер. жанный ответ: «ломать — сделать надо» с признаками сильного речевого возбуждения, причем мы с уверенностью можем предположить, что ответ «сделать надо» подобран испытуемой искусственно и отнюдь не является *первым*, что пришло ей в голову, но лишь прикрывает вытесненные и скрытые ассоциативные звенья. Анализ сопряженной моторной кривой подтверждает это предположение: уже вскоре после подачи раздражения испытуемая производит ясный нажим рукой, который является признаком того что какое-то ответное слово пришло ей в голову и что был налицо импульс им реагировать; этот импульс, однако, был заторможен (соответственно была заторможена и моторная попытка). Такой процесс повторился несколько раз и снова тормозился, пока испытуемая не нашла безразличной, не компрометирующей ее «прикрывающей» реакции.

Все эти случаи показывают нам, что с введением сопряженного ассоциативно-моторного метода перед нами открываются новые возможности: диагностика аффективных следов встает на путь значительно большей точности и объективности; становится возможным за выявленной словесной реакцией наблюдать лежащие в ее основе механизмы, оценивать степень напряженности, возбужденности, нарушенности, а следовательно и степень аффективности проходящего перед нами процесса.

Роджерс (Rogers) Карл (род. 8 января 1902), американский психолог, один из лидеров гуманистической психологии, создатель так называемой ненаправленной, или «центрированной на клиенте» психотерапии, при которой терапевт, вступая в глубоко личностный контакт с «клиентом», видит в нем не больного, но другую столь же полноценную личность, способную ваять на себя ответственность за решение собственных проблем путем активизации творческого начала своего «Я». В 1940—63 — профессор университетов Огайо, Чикаго и Висконсина. С 1964 — директор Центра по изучению личности в Ла-Джолла (Калифорния). В своей теории личности Роджерс различает две системы регуляции поведения: организм, стремящийся сохранить и усилить себя, и «Я» личности — особую область

в поле опыта индивида, складывающуюся из системы восприятия и оценок личностью своих черт и отношений к миру. При жесткой структуре «Я» несогласующийся с ней опыт воспринимается как угроза личности и при своем осознании либо подвергается искажению, либо отрицается. Цель ненаправленной психотерапии — так перестроить структуру «Я» личности, чтобы она стала гибкой, открытой по отношению ко всему опыту. Сочинения: *Client-centered therapy*. Boston, 1951; *Psychotherapy and personality change* (с соавт.). Chicago, 1954; *On becoming a person*. Constable, 1964, *On personal power*. Boston, 1977 — Литература: Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском ' возрасте. М. 1968.

К. Роджерс**ЭМПАТИЯ'**

Есть много попыток определить понятие «эмпатия», и мне самому принадлежит несколько. Более чем двадцать лет назад я предложил одно из определений в ходе систематизированного изложения моих взглядов (Rogers, 1959). (...) Оно заключается в следующем.

Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок «как будто»:

как будто это я радуюсь или огорчаюсь. Если этот оттенок исчезает, то возникает состояние идентификации.

Для формулировки моего современного представления я буду опираться на понятие состояния, или переживания, (experiencing) как оно было введено Гендлиным (Gendlin, 1962). Это понятие обогатило мое представление в целом ряде пунктов.

' Rogers C. R., Empatic: an unappreciated way of being.—The Counseling Psychologist, 1975, v. 5, n. 2, p 2—10.

Суммируя кратко» Гендлин считает, что в любой момент времени человек испытывает состояния, к которым он может многократно обращаться в процессе поиска их смысла. Они служат своего рода субъективным ориентиром в этом поиске.

Эмпатичный терапевт проникательно улавливает смысл состояния, переживаемого пациентом в данный конкретный момент, и указывает на этот смысл, чтобы помочь пациенту сконцентрироваться на нем и побудить пациента к дальнейшему более полному и беспрепятственному переживанию.

Небольшой пример может пояснить как само понятие переживания, так и его отношение к эмпатии.

Один участник психотерапевтической группы довольно негативно высказался в адрес своего отца. Ведущий говорит: «Создается впечатление, что ты сердит на своего отца». Тот отвечает: «Нет, я не думаю»,—«Может быть, ты не удовлетворен им?»— «Ну, может быть» (с сомнением).—«Может быть, ты разочаровался в нем?». Следует быстрый ответ: «Да, я разочаровался тем, что он слабый человек. Я думаю, я давно разочаровался в нем, еще в детстве».

С чем этот человек сверялся, устанавливая правильность разных предлагавшихся слов? Гендлин считает, и я согласен с ним, что это было некое наличное психофизиологическое состояние. Обычно оно субъективно достаточно определено, и человек может хорошо пользоваться им для сравнения с подбираемыми обозначениями. В нашем случае «сердит» не подходит, «неудовлетворен» — оказывается ближе, и слово «разочарован» — вполне точно. Будучи найдено, оно, как это часто бывает, побуждает к дальнейшему течению переживаний.

На основе изложенного позвольте мне попробовать описать эмпатию более удовлетворительным для меня сейчас образом. Я больше не говорю «состояние эмпатии», потому что думаю, что это скорее процесс, чем состояние. Попытаюсь описать его суть.

Эмпатический способ общения с другой личностью имеет несколько граней. Он подразумевает вхождение в личный мир другого и пребывание в нем «как дома». Он включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям другого — к страху, или гневу, или растроганности, или стеснению, одним словом, ко всему, что испытывает он или она. Это означает временную жизнь другой жизнью, деликатное пребывание в ней без оценивания и осуждения. Это означает улавливание того, что другой сам едва осознает. Но при этом отсутствуют попытки вскрыть совершенно неосознаваемые чувства, поскольку они могут оказаться травмирующими. Это включает сообщение ваших впечатлений о внутреннем мире другого, когда вы смотрите свежим и спокойным взглядом на те его элементы, которые волнуют или пугают вашего собеседника. Это подразумевает частое обращение к другому для проверки своих впечатлений и внимательное прислушивание к получаемым ответам. Вы доверенное лицо для другого. Указывая на возможные смыслы переживаний другого, вы помогаете ему переживать более

236

человечно и конструктивно. Быть с другим таким способом означает на некоторое время оставить в стороне свои точки зрения и ценности, попытаться войти в мир другого без предвзятости. В некотором смысле это означает, что вы оставляете в стороне свое «я». Это могут ? осуществить только люди, чувствующие себя достаточно безопасно в определенном смысле: они знают, что не потеряют себя в порой странном или причудливом мире другого и что смогут успешно вернуться в свой мир, когда захотят.

Может быть это описание делает понятным, что быть эмпатичным трудно. Это означает быть ответственным, активным, сильным, и в то же время — тонким и чутким.

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека <http://www.koob.ru>

Gendlin E. T. Experiencing and the creation of meaning. N. Y. , 1962. Rogers C. R. A theory of therapy, personality "and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework In: Koch S (ed) Psychology A study of a science, (...) V 3. N. Y., 1959.

Юнг (Jung) Карл Густав (26 июля 1875 — 6 июня 1961) — швейцарский психолог и психиатр, основатель одного из направлений в психоанализе — «аналитической психологии». Ближайший сотрудник. Фрейда (1906—1913), первый председатель Международного психоаналитического общества (1911— 1914). Профессор психологии Цюрихского (1933—1941) и Базельского университетов.

Работая под руководством З. Фрейда, К. Юнг внес существенный вклад в становление и развитие психоанализа, его методов и приемов (например, техники свободных ассоциаций). Однако расхождения по основным теоретическим вопросам (в частности, отрицание сексуальной этиологии психических расстройств) привели его к разрыву с З. Фрейдом. На основании анализа символики сновидений К. Юнг предположил, что в психическом развитии человека помимо индивидуального бессознательного существенная роль принадлежит «коллективному бессознательному». Его содержание составляют «архетипы» — своего рода формальные схемы, прообразы развития, отражающие в символической форме (в мифах, снах, художественном творчестве) общечеловеческий опыт. В освоении содержания коллективного бессознательного состоит, по К.- Юнгу, процесс становления личности человека. Юнговское учение о коллективном бессознательном представляет собой причудливое сочетание рафинированных мифопоэтических и символических построений с крайне натуралистическими и даже механистическими представлениями, глубоких постижений с установкой на принципиальную двусмысленность основных понятий и несистематичность изложения.

Сочинения: The collected works, v. 1—20. London, 1953—1964; Gesam-melte Werke, Bd., 1—18. Z., 1958—1968. Analytical Psychology; Its Theory and Practice. N. Y., 1968. В рус. пер.: Психоз и его содержание. Спб., 1909; Психологические типы. М., 1924. Избранные труды по аналитической психологии. Т. 1—4. Цюрих, 1929—1939. Литература: Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. — В кн.: О современной буржуазной эстетике. М., 1972; М.—L. Franz (ed.). Man and his Symbols. N. Y., 1964.

К. Г. Юнг

[ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ]

В моей практической врачебной работе с нервными больными я уже давно заметил, что помимо многих индивидуальных различий человеческой психики существует также *типическое различие* и прежде всего два резко различных типа, названные мной *типом интроверсии* и *типом экстраверсии*.

Каждый человек обладает обоими механизмами, экстраверсией и интроверсией, и только относительный перевес того или другого опре-

' Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1924, с. 5—21, 34—41, 55—62, 69—74.

238

деляет тип. Нужно поэтому наложить сильную ретушь, чтобы придать, картине необходимую рельефность, что уже ведет к более или менее невинному подлогу. (...)

Интровертированную точку зрения можно было бы обозначить как такую, которая при всех обстоятельствах старается личность ^ субъективное психологическое явление поставить выше объекта и объективного явления или по крайней мере утвердить их по отношению к объекту. (...) Экстравертированная точка зрения, наоборот, ставит субъект ниже объекта, причем объекту принадлежит ^ преобладающая ценность. Субъект пользуется всегда второстепенным значением, субъективное явление кажется иногда только мешающим и ненужным придатком к объективно происходящему. (',.)

Мой опыт доказал мне, что индивидуумов можно различать самым общим образом не только по универсальному различию экстраверсии и интроверсии, но и по отдельным основным психическим функциям. А именно в такой же мере, как внешние обстоятельства и

внутреннее предрасположение вызывают господство экстраверсии или интроверсии, они благоприятствуют также господству в индивидууме определенной основной функции. Основными функциями, т. е. функциями, которые существенно отличаются от других функций, являются, по моему опыту, *мышление, эмоции, ощущение и интуиция*. Если привычно господствует одна из этих функций, то появляется соответствующий тип. Поэтому я различаю мыслительный, эмо-циональный, сенсорный и интуитивный типы. *Каждый из этих типов, кроме того, может быть интровертированным или экстравертированным*, смотря по своему поведению по отношению к объекту, так как это было описано выше. (...)

ЭКСТРАВЕРТИРОВАННЫЙ ТИП

Общая установка сознания. Как известно, каждый ориентируется на данные, которые ему доставляет внешний мир; но мы видим, что это может происходить более или менее решающим образом. Один, вследствие того что на улице холодно, считает необходимым надеть пальто, другой находит это излишним для целей своего закаливания; один восхищается новым тенором потому, что все им восхищаются, другой не восхищается им не потому, что он ему не нравится, а потому, что он держится мнения, что то, чем все восхищаются, далеко еще не достойно удивления; один подчиняется данным отношениям, потому что, как показывает опыт, ничто другое невозможно, другой же убежден, что если уже тысячу раз случилось так, то в тысяча первый раз может произойти иначе и по-новому, .и т. д. Первый ориентируется на данные внешние факты, второй остается при мнении, которое становится между ним и объективно данным. Когда ориентировка на объект и на объективно данные перевешивает до того, что наиболее частые и главнейшие решения и поступки обусловлены не субъективными взглядами, а объективными отношениями, то

говорят об экстравертированной установке. Если это бывает/ постоянно, то говорят об экстравертированном типе. Когда/кто-нибудь так мыслит, чувствует и поступает, одним словом, так живет, как это *непосредственно* соответствует объективным отношениям и их требованиям в хорошем и плохом смысле, то он экстравертированный. Он живет так, что объект, как детерминирующая величина, явным образом играет в его сознании/большую роль, чем его субъективное мнение. Конечно, он имеет субъективные взгляды, но их детерминирующая сила меньше, чем *сила* внешних объективных условий. (...)

Своей нормальности экстравертированный тип обязан, с одной стороны, тем обстоятельствам, что он относительно без трений применяется к данным отношениям и естественно не имеет других претензий, кроме выполнения объективно данных возможностей, например, избрать профессию, которая в данном месте и в данное время представляет многообещающие возможности, или делать или производить то, в чем в данный момент нуждается окружающая среда и чего она ждет от него, или воздерживаться от всяких нововведений, если только они уже сами собой не напрашиваются, или как-нибудь иначе превзойти ожидания окружающего. Но, с другой стороны, его нормальность основана еще на том важном обстоятельстве, что экстравертированный считается с реальностью своих субъективных потребностей и нужд. Его слабый пункт заключается именно в том, что тенденция его типа в такой мере направлена во вне, что из всех субъективных фактов даже наиболее связанный с чувствами, а именно телесное здоровье, как слишком мало объективный, как слишком мало «внешний», недостаточно принимается в соображение, так что необходимое для физического благосостояния удовлетворение элементарных потребностей более не имеет места. Вследствие этого страдает тело, не говоря уже о душе. Экстравертированный обычно мало замечает это последнее обстоятельство, но оно тем заметнее для близких, окружающих его домашних. Потеря равновесия становится для него чувствительной лишь тогда, когда появляются ненормальные телесные ощущения. (...)

Слишком экстравертированная установка может в такой степени не считаться с субъектом, что последний может быть весь принесен в жертву так называемым объективным требованиям, например, постоянному увеличению предприятия только потому, что имеются заказы и что необходимо выполнить представляющиеся возможности. (...)

Установка бессознательного. (...) Я мыслю себе отношение бессознательного к сознательному как компенсаторное. (...)

Установка бессознательного для действительного дополнения сознательной экстравертированной установки имеет свойство интровертирующего характера. Она концентрирует энергию на субъективном моменте, т. е. на всех потребностях и побуждениях, которые подавлены или вытеснены слишком экстравертированной сознательной установкой. Легко понять, ... что ориентировка на объект и на объективно данное насаждает множество субъективных побуждений, мне-

240

ний, желаний и потребностей и лишает их той энергии, которая естественно должна принадлежать им. (...) Эти тенденции (мысли, желания, аффекты, потребности, чувствования и т. д.) принимают, соответственно степени их вытеснения, регрессивный характер, т. е., чем менее они осознаны, тем более они становятся инфантильными и архаическими. Сознательная установка... оставляет им лишь ту энергию, которую она не может отнять. (...) Таким образом, у каждой подавленной тенденции в конце концов остается значительная доля энергии, которая соответствует силе инстинкта; эта тенденция сохраняет свою действительность, хотя бы она стала бессознательной благодаря лишению энергии. Чем полнее сознательная экстравертированная установка, тем инфантильнее и архаичнее

бессознательная установка. Грубый, сильно превосходящий детский и граничащий со злодейским эгоизм иногда характеризует бессознательную установку. (...)

Тот факт, что установка бессознательного компенсирует установку сознания, обыкновенно выражается в психическом равновесии. Нормальная экстравертированная установка еще не означает, конечно, что индивидуум всегда и повсюду поступает по экстравертированной схеме. При всех обстоятельствах у того же индивидуума могут наблюдаться психические процессы, в которых является вопрос о механизме интроверсии. Экстравертированным мы называем только тот *habitus*, в котором механизм экстраверсии перевешивает. В этом случае наиболее дифференцированная функция постоянно подвергается экстравертированию, в то время как менее дифференцированные функции находятся в интровертированном употреблении, т. е. более полноценная функция наиболее осознана и подлежит контролю сознания и сознательного намерения, в то время как менее дифференцированные функции также и менее осознаны, теср. частью бессознательны и в гораздо меньшей степени подчинены сознательной воле. (...) Классическим примером этого является экстравертированный эмоциональный тип, который пользуется прекрасными отношениями с окружающими его, но которому иногда случается высказывать суждения беспримерной бестактности. Эти суждения происходят из его малодифференцированного и малосознательного мышления, которое лишь частично находится под его контролем и к тому же недостаточно обусловлено объектом и поэтому может действовать, совершенно ни с чем не считаясь. (...)

Эмоции. Эмоции в экстравертированной установке ориентируются на объективно данное, т. е. объект является необходимым определителем рода чувствования. Они находятся в согласии с объективными ценностями. Кому знакомы эмоции только как субъективные состояния, тот не поймет непосредственно сущности экстра-вертированного чувствования, так как экстравертированное чувствование, насколько могло, освободилось от субъективного фактора и тем всецело подчинилось влиянию объекта. Даже там, где оно кажется независимым от качества конкретного объекта, оно все-таки находится во власти традиционной или какой-либо иной имеющей общее значение оценки. Я могу чувствовать, что меня влечет к преди-

кату «красивый» или «хороший» не потому, что я из субъективного эмоционального переживания нахожу объект «красивым» или «хорошим», но потому, что *подходит* назвать его «красивым» или «хорошим»; и именно подходит постольку, поскольку противоположное суждение в той или иной мере нарушает общее положение эмоций. При таком применяющемся эмоциональном суждении дело идет вовсе не о симуляции или о лжи, но об акте приспособления. Так, например, картину можно назвать красивой, потому что вообще предполагается, что, висая в салоне, подписанная известным художником картина красива, или потому, что предикат «безобразный» может огорчить семью счастливого обладателя, или потому, что среди посетителей имеется намерение создать приятную эмоциональную атмосферу, для чего необходимо, чтобы все казалось приятным. Такие эмоции направлены согласно объективным определителям. Они, как таковые, подлинны и выражают всю наличную эмоциональную функцию. Точно так же, как экстравертированное мышление освобождается, насколько возможно, от субъективных влияний, экстравертированное чувствование должно пройти известный процесс дифференциации, пока оно не избавится от всякой субъективной примеси. Полученные через эмоциональный акт *оценки* соответствуют или непосредственно объективной ценности, или по крайней мере некоторым традиционным и повсюду распространенным мерилам ценности. Именно этому роду чувствований нужно приписать то, что столько людей посещают театры, или концерты, или церковь с правильно отмеренными позитивными эмоциями. Ему также обязаны своим существованием моды и, что гораздо более ценно, положительная и широко распространенная помощь социальным, филантропическим и прочим культурным предприятиям. В этих вещах экстравертированное чувствование проявляет себя как творческий фактор. Без этих эмоций немислимо, например, хорошее и гармоническое общество. В этом отношении экстравертированное чувствование настолько же благотворная и разумно действующая сила, как и экстравертированное мышление. Это благотворное влияние, однако, утрачивается всякий раз, как объект приобретает чрезмерное влияние. Именно в таком случае слишком сильно экстравертированное чувствование уводит личность в объект, т. е. объект ассимилирует личность, вследствие чего теряется личный характер эмоции, который составляет ее наиболее привлекательную черту. Именно благодаря этому чувствование становится холодным, объективным и незаслуживающим доверия. В нем обнаруживаются скрытые намерения, во всяком случае оно вызывает такие подозрения у беспристрастного наблюдателя. Оно более не производит приятного и освежающего впечатления, которое всегда сопровождает подлинные эмоции, но чувствуется поза или комедиантство, когда эгоцентрические намерения еще, может быть, совершенно бессознательны. Такое преувеличенно экстравертированное чувствование хотя и оправдывает эстетические переживания, но перестает говорить сердцу, а говорит только чувству или, что еще хуже, рассудку. Оно может эстетически оправдать положение, но ограничивается этим и за пределы

242

этого не выходит. Оно стало бесплодным. Если этот процесс идет вперед, то развивается замечательно противоречивая диссоциация чувствования: оно подчиняет себе каждый объект, эмоционально его оценивая, и завязываются многочисленные отношения, которые внутренне противоречат друг другу. Так как это не было бы возможно, если бы имелся хоть сколько-нибудь выраженный субъект, то последние остатки действительно личной точки зрения подавляются. Субъект в такой степени поглощается отдельными эмоциональными процессами, что наблюдатель получает впечатление, как будто имеется только процесс чувствования, а субъекта чувствования нет. Чувствование в этом состоянии совершенно теряет свою первоначальную человеческую теплоту, оно производит впечатление позы, легкомыслия, ненадежности и в худших случаях впечатление истерического.

Экстравертированный эмоциональный тип. Так как эмоциональное переживание бесспорно есть более явное свойство женской психологии, чем мышление, то самые выраженные эмоциональные типы находятся среди женского пола. Когда экстравертированное чувство обладает первенством, то мы говорим об экстравертированном эмоциональном типе. Примеры, которые при упоминании этого типа встают передо мной, касаются почти исключительно женщин. Женщина этого рода живет под руководством своих эмоций. Ее эмоции, вследствие ее воспитания, развились в приспособленную и подвергнутую контролю сознания функцию. В случаях, которые не являются крайними, эмоции имеют личный характер, хотя субъективное уже в значительной степени подавлено. Личность кажется поэтому приспособленной к объективным отношениям. Эмоции соответствуют объективным положениям и общепринятым ценностям. Это сказывается особенно ясно в так называемом выборе объекта любви: любят «подходящего» человека, а не кого-нибудь другого;

он подходит не потому, что он вполне соответствует субъективной скрытой сущности женщины — об этом она по большей части ничего не знает — но потому, что он по своему званию, возрасту, состоянию, величине и почтенности своей семьи соответствует всем разумным требованиям. Такую формулировку как ироническую и унижающую можно было бы, конечно, отвергнуть, если бы я не был вполне уверен, что чувство любви у такой женщины вполне соответствует ее выбору. Это не умственное хитросплетение, а истина. Такие разумные браки существуют без числа, и они далеко не самые худшие. Такие жены хорошие подруги своим мужьям и хорошие матери, поскольку их мужья или дети обладают обычной для страны психической конституцией. «Правильно» чувствовать можно только тогда, когда ничто другое не мешает эмоциям. Ничто, однако, так сильно не мешает чувствованию, как мышление. Отсюда совершенно понятно, что мышление у этого типа подавляется насколько возможно. Это не должно значить, что такая женщина вообще не думает, напротив, она думает, может¹ быть, очень много и очень умно, но ее мышление никогда не бывает *sui generis*, но всегда является эпитетической прибавкой к ее эмоциям. То, что она не может чувствовать, она также не может

сознательно думать. «Ведь я не могу думать того, чего я не чувствую», — сказали мне однажды раздраженным тоном в подобном случае. Поскольку позволяют эмоции, она может очень хорошо думать, но каждое самое логическое заключение, которое могло бы помешать чувствованию, а *limine* отвергается. О нем просто не думают. И, таким образом, ценят и любят все, что считается хорошим, согласно объективной оценке, все прочее, как кажется, просто существует само по себе, вне ее. Но эта картина меняется, когда значение объекта достигает еще более высокой степени. Как я уже объяснил выше, тогда происходит такая ассимиляция субъекта в объекте, что субъект чувствования более или менее исчезает. Чувствование теряет личный характер, оно становится чувствованием в себе и получается впечатление, будто личность полностью растворяется во всякой эмоции. Но так как в жизни постоянно сменяются ситуации, которые дают место различным или друг другу противоречащим эмоциональным тонам, то личность растворяется в таком же количестве различных эмоций. Один раз становятся одним, а другой раз чем-то совершенно другим — по видимости; потому что в действительности подобное многообразие личности невозможно. Основа личности остается все-таки идентичной самой себе и становится поэтому в явную оппозицию к меняющимся эмоциональным состояниям. Вследствие этого наблюдатель более не воспринимает выставленную напоказ эмоцию как личное выражение чувствующего, но скорее как изменение личности, т. е. каприз. Смотри по степени диссоциации между личностью и временным эмоциональным состоянием, более или менее проявляются признаки несовместимости с самим собою, т. е. первоначально компенсирующая установка бессознательного становится в явную оппозицию. Это сказывается прежде всего в преувеличенном выражении эмоций, например, в громких и навязчивых эмоциональных предикатах, которые, однако, несколько не заслуживают доверия. Они звучат пусто и не убеждают. Они, напротив, заставляют уже допустить возможность, что этим слишком сильно компенсируется какое-то противодействие и что поэтому такое эмоциональное суждение могло бы означать и нечто совсем иное. А немного позже оно означает и другое. Ситуация должна только немного измениться для того, чтобы тотчас вызвать противоположную оценку того же самого объекта. Результатом такого опыта является то, что наблюдатель не может принять всерьез ни одно ни другое суждение. Он начинает сохранять за собою свое собственное суждение. Но так как для этого типа особенно важно установить интенсивное эмоциональное общение с окружающим, то нужны двойные усилия, чтобы преодолеть сдержанность окружающих. Это ухудшает положение в направлении *circulus vitiosus*. Чем сильнее ставится ударение на эмоциональном отношении к объекту, тем сильнее выступает на поверхность бессознательная оппозиция.

Мы уже видели, что экстравертированный эмоциональный тип в большинстве случаев подавляет свое мышление, так как мышлению наиболее свойственно мешать эмоциям. На этом основании и мышление, когда оно стремится к сколько-нибудь чистым результатам,

244

.почти всегда исключает чувствование, потому что ничто так не способно помешать мышлению и извратить его, как эмоциональная оценка. Поэтому мышление экстравертированного эмоционального типа, поскольку оно является самостоятельной функцией, подавлено. Как я уже упоминал, оно подавлено не вполне, но лишь в той степени, в какой его неумолимая логика вынуждает к заключениям, не ! подходящим для эмоций. Но оно допускается как слуга эмоций, или, лучше сказать, их раб. Его позвоночный столб сломан, оно не может происходить самостоятельно, совершаться согласно своим собственным законам. Но так как все-таки существуют логика и неумолимо правильные заключения, то они где-то и происходят, но только вне сознания, а именно в бессознательном. Поэтому бессознательным содержанием этого типа является прежде всего своеобразное мышление. Это мышление инфантильно, архаично и негативно. Пока сознательное чувствование

проявляет личный характер или, другими словами, пока личность не поглощается отдельными эмоциональными состояниями, бессознательное мышление действует компенсирующе. Но когда личность диссоциируется и растворяется в отдельных друг другу противоречащих эмоциональных-состояниях, то идентичность личности теряется, субъект становится бессознательным. Так как субъект входит в бессознательное, он ассоциируется с бессознательным мышлением и иногда придает этим бессознательному мышлению сознательность. Чем сильнее сознательное эмоциональное отношение и чем более поэтому оно обезличивает чувство, тем сильнее также бессознательная оппозиция. Это выражается в том, что как раз вокруг наиболее ценимого объекта собираются бессознательные мысли, которые безжалостной критикой лишают этот объект его ценности. Мышление в стиле «ничто иное как» здесь как раз на месте, потому что оно разрушает превосходство прикованных к объекту эмоций. Бессознательное мышление выступает на поверхность в форме причуд, часто навязчивого свойства, общий характер которых всегда негативный и обесценивающий. Поэтому у женщин этого типа бывают моменты, когда худшие мысли прикрепляются как раз к тому объекту, который чувство ценит выше всего. Негативное мышление пользуется всякими инфантильными предрассудками или сравнениями, которые способна поставить под сомнение эмоциональную оценку, и привлекает все примитивные инстинкты, чтобы быть в состоянии объяснить эмоции как «ничто иное как». Скорее в качестве стороннего замечания я здесь упомяну о том, что таким же образом привлекается коллективное бессознательное, совокупность первоначальных картин, из обработки которых является возможность возрождения установки на другом основании.

Главной формой невроза этого типа является истерия с ее характерным инфантильно-сексуальным бессознательным миром представлений, (Л.)

ИНТРОВЕРТИРОВАННЫЙ ТИП

Общая установка сознания.... Интровертированный тип отличается от экстравертированного тем, что он преимущественно ориентируется не на объект и объективно данное как экстравертированный тип, но на субъективные факторы. (...)

Интровертированное сознание, хотя видит внешние условия, но решающими избирает субъективные определители. (...) Я считаю, что тот взгляд, согласно которому... можно было бы назвать эту установку... эгоцентрической, субъективистической или эгоистической, в своем принципе вводит в заблуждение и лишает это понятие ценности. Он соответствует предубеждению в пользу экстравертированной установки против сущности интровертированного. Никогда не следует забывать — экстравертированный образ мышления забывает это слишком легко, — что всякое восприятие и познание обусловлено не только объективно, но и субъективно. (...) Субъективный фактор есть нечто так же непреклонно данное, как протяженность моря и радиус земли. В этом отношении субъективному фактору принадлежит вся важность мироопределяющей величины, которую никогда и нигде нельзя сбросить со счета. Он является другим мировым законом, и кто на нем основывается, основывается с такой же достоверностью, с такой же твердостью и действительностью, как тот, кто ссылается на объект. Но как объект и объективно данное никогда не остается одним и тем же, так как он подвержен тлению и случайности, так и субъективный фактор подлежит изменчивости и индивидуальной случайности. И поэтому его ценность только относительна. Чрезмерное развитие интровертированной точки зрения в сознании ведет не к лучшему и более верному применению субъективного фактора, но к искусственному субъективированию сознания, которому нельзя не сделать упрека в том, что оно «только субъективно». (...)

Установка бессознательного. Преимущественное положение субъективного фактора в сознании означает неполноценность объективного фактора. Объект не имеет того значения, которое ему в действительности надлежит иметь. Как в экстравертированной установке он играет слишком большую роль, так в интровертированной установке он имеет слишком мало значения. (...) Но если сознательная личность стремится придать себе значение субъекта, то естественным образом, как компенсация, происходит бессознательное укрепление влияния объекта. Это изменение проявляется в том, что на иногда просто судорожное усилие обеспечить превосходство сознательной личности объект и объективно данное оказывают чрезвычайно сильное влияние, которое тем более непреодолимо, что оно овладевает индивидуумом бессознательно и благодаря этому навязываются сознанию без всякого противодействия. (...) Чем больше сознательная личность старается обеспечить себе всяческую свободу, независимость, свободу от обязанностей и превосходство, тем более попадает она в рабство объективно данного. Свобода духа привязывается на цепь постыдной финансовой зависимостью, независи-

246

мость поступков время от времени совершает робкое отступление перед общественным мнением, моральное превосходство попадает в трясины неполноценных отношений, стремление к господству кончается грустной тоскою по любви. (...) Вследствие этого сознательная личность еще более старается отделить и преодолеть объект. В конце концов сознательная личность окружает себя формальной системой предохранительных мер (как это верно изобразил Адлер), которые стараются оправдать по крайней мере призраки превосходства. Этим, однако, интровертированный вполне отделяет себя от объекта и совершенно изводит себя, с одной стороны, мерами защиты, а с другой — бесплодными попытками импонировать объекту и отстоять себя. Но эти старания всегда пресекаются преодолевающими впечатлениями, которые он получает от объекта. Против его воли объект постоянно ему импонирует, он вызывает у него неприятнейшие и продолжительнейшие

аффекты и преследует его шаг за шагом. Ему всегда необходима огромная внутренняя работа для того, чтобы уметь «себя сдерживать». (...)

Так как его сознательное отношение к объекту относительно подавлено, то оно идет через бессознательное, где оно наделяется качествами бессознательного. Эти качества, прежде всего, инфантильно-архаичны. Вследствие этого его отношение к объекту становится примитивным... . Именно тогда кажется, что объект обладает магической силой. Посторонние, новые объекты возбуждают страх и недоверие, как будто они скрывают неведомые опасности. (...)

Эмоции. Интровертированное чувство определяется главным образом субъективным фактором. Это означает для эмоционального суждения настолько же существенное различие от экстравертированного чувствования, как интроверсия мышления от экстраверсии. Без сомнения интеллектуальное изложение или даже приблизительное описание интровертированного эмоционального процесса относится к самым трудным вещам, хотя своеобразная сущность этого чувствования неизбежно бросается в глаза, если только вообще на него обращают внимание. Так как это чувство подчиняется главным образом субъективным предварительным условиям и объект имеет для него второстепенное значение, то оно проявляется значительно меньше и обычно превратно понимается. Это чувство, которое, по-видимому, лишает объект его значения, поэтому проявляется по большей части негативно. Существование негативных эмоций можно открыть, так сказать, только косвенным образом. Они стараются не приспособиться к объективному, но поставить себя выше его, так как они стараются осуществить лежащие в их основе образы. Они поэтому всегда стремятся к образу, которого в действительности нельзя найти и который в известной мере им являлся раньше. Они, видимо, скользят мимо объекта, который никогда не подходит для их цели, не обращая на него внимание. Они стремятся к внутренней интенсивности, для которой объекты являются только возбудителем. О глубине этих эмоций можно только догадываться, но ясно понять ее нельзя. Они делают человека молчаливым и трудно доступным, так как они свертываются, подобно мимозе, перед гру-

бостью объекта, чтобы заполнить глубину субъекта. Для защиты они выдвигают негативные эмоциональные суждения и проявляют подчеркнутое равнодушие.

Первоначальные образы, как известно, являются настолько же идеями, как и эмоциями. Поэтому и основные идеи, как бог, свобода и бессмертие, являются в такой же мере эмоциональными ценностями, насколько они имеют значение как идеи. Поэтому все то, что было сказано об интровертированном мышлении, можно перенести и на интровертированное чувствование, только здесь прочувствуется все то, что там продумывалось. Но тот факт, что мысли обычно могут быть выражены более понятно, чем эмоции, обуславливает при этом чувствовании необходимость необычной словесной или художественной способности выражения, для того чтобы только приблизительно внешне выразить или передать его богатство. Если субъективное мышление вследствие своей безотносительности лишь с трудом может вызвать адекватное понимание, то может быть еще в большей мере это имеет значение для субъективного чувствования. Чтобы сообщить другому, оно должно найти внешнюю форму, которая способна, с одной стороны, соответственно выразить субъективное чувствование, а с другой — так передать его ближнему, чтобы в нем возник параллельный процесс. Вследствие относительно большого внутреннего (как и внешнего) сходства людей этот эффект может быть достигнут, хотя чрезвычайно трудно найти соответствующую эмоциям форму, пока именно чувствование в действительности ориентируется главным образом на сокровищницу первоначальных образов. Если же благодаря эгоцентричности оно становится поддельным, то оно теряет симпатичность, так как в этом случае оно занимается преимущественно сознательной личностью. Тогда оно неизбежно производит впечатление сентиментального самолюбия, желания заинтересовать собою и даже болезненного самолюбования. Так же как субъективированное сознание интровертированного мыслителя стремится к абстракции абстракций и этим достигает только высочайшей интенсивности пустого в себе мыслительного процесса, так и эгоцентрическое чувствование углубляется до бессодержательной страстности, которая чувствует только самое себя. Эта ступень является мистически-экстатической и подготавливает переход к подавленным чувствованием экстравертированным функциям. Так же интровертированному мышлению противоплагается примитивное чувствование, которому объекты навязываются магической силой, так против интровертированного чувствования выступает примитивное мышление, которое находит себе выражение в конкретизме и рабском подчинении фактам. Чувствование все более эмансипируется от отношения к объекту и создает себе только субъективно связанную свободу действия и совести, которая в данном случае расходится со всем обычно принятым. Но тем более бессознательное мышление попадает во власть объективного.

Интровертированный эмоциональный тип. Преобладание интровертированного чувствования я нашел главным образом среди жен-

248

щин. Пословица «Тихая вода — глубока» касается этих женщин. Они по большей части молчаливы, трудно доступны, непонятны, часто скрываются за детской или банальной маской, часто также бывают меланхолического темперамента. Они не блистают и не выдвигаются вперед. Так как они руководятся преимущественно своими субъективно ориентированными эмоциями, то их истинные мотивы остаются по большей части скрытыми. Внешне они гармонически ничем не выделяются, проявляют приятное спокойствие, симпатический параллелизм, который не хочет принуждать другого, влиять на него или даже воспитывать и изменить его. Если эта внешняя сторона несколько более выражена, то появляется легкий оттенок индифферентности и холодности, который может усилиться до равнодушия к благополучию и несчастью другого. Тогда ясно чувствуется, как эмоции отворачиваются от объекта. У нормального типа этот случай, конечно, бывает только тогда, когда объект каким-нибудь образом слишком сильно воздействует. Гармоническая

параллельность эмоций поэтому имеет место лишь до тех пор, пока объект при среднем состоянии эмоций движется по своему собственному пути и не старается пересечь путь эмоций. Настоящие эмоции объекта не сопровождаются, а смягчаются и сдерживаются, или лучше сказать «охлаждаются» негативным эмоциональным суждением. Хотя всегда имеется готовность к спокойному и гармоничному протеканию рядом друг с другом, но по отношению к чужому объекту проявляется не любезность, не теплая предупредительность, но кажущееся индифферентным, холодное до пренебрежения, отношение. Иногда начинают чувствовать ненужность собственного существования. По отношению к тому, в чем имеется порыв, энтузиазм, этот тип соблюдает сначала благожелательный нейтралитет, иногда с легким оттенком превосходства и критики, которые действуют расхолаживающе на впечатлительный объект. Но агрессивная эмоция может быть резко отражена с убийственной холодностью, если только случайно она не овладевает индивидуумом через бессознательное, т. е., другими словами, оживляет какой-нибудь первоначальный эмоциональный образ и тем захватывает в нем чувство этого типа. В этом случае такая женщина почувствует просто мгновенный паралич, которому в дальнейшем будет оказано тем более сильное противодействие, поражающее объект в самое уязвимое место. Отношение к объекту по возможности сохраняется в спокойном и безопасном среднем состоянии эмоций, между упорным сдерживанием страсти и ее безграничностью. Выражение эмоций поэтому остается умеренным, и объект всегда чувствует свою недооценку, если он ее сознает. Это, конечно, случается не всегда, так как недостаточность очень часто остается неосознанной, но зато со временем, вследствие бессознательных притязаний эмоций, развиваются симптомы, которые принуждают к усиленному вниманию. Так как этот тип по большей части холоден и сдержан, то поверхностное суждение легко отказывает ему во всякой эмоции. Но это в основе ложно, так как эмоции хотя не экстенсивны, но интенсивны. Они развиваются в глубину. В то время, например, как экстенсивное чувство сострадания выражается в

надлежащем месте словами и поступками и тотчас может снова освободиться от этого впечатления, интенсивное сострадание замыкается перед всяким выражением и достигает болезненной глубины которая объемлет бедствие мира и потому немеет. Быть может, оно внезапно проявится в избытке и приведет к изумляющему поступку, так сказать, героического характера, к которому, однако, ни объект, ни субъект не могут найти правильного отношения. Внешне слепому глазу экстравертированного это сострадание кажется холодностью, так как оно не совершает ничего ощутимого, а в невидимые силы экстравертированное сознание не может верить. Это недоразумение является характерным событием в жизни этого типа и обычно учитывается как важный аргумент против всякого глубокого эмоционального отношения к объекту. Но о том, что составляет действительный предмет этого чувствования, даже нормальный тип может только догадываться. Перед самим собою он выражает свою цель и свое содержание, быть может, в скрытой и боязливо хранимой от глаз профана религиозности, или в такой же не вызывающей изумления поэтической форме, не без тайного честолюбивого стремления осуществить этим превосходство над объектом. Женщины, которые имеют детей, вкладывают в них много от этого, тайно внушая им свою страстность.

Хотя у нормального типа указанная тенденция — явно и открыто поставить скрытую эмоцию выше объекта или насильно навязать ее ему — не играет роли помехи и никогда не ведет к серьезной попытке в этом направлении, но все-таки кое что от этого просачивается в личном действии на объект, в форме часто с трудом определяемого доминирующего влияния. Оно ощущается как угнетающее или удушающее чувство, которое отдаляет окружающее. Благодаря этому этот тип приобретает известную, таинственную силу, которая может в высокой степени очаровать именно экстравертированного человека, потому что она затрагивает его бессознательное. Эта сила проистекает из прочувствованных бессознательных образов, но легко переносится с бессознательного на сознательную личность, благодаря чему влияние искажается в смысле личной тирании. Но когда бессознательный субъект идентифицируется с сознательной личностью, то и таинственная сила интенсивных эмоций превращается в банальное и высокомерное стремление к господству, в суетность и тираническое самодурство. Отсюда происходит тип женщины, которая известна с невыгодной стороны своим мнительным честолюбием и своей злобной жестокостью. Но такое направление ведет к неврозу.

Пока сознательная личность чувствует себя ниже высоты бессознательного субъекта, и эмоции заключают в себе более высокое и более могущественное, чем сознательная личность, — тип является нормальным. Бессознательное мышление хотя архаично, но компенсирует, оказывая помощь уменьшением случайных попыток возвысить сознательную личность в субъект. Но если все-таки, благодаря полному подавлению смягчающего влияния бессознательного мышления, это случается, то бессознательное мышление становится в

250
 оппозицию и проецируется в объекты. Благодаря этому ставший эгоцентричным субъект начинает чувствовать силу и значение лишенной ценности объекта. Сознание начинает чувствовать «что думают другие». Конечно, другие думают всевозможные низости, замышляют зло, тайно травят и интригуют и т. д. Субъект должен это предупредить тем, что он сам заранее начинает интриговать и подозревать, выведывать и комбинировать. Над ним приобретают влияние слухи, и нужно употребить судорожные усилия, чтобы угрожающее подчинение превратить по возможности в превосходство. Появляются бесконечные соперничества и в этих ожесточенных схватках не только не страшатся всякого плохого и низкого средства, но и добродетель употребляется во зло, лишь бы только сыграть козырем. Такое развитие ведет к истощению. Форма невроза менее истерична, чем неврастенична, у

Библиотека <http://www.koob.ru>

женщин часто с сильным участием соматических состояний, например, анемии с последующими состояниями.

Ганнушкин Петр Борисович (24 февраля 1875—23 февраля 1933) — русский, советский психиатр. Окончил медицинский факультет Московского университета (1898), ученик С. С. Корсакова и В. П. Сербского. Профессор кафедры психиатрии и директор психиатрической клиники Московского университета (с 1918), 1 Московского медицинского института (с 1930). П. Б. Ганнушкин является одним из основоположников советской психиатрии, создателем оригинальной концепции малой психиатрии — учения о психопатиях. Монография П. Б. Ганнушкина «Клиника психопатий. Их статика, динамика и систематика» (М. 1933) содержит яркое и детальное описание существенных особенностей основных типов патологических характеров. Утверждая, что клиническое исследование и лечение больных психопатией должно происходить в единстве с изучением их конкретной социальной среды, П. Б. Ганнушкин уделял большое внимание профилактике психических заболеваний, организации системы внебольничной психиатрической помощи.

Сочинения: Избранные труды. М., 1964.

77. Б. Ганнушкин [ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ПРИ ПСИХОПАТИЯХ']

ГРУППА циклоидов

Конституционально-депрессивные. В чистом виде эта группа немногочисленна. Дело идет о лицах с постоянно пониженным настроением. Картина мира как будто покрыта для них траурным флером, жизнь кажется бессмысленной, во всем они отыскивают только мрачные стороны. Это прирожденные пессимисты. Всякое радостное событие сейчас же отравляется для них мыслью о непрочности радости, от будущего они не ждут ничего, кроме несчастья и трудностей, прошлое же доставляет только угрызения совести по поводу действительных или мнимых ошибок, сделанных ими. Они чрезвычайно чувствительны ко всяким неприятностям, иной раз очень остро реагируют на них, а кроме того, какое-то неопределенное чувство тяжести на сердце, сопровождаемое тревожным ожиданием несчастья, преследует постоянно многих из них. Другие

' Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика,-систематика. М., 1933, с. 15—50.

2S2

никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающей для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных поступках юности. Соответственно этому им часто кажется, что окружающие относятся к ним с презрением, смотрят на них свысока. Это заставляет их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц. Однако за этой угрюмой оболочкой обычно теплится большая доброта, отзывчивость и способность понимать душевные движения других людей; в тесном кругу близких, окруженные атмосферой сочувствия и любви, они проявляются: делаются веселыми, приветливыми, разговорчивыми, даже шутниками и юмористами, для того, однако, чтобы, едва проводив своих гостей или оставив веселое общество, снова приняться за мучительное копание в своих душевных ранах. Во внешних их проявлениях, в движениях, в мимике большей частью видны следы какого-то заторможения: опущенные черты лица, бессильно повисшие руки, медленная походка, скупые, вялые жесты, — от всего этого так и веет безнадежным унынием. Какая бы то ни была работа, деятельность по большей части им неприятна, и они скоро от нее утомляются. Кроме того, в сделанном они замечают преимущественно ошибки, а в том, что предстоит — столько трудностей, что в предвидении их невольно опускаются руки. К тому же большинство из них обычно

неспособно к продолжительному волевому напряжению и легко впадает в отчаяние. Все это делает их крайне нерешительными и неспособными ни к какой действенной инициативе. (...)

У некоторых из описываемых нами людей внутренняя угнетенность и заторможение до некоторой степени компенсируются вовне волевым напряжением, чрезвычайно трудно, однако, им дающимся:

нередко можно видеть, как в минуту усталости или ослабления воли у них спадает надетая на их действительное «я» маска, обнажая подлинное их лицо, — и место веселого балагура занимает полный безнадежного внутреннего отчаяния вялый меланхолик.

Часто такого рода лица уже в детстве обращают на себя внимание своей задумчивостью, боязливостью, плаксивостью и капризностью. Чаще, однако, периодом, когда выявляются особенно ярко черты конституциональной депрессии, бывает возраст полового созревания, когда у казавшихся раньше совершенно нормальными подростков начинается сдвиг в настроении: до того — веселые, общительные, живые, они начинают ощущать тяжелый внутренний разлад, появляются мысли о бесцельности существования, тоскливое настроение и все другие перечисленные выше особенности, чтобы с тех пор, то усиливаясь, то ослабевая, сопровождать больного уже до старости, когда они или постепенно смягчаются, или же, наоборот, усиливаются до того, что принимают явно психотические формы. Нередко жизненный путь этих психопатов преждевременно обрывается

самоубийством, к которому они словно готовы в любую минуту жизни. Наконец, в ряде случаев на описанном основном фоне от времени до времени развиваются психотические вспышки: или маниакальные или депрессивные. (...)

Конституционально-возбужденные. Эта группа психопатов представляет полярную противоположность только что описанной. Одной из самых интересных ее особенностей является то обстоятельство, что представители ее в нерезко выраженных случаях практически считаются вполне здоровыми и действительно вряд ли могут быть причислены к людям, доставляющим страдания себе или обществу. Крепелин описывает их как блестящих, но большей частью неравномерно одаренных субъектов, которые изумляют окружающих гибкостью и многосторонностью своей психики, богатством мыслей, часто художественной одаренностью, душевной добротой и отзывчивостью, а главное, всегда веселым настроением. Это люди, быстро откликающиеся на все новое, энергичные и предприимчивые. Однако при более близком знакомстве с ними наряду с перечисленными положительными чертами в их духовном облике обращают на себя внимание и особенности другого порядка: внешний блеск иной раз соединяется с большой поверхностью и неустойчивостью интересов, которые не позволяют вниманию надолго задерживаться на одном и том же предмете, общительность переходит в чрезмерную болтливость и постоянную потребность в увеселениях, в работе не хватает выдержки, а предприимчивость ведет к построению воздушных замков и грандиозных планов, кладущих начало широковещательным, но редко доводимым до конца начинаниям. С такими людьми очень приятно встречаться в обществе, где они очаровывают своим остроумием, приветливостью и открытым характером, но не всегда легко поддерживать деловые отношения: помимо того, что их обещаниям нельзя верить, многие из них чрезвычайно высокого мнения о себе и поэтому с большим неудовольствием выслушивают возражения против высказываемых ими мыслей или критические замечания по поводу развиваемых ими проектов, позволяя между тем себе насмешки и остроты, иногда чрезвычайно меткие, но очень больно задевающие собеседника. В более резко выраженных случаях мы встречаемся уже с несомненными психопатическими особенностями, кладущими определенный отпечаток на весь жизненный путь таких людей. Уже в школе они обращают на себя внимание тем, что, обладая в общем хорошими способностями, учатся обыкновенно плохо. (...) Кроме того, они легко распускаются и выходят из повиновения, делаясь вожаками товарищей во всех коллективных шалостях. (...) С большим трудом переносят они при своих наклонностях и военную службу, часто нарушая дисциплину и подвергаясь всевозможным взысканиям. Рано пробуждающееся интенсивное половое влечение ведет за собой многочисленные эротические эксцессы, которые непоправимо калечат их физическое здоровье. Часто подобного рода пациенты оказываются, кроме того, малоустойчивыми по отношению к употреблению алкоголя... При всем том они вовсе не часто опускаются на дно: предприимчивые

254

И находчивые, такие субъекты обыкновенно выпутываются из самых затруднительных положений, проявляя при этом поистине изумительную ловкость и изворотливость. И в зрелые годы их жизненный путь не идет прямой линией, а все время совершает большие зигзаги от крутых подъемов до молниеносных падений. Многие из них знают чрезвычайно большие достижения и удачи: остроумные изобретатели, удачливые политики, ловкие аферисты, они иногда шутя взбираются на самую вершину общественной лестницы, но редко долго на ней удерживаются — для этого у них не хватает серьезности и постоянства. Нельзя не отметить, что в своей практической деятельности они далеко не всегда отличаются моральной щепетильностью: по свойственному им легкомыслию они просто проглядывают границу между дозволенным и запретным, а, самое главное, их бурный темперамент просто не позволяет им все время удерживаться в узких рамках законности и морали. Мы иногда

видим представителей этого типа запутавшимися в крупных мошенничествах, в которые их увлекает не находящая в обычных условиях достаточного применения кипучая энергия, развивающая у них неутолимую жажду приключений и страсть к рискованным предприятиям. Чаще, однако, мы встречаемся с более невинной склонностью ко лжи и хвастовству, связывающейся обыкновенно с чрезмерно развитым воображением и проявляющейся в фантастических измышлениях о своем высоком положении и о никогда в действительности не совершавшихся подвигах, а иной раз — просто в рассчитанных на создание сенсации выдумках о каких-нибудь небывало грандиозных событиях (близость к патологическим лгунам).

Группа сравнительно невинных болтунов и при наличии более резко выраженного самомнения и некоторой раздражительности образует естественный переход к другой, значительно более неприятной, разновидности описываемого типа, к так называемым «несносным спорщикам». Это люди, которые все знают лучше других, чрезвычайно не любят слушать и особенно не терпят возражений, вызывающих у некоторых из них неудержимые гневные вспышки. Переоценивая свое значение, они склонны предъявлять совершенно неосуществимые притязания, а, встречая непризнание и противодействие, легко вступают на путь упорной борьбы за свои мнимые права. В этой борьбе они обыкновенно не останавливаются ни перед чем. Выведенные из себя, они совершенно не считаются с правилами общежития, дисциплиной и требованиями закона, ведут себя вызывающе грубо с окружающими, осыпают своих противников всевозможными оскорблениями и бранными словами, искренно не замечая всей неоправданности своего поведения. Часто они начинают совершенно неосновательные судебные процессы, которые иной раз чрезвычайно упорно проводят до самых последних инстанций, постоянно подстегиваемые испытываемым ими противодействием. От настоящих параноических сутяг такие «псевдокверулянты» отличаются все-таки меньшим постоянством, большей мягкостью характера и способностью под влиянием изменившегося Настроения от

2SS

времени до времени приходиться к пониманию нелепости своих выходок, а иногда и склонностью к примирению. (...)

Циклотимики. Гораздо чаще, чем конституционально-депрессивные и конституционально-возбужденные психопаты, встречаются личности с многократной волнообразной сменой состояний возбуждения и депрессии. Эти колебания обыкновенно берут начало в возрасте полового созревания, который и в нормальных условиях часто вызывает более или менее значительное нарушение душевного равновесия. Как уже выше было отмечено, часто именно в этом возрасте веселые, живые и жизнерадостные подростки превращаются в меланхолических, угнетенных и пессимистически настроенных юношей и девушек. Бывает и наоборот: половое созревание вызывает неожиданный расцвет личности, и до того вялый, нелюдимый, неуклюжий и застенчивый ребенок вдруг разворачивается в блестящего, энергичного, остроумного и находчивого юношу, обнаруживающего массу ранее скрытых талантов, кружащего головы женщинам и полного самых розовых надежд и широких планов. Далее начинается периодическая смена одних состояний другими, иногда связанная как будто с определенными временами года, чаще всего — с весной или осенью. При этом состояния возбуждения обыкновенно субъективно воспринимаются как периоды полного здоровья и расцвета сил, тогда как приступы депрессии, даже если они слабо выражены, переживаются тяжело и болезненно: сопровождающие их соматические расстройства, а также понижение работоспособности, чувство связанности и безотчетно тоскливое настроение нередко заставляют искать облегчения у врачей. В конце концов, однако, и состояния подъема иной раз теряют свою безоблачно радостную окраску:

частые нарушения душевного равновесия утомляют, вызывая чувство внутреннего напряжения и постоянного ожидания новой противоположной фазы; веселое, приподнятое настроение в более позднем возрасте сменяется раздражительно-гневливым, предприимчивость приобретает оттенок агрессивности и т. д. (...)

Именно у циклотимиков нередко удается наблюдать одновременное сосуществование элементов противоположных настроений;

так, например, во время состояния возбуждения в настроении больного можно открыть несомненную примесь грусти, и, наоборот, у депрессивных субъектов — налет юмора, — обстоятельство, побудившее Кречмера выставить положение о так называемой «диатетической» пропорции настроения, заключающейся в том, что в каждом отдельном случае гипоманиакальная и меланхолическая половины циклоидного темперамента смешаны между собой только в различных пропорциях. Мысль о наличии подобного сосуществования в одной личности полярных противоположностей того или иного рода высказывается как Кречмером, так и другими исследователями и по отношению к другим группам психопатов, именно к шизоидам и эпилептоидам.

Эмотивно-лабильные (реактивно-лабильные) психопаты. У некоторых циклотимиков колебания их состояния совершаются чрезвычайно часто, иногда прямо по

256

дням. Такие субъекты больше всего поражают капризной изменчивостью их настроения, как бы безо всякой причины переходящего из одной крайности в другую. Близкое к ним положение занимает группа психопатов, у которых эмоциональная неустойчивость, как таковая, имеет более самостоятельное значение и занимает более выдающееся место. Эта неустойчивость часто придает их характеру отпечаток чего-то нежного, хрупкого, отчасти детского и наивного, чему способствует также и их большая внушаемость. По существу это большей частью люди веселые, открытые и даже простодушные, однако на окружающих часто производящие впечатление капризных недотрог: малейшая неприятность омрачает их душевное расположение и приводит их в глубокое уныние, хотя обыкновенно ненадолго;

стоит такому субъекту сообщить какую-нибудь интересную новость или немного польстить его самолюбию, как он уже расцветает, делается снова жизнерадостным, бодрым, энергичным. Почти никогда их настроение не меняется беспричинно, однако поводы для его изменений обыкновенно настолько незначительны, что со стороны эти изменения кажутся совершенно беспричинными: на эмотивно-лабильных может действовать и дурная погода, и резко сказанное слово, и воспоминание о каком-нибудь печальном событии, и мысль о предстоящем неприятном свидании, и словом, такая масса совершенно неучитываемых мелочей, что иной раз даже сам. больной не в состоянии понять, почему ему стало тоскливо и какая неприятность заставила его удалиться из веселого общества, в котором он только что беззаботно смеялся. Надо добавить, что большей частью у них есть все-таки свои хорошие и дурные дни, причем в хорошие они иной раз очень спокойно переносят даже крупные огорчения и неприятности, тогда как в плохие — почти не выходят из тоскливого угнетения или гневной раздражительности; в некоторых случаях эта раздражительность является даже основной чертой характера такого рода психопатов. Несмотря на известный оттенок легкомыслия и поверхностности, это люди, способные к глубоким чувствам и привязанностям: они чрезвычайно тяжело — иногда и на долгий срок — переживают всякие сильные душевные потрясения, особенно утрату близких лиц; но и по отношению к другим психическим травмам (катастрофам, переживаниям войны, тюремному заключению) порог их выносливости очень невысок — именно они чаще всего дают так называемые патологические реакции и реактивные психозы. Срок, на который меняется настроение у этой группы личностей, может быть очень различен: наряду со случаями, где настроение меняется несколько раз в течение дня от беззаботного веселья до приступов полного отчаяния, у них же наблюдается и длительное состояние и радости, и тоски, развивающееся всегда, конечно, по тому или другому поводу, при этом длительность эффекта до известной степени оказывается адекватной тому фактору, который вызвал и родил изменение настроения. Надо добавить, что кроме описанных есть эмотивно-лабильные личности и несколько иного склада. Мы имеем в виду людей, при обычных условиях ровных и спокойных, может быть, только несколько чересчур мягких, боязливых и тревож-

ных. Они обыкновенно прекрасно уживаются в размеренных рамках хорошо налаженной жизни, но зато чрезвычайно быстро теряются в условиях, требующих находчивости и решительности, очень легко давая патологические реакции на неприятные переживания, хотя сколько-нибудь выводящие их из душевного равновесия.

ГРУППА АСТЕНИКОВ

(...) В наиболее чистом и простом виде симптоматология конституциональной астении представлена у так называемых неврастеников, субъектов, наиболее отличительными чертами которых именно и являются чрезмерная нервно-психическая возбудимость, раздражительность, с одной стороны, и истощаемость, утомляемость — с другой. Помимо того, в симптоматологии этих случаев большую роль играют явления как бы соматического порядка: ощущения в различных частях тела, функциональные нарушения деятельности сердца, желудочно-кишечного аппарата и пр.; больные жалуются на головные боли, сердцебиение, бессоницу ночью и сонливость днем, плохой аппетит, поносы, сменяющиеся запорами, половую слабость. Некоторые из них отличаются, кроме того, общей вялостью, отсутствием инициативы, нерешительностью, мнительностью или апатичным, или чаще, равномерно угнетенным настроением. Подобного рода субъекты неспособны к длительному усилию и усидчивой работе: последняя быстро начинает им надоедать, появляется чувство усталости, слабости, даже сонливости. Часто страх перед чрезмерностью требуемого от них трудового напряжения уже заранее парализует их волю и делает их неспособными даже приняться за дело. При попытке преодолеть неохоту и отвращение развиваются всякие неприятные ощущения: чувство тяжести в голове, тянущие боли в спине, частые позывы на мочеиспускание и пр., а иногда и какое-то особое состояние возбуждения, не позволяющее субъекту долго сидеть на одном месте. (...)

От описанного типа вялого неврастеника-ипохондрика несколько отличаются субъекты, у которых наряду с той же, а, может быть, и еще большей истощаемостью резко выявляется склонность к увлечению той или иной работой, теми или другими интересами; это свойство проистекает из второй основной, характеризующей их организационной черты — возбудимости, раздражимости. Эти люди легко усваивают все новое, но, как и только что описанные, совершенно не выдерживают длительного напряжения. В их работе нередко поражает бросающееся в глаза противоречие между удачным началом и очень незначительным объемом общего эффекта — результат наступающего уже через очень короткое время быстрого падения продуктивности. (...) До полной неработоспособности дело, впрочем, почти никогда не доходит: больные работают неправильно, нерегулярно, скачками и вспышками, однако все-таки сохраняют способность давать достаточно полноценные результаты и оставаться полезными членами общества. Такого рода людей часто обви-

258

няют в «лени», называют «лентяями», но это слишком простое и ничего не говорящее объяснение.

Более сложную группу психопатов астенического склада образуют лица, главными чертами которых являются чрезмерная впечатлительность, с одной стороны, и резко выраженное чувство собственной недостаточности — с другой, в большей или меньшей степени присущее, впрочем, всем вообще астеникам. Их нервная слабость проявляется в крайней ранимости к переживаниям, хотя сколько-нибудь выходящим из ряда обычных житейских происшествий. Они падают в обморок при виде крови, не в состоянии присутствовать при самой ничтожной операции, не выносят сколько-нибудь горячих споров и до крайности травмируются видом необычайных уличных происшествий: несчастных случаев, драк, скандалов и пр. Робкие, малодушные, застенчивые, это обыкновенно нежные, тонко чувствующие натуры, страдающие от всякого грубого прикосновения. Многие из них вздрагивают при малейшем шорохе и всякой неожиданности, страдают паническим страхом

перед темнотой, боятся некоторых животных, насекомых, не могут выносить резких звуков, не могут видеть без отвращения ряда вещей, не выносят совершенно прикосновения к себе и т. д. Толпа и вообще людское общество их часто утомляет и заставляет искать одиночества. Их мимозоподобность, однако, не является результатом аутистического ухода от жизни, а лишь проявлением чрезмерной чувствительности. Благодаря постоянному травматизированию жизненными впечатлениями преобладающий оттенок настроения у них большей частью пониженный. Так как это обыкновенно люди очень самолюбивые, то особенно их угнетает прежде всего сознание, что они не как все, а затем и вытекающая отсюда крайняя неуверенность в себе. Это создает в них чувство внутренней напряженности и тревоги. Если у больных к тому же есть какие-нибудь телесные дефекты, неуклюжая моторика, недостаточно красивое лицо и др., или если они неожиданно попадают в среду, социально выше их стоящую, то их застенчивость легко переходит всякие границы, и у одних развивается крайняя робость и подозрительность (кажется, что окружающие следят за ним, говорят о нем, критикуют его и смеются над ним), усиливается неловкость, появляется заикание, при ничтожнейшем поводе выступает краска смущения на лице и т. д., другие же, стремясь преодолеть крайне мучительное для них чувство своей слабости и недостаточности, надевают на себя не всегда удающуюся им личину внешней развязности и даже заносчивости, под которой, однако, нетрудно разглядеть того же самого внутренне смущенного и робкого неврастеника. Бичом для подобного рода субъектов являются всякие ответственные выступления перед другими людьми: смущение и страх на экзамене даже хорошо подготовленного юношу иногда приводит в такое замешательство, что развивается полная неспособность вспомнить и связно рассказать то, что требуется (экзаменационный ступор); у ораторов, преподавателей, артистов такого типа каждое выступление на кафедре, трибуне или сцене вызывает тяжелое нервное потрясение, от которого иной раз приходится оправлять-

ся в течение нескольких дней. Очень болезненно действуют на таких людей служебные неудачи, как раз именно у них нередкие: при их болезненном самолюбии такие неудачи ведут к резким и несоразмерным вспышкам угнетения и отчаяния. Чрезмерная нервная возбудимость расстраивает обыкновенно у представителей описываемой группы и соматические функции: сон у них чаще всего тревожный, полный кошмарных сновидений, прерываемый острыми приступами страха; нередки кратковременные функциональные расстройства различных органов под влиянием аффективных переживаний (чаще всего страха или замешательства), неполадки в мочеиспускании, нервные рвоты и поносы, резкая потливость и т. д. На почве несоответствия между теми требованиями, которые эти люди предъявляют к себе и к жизни, и тем положением в последней, которое им на самом деле достается, у них иной раз развиваются длительные депрессивные состояния, дающие иногда повод к смешению с цикло-тимическими депрессиями. Отличием является исключительная зависимость депрессий у конституционально-нервных от внешних влияний, с изменением которых меняется и настроение. Последнее обстоятельство и вообще их эмоциональная неустойчивость, склонность к эмоциональным реакциям сближают этих психопатов также и с эмотивно-лабильными психопатами, от которых их действительно далеко не всегда легко и можно на первый взгляд отграничить. Однако в своей основе это совсем разные люди. В то время как эмотивно-лабильные отличаются чрезвычайным богатством эмоциональных оттенков, причем подвижность их чувств — основное свойство их натуры, эмоции астеников, концентрируясь почти всегда вокруг их личных неудач, их ущемленного самолюбия и их чувства недостаточности, гораздо беднее; их эмоциональная неустойчивость есть лишь частичное проявление их нервной слабости.

Общим свойством всех астеников является раздражительность. Редко кто из них, и к какой бы группе он ни относился, не жалуется на приступы гневных вспышек, особенно частых при утомлении, вспышек, иногда ведущих к довольно бурным взрывам, хотя обыкновенно и быстро истощающихся. В некоторых случаях эта особенность настолько выдвигается на первый план, что оказывается самой яркой, характерной и в то же время тяжелой чертой в картине психопатических проявлений астеников. Примером могут служить люди, с одной стороны, самолюбивые, с другой — не обладающие силой воли, выдержкой и работоспособностью, чтобы добиться более или менее видного положения и завоевать себе право на уважение окружающих. Благодаря этому им приходится обыкновенно оказываться в подчиненном положении, терпеть невнимание, обиды, даже унижения от лиц, выше их стоящих, в результате чего у них образуется громадный запас неизжитых мелких психических травм, создающий общий напряженный и окрашенный недовольством тон настроения. Сохраняя внешнюю сдержанность там, где вспышка раздражения могла бы повредить ему самому, такой субъект тем охотнее разряжает накопившееся у него внутреннее недовольство на лицах, от него зависящих, например, на своих домашних: робкий и

малозаметный в об-

260
ществе, он иной раз дома оказывается настоящим тираном, хотя и неспособным к проявлению действительной силы даже в гневе и переходящим от приступов неудержимой ярости к плачу и самообвинениям. (...)

Последнюю и наиболее сложную группу описываемой психопатии образуют так называемые психастеники. Основными их чертами являются крайняя нерешительность, боязливость и постоянная склонность к сомнениям. Они чрезвычайно впечатлительны и притом не только к тому, что кругом них в данную минуту происходит, но и еще более к тому, что, по их мнению, может случиться, ко всем тем неприятностям, которые, как они полагают, ожидают их в ближайшем будущем. Таким образом, эмоциональная окраска у психастеников сопровождает мир представлений о будущем еще в большей степени, чем мир

непосредственных переживаний и воспоминаний. Только еще возможная опасность или неприятность не менее, а может быть, и более страшна психастенику, чем непосредственно существующая. Всякая мелочь, всякий пустяк, который психастеник замечает в окружающей жизни, заставляют его думать; целый ряд обыкновенно неприятных ассоциаций возникает в его уме по таким ничтожным поводам, на которые другой человек не обратит никакого внимания. Психастеник очень боязлив и робок, он боится всего, он отступает не только перед действительной опасностью, но и существующей только в его воображении; он боится не только того, чего следует опасаться, нет, он боится даже и того, чего он просто не знает; всякое новое, незнакомое дело, всякая инициатива является для него источниками мучений; если нет крайности или давления извне, психастеник никогда не решится начать что-нибудь такое, чего он боится или просто не знает. Вообще, принять то или другое решение психастенику крайне трудно, даже в том случае, когда дело касается самого ничтожного обстоятельства. Даже решившись на что-нибудь, начавши уже действовать, психастеник все время сомневается, так ли он поступает, то ли он сделал, что хотел, и эти вечные сомнения, этот всегдашний контроль самого себя делают эту работу и медленной, и мучительной. Сомнения в правильности сделанного им заставляют психастеника вновь переделывать то, что он только что сделал; недоверие к самому себе, к своим силам заставляет его обращаться к другим или за помощью, или хотя бы за тем, чтобы его успокоили, чтобы ему сказали, что беспокоиться, волноваться нет решительно никаких оснований. Эта склонность искать поддержки у других, это неумение обходиться без посторонней помощи являются также одной из отличительных черт психастенического характера. Прежде всего, конечно, психастеник боится за себя самого, за то будущее, которое его ожидает и которое он рисует себе мрачными красками, боится за свое физическое и психическое здоровье. Не менее сильно боится он за участь своих близких и родных; постоянные тревоги, опасения, беспокойство — вот что наполняет его жизнь; ждать чего-нибудь — а это что-нибудь рисуется ему обыкновенно в черном свете — он положительно не может; всякое ожидание становится ему невыносимо мучительно: вот почему, не-

смотря на всю свою обычную нерешительность, психастеник оказывается иногда настойчивым и даже нетерпеливым. Он долго не решается, но если уже на что-нибудь решился, то больше не может быть спокоен до тех пор, пока это не будет сделано; беспокоясь сам он не дает покоя и тем из окружающих, от кого зависит приведение в исполнение задуманного им решения. Психастеник ни на минуту не забывает, что на пути к выполнению его цели может встретиться какая-нибудь помеха; он с трудом переносит назначение срока — в таких случаях он начинает бояться, что не успеет к назначенному времени; он не будет, например, спокойно спать, если знает, что на утро должен рано встать, хотя, если бы такой необходимости не было, он, вероятно, встал бы так же рано, а спал бы спокойно и крепко. Будучи вообще человеком очень деликатным и чутким, психастеник тем не менее может причинить много Неприятностей окружающим; он обыкновенно большой педант, формалист и требует от других того же самого; всякий пустяк, всякое отступление от формы, от раз навсегда принятого порядка тревожит его, и он не только беспокоится, но и сердится, особенно если дело идет о подчиненных ему лицах, а в домашней обстановке самое мелочное нарушение его привычек выводит его из равновесия и раздражает. Как и все психопаты астенического склада, психастеники обыкновенно люди конфузливые и застенчивые; сознание, что они являются предметом внимания, для них чрезвычайно мучительно. Благодаря своей стеснительности, психастеник часто боится сделать то, что считает необходимым: ему сделали что-нибудь хорошее — он не решается поблагодарить; ему делают неподходящее предложение — он не решается его отклонить; ему должны заплатить деньги — он боится их потребовать. «Я часто лгу из боязливости, — говорил один больной Гартенберга, — потому, что не смею сказать то, что я думаю». Психастеник всегда не энергичен, не активен, бездеятелен, это не человек дела, а мечтатель и фантазер. Большей частью он не любит физического труда, очень неловок и с большим трудом привыкает к ручной работе. Вообще, психастеник является человеком, неприспособленным к жизни, непригодным для борьбы за существование, ему нужна упрощенная жизнь, тепличная обстановка. Одной из чрезвычайно характерных черт психастеника является склонность его к самоанализу — собственная психика является для него как бы театром, где разыгрывается сцена какой-то идеологической комедии, на представлении которой он сам присутствует в качестве далеко не безучастного зрителя. Непосредственное чувство малодоступно психастенику, и беззаботное веселье редко является его уделом. Он часто предается всевозможным размышлениям чисто отвлеченного характера, часто ставит себе те или иные вопросы общего свойства, не имеющие к нему прямого отношения, и непременно старается найти на них ответы. Мысленно в своих мечтах психастеник способен пережить многое, но от участия в реальной действительности он всячески старается уклониться. «Любить, мечтать, чувствовать, учиться и понимать — я могу все, лишь бы меня только освободили от необходимости действовать», — говорит психастеник Амиэль, оставивший после себя

262

'чрезвычайно ценный документ в виде громадного дневника всей своей жизни. Своеобразной особенностью психастеников является, по-видимому, представляющая результат их неуверенности в себе потребность все снова и снова вызывать в сознании отдельные более всего тревожащие их мысли и образы с целью проверки, не сделано ли каких-нибудь упущений и не грозит ли какая-нибудь беда и неприятность. В дальнейшем это часто ведет к застреванию таких представлений в сознании уже против воли психастеника и к образованию так называемых навязчивых представлений и страхов. (...)

ГРУППА ШИЗОИДОВ

(...) Больше всего шизоидов характеризуют следующие особенности: аутистическая оторванность от внешнего, реального мира, отсутствие внутреннего единства и последовательности во всей сумме психики и причудливая парадоксальность эмоциональной

жизни и поведения. Они обыкновенно импонируют как люди странные и непонятные, от которых не знаешь, чего ждать. (...) О содержании шизоидной психики говорить вообще очень трудно, во всяком случае поведение шизоидов не дает о нем никакого представления. Вспомним слова Кречмера, что «многие шизоидные люди подобны лишенным украшений римским домам, виллам, ставни которых закрыты от яркого солнца; однако, в сумерках их внутренних покоев справляются пиры». (...) Особенно трудно шизоиду проникнуть в душевный мир других людей, гораздо труднее, чем наоборот, — быть понятым ими: это зависит между прочим от отсутствия у большинства шизоидов того, что Кречмер называет «аффективным резонансом» к чужим переживаниям. У них часто можно обнаружить тонкое эстетическое чувство, большой пафос и способность к самопожертвованию в вопросах принципиальных и общечеловеческих, они, наконец, могут проявлять много чувствительности и по отношению к людям ими воображаемым, но понять горе и радость людей реальных, их окружающих, им труднее всего. Их эмоциональная жизнь вообще имеет очень сложное строение: аффективные разряды протекают у них не по наиболее обычным и естественным путям, а должны преодолевать целый ряд внутренних противодействий, причем самые простые душевные движения, вступая в чрезвычайно запутанные и причудливые ассоциативные сочетания со следами прежних переживаний, могут подвергнуться совершенно непонятным на первый взгляд извращениям. Благодаря этому шизоид, будучи отчужден от действительности, в то же время находится в постоянном и непримиримом внутреннем конфликте с самим собой. Может быть это и служит причиной того, что непрерывно накапливающееся, но, большей частью, сдерживаемое шизоидом внутреннее напряжение, от времени до времени находит себе исход в совершенно неожиданных аффективных разрядах. Таким образом, раздражительность некоторых шизоидов оказывается в противоречии к их эмоцио-

18*

нальной жизни, противоречии, всегда держащем их в состоянии неприятного напряжения. Принято говорить о душевной холодности шизоидов. Как видно из изложенного, это положение нельзя принимать без оговорок. Кречмер считает, что у большинства шизоидов только в разных сочетаниях, имеются, несмотря на взаимную полярную противоположность, и *гиперэстетические* и *анэстетические* элементы ; отношение, в котором эти последние смешаны у того или другого лица, Кречмер называет по аналогии с диатетической пропорцией настроений у циклоидов — *психэстетической* пропорцией. Таким образом, по Кречмеру, у мимозоподобных гиперэстетиков чувствительность соединяется с известной отчужденностью от людей, в эмоциональной тупости холодных анестетиков почти всегда заметен какой-то налет раздражительности и ранимости. (...)

Хотя, вообще говоря, шизоиды не внушаемы, даже более — упрямы и негативистичны, однако в отдельных случаях они, подобно шизофреникам, обнаруживают поразительно легкую подчиняемость и легковерие; непонятное соединение упрямства и податливости иногда характеризует их поведение. Воля их большею частью развита и направлена крайне неравномерно и односторонне. Шизоид может целые годы проводить в безразличной пассивной бездеятельности, оставляя в пренебрежении насущнейшие задачи, а, с другой стороны, ничтожнейшие цели, как, например, собирание негодных к употреблению почтовых марок, могут поглощать всю его энергию, не оставляя у него времени ни на что другое. В поведении шизоидов вообще обращает на себя внимание непоследовательность и недостаточность связи между отдельными импульсами. Значительную их группу характеризует склонность к чудачествам, неожиданным поступкам и эксцентричным, иной раз кажущимся совершенно нелепыми выходкам. Редко, однако, шизоид чудачит, чтобы обратить на себя внимание, гораздо чаще его странное поведение диктуется ему непосредственными импульсами его не похожей на других природы. Так как у шизоидов обыкновенно отсутствует непосредственное чутье действительности, то и в поступках их нередко можно обнаружить недостаток такта и полное неумение считаться с чужими интересами. В работе они редко² следуют чужим указаниям, упрямо делая все так, как им нравится, руководствуясь иной раз чрезвычайно темными и малопонятными соображениями. Некоторые из них вообще оказываются неспособными к регулярной профессиональной деятельности, особенно к службе под чужим началом. Они часто по ничтожным поводам внезапно отказываются от работы, переходят от одной профессии к другой и т. д. Все это чрезвычайно мешает их жизненному успеху и, озлобляя их, еще более усиливает обычно свойственные им замкнутость и подозрительность. (...)

Несколько слов об аутизме шизоидов. Он вытекает не только из отсутствия у них «аффективного резонанса» к чужим переживаниям, но и из их внутренней противоречивости и парадоксальности, особенности, которые делают их совершенно неспособными передать другим

² Повышенная и пониженная чувствительность соответственно.—(Прим. ред.).

то, что они сами чувствуют. От времени до времени и у них, конечно, возникает потребность облегчить себя признанием, поделиться с близким человеком радостью или горем, однако испытываемая ими при этом неспособность высказаться до конца и встречаемое непонимание обыкновенно вызывают еще большую потребность уйти в себя, мимозоподобная замкнутость не от чрезмерной ранимости, а от неспособности найти адекватный способ общения. «Аристократическая» сдержанность, а то и просто чопорность и сухость некоторых шизоидов не всегда является их исконным свойством, в некоторых случаях это выработанное опытом жизни средство держать других людей на расстоянии во избежание разочарований, которые неизбежны при близком соприкосновении с ними. Отличаясь вообще недоверчивостью и подозрительностью, шизоиды далеко не ко всем людям относятся

одинаково: будучи вообще людьми крайностей, не знающими середины, склонными к преувеличениям, они и в своих симпатиях и антипатиях большей частью проявляют капризную избирательность и чрезмерную пристрастность. По-настоящему шизоиды любят все-таки только себя: будучи эгоистами *par excellence*³, они почти всегда держатся чрезвычайно высокого мнения о себе, о своих способностях и редко умеют ценить по-настоящему других людей, даже тех, к кому относятся хорошо. (...)

Отрицательную социальную роль играют эмоционально-тупые шизоиды. Выше уже было отмечено, что большая или меньшая эмоциональная холодность — общее свойство всех шизоидов; однако можно выделить одну их группу, у которой это свойство выступает на первый план и затемняет все остальные их особенности. Чаще всего это ленивые, вялые, безразличные люди с отсутствием всякого интереса к человеческому обществу, которое вызывает у них скуку или отвращение. Но есть среди них и люди, отличающиеся большой активностью. Эти холодные энергичные натуры иной раз способны к чрезвычайной жестокости не из стремления к причинению мучений, а из безразличия к чужому страданию. Но здесь мы стоим уже на границе, отделяющей шизоидов, с одной стороны, от антисоциальных психопатов, а с другой ~ от фанатиков. (...)

Заканчивая описание шизоидных психопатов, мы считаем необходимым отметить, что многие из них представляют кроме специфических для них особенностей еще и разнообразные астенические черты (Кречмер считает «нервность» одной из характерных черт шизоидов). Особенно много родственного можно при внимательном анализе обнаружить между погруженными в свой внутренний мир тонко чувствующими шизоидами и некоторыми психастениками.

Мечтатели. Это обыкновенно тонко чувствующие, легко ранимые субъекты, со слабой волей, в силу нежности своей психической организации плохо переносящие грубое прикосновение действительной жизни; столкновения с последней заставляют их съеживаться и уходить в себя, они погружаются в свои мечты и в этих мечтах словно компенсируют себя за испытываемые ими неприятности в реальной

³ В высшей степени (фр.).-Прим. ред. 265

жизни. Хрупкость нервной организации роднит мечтателей с астениками, а отрешенность от действительности и аутистическое погружение в мечты не дает возможности провести сколько-нибудь резкую границу между ними и шизоидами. Сплошь и рядом это люди с повышенной самооценкой, недовольные тем положением, которое они заняли в жизни, но неспособные бороться за лучшее. Вялые, «ленивые», бездеятельные — они как бы свысока смотрят на окружающую их действительность и с отвращением выполняют обязанности, возлагаемые на них необходимостью заботиться о материальном существовании. Свободное время заполняют они фантазированием. Главное содержание фантазии — это исполнение их желаний. (...)

ГРУППА ПАРАНОИКОВ

(...) Самым характерным свойством параноиков является их склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых они потом и оказываются; эти идеи заполняют психику параноика и оказывают доминирующее влияние на все его поведение. Самой важной такой сверхценной идеей параноика обычно является мысль об особом значении его собственной личности. Соответственно этому основными чертами психики людей с параноическим характером являются очень большой эгоизм, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Это люди крайне узкие и односторонние: вся окружающая действительность имеет для них значение и интерес лишь постольку, поскольку она касается их личности; все, что не имеет близкого, интимного отношения к его «я», кажется параноику мало заслуживающим внимания, мало интересным. Всех людей, с которыми ему приходится входить в соприкосновение, он оценивает исключительно по тому отношению, которое они обнаруживают к *его* деятельности, к *его* словам; он не прощает ни равнодушия, ни несогласия. Кто не согласен с параноиком, кто думает не так, как он, тот в лучшем случае — просто глупый человек, а в худшем — его личный враг. Параноика не занимает ни наука, ни искусство, ни политика, если он сам не принимает ближайшего участия в разработке соответствующих вопросов, если он сам не является деятелем в этих областях; и наоборот, как бы ни был узок и малозначащ сам по себе тот или иной вопрос, раз им занят параноик, этого уже должно быть достаточно, чтобы этот вопрос получил важность и общее значение. (...)

Что касается эмоциональной жизни параноиков, то уже из всего предыдущего изложения со всей ясностью вытекает, что это люди односторонних, но сильных аффектов: не только мышление, но все их поступки, вся их деятельность определяются каким-то огромным аффективным напряжением, всегда существующим вокруг переживаний параноика, вокруг его «комплексов», его «сверхценных идей»; лишнее добавлять, что в центре всех этих переживаний всегда находится собственная личность параноика. Односторон-

266

ность параноиков делает их малопонятными и ставит их по отношению к окружающей среде первоначально в состояние отчуждения а затем и враждебности. Крайний эгоизм и самомнение не оставляют места в их личности для чувств симпатии, для хорошего отношения к людям, активность побуждает их к бесцеремонному отношению к окружающим людям, которыми они пользуются как средством для достижения своих целей; сопротивление, несогласие, борьба, на которые они иногда наталкиваются, вызывают у них и без этого присущее им по самой их натуре чувство недоверия, обидчивости, подозрительности. Они неуживчивы и агрессивны: обороняясь, они всегда переходят в нападение, и, отражая воображаемые ими обиды, сами, в свою очередь, наносят окружающим гораздо более крупные; таким образом, параноики всегда выходят обидчиками, сами выдавая себя за обиженных. Всякий, кто входит с параноиком в столкновение, кто позволит себе поступать не так, как он хочет этого и требует, тот становится его врагом; другой причиной враждебных отношений является факт непризнаний со стороны окружающих дарований и превосходства

параноика. В каждой мелочи, в каждом поступке они видят оскорбление их личности, нарушение их прав. Таким образом, очень скоро у них оказывается большое количество «врагов», иногда действительных, а большей частью только воображаемых. Все это делает параноика по существу несчастным человеком, не имеющим интимно близких людей, терпящим в жизни одни разочарования. Видя причину своих несчастий в тех или других определенных личностях, параноик считает необходимым, считает долгом своей совести — мстить; он злопамятен, не прощает, не забывает ни одной мелочи. Нельзя позавидовать человеку, которого обстоятельства вовлекают в борьбу с параноиком, этого рода психопаты отличаются способностью к чрезвычайному и длительному волевому напряжению, они упрямы, настойчивы и сосредоточены в своей деятельности; если параноик приходит к какому-нибудь решению, то он ни перед чем не останавливается для того, чтобы привести его в исполнение; жестокость подчас принятого решения не смущает его, на него не действуют ни просьба его ближних, ни даже угрозы власть имеющих, да к тому же, будучи убежден в своей правоте, параноик никогда и не спрашивает советов, не поддается убеждению и не слушает возражений. В борьбе за свои воображаемые права параноик часто проявляет большую находчивость: очень умело отыскивает он себе сторонников, убеждает всех в своей правоте, бескорыстности, справедливости и иной раз, даже вопреки здравому смыслу, выходит победителем из явно безнадежного столкновения, именно благодаря своему упорству и мелочности. Но и потерпев поражение, он не отчаивается, не унывает, не сознает, что он не прав, наоборот, из неудач он черпает силы для дальнейшей борьбы. Надо добавить, что, пока параноик не пришел в стадию открытой вражды с окружающими, он может быть очень полезным работником; на избранном им узком поприще деятельности он будет работать со свойственным ему упорством, систематичностью, аккуратностью и педантизмом,

167

не отвлекаясь никакими посторонними соображениями и интересами. (...)

Фанатики. Этим термином, согласно обычной речи, обозначаются люди, с исключительной страстностью посвящающие всю свою жизнь служению одному делу, одной идее, служению, совершенно не оставляющему в их личности мест ни для каких других интересов. Таким образом, фанатики, как и параноики, люди «сверхценных идей», как и те, крайне односторонние и субъективные. Отличает их от параноиков то, что они обыкновенно не выдвигают так, как последние, на передний план свою личность, а более или менее бескорыстно подчиняют свою деятельность тем или другим идеям общего характера. Центр тяжести их интересов лежит не в самих идеях, а в претворении их в жизнь — результат того, что деятельность интеллекта чаще всего отступает у них на второй план по сравнению с движимой глубоким, неистощимым аффектом волей. (...)

Аффекты фанатиков так же, как их идеи, не отличаются богатством. Это люди не только одной идеи, но и одной страсти. Будучи большей частью лишенными грубой корысти и такого неприкрытого и всепоглощающего эгоизма, как это мы видели у параноиков, фанатики, однако, редко оказываются способными проявлять душевную теплоту по отношению к отдельным людям. Последние обыкновенно являются для них лишь орудием, при помощи которого они стремятся достигнуть поставленных ими себе целей. Поэтому в личных отношениях они чаще всего или безразлично холодны, или требовательно строги. Человеческое горе их не трогает, и бездушная жестокость составляет нередко их свойство. *Fiat justitia, pereat mundus*⁴ — вот основной принцип их жизненной установки. Главная сила фанатиков заключается в их несокрушимой воле, которая помогает им без колебания проводить то, что они считают нужным. К голосу убеждения они глухи, вся их страстная, но несложная аффективность находится целиком на службе их веры, а сопротивление и преследования только закаливают их. Железная воля и делает фанатиков опасными для общества. Психиатрам приходится встречаться с ними главным образом как с вождями религиозных течений и сект. Нередко под их руководством совершались изуверские дела и чудовищные преступления: самоистязание, пытки, мучительства, убийства. Русская действительность знала людские жертвоприношения, коллективное самосожжение и самопогребение и другие не менее страшные дела. Жизненный путь фанатика определяется его внутренним существом: это человек борьбы, редко обходящийся без столкновений с действительностью. Отсутствие у него гибкости и приспособляемости легко приводит его к конфликту с законом и общественным порядком, поэтому одним из этапов его карьеры часто оказывается пребывание в тюрьме или в психиатрической больнице. (...)

⁴ Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир (лат.).—Прим. ред.

268

Здесь же, быть может, следует упомянуть и о довольно многочисленной группе, если только можно так выразиться, фанатиков чувства. К ним чаще всего относятся восторженные приверженцы религиозных сект, служащие фанатикам-вождям слепым орудием для осуществления их задач. Тщательное изучение таких легко внушаемых и быстро попадающих в беспрекословное подчинение людям с сильной волей лиц показывает, что они часто почти не имеют представления о том, за что борются и к чему стремятся. Сверхценная идея превращается у них целиком в экстатическое переживание преданности вождю и самопожертвования во имя часто им совершенно непонятого дела. Подобная замена (отодвигание на задний план) сверхценной идеи соответствующим ей аффектом наблюдается не только в области фанатизма и религиозного изуверства, но является также характерной особенностью, например, некоторых ревнивцев, ревнующих не благодаря наличию мысли о возможности измены, а исключительно вследствие наличности неотступно владеющего ими беспредметного чувства ревности. Подобное же положение мы имеем у некоторых конституционально-нервных и психастеников, для которых таким «сверхценным аффектом»

без определенной проекции является присоединяющееся решительно ко всему происходящему кругом чувство страха. Этих находящихся в исключительной власти одного аффекта людей, по аналогии с терминологией Циена, можно называть *эк.ноиками*.

ГРУППА ЭПИЛЕПТОИДОВ

(...) Самыми характерными свойствами этого типа психопатов мы считаем: во-первых, крайнюю раздражительность, доходящую до приступов неудержимой ярости, во-вторых, приступы расстройства настроения (с характером тоски, страха, гнева) и, в-третьих, определенно выраженные так называемые моральные дефекты (антисоциальные установки). Обычно это люди очень активные, односторонние, напряженно-деятельные, страстные, любители сильных ощущений, очень настойчивые и даже упрямые. Та или другая мысль надолго застревает в их сознании; можно определенно говорить о склонности epileptoidов к сверхценным идеям. Их аффективная установка почти всегда имеет несколько неприятный, окрашенный плохо скрываемой злобностью оттенок, на общем фоне которого от времени до времени иной раз по ничтожному поводу развиваются бурные вспышки неудержимого гнева, ведущие к опасным насильственным действиям. Обыкновенно подобного рода психопаты очень нетерпеливы, крайне нетерпимы к мнению окружающих и совершенно не выносят противоречий. Если к этому прибавить большое себялюбие и эгоизм, чрезвычайную требовательность и нежелание считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме своих собственных, то станет понятно, что поводов для столкновений с окружающими у epileptoidов всегда много. Даже тогда, когда их нет вовсе, epileptoidу ничего не стоит их выдумать только для того, чтобы

разрядить неудержимо накапливающее у него временами чувство беспредметного раздражения. Он подозрителен, обидчив, мелочно придирчив. Все он готов критиковать, всюду видит неполадки, исправления которых ему обязательно надо добиться. В семейной жизни эпилептоиды обыкновенно несносные тираны, устраивающие скандалы из-за опоздавшего на несколько минут обеда, подгоревшего кушанья, плохой отметки у сына или дочери, позднего их возвращения домой, сделанной женой без их спроса покупки и т. д. Постоянно делают они домашним всевозможные замечания, мельчайшую провинность возводят в крупную вину и ни одного проступка не оставляют без наказания. Они всегда требуют покорности и подчинения себе и, наоборот, сами не выносят совершенно повелительного тона у других, пренебрежительного к себе отношения, замечаний и выговора. С детства непослушные, они часто всю жизнь проводят в борьбе за кажущееся им ограничение их самостоятельности, борьбе, которая им кажется борьбой за справедливость. Неуживчивость эпилептоидов доходит до того, что многие из них принуждены всю жизнь проводить в скитаниях, с одной стороны, благодаря их страсти во все вмешиваться, а с другой — и больше всего — из-за абсолютной неспособности сколько-нибудь продолжительное время сохранять мирные отношения с сослуживцами, с начальством, с соседями.

Очень важно подчеркнуть чрезвычайно характерную для эпилептоидов склонность к эпизодически развивающимся расстройствам настроения, расстройствам, могущим возникать как спонтанно, как бы без всякой видимой причины, так и реактивно — под влиянием тех или других неприятных переживаний. То, что отличает подобные расстройства от депрессивных состояний всякого другого рода, это почти постоянная наличность в них трех основных компонентов: злобности, тоски и страха. Подобные расстройства настроения могут продолжаться недолго, но могут и затягиваться на день или даже на несколько дней, и именно на эти-то дни и падают наиболее бурные и безрассудные вспышки эпилептоидов.

Несмотря на свою необузданность, эпилептоиды всегда остаются людьми очень узкими, односторонними и не способными хотя бы на мгновение отрешиться от своих эгоистических интересов, полностью определяющих их в общем всегда очень напряженную деятельность. Их аффективность лишена богатства оттенков и определяется преимущественно постоянно имеющейся у них в наличии агрессивностью по отношению к окружающим людям. Чувство симпатии и сострадания, способность вчувствоваться в чужие переживания им недоступны. Отсутствие этих чувств в соединении с крайним эгоизмом и злобностью делает их морально неполноценными и способными на действия, далеко выходящие не только за рамки приемлемого в нормальных условиях общежития, но и за границы, определяемые уголовным законом. Особенно часто они сталкиваются с последним из-за склонности их к насильственным актам, попадая под суд по обвинению в убийстве или нанесении тяжелых ран. Более невинное значение-имеет их склонность к скандалам, особенно часто проявляемая ими под влиянием алкоголя, который, как пра-

270

Пч.' И нс^А^-

мной **храбрости**, юниях люОо^ной **страсти**. (...)

ГРУППА ИСТЕРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРОВ

(...) Главными особенностями психики истеричных являются:

1) стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих и 2) отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и к самому себе (искажение реальных соотношений). Ясперс, объединяя оба эти признака, дает очень короткое и меткое определение той основы, из которой вырастает поведение и характер истеричных, — «стремление казаться больше, чем это на самом деле есть». Исходя из этого определения, Шнейдер предложил заменить самое название «истеричные» термином *Geltungsbedurftige* — «требующие признания». Во внешнем облике большинства представителей группы,

объединяемой этими свойствами, особенно обращают на себя внимание ходульность, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами. В благоприятной обстановке, если ему представится соответствующая роль, истерик может и на самом деле «отличиться»: он может произносить блестящие, зажигающие речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собой толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убежден, что им любуются и восторгаются. Горе истерической личности в том, что у нее обыкновенно не хватает глубины и содержания для того, чтобы на более или менее продолжительное время привлечь к себе достаточное число поклонников. Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их не способна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленных лавр и восхищения со стороны окружающих. Часто это субъекты, не достигшие еще, несмотря иной раз на пожилой возраст, действительно духовной зрелости. (...) При первом знакомстве многие истерики кажутся обворожительными: они могут быть мягки и вкрадчивы, капризная изменчивость их образа мыслей и настроения производит впечатление подкупающей детски простодушной непосредственности, а отсутствие у них прочных убеждений обуславливает легкую их уступчивость в вопросах принципиальных. Обыкновенно только постепенно вскрываются их отрицательные черты, и прежде всего неестественность и фальшивость. Каждый поступок, каждый жест, каждое движение рассчитаны на зрителя, на эффект; дома в своей семье они держат себя иначе, чем при посторонних; всякий раз, как меняется окружающая обстановка, меняется их нравственный и умственный облик. Они непременно хотят быть

оригинальными, и так как это редко удается им в области положительной, творческой деятельности, то они хватаются за любое средство, подвертывающееся под руку, будь то даже возможность привлечь к себе внимание необычными явлениями какой-нибудь болезни. (...) Боясь быть опереженными кем-нибудь в задуманном ими эффекте, истеричные обычно завистливы и ревнивы. Если в какой-нибудь области истерику приходится столкнуться с соперником, то он не пропустит самого ничтожного повода, чтобы унижить последнего и показать ему свое превосходство. Своих ошибок истерики не сознают никогда; если что и происходит не так, как бы нужно было, то всегда не по их вине. Чего они не выносят, это равнодушия или пренебрежения, — им они всегда предпочтут неприязнь и даже ненависть. По отношению к тем, кто возбудил их неудовольствие, они злопамятны и мстительны. Будучи неистощимы и неразборчивы в средствах, они лучше всего чувствуют себя в атмосфере скандалов, сплетен и дразг. В общем они ищут легкой привольной жизни, и если иногда проявляют упорство, то только для того, чтобы обратить на себя внимание.

Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путем воспитания и развертывания действительно имеющихся у нее способностей, толкает ее на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения. Некоторые авторы особенно подчеркивают инфантильное строение эмоциональной жизни истериков, считая его причиной не только крайней поверхностности их эмоций, но и часто недостаточной их выносливости по отношению к травмирующим переживаниям. Надо только отметить, что и в области реакции на психические травмы нарочитое и выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения. (...)

В балансе психической жизни людей с истерическим характером внешние впечатления — разумея это слово в самом широком смысле — играют очень большую, быть может первенствующую роль:

человек с истерическим складом психики не углублен в свои внутренние переживания (как это делает хотя бы психастеник), он ни на одну минуту не забывает происходящего кругом, но его реакция на окружающее является крайне своеобразной и прежде всего избирательной. В то время как одни вещи воспринимаются чрезвычайно отчетливо, чрезвычайно тонко и остро, кроме того фиксируются даже надолго в сознании в виде очень ярких образов и представлений, другие совершенно игнорируются, не оставляя решительно никакого следа в психике и позднее совершенно не вспоминаются. Внешний, реальный мир для человека с истерической психикой приобретает своеобразные, причудливые очертания;

объективный критерий для него утрачен и это часто дает повод окружающим обвинять истеричного в лучшем случае во лжи и притворстве. Границы, которые устанавливаются для человека с нормальной психикой пространством, с одной стороны, и временем,

272

с другой, не существуют для истеричного; он не связан ими. То, что было вчера или нынче, может казаться ему бывшим десять лет назад и наоборот. И не только относительно внешнего мира осведомлен неправильно истеричный; точно так же осведомлен он относительно всех тех процессов, которые происходят в его собственном организме, в его собственной психике. В то время как одни из его переживаний совершенно ускользают от него самого, другие, напротив, оцениваются чрезвычайно тонко. Благодаря яркости одних образов и представлений и бледности других, человек с истерическим складом психики сплошь и рядом не делает разницы, или, вернее говоря, не в состоянии сделать таковой между фантазией и действительностью, между виденным и только что пришедшим ему в голову, между имевшим место на яву и виденным во сне;

некоторые мысленные образы настолько ярки, что превращаются в ощущения, другие же, напротив, только с большим трудом возникают в сознании. Лица с истерическим характером, так сказать, эмансипируются от фактов. Крайне тонко и остро воспринимая одно, истерик оказывается совершенно нечувствительным к другому;

добрый, мягкий, даже любящий в одном случае, он обнаруживает полнейшее равнодушие, крайний эгоизм, а иногда и жестокость — в другом; гордый и высокомерный, он подчас готов на всевозможные унижения; неуступчивый, упрямый вплоть до негативизма, он становится в иных случаях согласным на все, послушным, готовым подчиниться чему угодно; бессильный и слабый, он проявляет энергию, настойчивость, выносливость в том случае, когда это потребуют от него законы, господствующие в его психике. Эти законы все же существуют, хотя мы их и не знаем, хотя проявления психики истеричных были бы так разнообразны и калейдоскопичны, что было бы правильнее думать не о закономерности явлений, а о полной анархии.

Патологические лгуны. Если потребность привлекать к себе внимание и ослеплять других людей блеском своей личности соединяется, с одной стороны, с чрезмерно возбудимой, богатой и незрелой фантазией, а с другой — с более резко, чем у истериков, выраженными моральными дефектами, то возникает картина той психопатии, которую Дельбрюк называл *pseudologia phantastica*, Дюпре — мифоманией, и представителей которой Крепелин грубее и правильнее обозначает как «лгунов и плутов». Чаще всего это люди, которым нельзя отказать в способностях. Они сообразительны, находчивы, быстро усваивают все новое, владеют даром речи и умеют использовать для своих целей всякое знание и всякую способность, какими только обладают. Они могут казаться широко образованными, даже учеными, обладая только поверхностным запасом сведений, нахвачанных из энциклопедических словарей и популярных брошюр. Некоторые из них обладают кое-какими художественными и поэтическими наклонностями, пишут стихи, рисуют, занимаются музыкой, питают страсть к театру. Быстро завязывая знакомства, они хорошо приспосабливаются к людям и легко приобретают их доверие. Они умеют держаться с досто-

инством, ловки, часто изящны, очень заботятся о своей внешности и о впечатлении, ими производимом на окружающих; нередко щегольской костюм представляет единственную собственность подобного психопата.

Важно то, что обладая недурными способностями, эти люди редко обнаруживают подлинный интерес к чему-нибудь, кроме своей личности, и страдают полным отсутствием прилежания и выдержки. Они поверхностны, не могут принудить себя к длительному напряжению, легко отвлекаются, разбрасываются. Их духовные интересы мелки, а работа, которая требует упорства, аккуратности и тщательности, тем самым производит на них отталкивающее действие. «Их мышлению, — говорит Крепелин, — не хватает планомерности, порядка и связности, суждениям — зрелости и обстоятельности, а всему их восприятию жизни — глубины и серьезности». Конечно, нельзя ожидать от них и моральной устойчивости: будучи людьми легкомысленными, они не способны к глубоким переживаниям, капризны в своих привязанностях и обыкновенно не завязывают прочных отношений с людьми. Им чуждо чувство долга, и любят они только самих себя.

Самой роковой их особенностью является неспособность держать в узде свое воображение. При их страсти к рисовке, к пусканию пыли в глаза, они совершенно не в состоянии бороться с искушением использовать для этой цели легко у них возникающие богатые деталями и пышно разукрашенные образы фантазии. Отсюда их непреодолимая и часто приносящая им колоссальный вред страсть ко лжи. Лгут они художественно, мастерски, сами увлекаясь своей ложью и почти забывая, что это ложь. Часто они лгут совершенно бессмысленно, без всякого повода, только бы чем-нибудь блеснуть, чем-нибудь поразить воображение собеседника. Чаще всего, конечно, их выдумки касаются их собственной личности: они охотно рассказывают о своем высоком происхождении, своих связях в «сферах», о значительных должностях, которые они занимали и занимают, о своем колоссальном богатстве. Про их богатом воображении им ничего не стоит с мельчайшими деталями расписать обстановку несуществующей виллы, им будто бы принадлежащей, даже больше — поехать с сомневающимися и показать им в доказательство истины своих слов под видом своей чью-нибудь чужую виллу и т. д. Но они не всегда ограничиваются только ложью: лишь часть их лгут наивно и невинно как дети, подстегиваемые желанием порисоваться все новыми и новыми возникающими в воображении образами. Большинство извлекают из своей лжи и осязательную пользу. Таковы многочисленные аферисты, выдающие себя за путешествующих инкогнито значительных людей, таковы шарлатаны, присваивающие себе звание врачей, инженеров и пр., и часто успевающие на некоторое время держать окружающих под гипнозом своего обмана, таковы шулеры и подделыватели документов, таковы, наконец, даже многие мелкие уличные жулики, выманивающие у доверчивых людей деньги рассказами о случившемся с ними несчастии, обещаниями при помощи знакомств оказать какую-нибудь

2М

важную услугу и пр., и пр. Их самообладание при этом бывает часто поразительным: они лгут так самоуверенно, не смущаясь ничем, так легко вывертываются, даже когда их припирают к стене, что невольно вызывают восхищение. Многие не унывают и будучи пойманы. Крепелин рассказывает об одном таком мошеннике, который лежал в клинике на испытании, и, возвращаясь по окончании срока последнего в тюрьму, так импонировал своим гордым барским видом присланному за ним для сопровождения его полицейскому, что заставил последнего услужливо нести свои вещи. Однако, в конце концов, они отличаются все-таки пониженной устойчивостью по отношению к действию «ударов судьбы»: будучи уличены и не видя уже никакого выхода, они легко приходят в полное отчаяние и тогда совершенно теряют свое достоинство.

Ряд черт роднит психопатов описанного типа с предыдущей группой истериков. Главное отличие в том, что лживость у них заслоняет собой все остальные черты личности. Кроме того, истерики в своих выходах редко переходят границы, определяемые уголовным законом, тогда как с псевдологами часто приходится встречаться и судебным, и тюремным психиатрам. Гораздо более резкая граница отделяет псевдологов от мечтателей, с которыми они имеют лишь одну общую черту — чрезмерную возбудимость воображения:

по очень остроумному определению Кронфельда, в то время как мечтатель обманывает себя относительно внешнего мира, псевдолог обманывает окружающих относительно себя. То, что последний иногда начинает и сам поддаваться своему обману, представляет только побочный эффект, не лежащий в существе основной тенденции его поведения.

ГРУППА НЕУСТОЙЧИВЫХ ПСИХОПАТОВ

Этот термин недостаточно точен и разными психиатрами употребляется не в одинаковом объеме. Мы предпочитаем не расширять чрезмерно его значения и границ и обозначить им только тех душевно неглубоких, слабохарактерных людей, которые легко поддаются под влияние среды, особенно дурной и, увлекаемые примерами товарищей или нравами, господствующими в их профессиональном окружении (военная среда прежнего времени, литературная богема и пр.), спиваются, делаются картежниками, растратчиками, а то так и мелкими мошенниками, для того чтобы в конце концов очутиться «на дне». Большею частью это люди «не холодные» и «не горячие», без больших интересов, без глубоких привязанностей, недурные товарищи, часто очень милые собеседники, люди компанейские, скучающие в одиночестве и обыкновенно берущие пример со своих более ярких приятелей (Milieumenschen). В среде, где не в обычае употребление спиртных напитков, а систематический труд является общей привычкой, они идут в ногу с другими и в общем оказываются несколько не хуже средних людей, ни в какую сторону не выделяясь из них ни своим умственным уровнем, ни своими интере-

сами и нравственными качествами. Может быть, от времени до времени они вызывают неудовольствие окружающих своей беспорядочностью, неаккуратностью, а особенно ленью. Над ними как говорится, надо вечно стоять с палкой, их надо понукать, бранить или ободрять, смотря по обстоятельствам. Легко вдохновляющиеся, они легко и» остывают, далеко не всегда оканчивая начатое ими дело, особенно если их предоставили себе. Их несчастье — наркотические средства, особенно вино, под влиянием которого они часто делаются неузнаваемыми, как будто кто-то подменил того милого человека, с которым так приятно было иметь дело, когда он был трезв: из доброго, услужливого и уступчивого он делается грубым, дерзким, эгоистичным, даже больше — бессердечным, способным в один день пропить все свое жалованье, на которое семья должна была бы существовать целый месяц, унести из дома и продать последнюю одежду жены и детей и т. д. Протрезвившись, он будет горько раскаиваться в своих поступках, перейдет всякую границу в самообвинениях, но не преминет пожаловаться на случайно сложившиеся обстоятельства, на то, что его, человека с запросами и способностями, «заела среда». Такие люди невольно вызывают сочувствие и желание им помочь, но оказываемое содействие редко идет впрок: стоит на короткое время предоставить такого человека самому себе, как он уже, оказывается, все спустил, все пропил, проиграл в карты, попал к тому же в какой-нибудь крупный скандал, заразился венерической болезнью и т. д., и т. д. Только в условиях постоянной опеки, в условиях организованной среды, находясь под давлением сурового жизненного уклада или в руках человека с сильной волей, не спускающего его с глаз, может подобного рода психопат существовать благополучно и быть полезным членом общества. (...)

ГРУППА АНТИСОЦИАЛЬНЫХ ПСИХОПАТОВ

(...) Существуют психопаты, главной бросающейся в глаза особенностью которых являются резко выраженные моральные дефекты. Это люди, страдающие частичной эмоциональной тупостью, именно отсутствием социальных эмоций: чувство симпатии к окружающим и сознание долга по отношению к обществу у них обыкновенно полностью отсутствует; у них нет ни чести, ни стыда, они равнодушны к похвале и порицанию, они не могут приспособиться к правилам общежития. Почти всегда это — субъекты, во-первых, лживые — не из потребности порисоваться и пофантазировать, а исключительно для маскировки инстинктов и намерений, а во-вторых — ленивые и неспособные ни к какому регулярному труду. Искать у них сколько-нибудь выраженных духовных интересов не приходится, зато они отличаются большой любовью к чувственным наслаждениям: почти всегда это лакомки, сластолюбцы, развратники. Чаще всего они не просто «холодны», а и жестоки. Грубые и злые, они очень рано, с детства обнаруживают себя сначала своей

276

склонностью к мучительству животных и поразительным отсутствием привязанности к самым близким людям (даже к матери), а затем своим как бы умышленно бесцеремонным нежеланием считаться с самыми минимальными неудобствами окружающих. Они способны из-за пустяка плюнуть матери в лицо, начать за столом громко браниться площадной бранью, бить окна, посуду, мебель при самой незначительной ссоре, и все это не столько вследствие чрезмерного гневного возбуждения, сколько из желания досадить окружающим. Иногда они питают тяжелую злобную ненависть и жажду мести по отношению к тем из близких (чаще всего к отцу), которые стремятся держать их в определенных рамках и проявляют по отношению к ним строгость; в таких случаях дело может дойти и до убийства. Стеснение своей свободы они вообще переносят плохо и поэтому как правило рано оставляют дом и семью; при отсутствии привязанностей жизнь в домашней обстановке означает для них только ряд несносных ограничений и невозможность развернуть в полной мере свои своеобразные наклонности. (...) Надо сказать, что описываемая психопатия обнимает очень широкую группу лиц во многом различного склада. Кроме основного типа, отличающегося

чертами, близкими к эпилептоидам (люди грубые, жестокие и злобные), среди них встречаются и «холодные», бездушные резонеры, родственные шизоидам субъекты, у которых хорошо действующий рассудок всегда наготове для того, чтобы оправдывать, объяснять их «дурные» поступки. (...)

ГРУППА КОНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ГЛУПЫХ

(...) Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе: когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными. Они умеют себя «держать в обществе», говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение «Salon blodsinn» — салонное слабоумие)... . Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия. С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации. Одной из отличительных черт конституционно-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, «общественному мнению» («что станет говорить княгиня Мария Алексеевна!»); это — люди шаблона, банальности, моды, это тоже люди среды, но не совсем в том смысле, как неустойчивые психопаты: там люди идут за ярким примером этой среды, за «пороком»,

а здесь, напротив, — за благонаравием. Конституционально-ограниченные психопаты всегда консерваторы; из естественного чувства самозащиты они держатся за старое, к которому привыкли и к которому приспособились, и боятся всего нового. Это — те «нормальные» люди, о которых Кюльер говорил, что в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей (*demi-fous*), цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности. Это те «нормальные» люди, которых Ферри сравнивает с готовым платьем из больших магазинов; здесь действует только закон подражания. (...)

К конституционально-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие места или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец — правда, в шаржированном, карикатурном виде — изречения Козьмы Пруtkова). Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований. Не лишнее подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституциональной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они *могут, умеют* больше, чем *знают*..., в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди.

Наконец, нельзя не упомянуть здесь также и об отношении, существующем между психопатией и гениальностью (или высокой одаренностью). Здесь надо исходить из того факта, что в нерезко выраженной форме те или другие психопатические особенности присущи почти всем и «нормальным» людям. Как правило, чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Немудрено, что среди людей высокоодаренных, с богато развитой эмоциональной жизнью и легко возбудимой фантазией количество несомненных психопатов оказывается довольно значительным. Чтобы правильно оценить это обстоятельство, надо еще помнить, что в создании гениального произведения принимают участие два фактора: среда (эпоха) и творческая личность. Что многие психопаты именно благодаря своим психопатическим особенностям должны быть гораздо более чуткими к запросам эпохи, чем так называемые нормальные люди, после сказанного понятно само собой. Историю интересует только творение и, главным образом, те его элементы, которые имеют не личный, индивидуальный, а общий, непреходящий характер, Творческая личность, отступая перед историей на задний план,

278

по своей биологической ценности вовсе не должна обязательно иметь то же положительное значение, какое объективно принадлежит в соответствующей области ее творению. Спор о том, представляет ли гениальная личность явление дегенерации или прогенерации, по существу бесплоден и является в значительной мере результатом незакономерного смешения биологической и социологической точек зрения.

Стендаль (Stendhal)/псевдоним; наст. имя и фамилия Анри Мари Бейль (Beyle)/(23 января 1783—23 марта 1842) — французский писатель, сторонник философии просвещения. Подлинную славу Стендалю принесло его мастерство глубоко реалистического описания тончайших душевных движений человека («Красное и черное», 1831), социальная острота гротеска («Люсьен Левей», 1836), поиск сильных и цельных характеров («Пармская обитель», 1839; «Итальянские хроники, 30-е гг.»), сатирический показ современного ему французского аристократического и буржуазного общества («Записки туриста», 1838).

В настоящий сборник включены извлечения из трактата Стендаля «О любви» (1822), который явился одним из первых в европейской литературе опытов конкретно-психологического анализа сложных феноменов духовной жизни человека.

Литература: Прево Ж. Стендаль. М.-Л., 1960; Ф р и д Я. Стендаль. Очерк жизни и творчества, 2-е изд. М., 1967; Ре изо в Б. Г. Стендаль. Годы учения. Л., 1968; его же: Стендаль. Философия истории. Политика. Эстетика. Л., 1974.

Стендаль

О ЛЮБВИ'

Глава 1

Я пытаюсь дать себе отчет в этой страсти, всякое искреннее проявление которой носит печать прекрасного. Есть четыре рода любви:

1. Любовь-страсть: любовь португальной монахини², любовь Элоизы к Абеляру, любовь капитана Везеля, любовь жандарма в Ченто.
2. Любовь-влечение, которое царило в Париже в 1760 году и которое можно найти в мемуарах и романах этого времени — у Кребильона, Лозена, Дюкло, Мармонтеля, Шамфора, г-жи д'Эпине и т. д., и т. д.

Это картина, где все, вплоть до теней, должно быть розового цвета, куда ничто неприятное не должно вкрасться ни под каким предлогом, потому что это было бы нарушением верности обычаю, хорошему тону, такту и т. д. Человеку хорошего происхождения заранее известны все приемы, которые он употребит и с которыми столкнется в различных фазисах этой любви; в ней нет ничего страстного и непредвиденного, и она часто бывает изящнее

' Стендаль. Собр. сочинений в 15 томах, т. 4. М., 1959, с. 363—386. ² Стендаль имеет в виду «Письма португальской монахини» — собрание пылких любовных писем монахини Марианны Алькафорато, изданное в 1669 г.

280

настоящей любви, ибо ума в ней много; это холодная и красивая миниатюра по сравнению с картиной одного из Каррачи, и в то время, как любовь-страсть заставляет нас жертвовать всеми нашими интересами, любовь-влечение всегда умеет принаравливаться к ним. Правда, если отнять у этой бедной любви тщеславие, от нее почти ничего не останется; лишенная тщеславия, она становится выздоравливающим, который до того ослабел, что едва может ходить.

3. Физическая любовь.

Подстеречь на охоте красивую и свежую крестьянку, убегающую в лес. Всем знакома любовь, основанная на удовольствиях этого рода; какой бы сухой и несчастный характер ни был у человека, в шестнадцать лет он начинает с этого.

4. Любовь-тщеславие.

Огромное большинство мужчин, особенно во Франции, желают обладать и обладают женщинами, которые в моде, как красивыми лошадьми, как необходимым предметом роскоши молодого человека;

более или менее польщенное, более или менее возбужденное, тщеславие рождает порывы восторга. Иной раз, но далеко не всегда, тут есть физическая любовь; часто нет даже физического удовольствия. «В глазах буржуа герцогине никогда не бывает больше тридцати

лет», — говорила герцогиня де Шон, а люди, близкие ко двору короля Людовика Голландского, этого справедливого человека, до сих пор еще улыбаются, вспоминая об одной хорошенькой женщине из Гааги, не решавшейся не найти очаровательным мужчину, если он был герцог или принц. Но, соблюдая верность монархическому принципу, она, едва лишь при дворе появлялся принц, тотчас давала отставку герцогу. (...)

Г л а в а II. О зарождении любви

Вот что происходит в душе:

1. Восхищение.

2. Человек думает: «Какое наслаждение целовать ее, получать от нее поцелуй!» и т. д.

3. Надежда.

Начинается изучение совершенства; чтобы получить возможно большее физическое наслаждение, женщине следовало бы отдаваться именно в этот момент. Даже у самых сдержанных женщин глаза краснеют в миг надежды; страсть так сильна, наслаждение настолько живо, что оно проявляется в разительных признаках.

4. Любовь зародилась.

Любить — значит испытывать наслаждение, когда ты видишь, осязаешь, ощущаешь всеми органами чувств и на как можно более близком расстоянии существо, которое ты любишь и которое любит тебя.

5. Начинается первая кристаллизация.

Нам доставляет удовольствие украшать тысячью совершенств

женщину, в любви которой мы уверены; мы с бесконечной радостью перебираем подробности нашего блаженства. Это сводится к тому, что мы преувеличиваем великолепное достояние, которое упало нам с неба, которого мы еще не знаем и в обладании которым мы уверены.

Дайте поработать уму влюбленного в течение двадцати четырех часов, и вот что вы увидите. В соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами;

даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать.

То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами.

Путешественник рассказывает о прохладе апельсиновых рощ в Генуе, на берегу моря, в знойные дни; как приятно вкушать эту прохладу вместе с нею!

Один из ваших друзей сломал себе на охоте руку; как сладостно пользоваться уходом женщины, которую любишь! Быть всегда с ней и непрерывно видеть, что она любит тебя; да это заставило бы чуть ли не благословлять страдание! И, взяв за отправную точку сломанную руку друга, вы перестаете сомневаться в ангельской доброте возлюбленной. Одним словом, достаточно подумать о каком-нибудь достоинстве, чтобы найти его в любимом существе.

Это явление, которое я позволяю себе назвать *кристаллизацией*, исходит от природы, повелевающей нам наслаждаться и заставляющей кровь приливать к мозгу от чувств, что наслаждения усиливаются вместе с увеличением достоинств предмета нашей любви, о котором мы думаем: «Она моя». Дикарь не успевает ступить дальше первого шага. Наслаждение он испытывает; но деятельность его мозга тратится на погоню за ланью, которая убегает в лес, между тем как он должен как можно скорее восстановить свои силы с помощью ее мяса, чтобы не погибнуть от секиры врага.

На вершине цивилизации, я не сомневаюсь, женщины с нежной душой доходят до того, что испытывают физическое удовольствие только с мужчинами, которых они любят³. Это полная противоположность дикарю. Но у цивилизованных народов женщины пользуются досугом, а дикари так поглощены своими делами, что им приходится обращаться со своими самками, как с выючными животными. Если самки многих животных более счастливы, то лишь потому, что самцы их более обеспечены всем необходимым.

Но оставим леса и вернемся в Париж. Страстный человек видит в любимом существе все совершенства; однако внимание

³ Если эта особенность не наблюдается у мужчин, то это происходит оттого, что им не приходится жертвовать с-щдливостью ради одного мгновения.

282

его еще может рассеяться, ибо душа пресыщается всем, что однообразно, даже полным счастьем⁴.

Вот что происходит тогда для фиксации внимания:

6. Рождается сомнение.

После десяти-двенадцати взглядов или любого другого ряда действий, которые могут продолжаться либо один миг, либо несколько дней, — действий, сперва вселивших, а потом и укрепивших надежду, влюбленный, опомнившись после первой минуты удивления и привыкнув к своему счастью или следуя теории, всегда основывающейся на наиболее распространенных случаях и потому касающейся лишь доступных женщин, влюбленный, говорю я, требует более реальных доказательств и жаждет ускорить свое счастье.

Если он выказывает чрезмерную самоуверенность, ему противопоставляют равнодушие⁵, холодность или даже гнев; во Франции — легкую иронию, которая как будто говорит: «Вам

кажется, что вы достигли большего, чем это есть на самом деле». Женщина ведет себя так либо потому, что она пробуждается от мгновенного опьянения и повинуется стыдливости, либо потому, что боится насилия, либо просто из осторожности или кокетства.

Влюбленный начинает сомневаться в счастье, казавшемся ему близким; он строго пересматривает основания для надежды, которые ему чудились.

Он хочет вознаградить себя другими радостями жизни и обнаруживает их исчезновение. Боязнь ужасного несчастья овладевает им, а вместе с этой боязнью появляется и глубокое внимание.

7. Вторая кристаллизация.

Тогда начинается вторая кристаллизация, образующая в качестве алмазов подтверждение мысли:

«Она меня любит».

Каждый четверть часа ночи, наступающей после зарождения сомнений, пережив минуту страшного горя, влюбленный говорит себе: «Да, она меня любит»; и кристаллизация "работает над открытием новых очарований; потом сомнение с блуждающим взором овладевает им и резко останавливает его. Грудь его забывает дышать; он спрашивает себя: «Но любит ли она меня?». Во время всех этих мучительных и сладостных колебаний бедный влюбленный живо чувствует: «Она дала бы мне наслаждение, которое может дать только она одна во всем мире».

Именно очевидность этой истины, эта прогулка по самому краю ужасной бездны и в то же время соприкосновение с полным счастьем дает такое преимущество второй кристаллизации над первой.

⁴ Это значит, что один и тот же оттенок жизни дает лишь мгновение полного счастья, но поведение страстного человека меняется по десять раз в день.

⁵ То, что романы XVII века называли *внезапной вспышкой*, решающей судьбу героя и его возлюбленной, есть движение души, затасканное бесконечным числом бумагомарателей, но от этого не менее существующее в природе; оно происходит от невозможности долго вести оборону Любящая женщина слишком счастлива чувством, которое она испытывает, чтобы быть в состоянии искусно притвориться;

благоразумие ей надоедает, она пренебрегает всякой осторожностью и слепо отдается счастью любви. Недоверие делает внезапную вспышку невозможной.

Влюбленный непрерывно блуждает между тремя мыслями:

1. В ней все совершенства.
2. Она меня любит.
3. Как добиться от нее величайшего доказательства любви, какое только возможно?

Самый мучительный миг еще молодой любви тот, когда влюбленный замечает, что им сделано неправильное умозаключение и приходится разрушать целую гроздь кристаллов. Он начинает сомневаться в самой кристаллизации. (...)

Глава IV.

В душе совершенно не затронутой, у молодой девушки, живущей в уединенном замке, в деревенской глуши, легкое удивление может перейти в легкий восторг, и, если появится еще хоть самая незначительная надежда, она породит любовь и кристаллизацию.

В этом случае любовь привлекает прежде всего своей занимательностью.

Удивлению и надежде сильнейшим образом способствует потребность в любви и в тоске, свойственная шестнадцатилетнему возрасту. Достаточно известно, что беспокойство в такие годы есть жажда любви и что отличительным признаком этой жажды служит отсутствие чрезмерной взыскательности к происхождению напитка, предложенного случаем.

Перечислим еще раз семь периодов любви; это:

1. Восхищение.
2. Какое наслаждение и т. д.
3. Надежда.
4. Любовь родилась.
5. Первая кристаллизация.
6. Появляются сомнения.
7. Вторая кристаллизация.

Может пройти год между № 1 и № 2.

Месяц — между № 2 и № 3; если надежда не спешит на помощь, человек незаметно для себя отказывается от № 2, как от чего-то приносящего несчастье.

Мгновение ока — между № 3 и № 4.

Промежутка между № 4 и № 5 нет. Их может разделять только наступившая близость.

Между № 5 и № 6 может пройти несколько дней в зависимости от степени настойчивости и от склонности человека к дерзанию;

промежутка нет между № 6 и 7. (...)

Глава VI. Зальцбургская ветка

Кристаллизация в любви почти никогда не прекращается. Вот ее история. Пока еще не наступила близость с любимым существом, налицо кристаллизация *воображаемого разрешения*:

284

только воображением вы уверены, что данное достоинство существует в женщине, которую вы любите. После наступления близости непрерывно возрождающиеся опасения удастся разрешить более действительным образом. Таким образом, счастье бывает однообразно только в своем источнике. У каждого дня свой особый цветок.

Если любимая женщина уступает испытываемой страсти и, совершая огромную ошибку, убивает опасения пылкостью своих порывов⁶, кристаллизация на время приостанавливается, но, теряя отчасти свою напряженность, то есть свои опасения, она приобретает прелесть полной непринужденности, безграничного доверия; сладостная привычка скрадывает все жизненные горести и придает наслаждениям повышенный интерес.

Если вас покинули, кристаллизация начинается опять, и каждый акт восхищения, вид-каждой формы счастья, которое она может дать и о котором вы уже больше не помышляли, приводит к мучительной мысли: «Это столь пленительное счастье *никогда* уже не вернется ко мне! И я утратила его по собственной вине!» Если вы ищете счастья в

ощущениях иного рода, ваше сердце отказывается воспринять их. Правда, фантазия ваша рисует реальные картины; она сажает вас на быстрого коня и мчит на охоту в Девонширские леса⁷, но вы видите, вы с очевидностью чувствуете, что это не доставило бы вам ни малейшего удовольствия. Вот оптический обман, который приводит к выстрелу из пистолета.

В игре есть тоже своя кристаллизация, вызванная предполагаемым употреблением денег, которые вы выиграете. (...)

У ненависти есть своя кристаллизация: стоит лишь появиться надежде на месть, как снова вспыхивает ненависть.

Если всякое верование, в котором есть что-то *противоразумное* или *недоказанное*, всегда стремится избрать своего главу среди самых неразумных людей, это опять-таки одно из следствий кристаллизации. Кристаллизация есть даже в математике (вспомним ньютонианцев 1740 года), в умах людей, которые не в состоянии в любой момент представить себе всех звеньев доказательства того, во что они верят.

Чтобы убедиться в этом, проследите судьбу великих немецких философов, бессмертие которых, провозглашавшееся столько раз, никогда не длилось больше тридцати или сорока лет. (...)

Глава X.

В доказательство кристаллизации я расскажу лишь следующий случай⁸.

Молодая девушка слышит разговоры о том, что Эдуард, родственник ее, возвращающийся из армии, — юноша, обладающий

⁶ Диана де Пуатье в «Принцессе Клевскон».

⁷ Ибо, если бы вы могли представить себе в этом счастье, кристаллизация дала бы вашей возлюбленной исключительную привилегию доставлять вам это счастье.

⁸ Эмполи, июнь 1819.

285

величайшими достоинствами; ее уверяют, что он влюбился в нее по рассказам, но что, по всей вероятности, он захочет увидеться с ней перед тем, как объяснить и попросить у родителей ее руки. В церкви она обращает внимание на молодого приезжего, слышит, что его называют Эдуардом, думает только о нем, влюбляется в него. Неделью спустя приезжает настоящий Эдуард — не тот, которого она видела в церкви; она бледнеет и будет несчастна всю жизнь, если ее заставят выйти за него.

Вот что нищие духом называют одним из безрассудств любви.

Великодушный человек осыпает несчастную молодую девушку самыми утонченными благодеяниями; лучше быть нельзя, и любовь вот-вот должна родиться; но у него плохо выложенная шляпа, и он неуклюже ездит верхом; молодая девушка признается себе, вздыхая, что она не может ответить на его чувства.

Человек ухаживает за добродетельнейшей светской женщиной;

она узнает, что в прошлом у него были смешные физические неудачи: он становится невыносим ей: Между тем у нее не было ни малейшего намерения когда-либо отдаться ему, и эти тайные неудачи нисколько не умаляют ни ума его, ни его любезности. Просто-напросто кристаллизация стала невозможной.

Для того, чтобы человеческое сердце могло с восторгом приняться за обожествление любимого существа, где бы оно ни предстало ему, в Арденском лесу или на балу Кулона⁹, оно прежде всего должно показаться влюбленному совершенным не во всех возможных отношениях, а в тех отношениях, которые он наблюдает в данный момент; оно покажется ему совершенным во всех отношениях лишь после нескольких дней второй кристаллизации. Весьма понятно: в этом случае достаточно подумать о каком-нибудь совершенстве, чтобы увидеть его в любимом существе.

Ясно, почему *красота* необходима для рождения любви. Нужно, чтобы безобразие не представляло препятствия. Вскоре любовник начинает находить красивой свою возлюбленную такую, какая она есть, не думая нисколько *об истинной красоте*.

Черты истинной красоты обещали бы ему, если бы он их увидел, — да позволено мне будет так выразиться, — количество счастья, которое я обозначил бы единицей, а черты его возлюбленной — такие, какие они есть, — обещают ему тысячу единиц счастья.

Для рождения любви красота необходима, как *вывеска*; она предрасполагает к этой страсти похвалами, расточаемыми в нашем присутствии той, которую мы должны полюбить. Очень сильный восторг придает решающее значение малейшей надежде.

В любви-влечении и, может быть, в первые пять минут любви-страсти женщина, которая заводит любовника, больше считается с представлением о нем других женщин, чем со своим собственным.

Отсюда успех принцев и военных. (...)

⁸ Арденский лес — место действия комедии Шекспира «Как вам это понравится», которую Стендаль очень любил.

⁹ Кулоны — семья знаменитых танцоров в эпоху Империи и Реставрации. Один из них открыл танцевальный зал.

Содержание

В. К. Виллюнас

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИИ
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ) 3

Б. Спиноза

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРИРОДЕ АФФЕКТОВ 29

и. Вундт

[ПСИХОЛОГИЯ ДУШЕВНЫХ ВОЛНЕНИЙ] 47

Н. Грот

ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВОВАНИЙ 64

У. Джеймс

ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИЯ? 83

Э. Клапаред

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ 93

У. Макдауголл

РАЗЛИЧИЕ ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА 103

Ф. Крюгер

СУЩНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ 108

Ж.-П. Сартр

ОЧЕРК ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ 120

Р. У. Липер

МОТИВАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИИ 138

С. Л. Рубинштейн

ЭМОЦИИ (W2)

А. Н. Леонтьев

ПОТРЕБНОСТИ. МОТИВЫ И ЭМОЦИИ 162

П. К. Анохин

ЭМОЦИИ 172;

П. В. Симонов

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ 178

А. Бергсон

СМЕХ 186

П. Жане

СТРАХ ДЕЙСТВИЯ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЛАНХОЛИИ 192

3. Фрейд

ПЕЧАЛЬ И МЕЛАНХОЛИЯ 203

Э. Линдемманн

КЛИНИКА ОСТРОГО ГОРЯ 212

Я- М. Калашиник

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ 220

А. Р. Лурия

(ДИАГНОСТИКА СЛЕДОВ АФФЕКТА] 228

К. Роджерс

ЭМПАТИЯ 235

/С. Г. Юнг:

[ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ] (^238,

П. Б. Ганнушкин

[ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ПРИ ПСИХОПАТИЯХ)

..... 252

Стендаль

о ЛЮБВИ эдо

психология эмоции.

Тексты

Под редакцией В. /С. Виллюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер

Зав. редакцией Г. С. Ливанова Редактор Г. П. Баркова Художник Е. А. Михельсон

Художественный редактор // Ю. Калмыкова

Технические редакторы З. С. Кондрашова, Е. Д. Захарова

Корректоры М. И. Эльмус. И. Л. Демин

Тематический план 1984 г. № 42 ИБ № 1598

Сдано в набор 26.07.83.

Подписано к печати 21.02.84.

Л-78767. Формат 60х90'/16' Бумага тип. № 3.

Гарнитура литературная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 20,2.

Тираж 87000 экз. Заказ **1355**

Цена в обложке — ! р. 30 к., в переплете № 5 —

1 р. 40 к. Изд. № 2188.

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома, Москва, 109088, Южнопортовая ул.. 24.